

КОНДРАТЕНКО

Сергей
Куличкин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Если можно говорить о подвижничестве применительно к военному человеку, то Роман Исидорович Кондратенко — герой обороны Порт-Артура — и был безукоризненным образцом воина-подвижника. Такими людьми на протяжении веков питался высокий боевой дух, патриотический потенциал русской армии. Такие, как он, неустанно формировали, проводили в жизнь незыблемые понятия о чести, мужестве, благородстве, находчивости русского солдата, офицера, полководца.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Сергей Куличкин](#)
 -
 -
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)

- [ЭПИЛОГ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ](#)
- [INFO](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ
Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

Сергей Куличкин

КОНДРАТЕНКО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Рецензент член СП СССР Ю. М. ЛОЩИЦ

В книге использованы архивные фотоматериалы.

© Издательство «Молодая гвардии, 1989

Осень 1905 года на юге была теплой, обильной и шумной. В Одессе по-летнему парило, город сиял белизной домов и платьев отдыхающих. Но, несмотря на это, сентябрь неуловимо напоминал людям о чем-то суровом, по-осеннему тяжелом. Дыхание революции принесло в город восстание моряков «Потемкина». Бастовали рабочие фабрик, портовики, служащие. И даже в музыке бравурных маршей военных оркестров, встречающих на пирсе вернувшихся из японского плена солдат и матросов последней войны, звучала настороженность, щемящая, берущая за сердце обывателей.

Война, закончившаяся для Российской империи столь бесславно, еще напоминала о себе, вызывала чувство справедливого негодования на виновников гибели тысяч людей и национального позора. Война показала не только беспомощность руководителей войск. Именно война со всей своей суровостью обнажила язвы, уже давно разъедавшие страну. И все-

таки, несмотря на бездарность высшего командования, несмотря на трусость, а порой и открытое предательство некоторых генералов, русский солдат уже в который раз поразил всех своей силой и стойкостью. Этой осенью многие возвращались из плена, но не сломленные, а с сознанием выполненного долга.

А скольким не суждено было вернуться! Горько становилось оттого, что среди погибших героев были и те, чья утрата становилась невозполнима.

Горожанин, оказавшийся 12 сентября 1905 года на перроне одесского вокзала, мог увидеть царившее здесь необычное оживление. Вдоль платформы была выстроена сводная рота саперного батальона, сверкала медь духового оркестра, легкий ветерок колыхал яркие развернутые полотнища знамен. Штатские и военные стояли группами. Ждали поезда из Полтавы, с которым ехала вдова генерала Романа Исидоровича Кондратенко, человека, ставшего в последней войне гордостью русской армии.

Вот из-за поворота вынырнуло черное тело паровоза. Паровоз засвистел, сбавил ход, тяжело задышал, выпуская клубы пара, и медленно потянул цепочку вагонов вдоль перрона. Оркестр грянул встречный марш. Поезд встал. Обгоня торжественно-неторопливую делегацию военных и штатских, к одному из вагонов подбежал молодой офицер. В тот момент, когда дверь открылась, на перрон выпрыгнул проводник, а в дверях показалась невысокая женщина в черном. Офицер подал ей руку и, когда та легко сошла на перрон, отошел в сторону, отдавая честь. К даме, на ходу снимая фуражку и семена, быстро приблизился генерал-майор М. И. Глаголев.

После небольшой приветственной речи делегация с вдовой генерала вошла в вагон, где Надежде Дмитриевне были переданы пакет с бумагами мужа, найденными в Порт-Артуре, в квартире генерала. Бумаги обнаружил занявший квартиру японский офицер и передал их русскому командованию — в японской армии имя Кондратенко пользовалось большим уважением и популярностью.

Так началась в огромной, охваченной предреволюционными событиями стране неделя памяти героя обороны Порт-Артура генерала Кондратенко, прах которого возвращался на родину.

Прибытие парохода «Мюнхен» ожидали пятнадцатого или шестнадцатого числа, но пришло известие, что в Суэцком канале потерпел крушение пароход «Читам», на время прервалось движение, и «Мюнхен» пришел в Одессу глубокой ночью шестнадцатого.

Всю ночь на палубе парохода не прекращалась работа, а в порт стекались толпы. Шли, четко печатая шаг, войска, шел простой люд с Молдаванки и Пересыпи, шли оставшиеся в живых и перенесшие тяготы плена соратники погибшего генерала. Для них это был не просто боевой генерал, но и верный товарищ, отец, брат, жизнь свою прошедший в одном строю с тысячами людей в серых шинелях, знавший их чаянья, любивший их, с гордостью носивший звание русского солдата. Они шли, чтобы встретить его в последний раз и проводить в последний путь здесь, на русской земле.

Вся Царская пристань была заполнена народом. Сверкали идеальной чистотой суда, окружавшие небольшой пароход. Возвышенности над портом и железнодорожная эстакада были усеяны людьми. В воздухе стояла напряженная тишина.

Гроб с останками был извлечен из трюма и установлен на палубе. Ощетинившись тускло поблескивающими штыками, в траурном молчании застыл у гроба караул из унтер-офицеров 205-го Измаильского полка. У сходней на набережную выстроились для отдания чести и сопровождения гроба батальон и батарея из четырех орудий со знаменем и оркестром.

Солдаты тихо перешептывались, вглядывались в груды венков на палубе, скрывающую большой черный гроб, разглядывали поставленный напротив сходней лафет, который уже здесь, на пристани, ночью подкрашивали солдаты 15-й артиллерийской бригады.

Напряжение ожидающих было так велико, что мало кто заметил прибытие к пароходу вдовы генерала с сыном и родственниками. В семь часов утра они молчаливым кругом замерли у лафета. Торжественная церемония началась только через три часа.

С речью выступил временно командующий войсками округа генерал Н. А. Протопопов. Говорил он тихо, неторопливо, но последнюю фразу, которую генерал почти выкрикнул, услышали все:

— Хотя доблестный герой и умер, но память о нём живет в русской армии. Мир его праху, преклонимся перед ним...

Толпа колыхнулась. Стоящие у гроба опустились на колени. Пронзительно заскрипела пароходная лебедка, медленно опуская гроб на пушечный лафет, но оркестр грянул «Коль славен» и заглушил этот скрип. Почетный караул отдал честь.

Шестерка запряженных в лафет лошадей тихо заржала. Процессия двинулась через город. Яркое солнце освещало ей путь от гавани до вокзала. 20-го в восемь утра траурный поезд отошел от перрона.

И отправился генерал Кондратенко в свою последнюю дорогу по

русской земле.

В Елизаветграде, несмотря на раннее время и непогоду — было три часа утра и шел жестокий ливень, — на перроне было много народа. Снова панихида, речи, венки — от кавалерийского училища, таганрогского пехотного и донского казачьего полков, от городской думы и рабочих завода Эльворти.

Так на всем пути: в Кременчуге и Полтаве, в Ромнах, Минске, Вильно.

«Печально и торжественно встретил Петербург останки Романа Исидоровича Кондратенко», — писало «Новое время» — единственная газета, вышедшая в тот день. Бастовали печатники. Давно не видел Петербург такого. На Знаменской площади, на Невском и площади Лавры — люди. Тысячи людей. На Николаевский вокзал и в Невский монастырь пускали только по билетам. Столица погрузилась в траур.

К половине девятого утра Знаменская площадь покрылась яркими красками военных мундиров. Кругом площади шпалерами выстроились войска. От ворот вокзала протянулась стройная линия кавалерии. Блестели каски кавалергардов и конногвардейцев, чернели, отсвечивая малиновым верхом, папахи казаков. Строго под прямым углом к ним примкнули воспитанники военных учебных заведений: пажи и юнкера Павловского военного училища, Николаевского кавалерийского, чернели линии кадет столичных корпусов. Напротив кадет застыли солдаты-гвардейцы: роты преображенцев, семеновцев, Измайловского и Егерского полков. Завершая четырехугольник, тылом к вокзалу стала сводная рота Морского корпуса.

А на вокзальном дворе почетный караул — рота Николаевского инженерного училища, батальон лейб-гвардии Преображенского полка и четыре орудия лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Ветер оглушительно хлопал тяжелыми намокшими полотнищами знамен.

Весь проход с вокзальной платформы до самого двора был задрапирован черной с белым материей и убран понизу хвойными ветками. На платформе, в том месте, куда должен подойти траурный вагон, устроили своеобразную нишу, у стены — икона с подсвечником перед ней, еще один подсвечник у катафалка. И везде зелень хвойных веток.

На платформе не повернуться: военные, штатские.

На перроне нет свободного места, а делегации все шли и шли, стекались представители полков, министерств, иностранные и русские корреспонденты. Приехали бывшие защитники Порт-Артура. Они стояли вместе, моряки и пехотинцы: капитан 1-го ранга Эссен, лейтенанты Подгурский и Чагин. Среди мохнатых маньчжурских папах офицеров-артурцев возвышалась фигура ближайшего соратника Кондратенко

генерала Горбатовского.

Часы на вокзальной башне пробили десять. Не успели отзвучать их удары, как медленно подошел траурный вагон. Все обнажили головы. Дождь внезапно перестал. В траурной тишине торжественно понеслись скорбные звуки. Певчие запели «Святой боже». Гроб поставили на возвышение среди цветов и зелени. И потянулись депутации с венками. Движение было почти невидимым и совсем замирало у катафалка, где небольшой группой стояли родственники. Вся в черном, низко опустив голову и опираясь на руку отца, стояла Надежда Дмитриевна. По другую сторону от нее брат мужа, его друг и учитель Елисей Исидорович, а впереди дети: девятилетний мальчик и девочки-двойняшки семи лет. Мальчик стоял вытянувшись, руки по швам, и только полные слез глаза да покрасневшие от холода руки, теребящие кант форменных штанов, выражали его волнение. Девочки, напротив, казалось, не понимали всего происходящего. На их лицах было написано удивление и любопытство, которое особенно вызывали у них два огромных унтер-офицера лейб-гвардии Саперного батальона, стоящие в карауле у катафалка.

Депутации окончили возложение венков. Тут же их под пение «Святой боже» стали разбирать. Гроб подняли на плечи бывшие солдаты портартурцы, вынесли во двор и бережно поставили на орудийный лафет. Певчие умолкли. Опять зарядил морозящий дождь.

Молчание длилось недолго. Едва показался гроб, возвышающийся на плечах солдат, войска взяли «на караул». Оркестр заиграл «Коль славен».

На Знаменской площади позади шпалер войск колыхнулась тысячная толпа. Начиная от церкви Знамения и далеко по Лиговке все крыши, балконы и окна были запружены народом. На тумбах, на фонарных столбах, на пролетках извозчиков, на империсалах конок, даже на колокольне Знаменской церкви — везде обнаженные головы.

Звуки «Коль славен» сменились похоронным маршем. Из ворот вокзала показалась голова траурной процессии. Впереди духовенства семь офицеров несли на подушках ордена покойного. Первым на малиновом бархате белел Георгиевский крест.

Высоко на лафете возвышался покрытый серебряной парчой гроб с приколотой наверху папахой. За гробом — густая масса военных. Пестреют уланские кивера, конногвардейские каски, папахи, фуражки южных округов, морские и гражданские треуголки. За гробом вели под уздцы боевого коня.

Процессия растянулась. Певчие были уже у ворот Лавры, а замыкавшие шествие войска только выходили с вокзала. Везде цветы,

хвойные ветки. Десять колесниц везли более двухсот венков.

Более четырех часов длилась печальная церемония. Но вот в Александро-Невской лавре, неподалеку от Исидоровской церкви, возле самой кладбищенской ограды появился холмик земли с простым белым крестом, а на нем надпись: «Начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Кондратенко Роман Исидорович. Родился 30 сентября 1857 года. Убит при обороне Порт-Артура 2 декабря 1904 года».

Смолкли траурные звуки оркестра, разошелся народ, только небольшая кучка людей все еще стояла у могилы. Офицеры и солдаты портартурцы в мохнатых папахах, с малиновым кантом на погонах. Многие из них были на костылях, с пустыми рукавами шинелей...

Для них под этим небольшим холмиком нашел вечный покой самый понятный и близкий человек.

Позже на могиле появится величественный памятник, но еще тогда, у белого креста, соратникам Кондратенко было ясно, что потомки не забудут прославленного генерала.

ЧАСТЬ I

Глава 1

ДЕТСТВО

В большой котловине, окруженной с юга и востока Махатским и Салалакским хребтами, а с запада горой Мтацминда, раскинулся старый Тифлис. Только с севера открыт он ветрам. Спускаясь с большого Кавказского хребта, они очищают городской воздух, делают его прозрачным и невесомым. Прихотливо делит город надвое бурная и капризная Кура. Один из старейших городов — Тифлис. Название свое он получил от горячих источников. Предание гласит, что более полутора тысяч лет назад, там, где располагается ныне Тифлис, было небольшое село, окруженное густым лесом. Грузинский царь охотился в его окрестностях и ранил оленя. Животное бросилось к одному из горячих источников, которыми изобилвала местность, обмыло кровоточащие раны и как ни в чем не бывало исчезло в лесной чаще. Царь был так поражен, что умылся этой водой и выкупал в ней коня. А потом приказал заселить это место и назвал его Тбилиси. «Тбили» — по-грузински — теплый.

Грузинские летописи приписывают основание города царю Вахтангу Гаргасалюну, который построил город и разделил его на три части: собственно Тобелиси — нынешний центр, Калиеи — крепостную часть и Исани — поселение на другом берегу реки.

С тех легендарных пор рос и богател Тифлис. В начале четвертого века резиденция царей Грузии была перенесена из Мцхета в Тифлис и город стал столицей страны. С тех пор многое испытали его жители. Тифлис разрушался хазарами, гуннами, персами, византийцами, арабами, монголами, турками и другими завоевателями в общей сложности около тридцати раз. В 1795 году, за пять лет до присоединения Грузии к России, город был разрушен персами до основания, более трех тысяч жителей завоеватели истребили, многих увели в плен, и уцелевшие укрылись в окрестностях некогда блестящей столицы. Это был последний погром. Он был чудовищен и по своей жестокости мог сравниться разве что с нашествием великого хромца Тимура. Тот перед уходом из полностью разрушенного Тифлиса приказал собрать со всего города подростков, уложить их на гумнах, а затем пройтись по ним своей дикой кавалерии. Некоторые из завоевателей надолго водворялись в городе и налагали на него неизгладимую печать своего присутствия. Поэтому Тифлис и поражает нового человека своими контрастами. Старый город так и дышит

Востоком и всеми несовершенствами азиатских поселений, а новый начал подниматься и оформился к концу XIX века.

Здесь, в Новотроицком поселении, на окраине города, в небольшом доме, представляющем собой странную смесь азиатской и русской постройки, 30 сентября 1857 года в семье военного родился будущий герой Роман Исидорович Кондратенко.

Отец его, Исидор Денисович Кондратенко, происходил из бедных землевладельцев-поселян Екатеринославской губернии, многие из которых селились в начале века на плодородных землях Северного Кавказа, но чаще так и не уживались на них. Постоянные набеги горцев, суровая пограничная обстановка отрывали поселенцев от мирного земледельческого труда и превращали в воинов. Иные становились солдатами на время, а многие и навсегда.

Исидор Денисович, попав однажды в Крымский пехотный полк, остался в армии надолго, служил нижним чином в различных частях. Человек незаурядной личной храбрости, пытливого ума, он не раз отмечался командованием и, наконец, был произведен в офицеры. Как командир, Исидор Денисович отличался хладнокровием, умением рассмотреть сильные и слабые стороны подчиненных. И немудрено. Он сам долгое время находился в их рядах, потому видел в своих солдатах не просто слепых исполнителей командирской воли, но знающих свое место в бою людей, наделенных большим жизненным опытом и смекалкой. Уважение к солдату, забота о нем в сочетании с высокой требовательностью сделали его настоящим командиром.

Закончил службу Исидор Денисович в Тифлисском гарнизонном батальоне. Вышел в отставку майором. Здесь он и женился на Марии Филипповне Соколовой, уроженке города Москвы.

Личных средств он не имел. Жил только на небольшую пенсию. Семья отставного майора постоянно была на грани бедности, да и как иначе: детей-то целый десяток. Роман был десятым, последним ребенком. В доме Кондратенко все трудились с раннего утра. Дети вырастали в убеждении, что труд — главное в жизни человека. Привитое с детства трудолюбие будет сопровождать их всю жизнь, помогая бороться с невзгодами.

С шести лет начал Роман разносить по базару и улицам холодную воду. Воды в Тифлисе мало, а в жаркий летний день жажда людей не оставляет. Тут-то и подворачивается прохожему мальчик с кувшином холодной воды. Дают ему копейку. Немного он зарабатывает, но как-никак, тоже помощник семье.

Роман растет без особого присмотра, и никто его не заставляет носить

воду по улицам, но он считает себя не маленьким: видит, с каким трудом дается семье каждая копейка, вот и старается помочь чем может.

Дома Романа ждали другие заботы. Отец уже давно болел, а вскоре и совсем слег. Болезнь его поглощала все скудные средства семьи. Как знать, что бы с ними стало без старшего брата Елисея, который в 1848 году, в неполные двенадцать лет был определен в недавно открытую наместником Кавказа князем Воронцовым школу кавказских межевщиков, которую окончил через пять лет и был выпущен с чином. Высокие выпускные баллы, уважение преподавателей позволили ему остаться в этой же школе учителем. Жил он у отца, и только его скромное жалованье помогало семье сводить концы с концами.

Роману было три года, когда Елисей уехал по делам службы в Петербург и вернулся оттуда, да не один, а с женой Юлией Васильевной.

Появление этой быстрой в движениях, очень деятельной женщины в семье отставного майора было сравнимо разве что с чудом. Она вновь вдохнула жизнь в погасающий очаг. Все были от нее без ума. Родители поражались сочетанием в ней образованности и простоты. Тому, как естественно и быстро вошла она в их семью. Бедность не испугала, не оттолкнула молодую женщину. Дети любили тетю Юлю, как мать. Несмотря на занятость, она всегда находила время поиграть с маленькими, помочь в учебе старшим. Да и финансовое положение семьи улучшилось. Юлия Васильевна, урожденная Таннер, имела хорошие средства. Дочь богатых родителей, она до двенадцати лет училась в одном из лучших пансионов столицы. После смерти матери отец отвез ее в Ганновер, где она и закончила образование в одном из женских учебных заведений. Юлия Васильевна владела немецким, французским и английским языками, играла на рояле, пела и весьма недурно рисовала. По неписаным законам для немецких девушек, после окончания школы Юлия Васильевна около года прожила в семье пастора, знакомясь с ведением хозяйства. Влюбившись в Елисея Исидоровича, что называется сразу и навсегда, она всю свою жизнь любила не только его, но и всю его семью. С особой нежностью она относилась к младшему — Роману.

В один из жарких летних дней 1864 года она впервые показала Ромке настоящий географический глобус и красивую азбуку.

Так у мальчика началась новая жизнь, с иными радостями и заботами. Занимался он под руководством Юлии Васильевны два раза в день по три часа. Изучали арифметику, русский язык, географию, историю. Особенно легко давалось мальчику естествознание. Он ведь рос среди буйной южной природы. Уже с пятилетнего возраста часто уходил из дома в поле, где с

увлечением ловил бабочек, букашек, пауков. Однажды принес в подоле рубашки целое гнездо молодых скорпионов. А сколько животных видел мальчик за свою пока недолгую жизнь! Верблюды и ослы, которых на Кавказе называли «ишаками», самой разной породы кони, мулы, зайцы, лисицы, даже ручного медведя видел он, которого водил по базару старый цыган. А в небе летали орлы и беркуты, соколы и коршуны, пеликаны и всякая мелкая крылатая живность. Видел у фокусников на базаре ядовитых змей, которые выползали из плетеной корзины под заунывную мелодию зурны, становились на хвосты и, зловеще раскачивая головами, высовывали раздвоенные языки. А на берегу Куры величавые пеликаны ловили рыбу.

Юлия Васильевна стала обучать Романа немецкому языку. Обычно эти занятия проходили по средам. Говорила она на уроках с ним только по-немецки и просила домашних в этот день меньше общаться с мальчиком.

Несмотря на свою доброту, Юлия Васильевна была учительницей строгой, но сердиться ей на ученика за плохо приготовленные уроки приходилось редко. Роман учился с огромным удовольствием, прилежно и внимательно. С каждым днем перед ним раскрывался незнакомый мир, очередной урок обязательно приносил много но* вого, о чем и не ведал Роман. Уроки более походили на живую беседу, всегда подкреплялись примерами из жизни и не утомляли мальчика. Юлия Васильевна оказалась замечательным педагогом. Занятия проходили легко, и успехи ученика были изрядными. Писать и читать Роман научился очень быстро, и теперь каждый вечер у него заканчивался книгой. Особенно любил он сказки Пушкина. Вскоре многие из них знал наизусть и часто по вечерам, когда вся семья собиралась вместе, из открытого окна небольшого кондратенковского домишки на всю улицу разносился звонкий мальчишеский дискант:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...*

Помимо сказок, очень любил он «Полтаву», а лермонтовское «Бородино» не только знал наизусть, но и распевал на мотив солдатских песен, слышанных от отца.

Незаметно летели дни, пока не обрушилось на мальчика первое горе. Зимой 1865 года после тяжелой болезни умер отец, и мальчик очень болезненно переносил эту утрату. А вскоре предстояла новая разлука. В 1866 году Елисей Исидорович поссорился с местным начальством над попечительскими заведениями, нашел место в Петербурге и стал собираться туда на постоянное жительство. Предстоящий отъезд брата так огорчил Романа, что он откровенно затосковал. Елисей Исидорович, а особенно Юлия Васильевна не могли спокойно видеть это и решили взять мальчика с собой в Петербург, с тем чтобы в дальнейшем определить его в военную гимназию или какое другое учебное заведение.

За сборами и хлопотами в дорогу время прошло незаметно. Роман помогал старшим — увязывал книги, носил из погреба продукты, укладывал посуду, попутно задавая сотни вопросов о Петербурге и своей будущей жизни там.

Выехали они на тарантасе и, несмотря на дождливую осеннюю погоду, продвигались довольно быстро. После замирения с горцами прошло уже много лет, но дорога все еще оставалась небезопасной и в одиночку путники двигались крайне редко. Обычно группировались на станциях в небольшие караваны. Вот и Кондратенки пристроились к почте, идущей под охраной отряда казаков из Тифлиса во Владикавказ.

В Петербург прибыли только через две недели. Поселился Елисей Исидорович с семьей сначала у родителей жены в большой квартире на набережной Васильевского острова, и вскоре Роман начал готовиться к поступлению в военную гимназию, куда он, как сирота военного, имел право поступить на казенный счет. В свободное время он знакомился с городом, часто совершал прогулки на ялике по Неве. В одну из таких прогулок мальчик простудился и надолго слег.

Месяц пролежал Роман в постели, ослабел и окончательно окреп лишь к середине зимы. Только тогда решились родственники допустить мальчика к занятиям. Как и в Тифлисе, учила его Юлия Васильевна. Порядок уроков был прежний, но, помимо домашних занятий, Роман еще посещал немецкую школу, чтобы практиковаться в разговорной речи. Неделя проходила за педелей. Дома мальчик был окружен вниманием и заботой, и ласковое, доброжелательное отношение очень помогало ему. Два раза в неделю с Романом говорили только по-немецки или по-французски.

Елисей Исидорович подал прошение в Петербургскую военную гимназию с просьбой принять брата на казенный счет. Вскоре был — получен ответ. В просьбе за недостатком мест отказали, но предложили поместить мальчика в Полоцкую военную гимназию. Утром следующего

дня Елисей Исидорович объявил брату об этом предложении, и Роман, не задумываясь, согласился.

Грустно было мальчику покидать семью брата, но он уже тогда твердо знал, что для достижения своей цели, помимо кропотливого труда, нужно порой подавлять свои желания.

Через неделю Елисей Исидорович отвез Романа в Полоцк. Здесь мальчик прекрасно сдал экзамены и был принят на казенное содержание.

Глава 2

ГИМНАЗИЯ

В декабре 1869 года в небольшой домик на окраине Тифлиса пришло первое письмо из Полоцка. В этом письме воспитанник Роман Кондратенко писал:

«Добрая и дорогая Матушка! Поздравляю Вас с праздником и от души желаю Вам всего наилучшего; пожелайте от меня всего хорошего: Саше, Маше, Феофилу с супругой и маленьким сыном; всем родным и знакомым нашим. Репетиция у нас прошла, и я посылаю вам мою аттестацию, которую при сем письме прилагаю; Закон божий — 11. Русский язык — 9. Естественная история — 7. География — 10. Рисование — 7. Писание — 10. Средний балл — 8. В разряде хороших. Теперь я третий ученик по отделению. Холода у нас начались, и для катающихся на коньках устроили на плацу каток. Я здоров и живу довольно весело, да и почему скучать, захотел играть — товарищей много, а если грустно станет — книги есть, которые отлично прогоняют скуку. До свидания, добрая и дорогая мамаша, остаюсь Ваш сын, душевно любящий Вас Роман Кондратенко».

Письмо это Роман писал перед самым отбоем и поэтому торопился. Но уж очень велико было желание поздравить родных с наступающим Рождеством, и мальчик едва не заработал взыскание от отделенного дядьки. Тот, по обыкновению обходя классные комнаты, застал Кондратенко за партой.

В спальне часть кадетов уже спала, а остальные готовились ко сну. Вопреки обыкновению здесь стояла тишина. Обычно же в это время спальня была довольно шумным местом. Кадеты получали короткую передышку от бесконечных занятий и муштры только в предотбойные часы и, оставаясь, в сущности, озорными и живыми мальчишками, использовали их кто как умел, в зависимости от характера. Играли в чехарду, «жучка», «давили сало». В одном углу происходил обмен перьев на марки, в другом, собравшись тесной кучей, слушали про разбойника Прошу и пирожки из человеческого мяса. История эта, рассказываемая полупрошептом и заканчивающаяся громовым криком: «Я убил ее!», слушалась тысячу раз, но пользовалась неизменным успехом. В коридоре обычно дежурил один из воспитанников, чтобы предупредить заранее о появлении начальства. Впрочем, все воспитатели, начиная от дядьки-фельдфебеля и кончая директором гимназии, знали о творимых «беспорядках», но, понимая

необходимость такой разрядки, особых мер не принимали. И только во время инспекции или в других экстренных случаях наводили в спальнях положенный образцовый порядок и тишину.

Полоцк, небольшой уездный город, мало чем отличался от других провинциальных городов того времени, но имел славную историю. Он был в прошлом одним из древнейших русских городов, столицей некогда сильного княжества. В литовских летописях о нем поминалось так: «город Полотеск и мужи полочане вечем ся справовали, как великий Новгород». В 1080 году в Полоцке появился первый самостоятельный князь Рогволод, который пришел из заморья. Так отмечали летописи факт возвращения на древние отчие земли одного из потомков князя Гостомысла из района устья нынешней Эльбы и города Берлина. И пошло княжение на Полоцкой земле, то русское, то литовское, процветающее и нищее, пока 28 мая 1772 года Полоцкое воеводство не было присоединено к России. В начале 70-х годов XIX века это уже был заштатный городок. Дома, большей частью одноэтажные, деревянные, строились без определенного плана по обоим берегам полноводной реки Двины. Улицы приличный вид имели только в центре города, да и то на самой большой, играющей роль проспекта, в любое время года стояло зловоние, исходящее то ли от рынка, расположенного в центре, то ли от огромной непросыхающей лужи. В дождливое же время обыватели вообще предпочитали без надобности не покидать домов.

Полоцкая военная гимназия, куда привез Романа Кондратенко брат Елисей, — типичное военно-учебное заведение того времени. Несмотря на название — «военная гимназия», — это был обычный кадетский корпус со сложившимися десятилетиями традициями, правилами обучения и воспитания. Учились здесь в основном дети военных или отставников, большей частью дворяне. Реформа военного министра Милютина коснулась и стен подобных учебных заведений. Армия становилась массовой, ей требовалось больше офицеров. Крымская война показала, что рассчитывать только на дворянство для пополнения рядов офицерского корпуса сложно. В учебных заведениях стали появляться дети офицеров-недворян. Многие из них учились на казенный счет.

Поначалу Роман с трудом привыкал к жесткому распорядку гимназической жизни. Вставали кадеты — теперь их называли воспитанниками — в шесть часов утра. Гимнастика, молитва, завтрак и приготовление уроков занимали время до половины девятого. Затем, после получасовой перемены, начинались собственно уроки, которые длились с небольшими перерывами до четырех часов дня. После уроков —

обеденный час. На отдых воспитанникам оставался самый малый промежуток времени. Они обычно употребляли его на писание писем, игру в шахматы, шашки. В летнее время на плацу, а зимой в коридоре играли в чехарду и в лапту. Многие читали книги — в гимназии была хорошая библиотека, особенно по истории. Не пустовал и гимнастический зал, где кадеты штурмовали шведскую стенку, канаты, постигали азы фехтования. С шести до восьми часов вечера опять садились за приготовление уроков, а в половине девятого разрешалось ложиться спать. Официальный отбой был в половине десятого вечера.

С непривычки мальчишкам трудно давался этот распорядок. На первых порах буквально валились с ног перед отбоем, но скоро привыкли. Воспитанники находили для себя множество лазеек, которые облегчали жесткий режим. Ведь не обязательно усердно готовить уроки — спрашивают-то не каждый день. Да и на уроках всегда можно отвлечься, дать себе разрядку. Некоторые воспитанники умудрялись вздремнуть в углу гимнастического зала на старых матах под шум тренировочных упражнений. Спали на переменах, на некоторых уроках, особенно на рисовании. Учитель рисования, обрусевший поляк, обычно приносил на занятия два предмета: гипсовую голову Гомера и макет крепости Измаил, — ставил их на подставку, а потом исчезал из класса. Появлялся он за пять минут до перерыва, собирал работы, тут же оценивал их и, схватив в охапку рисунки и модели, торопливо уходил домой. У него была большая семья. Каждый кадет обычно заранее заготавливал рисунок, и, едва за учителем закрывалась дверь, в коридор выставлялся дежурный, а класс спокойно занимался посторонними делами: кто спал, кто готовил уроки, а кто и просто развлекался, как любят это делать все мальчишки в таком возрасте.

Большинство учителей знало свое дело, умело сочетать высокую требовательность с интересным объяснением предмета. Для Романа вскоре жесткий распорядок гимназии стал не просто привычным, но необходимым. Не прошло и месяца с начала обучения, а он уже писал родным в Тифлис: «Это распределение времени приятно потому, что среди разнороднейших занятий никогда не чувствуешь скуки, этой грозы для бездеятельного человека, а потому и не замечаешь, как летит золотое для нас, воспитанников, время».

Все воспитанники были разбиты по возрастам на классы — с первого по шестой. Классов, в свою очередь, в каждом возрасте было от одного до трех, а каждый класс делился еще на три отделения по двадцать пять человек. Таким образом, в гимназии одновременно обучалось до

четырехсот человек.

Под гимназию было отведено одно из лучших в Полоцке зданий. На фоне унылого городского пейзажа оно выделялось архитектурной строгостью и красотой.

Здание это простояло около трехсот лет. Построено оно было в виде букв С и Б — инициалов польско-литовского короля Стефана Батория, правившего в конце XVI века. Тонкий политик, Баторий умело управлял польско-литовским государством, используя религиозную борьбу католицизма с православием. Среди русской шляхты большими симпатиями пользовался московский царь Иван Грозный. На Москву были обращены взоры крестьянства и мещан. Стефан Баторий хорошо понимал опасность для католиков этих симпатий, а потому воспользовался орденом иезуитов, рассчитывая сделать из них проводников идеи государственного и религиозного единства, но не замечал того громадного духовного вреда, какой несли эти беспринципные и коварные последователи Игнатия Лойолы. С его легкой руки иезуиты в Полоцке осели на долгие годы. С ними стала внедряться униатская церковь. Много сил отдал борьбе с иезуитами знаменитый белорусский философ и просветитель Франциск (Георгий) Скорина, родом, как он сам выражался, «из славного града Полоцка».

К гимназии примыкал тридцатисаженной высоты храм св. Николая, бывший еще в начале XIX века костелом при иезуитском коллегиуме, помещавшемся тогда в здании гимназии.

В 1855 году на плацу перед двухэтажным зданием гимназии был установлен памятник в честь победы графа Витгенштейна над французскими маршалами Удино и Сен-Сиром, как раз в этих местах пытавшимися пробиться на Петербург в 1812 году.

Кадетский же корпус обосновался в здании с 1835 года.

Все это хорошо запомнил Роман Кондратенко. Чувство гордости за то, что он обучался в военном заведении, никогда не покидало его. Мальчик дал себе твердое слово заниматься самым старательным образом, употреблять свободное время на изучение учебных дисциплин и чтение книг. Учение всегда доставляло ему удовольствие, а в гимназии имелись хорошие условия для занятия. Не по душе пришлось Роману лишь то, что учителя относились к ученикам слишком казенно. Как они готовят уроки, в каких условиях, никого не интересовало. А учиться было нелегко. Приходилось много зубрить. Воспитанникам со слабой памятью учение давалось туго. Подсказки и шпаргалки карались очень строго. Провинившийся, помимо наказания карцером, получал самый низкий балл

за месяц. Много сил у воспитанников уходило на месячные, четвертные, полугодовые и годовые репетиции и, наконец, на экзамены. Иные не выдерживали требований и оставляли гимназию.

Роман Кондратенко, усидчивый и памятный мальчик, учебные невзгоды почти не замечал. Привыкший с детства к трудолюбию, упорству и самостоятельности, он не роптал, не пускался во все тяжкие, не обманывал учителей, умел ценить время и пользоваться им. В свободные часы успевал повторить трудный урок, если чувствовал, что плохо его усвоил. Никогда не стеснялся спросить о непонятном у товарища и преподавателя, сам охотно помогал одноклассникам.

На втором году обучения Роман придумал своеобразный способ заучивания уроков, который превращался для него в игру и в то же время давал неплохой результат. Он, например, составлял из урока по географии занимательный рассказ, записывал его в тетрадку и вечерами прочитывал товарищам. Многие кадеты сначала смеялись над его причудой, но на очередной репетиции все убедились в несомненной пользе такого способа подготовки.

Ободренный успехом своих географических рассказов, Роман предложил отделению готовиться к урокам по истории совместно и проверять друг друга. Одноклассники с удовольствием приняли его предложение, так как оно вносило разнообразие в монотонную классную жизнь. Пытался он завести в отделении и привычные «иностранные дни», но тут его не только не поддержали, а бурно встретили в штыки, ибо большинство кадетов к языкам относилось весьма скептически. Немецкий и французский языки, преподаваемые в гимназии, популярностью не пользовались.

Кропотливый, добросовестный труд принес свои плоды, и в четвертом классе Роман Кондратенко считался в числе лучших учеников.

Оторванность от дома, семьи, строгие законы военной жизни, тяжелое учение — все способствовало раннему взрослению Романа, формированию у мальчика твердого характера. Семья его, несмотря на заботы старших сестер и братьев, жила по-прежнему небогато. Елисей Исидорович, в силу своего неуживчивого характера и нетерпимости к взяточничеству, казнокрадству, вновь потерял место и вынужден был вернуться в Тифлис, где с трудом нашел работу в Статистическом обществе. Другой брат, Феофил, только начал преподавать в коммерческом училище и скорее сам нуждался в помощи. Третий брат заканчивал Петербургское военнотопографическое училище. С затаенной завистью смотрел Роман на товарищей, получавших из дома гостинцы и посылки. Впрочем, и ему

изредка присылали из дома или от братьев три рубля, которые Роман, несмотря на свою бережливость и даже скуповатость, тратил мгновенно. Обычно он сразу покупал бумагу для писем и книги, а остаток пускал на сладости. Сладостями он был отменный, и за лишнюю кружку компота всегда готов был свободное время потратить на решение задачи кому-нибудь из товарищей.

Писал Роман домой часто, делился в письмах к родным всеми мальчишескими невзгодами и трудностями, каких немало в кадетской жизни. Аккуратно вел дневник, еще с Петербурга. Заполнял страницы словами благодарности к родным, особенно брату Елисею и Юлии Васильевне. Чувство благодарности и любви к ним пронес он через всю жизнь.

Товарищи отмечали в нем доброжелательность и внимательность ко всем, даже к незнакомым людям. Позднее, став офицером, он сначала побаивался своей доброты — опасался потерять авторитет командира, но скоро понял, что доброта и требовательность могут прекрасно ужиться друг с другом.

Застенчивость, стеснительность и робость Романа вначале были такие, что прежде чем задать преподавателю простейший вопрос, мальчик напрягался, будто ему предстояло прыгнуть в глубокий овраг. Не со временем он нашел простой способ избавиться от робости: смотреть людям прямо в глаза. И спрашивать, и отвечать стало ему легко и свободно. Сделав для себя это открытие, Роман повеселел, стал общительнее.

Развлечения в гимназии выпадали только на воскресенье и праздничные дни. Праздников было много, но особой любовью воспитанников пользовалась пасха: если по воскресеньям давались увольнения в город, то на Пасху близко живущих воспитанников отпускали по домам. Роману, конечно, до Тифлиса было далеко, но праздник он встречал радостно и всегда находил себе развлечение.

В праздничные дни нередко в актовом зале учителя организовывали для кадетов китайский теневой театр. Часами смотрели мальчишки туманные картинки. Роману особенно понравились исторические и географические сценки. Вглядываясь в нечеткие очертания светящихся на белой стене картинок, он, как наяву, видел суворовских чудо-богатырей, переправлявшихся через Альпы, храброго князя Багратиона, смертельно раненного и медленно сползающего со скачущего во весь опор по Бородинскому полю коня, Колумба за штурвалом качающейся на волнах каравеллы. Зноем пустынь повеяло от медленно идущего каравана верблюдов, нагруженных тюками и погоняемых крикливыми

проводниками.

Особой популярностью пользовались праздничные обеды. Еда, как правило, была обильной. Воспитанников же на праздники из-за отпусков и увольнений оставалось немного, что позволяло оставшимся пировать вволю. По традиции офицеры и директор присутствовали на каждом праздничном обеде, делая его еще более торжественным. Под большим поясным портретом царя специально накрытый для офицеров стол. Вокруг него прибывшие на обед воспитатели и начальники. Ровно в шесть часов в столовую входит директор гимназии и в пронзительной тишине зала звучит команда: «На молитву!» После молитвы и поздравления директора снова команда: «Садись!» И застучали ложками проголодавшиеся от прогулки кадеты...

После обеда — концерт. Выступал оркестр и хор воспитанников. Хор был гордостью гимназии. Пело в нем около ста человек, четверть всех учащихся. Пение всегда принималось на «бис».

Оркестр также был популярен. Особым успехом пользовалась исполняемая неоднократно на каждом концерте пьеса-импровизация, представляющая довольно искусное подражание шуму движущегося паровоза.

Концерты в гимназии стали традиционными не только в праздники, но и в обычные выходные дни. Помимо непременных участников — хора и оркестра, было много сольных номеров.

Праздники кончились, пошла обычная учебная страда предпоследнего года обучения в гимназии. Приближались репетиции, экзамены. А за ними была благодатная пора летних лагерей, о которых начинались разговоры среди воспитанников уже с самой масленой недели. Жизнь среди природы в палатках, занятия военной подготовкой, стрельбы, тактические игры — все это походило на настоящую службу в армии и вызывало среди мальчишек едва ли не восторженное чувство.

Роман усиленно готовился к годовой репетиции. Особенно много времени уходило на сочинения и иностранные языки. Поэтому и приходилось вставать за час до пробуждения, а вечерами сидеть до самого отбоя.

В самый разгар учебной зубрежки произошло два события, нарушивших течение обычной жизни воспитанников. Сначала гимназию посетил генерал М. Ф. Исаков, надзирающий за военными учебными заведениями. За неделю до его приезда корпусное начальство узнало об этом и развило лихорадочную подготовительную суету. Исаков слыл придиричивым и сумасбродным начальником, любил преподносить

всевозможные сюрпризы, и не один уже директор гимназии и начальник юнкерского училища лишились должности, не сумев угодить строгому генералу. В силу этого директор гимназии отменил репетиции и подготовку к экзаменам. Воспитанники с утра до вечера драили комнаты и коридоры. Красили, чистили, мыли. С особой тщательностью приводили в порядок подсыхающий плац. Наносили на него новую разметку, белили стволы деревьев.

Как это часто бывает, долгожданное начальство в назначенный срок не прибыло. В гимназии уже начала восстанавливаться прежняя размеренная жизнь, когда в полдень нагрянул генерал Исаков. Он немедленно принялся за осмотр здания, подсобных помещений. Провел в гимназии около четырех часов, после чего уехал так же неожиданно, как появился. Эти четыре часа в гимназии стояла тишина, даже преподаватели говорили вполголоса, но все обошлось благополучно. Страшный генерал Исаков смог обнаружить только один недостаток, следствием которого явился приказ: воспитанникам отдавать честь не только старшим, но и друг другу, как в стенах гимназии, так вне ее, на занятиях и на прогулке. Нелепо было видеть в первое время постоянно козыряющих воспитанников, но скоро с этим свыклись.

Второе событие превосходило по важности первое. Ждали приезда государя Александра II. И здесь не обошлось без курьезов. Когда подготовка к встрече закончилась, выяснилось, что император не посетит гимназию, а просто проедет через Полоцк и остановится на несколько минут на вокзале. Тем не менее готовились усердно. Поезд прибывал в полдень. Гимназия, вместе с частями гарнизона, была выстроена на вокзале уже в пять часов утра. От всего этого торжества у Романа в памяти осталось усталое лицо царя, крики «ура!» и нестерпимая жара.

И вот началась годовая репетиция и экзамены. Роман Кондратенко сдал их блестяще и закончил год вторым учеником в классе.

Пришло долгожданное лето. Началось оно с дождей, но было тепло и тихо. Отъезд в лагеря задерживал только праздник Троицы, который гимназическое начальство решило провести в Полоцке. На следующее утро вся гимназия, за исключением старшего, выпускного класса, выступила в лагеря. Лагерь располагался в двадцати верстах от Полоцка, в живописном бору на берегу Двины. Первый день разбивали палатки, расчищали место под плац, восстанавливали запущенный с прошлого года огневой городок.

И пошла полевая жизнь. В семь часов утра бьет барабан, зовет воспитанников на зарядку. В половине восьмого построение на молитву,

после которой поотделенно, с песней они направляются в столовую на завтрак. С восьми до половины девятого — гимнастика или фронтовое учение, так называлась тогда строевая подготовка. С девяти часов до двенадцати — занятия по военной подготовке. Остальное время воспитанник совершенно свободен, исключая послеобеденный час — с пяти до шести, который занят беседой с воспитателями. На беседах обычно читались книги по истории армии, рассказывались боевые эпизоды о славных делах русских солдат. Отбой в 22.00, но строгого надзора за этим нет и спать воспитанники могут ложиться, когда угодно. Впрочем, в лагере у кадет пропадает городская сонливость, и долго еще после отбоя в палатках горят свечи, слышится приглушенный смех, разговоры. По воскресеньям занятий нет. Организуется рыбалка, соревнования по стрельбе, походы по грибы, ягоды. По вечерам у большого костра традиционные концерты. Свобода ограничена лишь одним условием: воспитанник не имеет права покидать территорию лагеря. Но так как в лагере есть все, что необходимо, то условие это выполняется всеми неукоснительно. Да и куда идти: до города более двадцати верст, а в близлежащей деревушке, кроме нищеты и запущенности, ничего нет.

Для Романа лагерная жизнь всегда наполнялась особым смыслом. Здесь, как нигде, он имел много времени для самостоятельных занятий. Приученный к ним с детства, он не представлял себе жизнь в праздности. В письме к брату Роман пишет: «Проживши около двух недель в лагере, я уже отдохнул от годовой репетиции и принялся за интересующие меня занятия, особенно за чтение книг, геометрию, немецкий язык». В этот последний лагерный сбор он впервые задумался о своей будущей военной специальности. Поводом к размышлениям послужила попавшая в руки книга «Описание обороны г. Севастополя». Автором ее был генерал А. А. Тотлебен — знаменитый русский военный инженер, один из организаторов защиты Севастополя в последней войне. Подробный отчет о боевых действиях, стойкости и мужестве русского солдата и матроса, вынесшего многомесячную осаду превосходящего по силам и по вооружению противника, увлек Романа своей обстоятельностью. Но особенно поразил его серьезнейший анализ фортификационных сооружений, инженерного оборудования боевых позиций, приведенный в книге, и раскрытие той роли, которую они сыграли в обороне крепости. Книга, несмотря на солидный объем и обилие цифрового материала, не казалась скучной, и скоро у Романа был полный список имеющейся в гимназии литературы по фортификационному и крепостному делу.

Так появилась у Романа конкретная цель, которой он стал добиваться

со свойственным ему упорством.

К концу августа погода испортилась. Зарядили дожди. Роман с удовольствием принял перемену погоды. Меньше стало соблазнов. Легче было выполнять заданную программу. Беспокоило его больное ухо, которое застудил еще в Петербурге. Роман занимался гимнастикой, закаливался и теперь никогда не простужался, но больное ухо чутко реагировало на всякое изменение погоды. Впрочем, учению это мешало несильно.

В один из дождливых дней Роман получил из дома письмо, в котором Елисей, помимо всего прочего, сообщал, что их брат Николай находится сейчас в Туркестанском походе. Такие же сообщения о родственниках получили и некоторые другие воспитанники. Немудрено, что все увлеклись этими сообщениями, любые разговоры чаще всего сводились к среднеазиатскому театру военных действий, к именам генералов Кауфмана, Петровского. Кондратенко вместе со всеми ждал скупых сведений «из Азии» и увлек всех изучением ранних Туркестанских походов.

Достав через офицера-воспитателя, который еженедельно бывал в городе, требуемую литературу, он стал с увлечением знакомиться с книгами. История Туркестанских походов оказалась чрезвычайно интересной. Через неделю Роман сделал краткий конспект описания походов и сразу же нашел слушателей среди друзей.

Он с жаром рассказывал, как в начале XVII века ходили походами на Хиву славные казаки во главе с атаманами Нечаем и Шамаем. Завоевывали ханства и попадали в плен, в вечное рабство, а то и просто складывали головы. Взошел на престол царь Петр Великий, стремившийся скорее завязать торговые отношения с Индией. Для осуществления своего плана он приказал в 1715 году выслать из Сибири в степи отряд полковника Бухгольца, который достиг озера Балхаш и построил на его берегу крепость. Но прошло еще пять лет упорной борьбы с кочевниками, пока русские закрепились на новых рубежах и поставили Омскую, Ямышевскую, Железнинскую и Усть-Каменогорскую крепости.

Почти одновременно с Бухгольцем со стороны Каспийского моря был послан отряд князя Бековича-Черкасского. Ко всему прочему, ему было приказано вернуть воды Амударьи в старое русло. В приказе Петра говорилось: «Плотину разобрать и воду Амударьи реки паки обратить в сторону... в Каспийское море... понеже зело нужно...» Предания гласили, что после похода славных казаков Шамае хивинцы, будучи убеждены в надежной защите с севера безводными пустынями, решили превратить в пустыню и всю цветущую местность к западу до самого Каспийского моря. Для этого и перегородили Амударью плотиной. Предание остается

преданием, но движение в Азию приостановилось на многие годы... Поэтому поход Бековича был чрезвычайно сложен. И все же он разбил войска хивинского хана. Но, как это уже бывало неоднократно, попался на хитрость восточного владыки, разбил свой отряд на части и погиб, будучи разгромлен по частям. Вновь на хивинском базаре стали водить в колодках на шею русских рабов. Болью и горечью отразилось в памяти русского народа это поражение и долго еще по Руси ходила поговорка «погиб, как Бекович под Хивой», выражающая бесполезность какой-либо утраты.

Неудача на сто лет отдала выполнение грандиозных петровских замыслов. Впрочем, при императрице Екатерине II о походе в глубь Средней Азии было говорено, но осуществить его так и не удалось, хотя великий Суворов и прожил два года в Астрахани, занимаясь организацией этой экспедиции. В 1799 году Павел I, разделяя замыслы Наполеона и заключив соглашение с Францией, двинул донских и уральских казаков в Среднюю Азию, отдав свой знаменитый и фантастический приказ: «Войску собраться в полки — идти в Индию и завоевать оную». Казаки, собравшись наспех в поход по царскому указу, плохо снаряженные, не имея достаточно продовольствия, несли потери, и лишь повеление вступившего на престол Александра I остановило это плохо подготовленное предприятие.

За все царствование Николая I в Средней Азии царило относительное затишье, и только в конце 40-х годов отряду генерала Обручева удалось занять северо-восточное побережье Аральского моря, устье Сырдарьи и построить укрепление Раимское. Тогда же была создана Аральская военная флотилия и пароходы «Николай» и «Константин» начали крейсеровать по морю. Да в конце 1852 года серьезную осаду выдержал форт Перовский, переименованный так из занятой генерал-губернатором Оренбурга генералом Перовским кокандской крепости Ак-Мечеть.

В царствование Александра II завоевание Средней Азии вступило в завершающую фазу. За короткий срок, с 1862 по 1865 год, Россия овладела огромной территорией от Перовска и Верного до Ташкента. В боях прославились подполковник Г. А. Колпаковский, сумевший при Узун-Агаче с командой в две тысячи казаков разбить двадцатитысячное войско кокандцев, генерал М. Г. Черняев, войска которого с боем взяли Ташкент...

Больше материала у Кондратенко не было, но он надеялся, что в гимназию приедет его брат Николай и он сумеет узнать подробности последних походов из первых рук.

Вскоре директор издал приказ о возвращении на зимние квартиры. Входили в город с песней. Оркестр шел впереди ротных колонн.

Учебный год начался с новости. Подтвердились слухи о переводе

гимназии в Ригу или Вильно, так как здание, занимаемое ею, было откуплено министерством народного просвещения для устройства в Полоцке университета. Кадеты заволновались, каждый по-своему оценивая это событие. Выпускники особенно не волновались, так как понимали, что подобное предприятие выполнить за один год невозможно и, следовательно, они успеют закончить курс обучения в ставшем для них родным Полоцке. Скоро успокоилась и вся гимназия. Жизнь пошла своим чередом. В отделении Кондратенко царила деловая обстановка и, хотя выпуск не мог состояться раньше лета следующего года, все чувствовали его дыхание и занимались особенно усердно. Во всем, что касалось учения, Роман Кондратенко пользовался у товарищей непререкаемым авторитетом. К нему часто обращались за помощью даже воспитанники из соседних отделений. А он, по обычной своей душевной отзывчивости, никогда не отказывался помогать товарищам. Для ведущего ученика такое поведение было довольно редко. Обычно отличники сторонились своих одноклассников. А Роман в выпускной год был лучшим учеником отделения. Об этом говорят оценки: Закон божий — 12, Русский язык — 12, Немецкий язык — 12, Французский язык — 12, Арифметика — 12, Алгебра — 12, Геометрия — 12, Аналитическая геометрия — 12, История — 12, География — 11, Физика — 12, Космография — 12, Рисование — 9.

После рождественских каникул и праздников выпускники вновь засели за учебники. Усердие и прилежание, с которым занимались старшекласники, объяснялось не только приближающимся выпуском, но и переменами в методике преподавания ряда предметов, да и взрослением самих воспитанников. По этому поводу Роман писал домой: «Классные занятия идут по-старому, только учителя стали обращаться с нами не так казенно, как было несколько лет назад: теперь если урок отвечен отделением хорошо, то в классе слышится речь о различных современных новостях, преимущественно, конечно, научных. Подобные беседы действуют очень благотворно на наше кадетское сословие. Они, повествуя о разных открытиях, возбуждают в воспитанниках жажду к труду и серьезной деятельности, независимо от приманки высоких баллов... Время проходит незаметно и довольно весело, тем более что научные занятия превратились теперь в мое любимое удовольствие, так как вследствие благодетельного действия преподаваемой нам логики я получил возможность относиться к наукам с той правильностью, при которой только и можно ожидать пользы от изучения их...

Зима в тот год выдалась короткая и теплая, но снегу было все-таки достаточно, и в перерыв, особенно вечерами, вся гимназия высыпала на

двор. Малыши осаждали снежные крепости, катались на рогожках с ледяной горы, носились наперегонки по залитому катку. Вечером каток занимали старшеклассники. Пытался освоить коньки и Роман Кондратенко, но его южное происхождение все-таки мешало ему стать настоящим конькобежцем.

К концу зимы для Романа Кондратенко уже и речи не было о коньках и других развлечениях. Времени до экзаменов оставалось совсем мало. Начаться они должны 22 апреля с французского языка и длиться с небольшими перерывами вплоть до 6 июня. Особый переполох у воспитанников вызвал экзамен по закону божьему, который наметили на 7 мая, ведь на нем должен был присутствовать сам епископ, преосвященный о. Савва. Особым усердием в изучении закона божьего кадеты не отличались. Даже Роман, неизменно из года в год получавший по закону божьему самый высокий балл, последнее время уделял больше внимания математике и языкам. Срочным порядком отделение налегло на богословие.

В самый разгар экзаменационной подготовки Роман получил долгожданное письмо от брата Николая, в котором тот извинялся за долгое молчание и обещал непременно приехать, чтобы обсудить будущую жизнь Романа. Из писем матери Роман знал, что брат вернулся из Туркестана больным, разочарованным в жизни и в себе. Он вспоминал горячие летние разговоры о Туркестанских походах и очень хотел узнать подробности от участника и очевидца. О будущем Романа думали и другие родственники. В их письмах не раз высказывались советы о дальнейшем житье-бытье младшего из Кондратенко. Еще на масленицу Роман написал домой и всем родственникам, сообщил о себе. Планов своих он менять не думал, учение шло хорошо. Чтобы успокоить мать и братьев, он написал письмо, в котором делился своими планами.

«Добрая и дорогая Мамаша! — писал он. — Сегодня я получил Ваше письмо от 23 февраля и изложенные в нем советы прочел со вниманием, причем очень обрадовался, что они согласуются с давно уже составленным мною планом своей будущей деятельности пройти курс наук в Инженерной академии, мысль о которой была моею любимой в двух последних классах. Она главным образом побуждала и побуждает меня к добросовестному отношению к своим обязанностям, а потому, пожалуйста, не опасайтесь на счет того, что я брошу свое образование незаконченным. Стремление к выполнению этого плана успело уже окрепнуть так, что я ни в коем случае не премину применить его на деле. Недавно я получил письмо от Николая. Я ему тотчас же ответил, причем, конечно, не думал упрекать за невыполненное обещание. Он сообщает, что его дела идут хорошо и что

здоровье его находится в хорошем состоянии, хотя скверный петербургский климат, как видно по тону его письма, произвел на него не совсем приятное впечатление. Что касается меня, то я по-прежнему здоров, и учебная моя деятельность идет по-старому, разве только энергичнее и оживленнее, так как наступившая весна придает новые силы моей натуре, инстинктивно сочувствующей теплоте времени года...»

Вскоре пришел ответ, в котором мать высказывала радость по поводу твердости решений Романа и его хорошей учебы. Подобного рода письма прислали и братья.

Экзамены Кондратенко и его товарищи встретили подготовленными, и трех-четырёх дней для повторения курса и закрепления знаний вполне хватало.

Наконец наступил долгожданный день последнего экзамена. По окончании гимназии кадеты автоматически становились юнкерами и без экзаменов зачислялись в то или иное юнкерское училище. Последний экзамен означал не только конец учения, но и своеобразное посвящение в юнкера, а переодевание в юнкерское обмундирование для воспитанников превращалось в настоящий праздник.

Роман по общим итогам закончил гимназию в числе первых. На вечернем построении на правом фланге уже застыли новоиспеченные юнкера. Восемьдесят юношей в новой и несколько непривычной форме первыми под звуки оркестра проследовали в столовую, провожаемые завистливыми и восторженными глазами остальных воспитанников.

На следующий день гимназия готовилась к выходу в летние лагеря, и только юнкера прошли незаметно на вокзал. Предстоял отпуск. Первый для Романа.

Отпуск пролетел незаметно, и уже 20 июля 1874 года он выехал из Тифлиса. Без приключений добрался до Поти, на другой день утром сел на пароход «Голубчик». Конечным пунктом плавания был порт Таганрог. В Таганроге юнкер Кондратенко пересел на поезд, и 28 июля в полдень был в Полоцке.

8 августа выпускники в последний раз собирались в знакомой до мелочей столовой Полоцкой гимназии для прощального завтрака. На завтраке присутствовали воспитатели и учителя. С напутственным словом к окончившим обучение обратился директор гимназии. И вот все отправились на вокзал. Для выпускников выделили два вагона. Директор прослезился, целовал каждого, давал последние советы и напутствия. С трудом сдерживал слезы и Роман Кондратенко. Гимназия стала для него вторым домом. Здесь закончилось его детство. Здесь он мужал, набирался

знаний. Здесь постиг он первые азы сложной азбуки жизни.

Глава 3

ЮНКЕРА

В начале августа 1874 года выпускники Полоцкой военной гимназии прибыли в Петербург, где их сразу же разбили на две партии: одних направили в Павловское училище, других, среди которых оказался и Роман Кондратенко, в Константиновское. Такое разделение объяснялось наличием мест для размещения кандидатов. Впоследствии ожидался приказ об окончательном зачислении юнкеров в то или иное училище. Ждал назначения в инженерное училище и Кондратенко.

Две недели, проведенные до приказа в стенах пехотного училища, тянулись как год, ибо обязательной работы не было никакой. Наконец 25 августа начальник Константиновского училища полковник В. А. Гонзоровский вызвал Кондратенко и еще шестерых человек к себе в кабинет и зачитал им приказ о зачислении в Николаевское инженерное училище. Обратившись к юнкерам, Гонзоровский долго и путано рассуждал о призвании военного инженера, его назначении и закончил речь пожеланием стать им всем инженерами и строить железные дороги, чем вызвал невольные улыбки у юнкеров.

Николаевское инженерное училище располагалось в Инженерном замке, бывшем дворце Павла I. Там же помещалось и Николаевская инженерная академия, но слушатели ее жили на частных квартирах, а во дворец являлись только на лекции. Роман не раз осмотрел здание, представил будущую жизнь в этом величественном, украшенном монументальными колоннами и небольшим куполом дворце. Несмотря на превосходную архитектуру, замок показался юноше мрачноватым, но внутреннее убранство дворца было великолепным. Мраморные подоконники и колонны, красивые узорные паркетные полы, потолки с рельефными изображениями, резные тяжелые двери. В спальном помещении железные, сделанные по последней моде кровати. Массивные, с вычурными ножками дубовые столы в столовой, классах, библиотеке.

Осенью начались занятия. Разбитые поротно, юнкера не так быстро сходились друг с другом, как это бывало в других училищах. Слишком разношерстным был набор в инженерное училище по сравнению с пехотным. Например, в Павловском одна рота целиком состояла из выпускников Петербургской военной гимназии. Система преподавания резко отличалась от гимназической. Лекционно-семинарский метод,

казалось, представлял неограниченную свободу обучаемому, но предполагал серьезную самостоятельную работу. Роман приступил к занятиям, отметив, что профессора не только не превосходят полоцких учителей, но и по некоторым вопросам уступают им. И только серьезный анализ заставил его изменить отношение к лекциям. Он стал внимательнее, старался подробней записывать за профессором, и вскоре ему стало ясно, что он ошибался в оценке преподавания. Действительно, материал на лекциях давался более углубленный, примеры приводились сложнее. Словом, гимназией здесь не пахло. Особенно это относилось к алгебре, геометрии, физике и истории. Что же касается фортификации, артиллерии, топографии, то они были совершенно новыми для Романа предметами.

В начале декабря училище посетил великий князь Николай Николаевич, военный министр Милютин и генерал Тотлебен. Роман с волнением ожидал встречи с героем Севастополя, легендарным человеком, автором книги, толкнувшей его на саперное поприще. Гостей встречало все училище в парадном строю, с развернутыми знаменами и встречным маршем. Высокий, импозантно выглядевший в гвардейской форме брат царя, затмил всю свиту, невзрачного на вид военного министра и изрядно постаревшего севастопольского инженера. Разглядеть внимательно своего кумира Роман смог только на торжественном молебне. Старый генерал, заметно погрузневший, стоял по левую руку от великого князя, опустив на грудь большую полысевшую голову. Прикрыв глаза, он едва шевелил пушпстыми моржовыми усами, истово крестился и не обращал ни на кого внимания.

Высокие гости обошли все помещения училища, ненадолго задержались в библиотеке, где Милютин живо интересовался наличием военной и специальной литературы, уставов и наставлений. Гости присутствовали в старшем классе на лекции по обороне крепостей. Визит по длительности не занял и трех часов, но впечатлений у юнкеров оставил много. Вечером в актовом зале и на следующий день во время свободного урока они обсуждали его, делали разные предположения о причинах этого посещения.

Многие ставили этот визит в связь с военной реформой. И все пришли к выводу, что роль инженерных войск повысится. Милютин пользовался у юнкеров Николаевского инженерного училища особым уважением как военачальник, придававший инженерному обеспечению войск в современном бою большое значение. По его инициативе перерабатывалось наставление по боевому применению саперных войск, справочник офицера. По-новому определялось место и роль саперных рот и батальонов

в бою. Юнкера видели в этом добрые предзнаменования и для будущей своей службы, и для повышения авторитета саперных войск вообще. Относительно Тотлебена все сошлись во мнении, что старик уже себя изжил. И только Кондратенко по-прежнему считал его гением, способным еще принести пользу армии.

В это же время Роман Кондратенко встречается с братом Николаем, который вернулся из Туркестанского похода глубоко разочарованным в жизни и службе. Состояние это объяснялось не только тягестями перенесенного похода, но и непониманием большей частью общества всей сложности борьбы за окончательное закрепление за Россией Средней Азии. Впервые услышал Роман от брата и имя Михаила Дмитриевича Скобелева, уже тогда прославившегося, а впоследствии по праву заслужившего звание героя освободительной войны на Балканах.

Приближалось Рождество, а с ним и экзамены. Лекций было мало, но Роман занимался основательно, и свободного времени у него не оставалось. Однако он успевал читать книги, ходить по городу, посещать столичные театры. Здоровая, спокойная жизнь, постоянные занятия гимнастикой, к которой в эту зиму Роман особенно пристрастился, подействовали на него самым благотворным образом. Он возмужал, окреп, раздался еще больше в плечах. Ухо почти не болело, хотя слышал им он по-прежнему плохо. Небольшого роста, слабый в кости Роман в гимнастическом зале выглядел теперь настоящим атлетом. Жизнь радовала юношу, и он с удовольствием писал домой:

«...Я по-прежнему здоров и твердо иду к избранной цели; ряд занятий по всевозможным предметам, гимнастические упражнения, сон — смотришь, суток, как не бывало. И так идет изо дня в день, чрезвычайно быстро. Вообще в этом отношении военно-учебные заведения очень хороши: они всегда так ловко распределяют время, что положительно не знаешь, каким образом оно могло так скоро пройти».

Рождество Роман Кондратенко встречал в прекрасном настроении, здоровым и уверенным в себе. Домой, как из Полоцка, пошел подробный отчет с оценками за полугодие. Они вновь были отличными.

Второе полугодие ничего нового в установившийся уклад жизни не внесло. Распорядок дня почти не отличался от кадетского, оставлял мало свободного времени. Для личных дел юнкера обычно использовали так называемые свободные уроки, то есть часы самостоятельной подготовки. Выходные и праздничные дни старались проводить в городском отпуске, но и оставшиеся в училище не скучали. В училище имелся рояль, скрипки, кларнеты — музыкальные инструменты для целого симфонического

оркестра. Любители музыки собрали небольшой оркестр. Любители пения объединились в хор.

Роман нашел себе новое увлечение и ушел в него с головой. Легкость грамматики английского языка и простота его конструкции убедили юношу, что за полгода можно научиться читать без помощи словаря. Кондратенко успел прослыть среди однокурсников за свои занятия историей, за более чем внимательную работу над лекциями и за постоянное посещение библиотеки чудачком, а своим новым увлечением только подтвердил это мнение, так как, ко всему прочему, сам напросился еще и на экзамен по языку. Экзамен был назначен на 21 мая, в период переводных экзаменов, но Роман, невзирая на насмешки товарищей и сомнения преподавателей, с жаром взялся за дело.

6 мая начались экзамены. Длились они больше месяца. Роман Кондратенко сдавал экзамены легко, без волнений. Он и с английским языком справился успешно, хотя экзаменовали юнкера с пристрастием. По общим итогам Кондратенко закончил курс вторым в роте. Но Роман чувствовал, что способен на большее, и горел желанием доказать это.

Приближалась пора лагерей. Николаевское инженерное училище летом выезжало на полевые занятия в полном составе в хорошо оборудованный, расположенный в живописном лесу Усть-Ижорский саперный лагерь. Он же использовался и Николаевской инженерной академией. Юнкера на местности получали навыки производства саперных работ, учились нелегкому искусству фортификаторов. Конечно, здесь был далеко не кадетский лагерь, с его почти санаторным режимом. Этот ничем не отличался от обычных полковых лагерей. Как и в войсках, на летний период выпадала большая нагрузка по боевой подготовке, причем в условиях, приближенных к боевым, на реальной местности.

На следующий день после окончания экзаменов юнкера на пароходе отбыли в Усть-Ижорские лагеря, где многие впервые узнали настоящую походную жизнь.

Роман за время экзаменов не написал домой ни строчки. Понимал, что надо теперь успокоить родных, но письмо удалось послать только из лагерей.

«...Наши экзамены кончились, — писал он, — и по правде говоря, я не очень доволен результатом как их, так и всего учебного года: я перешел вторым. Причина этого заключается не в лени, а в неправильном направлении, которое я дал своей деятельности: общий ход обязательных занятий у меня почти в течение целого года прерывался работами второстепенной важности — серьезным изучением английского языка,

гимнастикой, чтением и прочее, которые поглощали столько времени, что остальные занятия я совершал кое-как и тем самым подготовил себе не особенно хорошие баллы. Вот средние баллы из годовых и экзаменационных отметок в десятых долях: Закон божий — 11,5, Русский язык — 12, Английский язык — 11,5, Алгебра — 11,8, Геометрия — 11,5, Физика — 9, История — 12, Фортификация — 11,5, Артиллерия — 11,5, Топография — 10,9, Рисование — 10. Деятельность моя в младшем классе памятна для меня в том отношении, что одарила меня знанием английского языка, на котором я могу теперь читать всякую книгу, почти не прибегая к помощи лексикона, — это тем более важно, что, занявшись в среднем классе немецким и в старшем французским, я выйду с основательным знанием трех новых языков. Относительно же плана моих действий в среднем классе я могу заметить, что он в общих чертах будет совершенно сходен с моей деятельностью в первом классе гимназии: добросовестно исполнять все обязательные занятия.

В настоящее время я нахожусь в Усть-Ижорском лагере, где нас угощают ротными учениями, понтонными и саперными работами, съемками, стрельбой из ружей, дежурствами в караулах и тому подобными занятиями. Я по-прежнему здоров и, решив навсегда: «Жить — значит работать», постоянно нахожусь в наилучшем настроении, которого не могут нарушить минуты неудачи...»

Лагерная жизнь протекала крайне однообразно, полностью уничтожив за две недели романтическое представление юнкеров о жизни на биваках, и только июльский красносельский парад внес некоторое разнообразие в эту обыденность. В Красное Село саперы прибыли, совершив тридцативерстный марш, в ходе которого отрабатывались учебные вопросы по разведке маршрутов, съемке местности. Они даже возвели мосты через небольшие речушки.

Прибыли на место сбора поздно вечером. При свете костров готовили обмундирование, амуницию, оружие к смотру и прохождению. С первыми лучами солнца войска уже стояли в парадном строю при развернутых знаменах. На правом фланге, как обычно, гвардейская пехота. Далее — артиллерия, саперы. Замыкали торжественный строй кавалерия и казаки. В 10 часов из небольшой березовой рощи показалась кавалькада всадников. Впереди на одинаковых вороных конях скакали Александр II и король шведский. Сводный оркестр заиграл шведский гимн. Под оглушительные крики «ура!» свита стремглав промчалась вдоль строя.

После торжественного марша, последнее слово в котором было за пронесшейся ураганом, с гиком и свистом лавой казаков, юнкеров

Николаевского инженерного училища разместили в вагонах и отправили в Петербург. Переночевав в родном училище, утром они вновь погрузились на пароход и к вечеру были в Усть-Ижоре. До летнего отпуска юнкера еще раз выступали в Красное Село, принимали участие в десятидневных маневрах, которыми руководил великий князь. Но эти маневры в отличие от первого похода прошли неорганизованно, в беспорядочных и беспорядочных перемещениях. Ни одной практической инженерной задачи или рекогносцировки рота Романа не сделала. В полном недоумении, усталые и разочарованные, вернулись юнкера в Петербург.

Занятия начались в сентябре. Новый учебный год принес много волнений. Главная тема разговоров в ротах была о том, кто будет фельдфебелем, на долю кого падет портупей-юнкерство. Это много значило при производстве в офицеры. Даже при дальнейшем продвижении в чинах портупей-юнкер всегда имел преимущество перед простым юнкером. Роман Кондратенко не оставил в стороне жаркие дебаты. Надеяться только на отличные оценки недостаточно, а протекции ему ждать неоткуда. Кроме того, волновала и программа нового курса, в которой значительное место было отведено таким дисциплинам, как тактика и фортификация.

С первых дней учения Роман, как запланировал, занялся немецким языком, не забывая, впрочем, и английского. Более серьезно стал относиться и к основным предметам. И здесь столкнулся с непредвиденными трудностями. Количество учебного материала в среднем классе увеличилось за счет новых предметов, важность и необходимость которых в будущей практической деятельности была очевидна. Для успешного освоения курса необходимы были дельные учебники, но таковых не имелось. Приходилось довольствоваться старыми, далеко не полными записями лекций. Конечно, полагаться только на них было нельзя, ибо лекции читались быстро, профессоров, казалось, совершенно не интересовало, успевают ли юнкера записывать сказанное. Да и мудро было бы предъявлять к профессорам претензии, так как часов на такие академические курсы, как тактика, не хватало и для быстрого пересказа. По фортификации не было даже конспектов. Приходилось пробавляться жалкими записками, составленными и литографированными самими юнкерами еще четыре года назад. Вполне понятно, что они содержали в себе много устаревшего. Беспокоил Романа и курс артиллерии — «этого могучего губителя всех саперных построек», как о ней выражались некоторые.

Правда, в замке имелась прекрасная библиотека сотнями специальных изданий, принадлежащих академии и училищу, но

пользоваться ею юнкера практически не могли. Бюрократический аппарат управления военно-учебными заведениями и академическое начальство оказались здесь на высоте. Формально юнкерам разрешалось брать любые книги, но только от двух до восьми часов после полудни, находясь в комнате, смежной с библиотекой. Комната была неудобной для занятий. В ней стоял несмолкаемый гул, сновали туда-сюда юнкера, слушатели, преподаватели. Кроме того, юнкера в это же время должны были пообедать, посетить занятия по физической подготовке, фронтовые тренировки.

В среднем классе много времени отнимали гимнастика, фехтование, ротные учения, чтение уставов и наставлений. Словом, в библиотеке можно было заниматься только от вечерней зари до двенадцати часов ночи или с шести утра до занятий. Вставать до общего подъема у Романа уже вошло в привычку. В праздники и выходные дни иметь на руках книги из библиотеки запрещалось.

Выход был один — приобрести нужные учебники и наставления на собственные деньги. Но где их взять? На репетиторство нет времени. Тридцать рублей, заработанные летом, он уже истратил. Купил и кое-какие книги, но в основном исторические. Хотя полезность и нужность их Роману была очевидна, но сейчас они не являлись самыми необходимыми. С чувством стыда обращается он к родным с просьбой не высылать ему в различное время года денег, общая сумма которых составляла восемнадцать рублей, а сразу прислать двадцать за весь 1876 год. Этой просьбой юноша сознательно лишал себя многих и без того редких удовольствий, но надеяться больше было не на что. Кроме того, оставались еще книги, вечерние юнкерские концерты и прогулки по городу. Интересно было смотреть на строящуюся громаду Литейного моста или вошедший в Неву броненосец. Аккуратно посещал Роман службы в Исаакиевском соборе.

Учеба по-прежнему оставалось главным делом для Романа Кондратенко. Он все больше приобретал уверенность, что год закончит в числе первых. Однако все получилось не так. Рота вначале договорилась с преподавателем курса долговременной фортификации, что тот не будет делать текущего опроса, а примет сразу весь материал на экзамене. Но скоро большинство юнкеров отказалось от этой затеи. Роман же слишком понадеялся на свои силы, пошел отвечать в числе первых и... оплошал. Ответ его был настолько неудачен, что впервые за долгие годы учебы Роман Кондратенко получил 6 баллов. Примириться с этим он не мог. Было задето его самолюбие. Две недели днем и ночью готовил курс, пока не стал полностью уверен в своих знаниях. Вторично этот экзамен Кондратенко сдал на 12 баллов.

Неудача с экзаменом по фортификации научила его многому. Оставшееся время Роман занимался с таким упорством, что окончил курс с абсолютным баллом.

И снова лагеря. Программа летней подготовки мало чем отличалась от прошлогодней. Только вот маневрами, помимо великого князя, руководил военный министр Милютин. Кроме гвардии и военно-учебных заведений, привлекались строевые части. Причем на последних маневрах юнкера стажировались в должностях командира саперного взвода, помощника начальника полевого караула, начальника караула. В одном из таких караулов Кондратенко простудился и заболел. Полковой врач уложил его в постель. Нестерпимо ныло колено. За ночь температура спала, и он вернулся в роту. Однако через день нога распухла по-настоящему. В тот же вечер Романа отправили до ближайшей станции, а оттуда в Петербург в сопровождении фельдшера. В госпитале ему сказали, что колено простужено, отчего образовалось воспаление надкостной плевлы в коленной чашечке. Болезнь надолго приковала Кондратенко к постели и потребовала упорного лечения теплыми ваннами, йодом.

Две недели пролежал Роман в госпитале и выписался только к началу нового учебного года.

Выпускной год для юнкеров Николаевского инженерного училища был особенным. Встал вопрос, куда определяться на службу. Отношение к учению стало самым серьезным у всех без исключения выпускников. Роман решил закончить училище если не первым, то в числе таковых. Не изменил он и своему обязательству в отношении языков. Дела шли прекрасно, но незадолго до Рождества у Романа вновь заболела нога. Он слег, и снова надолго. Юноша страдал от боли, от своей беспомощности, оттого, что отстает в учении и уже не догонит ведущих, несмотря на дружескую помощь однокашников. Болезнь, наконец, отступила, но время было упущено. С еще большей энергией принялся Роман за работу, стал урывать время от сна. Не окрепший от болезни, он таял буквально на глазах. Товарищи, конечно, заметили это и запретили Роману излишнюю нагрузку. Следили за ним сами юнкера, да и Кондратенко, чувствуя, что долго не выдержит перенапряжения, стал заниматься спокойнее.

Все чаще юнкера обсуждали свою будущую службу. Роман мечтал по окончании училища выйти в Варшавскую крепостную артиллерию, в Александровскую цитадель, но от мечты до действительности было далеко. Тем не менее он дважды писал рапорт командиру роты, хлопотал, и кажется, его настойчивость обещала успех.

12 апреля 1877 года произошло событие, которое всколыхнуло не

только училище, но и всю Россию. Началась война с Турцией. Войну эту ждали давно, и не было ничего удивительного, что царский манифест был воспринят с восторгом. Улицы Петербурга заполнил народ, всюду читали манифест, приветствовали войска и отдельных военных. Освобождение поработанных народов от пятисотлетнего оттоманского ига! Эта цель всколыхнула всю страну. Народы России, связанные традиционными узами дружбы с родственными народами Балкан, горячо откликнулись на просьбу своих славянских братьев о помощи и с радостью вступили в освободительную войну. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев докладывал царю: «По общему отзыву губернаторов, запасные люди собирались везде быстро и охотно; немедленно по получении сведений о призыве нижние чины спешили явиться в призывные пункты, пренебрегая всеми опасностями распутицы: были случаи, когда некоторые из них проходили до призывного пункта около 100 верст пешком в двое суток. Уклонившихся от явки по призыву не было».

Юнкера видели этот народный энтузиазм, сами стремились на войну, которая еще только разгоралась. В день объявления войны русская армия перешла румынскую границу. Наступление началось с форсирования Дуная — одной из блестящих операций в истории войн, — и далее пошли обычные военные будни.

Пережив первые волнующие дни, почти забросив подготовку к выпускным экзаменам, Роман сразу обратился к практической стороне дела. Судя по наличию у турок целого ряда прекрасно оборудованных крепостей, как на берегу Дуная, так и в глубине Болгарии, нашим войскам предстояла борьба с ними. Понимая, что не всякую крепость можно взять штурмом, Роман принялся за составление проектов войны, и, в частности, осадной.

Товарищи не понимали его занятий, таким же странным казалось им почти полное отключение Кондратенко от экзаменов. Время внесло свои коррективы и в жизнь Кондратенко. Война войной, а училище надо заканчивать. В конце июня 1877 года Роман Исидорович в числе первых заканчивает Николаевское инженерное училище и получает офицерский чин подпоручика.

Глава 4

В СТРОЮ

1 августа 1877 года, в самый разгар русско-турецкой войны, Кондратенко представлялся командиру 1-го Кавказского саперного батальона по случаю назначения на должность. Батальон уже несколько лет располагался в Тифлисе.

Неделю назад он прибыл сюда для прохождения службы, и вот сегодня первый день в казармах. Совсем недавно он считал, что этот день встретит в Варшавской крепости. Мечтал, как будет принимать участие в разработке важных проектов и успеет попасть на войну, где уж постарается проявить себя с лучшей стороны.

Но в приказе о назначении говорилось, что подпоручик Кондратенко направляется в распоряжение командира 1-го отдельного Кавказского саперного батальона. Роман и сейчас с болью вспоминает то чувство горечи и разочарования, которое охватило его, когда он узнал о приказе. Но, трезво рассудив, нашел преимущество и в этом назначении. Во-первых, он ехал как-никак домой. Во-вторых, и самое, пожалуй, главное, шансов попасть в действующую армию появилось значительно больше, ибо на Кавказе уже шли бои.

Так, проделав знакомый путь, Роман, к всеобщему удовольствию родственников, прибыл в Тифлис и поселился в доме брата Елисея Исидоровича. Отпуск прошел незаметно. Тифлис не переставал волновать Романа своими красками, кипучей жизнью восточных базаров, чудными летними вечерами. В городе появилось множество тыловых служб действующей армии, всевозможных интендантств. Работало несколько госпиталей.

По вечерам в доме Елисея Исидоровича собирались друзья по службе, родственники, и за несколькими бутылками легкого грузинского вина текла интересная беседа. Обсуждались события на фронте. Много шума на Кавказе наделала атака на турецкие пароходы отряда катеров под командой лейтенанта Макарова. Энергичный молодой офицер предложил сделать минные катера возимыми, чтобы они могли наносить удары по кораблям противника как в открытом море, так и вблизи своих баз.

Для этого в качестве судна-матки для катеров был использован пароход «Великий князь Константин». Чтобы подготовить корабль для быстрого спуска и подъема катеров, приходилось много тренироваться,

модернизировать пароход. Скоро турки поняли, что, несмотря на отсутствие у России на Черном море сильного флота, они не могут считать себя в безопасности даже на собственном рейде. Катера постоянно атаквали противника. А совсем недавно, в августе, на сухумском рейде Макаров успешно подорвал броненосец «Ассари Шефкет».

Тогда еще Кондратенко не представлял, как близко сведет его судьба через несколько десятков лет с этим незаурядным человеком, что оба они будут стоять во главе обороны героической крепости, и уж, конечно, не мог думать, что оба сложат головы у ее стен.

К службе Кондратенко относился самым добросовестным образом: приходил в казарму едва не первым и уходил последним. Командир роты сначала поощрял такое рвение, но скоро стал раздражаться. И однажды прямо заявил Кондратенко, что тот перестарался и что это не служба, а желание выделиться, отличиться. Роман принял это высказывание с удивлением. Он и не скрывал, что хочет отличиться. Что же тут плохого? Ведь другого пути для этого, кроме отличной службы, нет.

Как раз после этого разговора по батальону прошли слухи, что формируется маршевая рота в действующую армию. Назревали серьезные события под Карсом, и, хотя общая обстановка на театре военных действий была благоприятная, главнокомандующий, великий князь Михаил Николаевич, медлил. Войска топтались на месте. Лишь отдельные отряды под командованием наиболее талантливых генералов, таких, как Лазарев, участвовали в стычках, нередко перерастающих в серьезные бои.

Многие офицеры саперного батальона стали писать рапорта с просьбой о переводе в действующую армию. Дважды обращался по команде и Кондратенко, но получал неизменный, отказ.

После двух месяцев службы, случилось непредвиденное. Будучи в карауле, Роман вновь застудил колено, более месяца пролежал в госпитале, но так полностью и не вылечился. Перебравшись из госпиталя домой, он продолжал лечение под присмотром жены брата Юлии Васильевны. Эта женщина — добрый гений Романа. Сильно постаревшая и погрузневшая, она по-прежнему любила его как сына.

А события на фронте принимали все более решительный характер. С Балканского театра военных действий приходили сведения о неудачах под Плевной. Яркие репортажи В. И. Немировича-Данченко пестрели именем генерала Скобелева. Слава «белого генерала» росла, ширилась, затмевая и зачеркивая грязные сплетни, тянувшиеся за ним прилипчивым хвостом. Зеленые горы, на которых скобелевцы покрыли свои знамена неувядаемой славой, отныне навеки стали «скобелевскими». Роман вспомнил слова

брата Николая, его уверенность в большом будущем этого человека.

Под Плевну прибыл первый военный инженер русской армии — престарелый Тотлебен, который убедил царя и его брата — высочайшего главнокомандующего, что нужна глубокая и серьезная осада. Он оказался прав, но не оттого, что это был действительно единственный правильный выход, а потому, что все предыдущие атаки и штурмы организовывались и проводились бездарно. Войсками руководили такие нерешительные генералы, как Шильдер-Шульднер, Крединер.

Но вот сомкнулось кольцо под Плевной. На весь мир прогремел Горный Дубняк, где русская гвардия вновь, как при Бородино и Лейпциге, покрыла славой свои знамена.

На Кавказе зашевелились раньше. Через Тифлис проехал, с короткой остановкой в нем, начальник главного штаба генерал Николай Николаевич Обручев, один из умнейших военачальников, автор плана всей русско-турецкой войны. Он, как и Скобелев, с началом боевых действий остался не у дел. Сказывалась старая, неприкрытая вражда великого князя Николая Николаевича. В 60-х годах офицер Измайловского полка первой гвардейской дивизии Обручев отказался выступить на усмирение польского восстания. Великий князь тогда командовал дивизией. Стычка со строптивым офицером надолго запомнилась его высочеству. И несмотря на то, что в дальнейшем Обручев с большим талантом организатора и штабиста много и плодотворно работал для русской армии, негласная опала висела над ним постоянно.

С прибытием Обручева на Кавказ боевые действия оживились. Войска почувствовали твердую руку. Готовилось взятие Карса. Сразу после появления Обручева в Тифлисе провели серьезную ревизию всех тыловых учреждений. Забегали, засуетились интенданты, заметно увяли брызжущие здоровьем и наглостью маркитанты. Карс взяли блестящим штурмом. Скоро пришло сообщение и о взятии Плевны. Война складывалась в пользу русских.

В конце января, в самый разгар шипкинского сидения, Кондратенко опять угодил в госпиталь. Госпиталь был переполнен тяжелоранеными. Роман страдал не столько от болей в колене, сколько оттого, что находился со своей пустяковой болезнью среди тяжело покалеченных людей. В палатах не прекращались разговоры о последних боях, раненые делились свежими впечатлениями. В который раз, узнавая из первых уст о храбрости русских солдат и офицеров, о той тяжелой, незаметной работе, которую они ведут на войне и которая в конечном счете обеспечивает победу, Роман чувствовал гордость за русскую армию, за свою принадлежность к ней.

Внутренне он был готов к встрече с опасностью, тысячу раз представлял, как поведет себя в бою, хотя понимал, что все будет совсем не так, как представляется. И совсем уж не предполагал, что первый раз по-настоящему будет воевать уже в чине генерала, командуя тысячами послушных его воле людей...

Война шла к завершению, и, когда после блестящей победы под Шипкой — Шейново Скобелев одним броском довел свой авангард едва ли не до стен Константинополя, исход ее был предreshен. На Кавказе же после взятия Карса давно шли бон местного значения.

Весной был подписан Сан-Стефанский мир. Россия победила. Пятисотлетнее турецкое иго болгарского народа было уничтожено. Русские полки с честью возвращались на родину. Навсегда остались в памяти славянских народов подвиги героев Шипки, Плевны, Шейново. Здесь родилось великое содружество двух единых по вере и крови народов, братство по оружию двух армий.

Победная весна 1878 года в Тифлисе запоздала, и к апрелю взяла свое. Роман вернулся из госпиталя и перемежал недели службы с неделями болезни. Лечение результатов почти не давало. Правда, в батальоне особенно не обращали внимания на столь странное разделение времени молодым подпоручиком, но сам Роман был таким положением дел недоволен. Взаимоотношения с солдатами не крепили — они редко видели своего командира.

К лету Кондратенко окончательно поправился и с удвоенной энергией взялся за службу. Наверстывая упущенное, проводил он с полуротой почти все занятия, часто оставался в казарме до отбоя. Приходил и в воскресные дни. Любил Роман Кондратенко воскресные и праздничные службы, когда чистые, опрятно одетые солдаты выстраивались около небольшой церквушки. Редкие же часы отдыха он с удовольствием отдавал своему родному городу, его замечательному ботаническому саду.

В отпуск Роман по настоянию врачей уехал на морское побережье. Вместе с ним поехал и брат Елисей с женой. Остановились все трое в малолюдной деревушке Хосте, в доме бывшего сослуживца Елисея Исидоровича. Братья с удовольствием провели месяц, купаясь в ласковом море, совершая небольшие прогулки по побережью. Роман и здесь не оставался без дела. Занимался языком, изучил с помощью брата статистику. Елисей Исидорович охотно разьяснял Роману премудрости и тонкости своей профессии, и вскоре тот уже мог серьезно помогать брату в кропотливой работе по обработке статистических данных климата Кавказа.

Отдохнувшие и окрепшие вернулись Кондратенки в Тифлис. Роман

рвался к работе. Шел второй год его офицерской службы. Прежде всего он стал готовиться к давно задуманным занятиям с унтер-офицерами роты. Занятия эти выходили за рамки учебной программы. Их придумал сам молодой офицер, мечтавший поднять уровень подготовки младших командиров на более высокую ступень. Но мечтам этим не суждено было сбыться. С первых дней осени Роман снова слег. Снова госпиталь, резкий запах йода и хлороформа, тугие, тянущие боли. Нога распухла.

К Рождеству в Тифлис приехал один из родственников Юлии Васильевны, довольно известный врач. По просьбе Юлии Васильевны он всерьез принялся за лечение Романа Исидоровича, и скоро тот встал на ноги. Сразу после Рождества он подал рапорт о разрешении ему сдавать экзамены в Николаевскую инженерную академию. Командир батальона удовлетворил просьбу молодого офицера. Отправив требуемые документы в Петербург, Роман Кондратенко стал готовиться к экзаменам. Пришло подтверждение о зачислении его кандидатом. Зная требования к поступающим в академию еще по учебе в Инженерном замке, Роман делал особый упор в подготовке на математику, фортификацию, артиллерию. Служба, насыщенная занятиями, внутренними и гарнизонными караулами, оставляла мало времени для подготовки, но дело было знакомое, а трудности только подхлестывали его.

В начале лета 1879 года он прибыл в Петербург. Столица, как он отметил, изменилась незначительно, впрочем, почти не изменился и сам Роман. Разве что похудевшее его лицо обрамляли теперь бакенбарды да на погонах прибавилось по звездочке — он стал поручиком.

Конкурс в Инженерную академию по сравнению с академией Генерального штаба или Михайловской артиллерийской был не столь высок, хотя требования к поступающим предъявлялись серьезные. Отчасти это объяснялось тем, что саперные войска оставались едва ли не самыми малочисленными и слабыми в русской армии. Отчасти тем, что окончание академии не давало особых преимуществ в дальнейшем продвижении по службе. Производство в следующий чин и удерживало многих офицеров от, казалось, необдуманных шагов. Служба же в далеких гарнизонах засасывала своей обыденностью. Книги достать было чрезвычайно трудно, да и дорого. Развлечений, кроме карт и вина, никаких. Впрочем, и книги надоедали. От тоски пили, от тоски женились, пытаясь хоть как-то скрасить жизнь, и чаще всего портили ее не только себе, но и женам, у которых не было даже службы. Нужно было иметь силу воли, чтобы не опуститься, находить время и желание на подготовку к экзаменам, не запуская службы. Именно таким человеком был еще совсем юный поручик

Кондратенко.

Экзамены Роман сдал с блеском, не оставив у комиссии ни малейшего шанса сомневаться в целесообразности его зачисления в академию. Многие экзаменаторы помнили его еще по юнкерскому училищу. До начала занятий Роману пришлось заняться поисками квартиры. Он понимал, что скромного жалованья саперного поручика на столичную жизнь не хватит. А если и хватит, то в обрез. Вот почему важно найти удобную и недорогую квартиру. Помогла Юлия Васильевна. По ее рекомендации Роман снял комнату у немки, дальней родственницы, вдовы почтового чиновника. Комната была небольшая, но уютная и чистая.

Начались занятия. Радовало, что преподаватели относятся к слушателям с большим вниманием. Не было казенщины, как в юнкерских училищах. Можно было без ограничений пользоваться библиотекой. В учебной литературе недостатка не было. Привычка писать подробные конспекты только помогала в самостоятельной работе.

В академии, помимо военных вопросов, много внимания уделялось чисто инженерным дисциплинам. При тогдашнем понимании роли крепостей в системе долговременной обороны каждый военный инженер должен был быть прекрасным строителем. Читался еще специальный курс по строительству железных дорог и мостов. Прав оказался начальник Константиновского училища Гонзоровский, напутствовавший в свое время юнкеров для службы в саперах. Но основное внимание, конечно, уделялось полевой и крепостной фортификации, осаде и обороне крепостей.

Роман учился с большим удовольствием, как всегда, основательно и серьезно. Скоро он числился среди первых слушателей. Хорошие взаимоотношения сложились у него и с товарищами. На курсе преобладали немолодые офицеры, поступавшие в академию не по одному разу. Для них это было не только стремление узнать новое, но и воплощение многих честолюбивых надежд в будущем. Давно окончившие юнкерские училища, обремененные семьями, учились они тяжело, но упорно. Кондратенко много помогал таким «старикам». Он был самым молодым на курсе, но едва ли не самым уважаемым.

Свободное время Роман, как и прежде, посвящал Эрмитажу и музеям. Посещал службы в Исаакиевском соборе. С удовольствием слушал церковные хоры. В Петербурге хоры в соборах отличались высокими художественными достоинствами и классической музыкальной культурой. Кондратенко знал все тонкости хорового многоголосия и любил его.

Экзамены за первый год он сдал легко, на одном дыхании, с энергией принялся за годовую работу в поле. В тех же Усть-Ижорских лагерях

слушателям выделялся участок местности, который они рекогносцировали в инженерном отношении, снимали план и готовили схематический рубеж обороны... Готовые работы предъявлялись к началу следующего учебного года. Быстро и точно обрабатывал участки местности Кондратенко. Уже здесь выполнил основную часть работы в черновике. Большие чертежные и рисовальные работы оп. рассчитывал выполнить в отпуске с помощью Елисея Исидоровича.

С легкой душой он поехал в Тифлис. Брат оказал Роману значительную помощь в работе.

По возвращении в Петербург все сделанное он представил к защите. Откровенно говоря, Роман ожидал более высоких результатов, но некоторые оппоненты выступили против слишком вольной трактовки Кондратенко степени сложности укрепления передовых позиций. Роман хорошо привязал задание к местности и максимально использовал естественные препятствия, в инженерном отношении их оборудование свел к минимальной затрате сил и средств. Об экономии средств и упрощении труда солдата говорили тогда мало. Тем не менее проект понравился и, по мнению всех, заслужил высокой оценки.

На старшем курсе требовалось еще больше творчества и самостоятельности в работе. Кондратенко предстояло защитить три задания. Два — военные укрепления, организация минной и контрминной войны. Последнее — проектирование железнодорожного моста. Привыкший глубоко рассматривать каждый вопрос, Роман находил для себя в проектировании много непонятного. Нужны были дополнительные знания, и он кропотливо изучал марки бетона, свойства металлов, познакомился с основами электричества. Любознательность его была поразительна. Работы отличались глубиной проработки материала, точностью формулировок. Преподавателей часто поражало несоответствие внешнего облика и внутреннего мира этого молодого поручика. Невзрачный, с робкой улыбкой и тихим голосом, он буквально преображался на экзаменах и при защите контрольных работ.

Вне академии Роман продолжал вести более чем скромный образ жизни. Жил на той же квартире, по-прежнему посещал церковь, музеи, изредка театр. Книги занимали очень важное место в его жизни. Он начал собирать небольшую библиотеку, в которую, помимо книг по специальности, входили и произведения русских классиков. Прежде всего купил недорогие издания Пушкина и Лермонтова. Затем появились Гоголь, Толстой, Аксаков, Лесков. Толстого он вообще выделил, как военного писателя, и даже поставил на одну полку с военными рассказами,

вышедшими под общей редакцией князя Мещерского. Особенно поражали его воображение «Севастопольские рассказы». Такое сочетание лаконизма и полноты охвата событий в книгах о войне он встречал впервые. «Войну и мир» перечитывал несколько раз. Эта книга тянула к себе.

1 марта 1881 года был убит царь Александр II. Когда приведшего приговор «Народной воли» в исполнение Рысакова схватила подоспевшая охрана, а венценосец, широко открыв глаза и зажав руками разорванный живот, делал последние в жизни шаги, слушатели старшего курса Николаевской академии готовились отчитаться за последнюю курсовую работу перед предстоящими государственными экзаменами. Чрезвычайное событие на несколько дней приостановило обычную жизнь.

В два часа дня 1 марта Александр II выехал в карете из Михайловского дворца в сопровождении обычного конвоя. Сзади кареты царя на расстоянии не более двух сажений находился в санях полицмейстер Дворжецкий с капитаном Кохом и ротмистром Кулебякой. Кортёж, миновав Инженерную улицу, повернул направо, на набережную Екатерининского канала, направляясь к Театральному мосту. Карета не проехала и пятидесяти сажений, как под ней раздался оглушительный взрыв. Карета соскочила с колеса, забилась в агонии одна из лошадей, на окровавленном снегу кричали раненый казак и прохожий мальчик. Конвойные солдаты схватили на панели со стороны канала какого-то человека. Им оказался девятнадцатилетний народоволец Николай Иванович Рысаков. Соскочивший с саней Дворжецкий подскочил к карете и с удивлением увидел выходящего из нее совершенно невредимого царя. Александр II направился к Рысакову. Какой-то офицер, очевидно не узнавший царя, спросил его: «Что с государем?» — «Слава богу, я уцелел», — ответил тот. Рысаков, услышав это, крикнул: «Еще слава ли богу?» Слова молодого человека оказались пророческими. Спросив у него, он ли бросал бомбу, и получив утвердительный ответ, Александр повернул к карете и не успел сделать десяти шагов, как у него под ногами раздался новый взрыв. Царь был тяжело ранен и в тот же день в 3 часа 25 минут пополудни скончался. Виновник второго взрыва так и не был обнаружен, и полиция, проведя дознание, пришла к выводу, что им был один из пострадавших. Этот неизвестный человек был поднят на месте взрыва и доставлен в бессознательном состоянии в придворный госпиталь конюшенного ведомства, где и умер спустя восемь часов. Перед смертью он пришел в себя и на вопрос о своем имени ответил: «Не знаю».

Эхо взрыва на набережной прогремело по всем уголкам необъятной страны. Роман, как и большинство однокурсников, негодовал. Много

раньше до него доходили слухи, что в стране неспокойно. Проходя вдоль решетки Летнего сада, он невольно останавливался у того места, где прозвучал когда-то выстрел Каракозова, слышал о народниках, но был бесконечно далек от этих людей, не знал причин, побудивших их встать на путь борьбы. Поэтому он не мог оправдывать события 1 марта. Это и неудивительно. В России только начинало зарождаться революционное движение. Хотя были и среди военных люди с революционными взглядами, в целом армия и, в первую очередь, офицерство были настроены глубоко монархически.

На престол вступил новый царь Александр III.

В России начались годы всеобщей подозрительности, финансовой реформы и винной монополии. Энергичный царь был сторонник русского духа, и это коснулось едва ли не всех областей общественной, политической и даже сугубо бытовой жизни. В армии на смену офранцузенным кепи пришла добротная русская мерлушка, тесные мундиры заменила получившая столетнюю жизнь гимнастерка, а бритые лица, опущенные «легкомысленными» бакенбардами, буйно заросли бородами.

Именно в это время выпускники Николаевской инженерной академии получили на грудь долгожданных серебряных орлов и Роман Кондратенко возвращался на Кавказ, но уже не в Тифлис, а в Батум, в Чорохскую инженерную дистанцию.

Батум встретил новоиспеченного военного инженера неприветливо. Лил проливной тропический дождь. Улицы города, более походившего на захолустное местечко, залили потоки воды. Несколько европейских домов нелепыми башнями возвышались над скопищем домишек и просто хибар. И только порт выделялся совершенством и благополучием.

В представлении начальству и знакомстве с окрестностями прошла неделя, надо было приступить к работе, но конкретного дела не предвиделось. Роман начал нервничать, вспомнил знакомую обстановку саперного батальона и окончательно впал в уныние. И тут судьба преподнесла ему такой подарок, о котором можно было только мечтать.

Ровно через месяц после прибытия на Кондратенко возложили поручение разработать проект новой крепости в Батуме взамен имевшихся там береговых батарей. Последняя война и появившаяся в ее результате возможность возродить русский флот на Черном море поставили перед военным и морским министерствами новые задачи. Кроме укрепления основной базы флота, крепости Севастополь, встал вопрос и о защите Черноморского побережья Кавказа. Батумская, или, как ее стали называть,

Михайловская, крепость была лишь звеном в цепи подобных укреплений.

Кондратенко с усердием занялся делом государственной важности. Почти два года он занимался этой работой. Несколько раз приезжал в Тифлис. Елисей Исидорович тоже неоднократно посещал Батум, и в каждую встречу едва ли не единственным предметом их бесед был проект крепости.

Каждый камень, каждая кочка на предполагаемом месте строительства крепости были им обследованы. Он рассмотрел более двадцати типичных исходных вариантов, известных инженерной науке и наиболее приемлемых к его проекту, но в каждом находил серьезные недостатки. Многие из готовых проектов опирались на идею неприступности самой крепости, не учитывая ее главного назначения — защиты определенного района, в котором она располагалась. Исходя именно из этого, Кондратенко основное внимание уделил правильному расположению батарей, которые могли вести перекрестный огонь без серьезных маневров, оставаясь при этом достаточно защищенными. Главной задачей для них было прикрытие всего укрепрайона, а не только собственной крепости.

Решив эту главную задачу, он с не меньшей дотошностью принялся разрабатывать проекты всевозможных подсобных помещений — укрытий для личного состава, мастерских, кладовых, пороховых погребов. Достаточно изучив абхазскую низменность, позаботился Роман и об устройстве вентиляции помещений, погребов хранения боеприпасов, так как климат Батума отличался чрезмерной влажностью. Каждая, даже самая незначительная деталь проекта, была обчислена им самостоятельно. Он мог без труда, на глаз, определить, сколько и какого материала потребуется для проведения тех или иных работ, какое время и количество людей они займут.

Через двадцать лет, в Порт-Артуре, этот опыт окажется для него неоценимым.

В конце 1883 года проект был окончен. Романа Исидоровича откомандировали в Главное инженерное управление отстаивать проект. Он пробыл в северной столице несколько месяцев. Многим не понравилось в его проекте отступление от общепринятых правил. Другие, в основном молодежь, увидели в нововведениях большой и несомненный успех. В целом проект был принят. Вскоре Кондратенко получил чин штабс-капитана.

Кондратенко возвратился в Батум, куда был назначен исполнителем работ в Чорохскую военно-инженерную дистанцию, и сразу из области творческого труда, требующего инициативы и широкого применения

знаний, окунулся в струю будничных дел.

Это был небольшой, но очень неприятный отрезок времени в жизни Романа Исидоровича. И дело не в том, что ему приходилось заниматься канцелярщиной, копаться в накладных, определять участки работ и руководить их исполнением, сноситься с подрядчиками, десятниками. Черновой работы Кондратенко никогда не стеснялся, выполнял ее старательно и умело. Более того. Находил и в ней элементы творчества. Все было гораздо сложнее. Впервые он так близко, вплотную столкнулся с безобразиями, откровенным взяточничеством и воровством, которые разъедали военно-бюрократический аппарат. Подрядчики, все без исключения, воровали. Воровали в открытую, так как были уверены, что начальство, как военное, так и гражданское, покрывает их. Уверенность покоилась на чистогане, который незаметно переходил в карманы военных и штатских сюртуков и воплощался в прекрасные дачи, возникающие на берегу моря, владельцами которых были ничем не примечательные поручики и капитаны. При скудном жалованье и существующей в Батуме дороговизне они едва ли могли и мечтать о таких покупках честным путем.

Сначала Роман Исидорович считал, что ему просто не везет с подрядчиками. Вскрыв махинации двух из них, он обратился с рапортом по команде. К удивлению, после этого имел разговор со старшим инженером, который намекнул ему, что не надо совать нос, куда не следует, а лучше самому подумать о материальном благополучии. Видя, как процветает казнокрадство, Кондратенко терял самообладание. Честный, непримиримый к лицемерию, он вскоре порвал отношения со многими сослуживцами и прослыл на дистанции сварливым и неуживчивым офицером.

Началась неприкрытая травля строптивого штабс-капитана. С тоской вспоминал Кондратенко кадетские споры, юношеские мечты. Даже недавняя работа над проектом крепости казалась бесконечно чужой. С некоторого времени он стал замечать холодность и со стороны начальника дистанции, которого уважал и который, как ему казалось, оставался едва ли не единственным человеком в этом гнуснейшем муравейнике. Причина этой холодности скоро выяснилась. Начальник сам погрел руки на одном из подраздов и теперь опасался выпадов со стороны молодого офицера.

Венцом всему явилось столкновение Романа Исидоровича с одним из подрядчиков, молодым армянином. Кондратенко принимал от него выполнение работ в одном из опорных пунктов. Тут же собрался любопытствующий гарнизон во главе с прапорщиком. Подрядчик, весело улыбаясь и потирая пухлые руки, вертелся вокруг Романа Исидоровича,

всем своим видом показывая, что дела у него идут блестяще. Кондратенко, однако, видел много недостатков и причин для радости не находил. Его предположения подтвердил прапорщик. Не скрывая ничего, он заявил, что работы выполнены из рук вон плохо. Роман Исидорович и сам видел недостатки, несоответствие выполненных работ смете, видел, что неисправны печи и солдаты в первую же зиму будут мерзнуть. Он потихоньку закипал, а подрядчик на его вопрос о причинах неисправностей, не стесняясь присутствующих солдат, развязно ответил:

— Когда будешь жениться, такой тебе с женой сделаем печка, будет жарко, — громко рассмеялся и, подмигнув, фамильярно потрепал инженера по плечу.

Здесь уж Роман Исидорович не сдержался и влепил негодюю пощечину.

В тот же день Кондратенко подал рапорт по команде. Но подрядчик оказался не прост. Чувствуя свою полную безнаказанность, он обратился в суд за оскорбление насилием. Роману Исидоровичу пришлось испытать еще одно унижение. Чорохская военно-инженерная дистанция старалась не допустить какого-то ни было разбирательства прежде всего потому, что начальство боялось, как бы Кондратенко во гневе не раскрыл на суде все махинации. К нему зачастили коллеги, старшие начальники. Все сочувствовали, клялись в дружбе и пытались выяснить, как поступит штабс-капитан. На суде Роман Исидорович объяснил, что посчитал жест подрядчика и его заявление наглостью, оскорблением офицерской чести и не жалеет о случившемся. Суд ограничился разбирательством дела.

Не желая больше оставаться в среде военных инженеров белой вороной, Роман Исидорович отправился в Тифлис просить совета у брата. Тот предложил ему идти в академию Генерального штаба и начать все сначала.

Быстрый в исполнении решений, находясь под впечатлением недавнего, Роман Исидорович тотчас отправился к начальнику инженеров Кавказского военного округа и добился разрешения поступать в академию.

Не откладывая дела в долгий ящик, он за неделю рассчитался с прежним местом службы, устроил прощальный вечер, на котором присутствовали все офицеры Чорохской военно-инженерной дистанции, откровенно радующиеся избавлению от дотошного правдолюбца, и на следующий день, не заезжая к брату, отбыл в Петербург. Вскоре по прибытии он был зачислен сразу в старший класс Николаевской академии Генерального штаба.

Обучение в старшем классе академии Генерального штаба, несмотря

на пройденный им совсем недавно академический курс, требовало напряжения. Роман Исидорович постепенно втянулся в привычный и радостный ритм учебы. Но тут, на беду, разболелась нога. Более месяца он пролежал, в клинике, а после еще долго ходил на костылях. Отсутствие друзей, денет, наконец, болезнь выбили его из колеи. Впервые в жизни он почувствовал отвращение к учению.

До окончания Романом Кондратенко курса академии оставалось три месяца, когда Елисей Исидорович получил письмо, в котором брат прямо выражал сомнение в целесообразности своих занятий. Крайне озабоченный вестями и опасаясь за состояние брата, Елисей Исидорович бросил свои дела и в феврале 1886 года приехал в Петербург.

Брата он застал в состоянии депрессии. Изнемогающий от болезни, усталости и бедности, тот снимал жалкий угол в полуподвале. С трудом узнал Елисей Исидорович в исхудавшем, заросшем густой черной бородой офицере вечно веселого, брызжущего неиссякаемым здоровьем и энергией Романа Исидоровича.

Старший брат немедленно снял на Литейном светлую, чистую комнату, в которой и сам поселился вместе с Романом. Рассчитался с многочисленными долгами брата. Пригласил на консультацию врачей.

Не прошло и месяца, как с прежним энтузиазмом младший Кондратенко объяснял брату смысл последней предэкзаменационной работы. Силы возвращались в молодой организм с поразительной быстротой. Но Елисей Исидорович не уезжал, поддерживал брата морально и материально. Он оставался с ним до последних испытаний в академии. Праздновал вместе с Романом производство в капитаны, обсудил вопрос о том, куда просить назначения на службу. Роман Исидорович охотно согласился на предложенную ему вакансию в Виленском военном округе. Из Петербурга братья выезжали одновременно: один ехал в Тифлис, другой в Вильно.

В Вильно Роман Исидорович не нашел на месте ни одного начальника. Следуя совету дежурного генерала при штабе округа, он тут же взял отпуск и укатил в Тифлис. Елисея Исидоровича застал за составлением Кавказского календаря, издававшегося по приказанию наместника. Предложил свою помощь брату. Тот согласился и поручил ему составление статистического раздела календаря. Работа требовала усидчивости и большого внимания. Надо было обработать статистические обзоры Кавказского края, составленные на основании отчетов губернаторов, подробный перечень расходов и доходов губерний и областей края на основании приходно-расходных смет всех правительственных учреждений.

Эта обширная и срочная работа потребовала от Романа Исидоровича около двух месяцев труда. Результатом ее явилось большое статистическое обозрение Кавказа за 1886 год с распределением данных по губерниям и областям.

Глава 5

В БЕЛОРУССИИ

3 июня 1886 года капитан Роман Исидорович Кондратенко отбыл в Вильно и вместе с двумя товарищами по выпуску явился к начальнику штаба округа генерал-майору М. И. Бунакову.

Стройный, подтянутый генерал сразу расположил к себе Кондратенко и его товарищей. Вспомнилось, что еще в академии его рекомендовали как честного, очень умного и образованного человека. Объявив, куда каждый из них назначается, Бунаков счел нужным дать некоторые напутствия новым офицерам. Генерал прохаживался по кабинету, заложив руки за спину, и быстро говорил:

— Пошли вам бог всяких успехов на вашей службе. Но помните также, что для достижения их нужны два качества: любовь к делу и скромность. Как барышне лучшим украшением служит ее невинность, так офицеру Генерального штаба скромность должна служить отличительным качеством...

Бунаков настолько расположил к себе офицеров, что Роман Исидорович, хотя и не без некоторого опасения, решил попросить разрешения на получение фуражных денег, около 160 рублей, которые полагались к выдаче только через месяц. Просьба не была случайной. Квартирных денег ему, как бывшему в отпуску, не дали совсем, столовые деньги назначили только со времени причисления к Генеральному штабу, то есть с 27 марта. Все это, вместе с прочими причислениями, составило по 20 рублей в месяц. Поэтому вместо ожидаемых 100–120 рублей он должен был получить около 40. Начинать службу с такой суммой, недостаточной даже для первого обзаведения, было невозможно, и Кондратенко оказался весьма в стеснительном положении. Кроме всего прочего, к этому времени у Романа Исидоровича начинает развиваться скупость — не очень-то приятная черта характера.

На счастье, Бунаков очень быстро разрешил эту просьбу капитана.

До лагерного сбора, то есть до 1 сентября, Кондратенко назначили в 26-ю пехотную дивизию, стоящую в городе Гродно, временно исполнять должность старшего адъютанта дивизии. Бунаков прямо заявил ему, что стажировка у такого замечательного командира, каким являлся начальник 26-й дивизии генерал Малахов, во многом поможет ему в дальнейшей службе.

Роман Исидорович уже знал, что служить у Малахова будет трудно, ибо начальник штаба дивизии большой лентяй, и Малахов его обязанности перекладывает на старшего адъютанта, которому, помимо канцелярских работ, приходится присутствовать на учениях и смотрах.

Итак, в перспективе было лето усиленной работы, новое место, новые люди и необходимость ко всему привыкать. Правда, с 18 июня по 20 июля намечался почти месячный перерыв, во время которого он вместе с другими офицерами Генерального штаба должен выехать на рекогносцировку местности для проведения больших маневров. И только в сентябре все причисленные к Генеральному штабу будут вновь собраны, получат назначение на должности командиров рот и будут окончательно утверждены. Это, помимо получения права ношения новой формы, позволяло, наконец, довольствоваться более приличными столовыми деньгами.

Так примерно представлял свою деятельность Кондратенко, но окончательное назначение он получил только в начале следующего года, а половину оставшегося провел в скучной канцелярской работе. Малахов действительно оказался дельным генералом, но откровенно посоветовал Роману Исидоровичу поскорее принимать роту, набираться опыта. Сам он штабную работу не любил и не признавал. Начальник штаба у него в короткий срок сумел так развалить самое важное в дивизии хозяйство, что почерпнуть что-нибудь полезное у него Кондратенко так и не сумел. Дело с его назначением затягивалось. Малахов его поддерживал, но начальник штаба только радовался такой задержке, успев уже окончательно разлентиться при столь добросовестном помощнике. Тогда Кондратенко, сославшись на обострившуюся болезнь, взял отпуск и уехал в Крым на лечение. И только 3 марта, по прибытии из отпуска, он узнал, что назначен командиром 7-й роты 119-го пехотного Коломенского полка, расквартированного в местечке Заславль, куда и отправился.

В Минске, в корпусном штабе, уже служили товарищи Кондратенко по выпуску академии. Они выразили неудовольствие, что Роман Исидорович должен ехать в глушь. Действуя на командира полка через начальника штаба и корпусного командира, они добились, что Кондратенко предложили роту вопреки законным правилам в Минске. Тот, узнав об этом, возмутился, едва не рассорился с приятелями и настоял, чтобы именно его послали в Заславль, в 7-ю роту 2-го батальона на место ротного командира, уехавшего в Петербург в офицерскую школу. Скоро Роман Исидорович писал брату:

«...Попад сюда, во второй батальон Коломенского полка, я понял, что

поступил отлично: кружок офицеров оказался дружным и хорошим, а удаление от Минска позволяет свободно располагать своим временем. В довершение всего, жизнь здесь обходится удивительно дешево: с поездками в Минск не более 25–30 рублей в месяц. Понятно, что при таких условиях мои финансовые обстоятельства могут быстро поправиться...»

Местечко Заславль располагалось в тридцати верстах от Минска, в сторону Вильно по Либаво-Роменской железной дороге. Кондратенко еще в Минске навел о нем все справки, а здесь, на месте, находил все более интересные и замечательные памятники старины.

Заславль, представлявший из себя заштатное поселение, в древности был столицей удельного княжества и, располагаясь в ином месте, имел довольно значительные размеры. Об этом говорили оставшиеся во многих местах развалины. Судя по преданию, Владимир Святой, приняв крещение, сослал свою жену Рогнеду в Заславльский замок, от которого остались лишь камни, поросшие травой и мхом. Когда княгиня умерла, ее похоронили на самом возвышенном месте, где расположен теперешний городок. Место это, окруженное болотами и рекой и огражденное искусственными валами, играло прежде роль крепости. Как памятник кипевшей здесь жизни воспринял Кондратенко стоящую на самом высоком месте четырехугольную белую башню. Башню эту превратили в колокольню и возле построили православную церковь.

Главным удобством расположения казарм являлась близость железной дороги и платформы, до которой было не более двадцати шагов. Из окна ротной канцелярии открывался великолепный вид на поросшие лесом и кустарником холмы, железнодорожное полотно, по которому изредка, натуженно дыша, полз паровоз, тянущий длинную вереницу вагонов. Сами казармы были собственностью проживающего в десяти верстах от Заславля довольно богатого помещика, который сдавал их в аренду военному ведомству.

Сообщение с Минском прекрасное. Езды до него всего 45 минут, и дешево — 38 копеек. Пассажирский поезд ходил в Минск в 7 часов утра и в 8 вечера. Возвращался в 5 утра и половину второго ночи. Так что расписания лучше не придумаешь.

Все вместе составило у Кондратенко довольно приятное впечатление о Заславле. Роман Исидорович поселился в квартире из трех комнат вместе с пятью другими офицерами. Он среди них оказался самым старшим по возрасту. Товарищи по жилью люди молодые, веселые. Зная жизнь в отдаленных гарнизонах, Кондратенко с горечью думал, что придется видеть нескончаемую картежную игру, пьянство, скандалы. К алкоголю

Кондратенко был равнодушен, водки почти не пил, предпочитая сухие грузинские вина. Но, прожив несколько дней с новыми товарищами, понял, что беспокоился зря, и уже скоро писал родным:

«Понятно, что в подобном общежитии об уединении и думать нечего: разговоры, шум и смех прекращаются только ночью и иногда по праздникам, когда офицеры разъезжаются проветриться в Минск. Это главное неудобство. Но так как все ведут себя очень сдержанно, водки нет и в помине, то неудобство это, весьма важное само по себе, не ложится очень серьезным гнетом...»

Устроив жилье, молодой командир роты окунулся в хлопотливую работу. Дело не новое, но в саперном батальоне он был в роте подчиненным, а здесь стал впервые хозяином. Прежде всего обратил внимание на офицеров и унтеров. На первый взгляд люди казались дельными. Правда, не все удовлетворяло капитана Кондратенко в их работе, но сразу заниматься нравоучениями не стал. К солдатам присматривался исподволь, сразу выделив новобранцев, работу с которыми считал важной. Внимательно знакомился с ротным хозяйством, беседовал с артельщиком и ротным писарем.

Помимо ротных занятий, Кондратенко выступал с небольшими сообщениями в кругу офицеров батальона по военной истории, тактике, инженерному делу. Пришел он к этому не сразу. Освоившись с обязанностями командира роты, он внимательно изучил программу командирской подготовки и нашел ее далеко не совершенной в вопросах военной теории. Офицеры больше занимались гимнастикой, фронтовыми учениями и стрельбой. На тактическую подготовку отводилось ничтожное количество времени. Да и темы были старые, затасканные, знакомые еще с юнкерской скамьи. Командир батальона без особого энтузиазма выслушал предложение Кондратенко заниматься с офицерами, ссылаясь на нежелание последних отрывать свободное время, но согласился.

Офицеры, как и предполагал командир батальона, приняли затею с недоверием, но после первого же сообщения о возможностях будущего театра военных действий заинтересовались и следующего доклада о больших маневрах под Брестом ждали с интересом.

Но основное время молодой ротный командир все же уделял солдатам, подолгу оставался в казармах, беседовал с людьми о доме, старался понять душу простого человека. В одном из писем к брату он напишет:

«...Командование ротой началось и теперь находится в фазе продолжения. С каждым днем убеждаюсь, насколько благотворна эта деятельность в смысле ознакомления с духом и бытом войск. Жалею

только, что мне не удалось быть некоторое время солдатом и вообще вращаться в солдатской среде как равный с равным, а не как начальник...»

Ротные занятия сменялись однообразными, но, по мнению Романа Исидоровича, далеко не скучными вечерами, которые он большей частью проводил на природе. Вечерние прогулки были за обычай у офицеров заславльского гарнизона. Такими же традиционными были и встречи восьмичасового петербургского поезда, который привозил вчерашние газеты и являлся связующим звеном с большим миром. Прогулки совершались каждый вечер, независимо от погоды, вдоль железной дороги до станции Ратомка, находившейся от Заславля в восьми верстах. Обратное возвращались с минским поездом. Роман Исидорович с удовольствием включился в это нехитрое развлечение.

Весна внесла оживление в ротные занятия. Тогда же Кондратенко занялся использованием для связи с Минском почтовых голубей. Получил от командира разрешение, подготовился со старшим адъютантом дивизии. Голубей прислали корпусному командиру еще прошлой осенью, но многие посчитали это пустой забавой и забыли о них. В роте стали сбивать для птиц клетки, нашлись охотники взяться за их обучение. И через две недели связь с Минском наладилась. В батальоне решили, что капитану Кондратенко можно давать любые, самые невыполнимые поручения.

Скоро в ротах прекратились занятия и началась подготовка к празднику Пасхи. Солдаты и призванные на помощь рабочие с железной дороги мыли, чистили, на лошадях, а то и вручную подвозили песок, елочки. Из лапника делали гирлянды и украшали ими казармы. В эти дни, полные предпраздничной суеты, Роман Исидорович очень близко сошелся со своими подчиненными. Поводом послужило обращение ротного фельдфебеля с просьбой разрешить солдатам поклеить праздничные фонари в квартире ротного, ибо другого помещения для этого не было. Роман Исидорович с радостью согласился. Сначала исподтишка наблюдал за работой подчиненных, с удовольствием слушал их пение, а потом и сам включился в работу. К началу праздника он уже был своим человеком среди солдат.

Весь апрель прошел спокойно. В середине месяца приехал командир бригады, проверил подготовку молодых солдат к лагерям. Смотр продолжался около двух часов и седьмой роте принес средние результаты. Скоро по Заславлю поползли слухи, что батальон перед лагерями постоит в Минске. Молодежь этому обрадовалась, но многие офицеры, в том числе и Кондратенко, встретили новость скептически: из-за прихоти корпусного командира целые полки устраивали бессмысленные прогулки в

окрестностях Минска с обозами и артиллерией, солдат поселят в казармах с другими батальонами. На совещании командиров рот Кондратенко заявил, что это приведет к болезням, подрыву дисциплины из-за отсутствия должного контроля. Его поддержал командир шестой роты штабс-капитан Ударов, но выступления эти прозвучали скорее для успокоения, так как оба понимали, что батальонный командир изменить тут ничего не может.

28 апреля в шесть часов утра батальон выступил из Заславля и, проделав тридцативерстный переход, к полудню вступил в Минск.

Кондратенко шел при роте, с удовольствием слушая солдатские песни. Солдаты в присутствии ротного командира старались вовсю, а песенники выделяли просто чудеса. Когда же кто-то из офицеров предложил ротным командирам для прочистки голосов запевал собрать молодцам на выпивку с закуской, Кондратенко не возражал, а запевалы запели еще заливистой. После привала оказалось двое отставших, но зато остальные утроили рвение, и весь переход прошел под неумолкающую дробь барабанов, звуки горна и песен с бубнами и цимбалами.

Возле Минска батальон встретил полковой оркестр, под звуки которого и промаршировали роты через весь город. Поселился Роман Исидорович у штабс-капитана Ударова, который сдал ему комнату на эти две недели всего за 11 рублей. В последнее время Роман Исидорович сдружился с ним. Будучи несколько старше, Ударов ротой командовал давно, хотя и уступал Кондратенко чином. Он считался одним из самых энергичных и деловых командиров рот в полку. Требовательный к себе и подчиненным, Ударов болезненно переносил безобразия, творившиеся в армии, пытался, как мог, бороться с ними, но чаще всего не находил поддержки. Роман Исидорович сначала принимал его критику как озлобление честного человека на мелкие неурядицы, но товарищ упрямо доказывал, что это система и что он еще не раз столкнется с такими штучками, в сравнении с которыми его инженерные дела покажутся шуткой. Скептически относился Ударов и к начальству, убеждая Кондратенко, что многие высокопоставленные чины давно перестали объективно оценивать подчиненных, а полагаются только на свое мнение, основанное чаще всего на поверхностных наблюдениях и голой амбиции. Кондратенко сердился, приводил в пример Суворова, Кутузова, Скобелева, но товарищ только посмеивался.

Через день после прибытия в Минск корпусной командир провел смотр всему Коломенскому полку. В присутствии многочисленной публики полк вытянулся в ротные колонны на самой людной улице города, и по команде командира полка полторы тысячи людей церемониальным маршем

двинулись мимо трибуны, на которой возвышалась монументальная фигура корпусного. На основании этого прохождения начальник дивизии и сделал вывод о боеготовности батальонов и рот. Почти все получили замечания. Кондратенко был очень огорчен: смотр более походил на опереточный парад. Вечером он писал брату:

«...Конечно, мне было очень неприятно выслушивать подобное вполне незаслуженное замечание, потому что в последние полтора месяца я все свои силы и усердие направил исключительно к образованию роты и плоды этого уже успел отчасти пожать в успешных результатах проведенной в Заславле стрельбе. Но так как «цыплят по осени считают», то, конечно, эта неприятная случайность не остановит меня и моего дальнейшего усердия. 62 я с обычным терпением принялся за продолжение занятий, полагая, что они непременно должны дать хорошие результаты».

Уже на следующий день он приступил к интенсивным занятиям, чем сильно огорчил своих офицеров. Скученность личного состава и прямое попустительство командира полка полковника Цитовича создали такую обстановку, что занятия проводились редко и кое-как. Офицеры большую часть времени отдавали забавам, благо возможностей для этого в Минске было больше. В городе гастролировали русские драматические и опереточные труппы, имелся кафешантан и множество других увеселительных заведений.

Роман Исидорович часто раздражался, но работал с удвоенной энергией и домой возвращался не раньше десяти часов. Пришло сообщение, что полк эшелонам убывает в Бобруйские лагеря. Уставший за последние дни и сильно раздраженный Кондратенко предчувствовал, что завтрашний день ничего хорошего не предвещает.

Его предчувствия оправдались. Сообщая по обыкновению в Тифлис о своем перемещении, он впервые напишет брату о безобразиях, имеющих место в войсках глубоко уважаемой и любимой им русской армии. Правда, пишет он только о своем полку, но скоро жизнь заставит его относиться критически к службе вообще.

«Сегодня в семь с половиной часов вечера отправляются два батальона, в том числе и второй, а в половине одиннадцатого остальные два. Завтра в том же порядке перевозится Серпуховской полк. Я говорю о том же порядке только в смысле времени отправления и способа эшелонирования, ибо во всем остальном трудно предположить, что нашелся полк, сумевший опередить наш в степени образцового беспорядка. Осенью прошлого года мне пришлось руководить посадкой целой дивизии с обозом, но не пришлось видеть и сотой доли той бестолковщины, которая

замечается здесь при посадке одного лишь полка: на вокзале от беспорядочного сваливания в кучи вещей разных рот за отсутствием общего распорядителя — настоящий хаос, в котором десятки людей, оторванных от рот, толкуются бесплодно и только приучаются к беспорядку; в ротах в день выступления центростремительно собираются каптенармусы для получения сапожного товара, который, разумеется, при таких обстоятельствах не приходится долго рассматривать, а прямо совать в ранцы людей; с той же стремительной неожиданностью господам офицерам в самый последний день выступления, то есть сегодня, объявляется, что вещи должны быть сданы к 10 часам утра на вокзал и т. п.

По случаю выступления в лагеря разрешают выдавать жалованье в Минске, чтобы дать покончить офицерам счета с городом; но тут опять, как бы для того чтобы наполовину нейтрализовать действие этой меры, жалованье это приказано выдать сегодня, то есть за несколько часов до посадки, когда офицеру, в особенности долго здесь живущему, и без того приходится обратить внимание на многое: попятно, что о заблаговременной закупке необходимых вещей при этом нечего и думать...»

На следующий день, часа в три утра, с первыми лучами солнца батальон прибыл в Бобруйск.

Лагерь понравился Кондратенко удобством расположения и красотой окружающей природы. Впереди стройной линии палаток, примерно на две версты тянулся абсолютно ровный, покрытый дерном плац — отличное место для проведения фронтовых занятий и тренировок в стрельбе. Стрельбищные валы располагались тут же. Далеко за плацем виднелась группа небольших строений, так называемый Березинский форштадт. За солдатскими палатками трех полков — 119-го, 120-го, 121-го — и артиллерии росли в несколько рядов липы. Среди лип — офицерские столовые, домики командиров полков и офицеров. За рощицей, по правому берегу небольшой речушки Бобруйки, шла линия солдатских кухонь, цейхгаузов, других хозяйственных построек. Еще дальше виднелись силуэты бобруйских домишек и церквей.

Жизнь в лагере быстро вошла в колею. Кондратенко первым в полку провел ротные учения и разработал план дальнейшей подготовки солдат, унтер-офицеров и офицеров. Через неделю уже поползли слухи о ненормальном капитане Коломенского полка, который решил превратить лагерь, предназначенный, по общему мнению, для отдыха, в подобие учебного полигона. Офицеры скуки ради стали вечерами появляться в уютном кондратенковском домике, чтобы познакомиться с чудаком. Роман

Исидорович не обращал внимания на любопытных, а Ударову незваные гости надоели, и он стал их выкуривать на американский манер. Для этого убрал из домика почти все стулья и поднял ножки кроватей на такую высоту, чтобы посетители не могли на них садиться. Наплыв гостей заметно снизился. Кондратенко считали заучившимся выскочкой, и только его доброта, почти детская наивность и открытость удерживали многих от разрыва с ним. Офицеры были в большинстве своем самовлюбленные, невоспитанные и плохо образованные представители военной аристократии. Они видели свое призвание в верноподданнических настроениях, ношении военной формы и регулярном посещении значных мест Бобруйска. Таких офицеров было больше, чем тех, кто, как Ударов, видели в Кондратенко настоящего военного, грамотного командира, болеющего душой за армию. Командир полка тоже занял по отношению к инициативному офицеру почти враждебную позицию: слишком деловые офицеры мешали ему вести спокойную дачную жизнь. Кондратенко же продолжал усердно трудиться, не забывая делиться своими мыслями с братом.

«На этой неделе, — писал он в Тифлис, — я провел пять уставных ротных учений и доволен пока достигнутым результатом. Точно так же не могу особенно пожаловаться на стрельбу — эту важнейшую отрасль военного образования солдат в военное время. Эта отрасль важна, между прочим, и для мирного времени, в смысле данных для оценки успешности командования ротой, которую нельзя оценивать по личному произволу и фантазии, а приходится прямо опираться на цифры, именно на процент попавших пуль. Вот почему, помимо строевого, я на этот предмет обратил серьезное внимание, так как, к сожалению, приходится убеждаться, что ко мне не вполне беспристрастно относятся даже мои сотоварищи по службе и полку. Конечно, это меня тревожит, но с тем большей требовательностью мне приходится относиться к самому себе».

Отношения с командиром полка становились все хуже и хуже. Полковник Цитович не пользовался в полку особым уважением. Слабый, безвольный человек, он, однако, любил показать свою власть перед подчиненными. С офицерами разговаривал грубо, солдат презирал. Командовал полком он весьма странно: на зимних квартирах под прямым руководством и при непосредственном участии жены, летом, в лагерях, лучшим советчиком его был личный повар, недалекий и весьма ограниченный субъект. Офицеры не любили полковника, за глаза дразнили, придумывали в его адрес анекдоты. Повара ненавидели, но старались не перечить ему, а многие даже пытались заручиться покровительством этого

ничтожного человека.

Роман Исидорович всегда осторожно подходил к оценке людей, особенно своих командиров. Он упорно отказывался верить слухам, в душе побаиваясь очередного разочарования.

Но жизнь скоро столкнула его с этим человеком. Еще в Минске он задержал на улице полкового музыканта за неотдание чести. Тот попытался скрыться. Кондратенко удержал его. Музыкант вел себя вызывающе нагло. Тогда же Роман Исидорович просил полкового адъютанта арестовать наглеца. Тот несколько замялся, объясняя это тем, что музыкант — приятель командирского повара и потому так развязен. Но в лагере все-таки арестовал его. Однако не прошло и получаса, как Кондратенко был вызван к полковому командиру. Цитович в грубой форме потребовал отменить приказание Кондратенко. Только твердостью и спокойствием удалось Роману Исидоровичу оставить свое распоряжение в силе.

Но Кондратенко был все же огорчен и подавлен, так как рассчитывал организовать в ротах школы обучения солдат грамоте, а без разрешения командира полка это было невозможно. Близко сталкиваясь с солдатами на занятиях, он не уставал удивляться их природному уму и смекалке. Из многих могли бы развиваться настоящие таланты, полезные не только армии, но и вообще государству. Мешала почти поголовная неграмотность. Обучение грамоте облегчило бы и подготовку унтер-офицеров.

К большому удивлению Кондратенко, командование ничего предосудительного в его предложении не нашло, хотя и не пошло навстречу. Офицерство приняло новшество в штыки, и только в роте Кондратенко школа работала исправно. Роман Исидорович спешил поделиться радостью с братом:

«Сегодня праздник, а потому с оставшимися людьми я занялся грамотностью в ротной школе, о которой не знаю, писал ли тебе. Дело в том, что, пользуясь отпущенной мне, как командиру роты, офицерской палаткой и любезностью завхоза, давшего лес на постройку столов и скамеек, я устроил палатку для занятий с теми из молодых, призыва 1887 года, которые сами вызовутся заниматься.

Затея эта, обещавшая высоко поднять дело в учебной команде, в которую для приготовления к унтер-офицерскому званию будут поступать уже люди грамотные, была довольно равнодушно встречена полковым командиром, узнавшим о ней при осмотре палаток, но, наоборот, встретила самый живой и радужный отклик среди молодых солдат моей роты. Сегодня проходило мое первое занятие с ними, и, кроме напряженного внимания и старания, я не видел ничего.

Офицеры, к сожалению, даже молодежь, отнеслись к этому делу довольно индифферентно, а отчасти враждебно, опасаясь, как бы подобная новость, по выражению командира полка, не вошла как-нибудь в моду, а тогда — прощай, пожалуй, снова несколько свободных часов, которые, вместо карт и тому подобного, придется обратить на солдатское образование.

В двух только ротах устроилось пока по одной ротной школе...»

Пришла очередь ходить в наряды, и Роман Исидорович понял, насколько он был прав, усиленно занимаясь раньше. На службу заступали по два раза в неделю в полковой и крепостной караулы, которые отнимали много времени от боевой подготовки. Только в седьмой роте люди, привыкшие к большим нагрузкам, успевали восполнять пробелы в занятиях.

Кондратенко в период караулов пришлось вновь вспомнить свою старую профессию военного инженера. Во время дежурства в Бобруйской крепости он по просьбе коменданта тщательно обследовал все укрепления и составил краткую докладную записку, в которой отметил, что «...по своей профили — это сильная и прекрасная крепость, но ее уязвима пята — полное отсутствие блиндированных, безопасных от навесного и перекидного огня построек, а также поперечных траверсов для защиты от анфиладных выстрелов...».

Началась пора всевозможных смотров, и у Кондратенко вновь возникли трения с начальством. Уже простая проверка обмундирования раскрыла перед ним такие безобразия, о которых он стал забывать со времени своей службы в Чорохской инженерной дистанции. Позднее он с горечью напишет брату:

«Мундирная первосортная одежда выдана людям удивительно плохая; объясняют это долгим лежанием мундиров на складе — но против полной вероятности такого объяснения говорят мундиры, сшитые в полку: неряшливость отделки, разнообразие и плохое качество материала, употребленного на постройку, приводит в недоумение.

Халатность, чтобы не сказать большее, доходила до того, что заведующий швальней оказывается совершенно не знаком с приказом, определяющим размеры разных частей мундирной одежды, а целиком полагается в этом случае на закройщиков из нижних чинов, большей частью евреев. Про второсрочную одежду и говорить нечего: это большую частью вещи, выслужившие вдвое, втрое законный срок и выданные людям в третий, четвертый раз, с такой притом развязной наглостью, что выдающие подобную дрянь, вместо приличной одежды, не сочли даже

нужным переменять подкладку, на которой красуется клеймо, изобличающее давний год постройки и, следовательно, компрометирующие выдающих. В довершение безобразия выдаваемую мундирную одежду обязывают сберечь с такой совершенностью, что приходится ротным командирам, во избежание страшных упреков и угроз за скорое изнашивание платья, буквально заставляя нижних чинов покупать себе собственную одежду.

Принимая роту, я пробовал было подать по этому поводу рапорт, но последний положен под сукно, а все молодые солдаты призыва 1887 года все-таки принуждены были ходить в собственных мундирчиках.

Принимая теперь первосрочную мундирную одежду и просматривая второсрочную, я натолкнулся на такие возмущающие факты, подобных которым, говорю с искренностью, не встречал в самой разнузданной части военно-инженерного ведомства...»

1 июля вечером один из офицеров полка получил депешей из Вильно неофициальное уведомление о приезде через два-три дня в Бобруйск командующего Виленским военным округом генерала Гонецкого. Для встречи начальства во всех полках дивизии были приняты надлежащие меры. Назначенные на эту неделю занятия — уставные батальонные учения, глазомерное определение расстояний и, наконец, боевые стрельбы — отменялись приказом командира корпуса. Вместо этого предлагалось отработать церемониальный марш. Дни превратились в сплошную какофонию звуков и непрерывного вышагивания. Начиная с пяти утра на правом фланге лагеря раздавались первые звуки церемониального марша, и далее музыка гремела до заката во всех частях обширного плаца. Под эти звуки двигались сначала роты. Потом роты сводились в батальоны, полки и, наконец, к вечеру, когда полки соединялись в бригады, приезжали бригадные командиры и начальник дивизии. Бригады шли мимо центральной трибуны. Через несколько дней Роман Исидорович написал:

«Сегодняшний день представляет дубликат вчерашнего по своим занятиям. Подобная служба Отечеству на радость врагам и на услаждение взоров любующихся церемониалом займет всю текущую неделю...»

4 июля принаряженная во второсрочное обмундирование дивизия была выстроена. Смотр прошел по обычному сценарию, записанному в строевом уставе, и много времени не занял. Состоялась заря с церемонией, начавшаяся залпом из всех 24 орудий 30-й артиллерийской бригады и закончившаяся гимном «Коль славен» и молитвой. Речь командующего к офицерам, построенным, как полагается, отдельно, была бесцветна и сводилась к тому, что среди офицеров, конечно, не найдут сочувствия

разные дела, выражающиеся то взрывами, то подкопами против царствующего дома. Революционеры, покончив с Александром II, не оставляли в покое его сына. Но Гонецкий напрасно растрачивал энергию, армия еще была глубоко безразлична к политике.

Командующий округом остался доволен дивизией, весьма своеобразно оценив ее боеготовность. Свое удовольствие он выразил единственным словом — «Славно!». По этому поводу нижним чинам раздали по получарке водки, а офицеры устроили танцевальный вечер в зале 120-го пехотного полка. Кондратенко на вечер не пошел. Согласно распоряжению из штаба округа назавтра ему предстояло отправиться в Белосток на полевую выездку офицеров Генерального штаба.

Высшее военное командование для ознакомления с вероятным театром военных действий снарядило полевой выезд офицеров Генерального штаба. Вся группа была разбита на партии. Для придания большей точности обработки материала каждой из них — на пять-шесть человек — был назначен небольшой, около 1200 квадратных верст, участок. Времени на работу дали 21 день — вполне достаточный срок для хорошего ознакомления с местностью, снятия крок важнейших позиций и путей передвижения. Группе Кондратенко достался участок между деревней Новый Двор, в 18 верстах к северо-западу от Гродно, и городом Августовом.

Роман Исидорович обрадовался предстоящей работе. Но и тут ему пришлось столкнуться с тупостью и мелочностью непосредственных руководителей.

Начальником партии назначили присланного из Петербурга надутого и важного полковника Генерального штаба, который давно уже не занимался практической работой. Тем не менее он четко знал, что ему нужно, и хотел превратить офицеров в чертежников, чтобы потом приписать всю работу себе. Офицеры корректно, но настойчиво отказались от подобного плана. Наткнувшись на упорное сопротивление, петербуржец решил отомстить группе и дал ей всего десять дней на производство работ.

Исполнителям приходилось решать: или выполнить все, но плохо, или немного, но точно. Роман Исидорович остановился на втором варианте, но форсировал дело, насколько позволяли силы. Задача перед ним стояла трудная — исследовать верховья реки Бобра, выбрать и рекогносцировать оборонительные позиции в этих болотистых долинах. Большую часть работы Кондратенко проделал на лошади, но походил и пешком. За день утомлялся, но хорошее настроение не покидало его. Роман Исидорович воспользовался одним из своих изобретений, над которым работал давно,

втайне от друзей и родных.

Разбирая как-то принципы измерения расстояний в военных приборах, Кондратенко напал на оригинальное решение. Сделал расчеты, потом опытный прибор, который давно хотел проверить на практике. Принцип действия прибора основывался на эффекте двойного отражения от двух зеркал. Примерно так же, как в зеркальном экере или секстанте. Идея была нова. Во всяком случае, в полевых войсках русской армии о таком приборе не знали, хотя на флоте подобные устройства были. Уже первые пробы дали отличные результаты. Об этом, конечно, как и о всяком мало-мальски заметном событии в своей жизни, Роман Исидорович сообщает брату:

«...я напал, наконец, на совершенно новую идею устройства военных дальномеров и высотометров. Опыты, проведенные мною в последнюю неделю, привели к таким блестящим результатам, что я сам дался диву, а два офицера, моих сотоварища, которых я посвятил в это дело, увлекаются легкостью и удобоприменимостью способа не меньше меня. Особенное впечатление на них произвело сделанное мною определение расстояний ночью по светящимся вдали огням фонарей. Несмотря на примитивность устроенной мной модели, результаты получаются удивительные. Расстояние до окружающих предметов на дальности от нескольких шагов до нескольких верст измеряются одним человеком в несколько минут почти из одной точки. Точность этих измерений может быть изменяема по желанию от 10 % до 1 %...

Я молчал раньше, ибо не вполне был уверен в успехе, но теперь, когда все выяснилось, спешу, добрый брат, сообщить тебе, что половина по крайней мере, а может, и вся затрата, сделанная государством на образование мое в корпусе, училище и двух академиях, мною будет возвращена государству, а следовательно, материальный и нравственный долг мой будет погашен...»

Заявление отдавало самоуверенностью, но Кондратенко не заметил этого, чувствуя себя, как никогда, счастливым.

Работа по съемке заканчивалась. Скоро вся группа собралась в Белостоке. Роман Исидорович по пути заехал в Варшаву, приобрел микрометрический винт — очень тонкую и важную деталь для своего будущего прибора. Последние опыты позволили ему сделать вывод, что с применением обычного бинокля его методом можно измерять расстояния до трех верст. Не знал он только, имеется ли уже патент на подобное изобретение. Роман Исидорович очень надеялся на случайного попутчика — моряка, которому в поезде рассказал о своем приборе. Тот ехал в Петербург и обещал выслать справку о всех дальномерях, имеющихся в

продаже у Рихтера.

Собравшиеся офицеры делились впечатлениями от работы, жаловались на недостаток времени, плохую организацию и другие неурядицы. Один из офицеров, например, увяз в болоте вместе с лошадью и, когда выбирался, получил сильный удар копытом по голове. Три дня пришлось ему лежать в глухом местечке Суха-Воля, так как корпусной врач, назначенный в поездку, пользуясь хорошим отношением к нему командира корпуса, укатил в Петербург. О питании групп говорить не приходилось, здесь каждый был предоставлен сам себе. Но работали и днем и ночью. Петербуржец, так и не дождавшись результатов, уехал в Петербург.

Перед самым возвращением в полк Кондратенко получил письмо от Ударова. Друг писал ему, что на смотровой стрельбе седьмая рота была лучшей в полку, получила отличную оценку и благодарность начальника дивизии. Роман Исидорович не преминул сообщить об этом брату:

«...Вот хорошая мне награда за постоянные труды и думы на тему о воспитании и обучении людей роты. Теперь, после похвал, заслуженных моей ротой от начальника дивизии, командующего войсками, и, наконец, после молодецкой стрельбы, я могу со спокойным презрением смотреть на происки и наговоры той хозяйственной банды, которая окружает нашего больного и поддающегося влиянию командира полка и которая сумела уже было образовать в нем мнение обо мне, как о человеке болтающем, но мало делающем, или даже не умеющем делать ничего путного в роте».

Но столкнуться с «хозяйственной бандой» и вновь испортить отношения с начальством ему пришлось очень скоро. На другой день по возвращении в Бобруйск он вынужден был снять завесу с той, как он выразился, безобразной вакханалии, которую устраивал хозяйственный комитет на солдатские гроши.

Каждый месяц от рот в полковую канцелярию представлялись за подписью командира роты сведения о расходе продовольствия. Сюда же прилагалась ведомость о количестве продуктов, получаемых ротой от подрядчиков. Выяснилось, что в канцелярии цифры в этих ведомостях во всех шестнадцати ротах полка подчищались и оплата подрядчику проводилась по увеличенному итогу. Делалось это грубо, примитивно, нагло.

Роман узнал про это случайно и немедленно отправился к командиру полка. Доклад командира седьмой роты удивил Цитовича и, самое главное, расстроил не из-за того, что вскрылись безобразия, а что это мешало спокойной жизни, да и ставило под угрозу карьеру. Немедленно были

вызваны делопроизводитель и завхоз, подполковник Зыков. Завхоз сразу напустился на Романа Исидоровича, обвиняя его в клевете. Тот твердо стоял на своем, и командиру полка пришлось назначать расследование.

В канцелярии выяснилось, что путем подчисток подрядчику передано полком только в июне месяце и только с одной роты сверх положенного 60 рублей. И так во всех ротах. Завхоз и делопроизводитель поскущели, а Кондратенко подал рапорт по команде.

Дело тянулось долго. Командир по совету завхоза, считая, что спасает честь полка, приказал каждой роте принять на приход то количество рублей, которое якобы ошибочно записали в расход. Командиры рот смеялись, так как прежде успели получить ведомости со вторичными исправлениями.

В конце концов дело замяли. Обвинили в недобросовестности одного из полковых писарей и примерно наказали его, отдав под строжайший надзор того же завхоза.

Обстановка в полку все ухудшалась. Многие зависело от командира, но и сами офицеры не всегда были на высоте. Занятия проводили кое-как, а контрольные стрельбы и полевые учения не подстегивали отстающих. Наоборот, создавали атмосферу зависти и недоброжелательства. Кондратенко переносил моральные невзгоды стойко, находя отдушину в ежедневном кропотливом труде: занимался дальномером, по воскресеньям учил солдат грамоте. Рота его оставалась в числе лучших, но ее командиру это уже не доставляло удовольствия. С горечью наблюдал Роман Исидорович, как за несколько месяцев развалился здоровый коллектив. Даже во втором батальоне, который жил в Заславле одной семьей, стало чувствоваться влияние общей атмосферы. Больше всего страдало, конечно, дело. В эти дни Роман Исидорович писал брату:

«Теперь у нас происходят маневры: кавалерия бездействует, артиллерия стреляет по своим, а пехота действует вразброд, часто без всякого смысла. Подобного безобразия я давно не видел. Понятно, что с таких маневров возвращаются измученными и физически, и нравственно. Каждый, до последнего солдата, более или менее сознает эту чепуху и теряет доверие к начальникам. Все это вообще деморализует войска.

В офицерской среде понятия о товариществе, воинской чести и доблести совершенно исчезли: все стараются только потопить друг друга с целью достижения хотя бы небольших выгод для себя...»

Хотя и втянулся Кондратенко в строевую службу, но в этих условиях с нетерпением ждал конца своего командования ротой. На счастье, скоро пришел приказ об откомандировании капитана Кондратенко в

распоряжение штаба корпуса в Минск.

7 сентября в Минске Роман Исидорович в торжественной обстановке сдал роту, тепло и сердечно попрощался с солдатами, долго благодарил их за хорошую службу. Для Кондратенко началась новая пора жизни.

Глава 6

ДОРОГИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Начальник штаба корпуса находился до 15 сентября в отпуске, и решить вопрос о назначении на должность, равно как и об очередном отпуске, до его приезда было немыслимо. Роман Исидорович занялся поисками жилья и скоро нашел небольшую квартиру на Садовой улице. Днем он продолжал заниматься совершенствованием дальномера, работу над которым в последние дни лагерей прекратил. Причиной тому служило то, что в Бобруйске был только один сносный оружейный мастер 120-го полка, но его постоянно заваливали работой.

Моряк, с которым он встретился в поездке на полевую съемку, не подвел и прислал описание всех дальномеров, имеющих в продаже у Рихтера. Как Роман Исидорович и предполагал, идея эта была не нова. Так или иначе она использовалась в системах Лаббца, Готье, Гоме, но опыты свои Кондратенко решил довести до конца и добиться признания прибора. Зарубежные дальномеры были сложнее по устройству, а значит — менее надежны. Кроме того, и стоили они прилично — от 35 до 100 рублей. У Кондратенко прибор при такой же точности стоил в десять раз меньше, без стоимости бинокля.

Вечерами он посещал знакомых. Семейные вечера были наполнены прошлогодней скукой, обильными ужинами и неизменными картами. Офицерское собрание и здесь мало отличалось от бобруйского. И по сравнению с прошлым стало еще менее популярным среди офицеров. Даже некогда гремевшие на весь округ полковые вечера с великолепными солдатскими хорами уступили место извечным картам и тупому пьянству. Часто вспыхивали бессмысленные споры, дело доходило до прямых оскорблений и тайных дуэлей...

Кондратенко устал от такой обыденности, не ходил в собрание, не посещал семейные вечера и проводил свободное время дома за книгами. О минском офицерстве он напишет брату: «...Отсутствие общих объединяющих светлых идей заставляет каждого вести грубо-эгоистическую жизнь, с беспощадным отношением к своему ближнему...» Конечно, он писал не о революционных идеях, которым был чужд, а об искрометной идее творчества, большого созидательного труда по созданию мощной, отвечающей современным требованиям армии, ибо настоящая была далека от совершенства.

В конце сентября возвратился начальник штаба корпуса. Узнав, что Кондратенко хотел бы получить отпуск, с радостью отпустил его, так как только в начале следующего года предполагалось появление свободных вакансий новых штабных должностей.

Не откладывая дела в долгий ящик, Роман Исидорович выехал в Тифлис. В отпуске занялся ставшей для него обязательной работой брата, которую кропотливо и основательно Елисей Исидорович Кондратенко делал почти двадцать лет, — обрабатывал данные по климату Кавказа и стал в этой области, по словам брата, замечательным специалистом. Роман Исидорович в душе был рад такой оценке своего труда. Отсутствие специальной литературы не позволило ему довести работу до конца, да и пора было ехать на воды, где он решил провести остаток отпуска и подлечить больное колено.

Прямо с курорта, не заезжая домой, он поехал в Петербург, где затратил три дня на покупку литературы по климатологии и на знакомство с имеющимися конструкциями дальномеров. Он также составил обстоятельную записку о своем приборе в военное ведомство.

В начале февраля 1888 года Роман Исидорович получил назначение на должность штаб-офицера при управлении местной бригады. Должность эта была новая, утверждена приказом по военному ведомству только в начале января. Штаб-офицеры, по сути дела, являлись начальниками штабов будущих резервных, а ныне кадрированных дивизий. В особо опасный период кадрированные дивизии, пополненные рядовым и офицерским составом согласно того же приказа должны быть быстро и организованно развернуты в полнокровные соединения.

Эти новые и давно назревшие мероприятия военного министерства Кондратенко посчитал «лучшим ответом на трескучую похвальбу Бисмарка перед своими немецкими полчищами». Пока же, в мирное время, его должность предусматривала кропотливую мобилизационную работу. Как и всегда, о новой службе он сообщил все подробности брату Елисею Исидоровичу:

«...Действительно, на моих руках будет находиться вся мобилизационная часть, для исправного состояния которой необходима самая тщательная проверка этого дела при управлениях местных воинских начальников. С другой стороны, имея в виду, что каждый резервный батальон (их в бригаде всего шесть) развернется в случае мобилизации в целый полк, надо, конечно, всю эту мобилизационную часть все время разрабатывать, что называется, до нитки и держать в самом строгом порядке для избежания хаоса в случае войны. Проверка тактических

занятий при этих условиях приобретает тоже большое значение.

Если к этому добавить, что в случае формирования резервных дивизий я по своей должности прямо становлюсь и, вероятно, утверждаюсь начальником дивизионного штаба, то станет еще более ясной необходимость ближайшей связи и знакомства с войсками и их начальниками...»

Приняться сразу за новую службу Кондратенко не мог, так как его новый начальник генерал Гренгаген объезжал район бригады, который включал в себя три губернии. Наконец командир резервной бригады прибыл и Кондратенко тут же ему представился. Тот быстро ввел его в курс дела. Предстояло: заняться мобилизационной готовностью семи резервных батальонов; проверкой мобилизационной готовности управлений уездных воинских начальников Минской, Витебской и Могилевской губерний (всего 31 уезд) и, наконец, текущей перепиской. В заключение генерал обещал Роману Исидоровичу, что через год отпустит его в строй.

Впервые Кондратенко встретил начальника, с которым нашел полное взаимопонимание. Гренгаген — еще не старый генерал, швед по национальности, забывший о своем происхождении и давно превратившийся в настоящего русака — прекрасно разбирался в людях. Обладал огромной работоспособностью, высоким чувством личной ответственности и ценил эти качества в своих подчиненных.

Уже по первому знакомству с работой Кондратенко стало ясно, что нужен навык и абсолютная ясность во всех решаемых вопросах, для чего трудиться придется много. Об этом он и писал брату в последних письмах:

«...Занятия мои по новой должности идут, постепенно увеличиваясь: прежде, на первой неделе, я не приходил в управление по праздникам, потом стал приходиться не только по праздникам, но также по вечерам, а в последние дни, кроме того, пришлось просиживать до 2–3 часов ночи за специальными работами. Подобный образ жизни предвидится на несколько месяцев. Пока я очень доволен этой работой, ибо вижу всю ее настоятельную необходимость...»

Помимо основной работы, Роман Исидорович не прекращал заниматься климатом Кавказа, оказывая брату посильную помощь. Он получил из Петербурга два очерка экономического положения Кавказа, Кавказский календарь и «Задачи климатологии Кавказа» и засел за обработку цифровых данных. Пользуясь полученными книгами и сделанными им еще в Петербурге выписками из «Летописей Главной физической обсерватории», он к лету в черновом варианте закончил обработку данных для всех сорока кавказских метеорологических постов за

последние двенадцать лет.

Между тем основные дела захлестывали все больше и больше. Постоянные разъезды по батальонам бригады и уездным начальникам показали ему, как далеки распоряжения сверху от истинного положения дел. Если в резервных батальонах еще велась какая-то работа, то в уездах о таковой не слышали и слушать не хотели. Согласия между военными и гражданскими властями не было никакого. Это вносило разлад в непонятное для многих дело. В командировках Кондратенко доказывал, убеждал, грозил, но обычно наталкивался на тупое равнодушие чиновников.

Нередко наезжали всевозможные комиссии, но от них было больше вреда, чем пользы.

«Предстоит ревизия (лицами из Петербурга) управления 6-й местной бригады, всех резервных батальонов, входящих в эту бригаду и некоторых управлений наших уездных воинских начальников, — писал он брату. — Дай Бог, если эта ревизия выяснила бы всю несостоятельность существующей совместной организации резервных войск и местных учреждений нашей матушки-России. Впрочем, по-видимому, на это имеется мало шансов, ибо, судя по фамилиям и чинам (большинство гвардейские поручики и капитаны), ревизирующие лица посылаются скорее для исправления своего финансового положения перед наступающими вскоре праздниками. Поживем — увидим!»

Как он и предполагал, комиссия скорее походила на экскурсию. Высокие гости большую часть времени провели в увеселительных поездках по району бригады, а знакомство с мобилизационной работой в резервных батальонах и у уездных начальников сводилось к роскошным обедам, сопровождаемым обильными возлияниями, взаимными приветствиями и «скромными» подарками.

С трудом дождавшись конца этого безобразия, Кондратенко уехал в отпуск, который провел, привычно совмещая дело с отдыхом. Закончил, наконец, и свои климатические вычисления. Словом, жизнь его не выходила за эти годы из довольно серой колеи. И Кондратенко добросовестно тянул лямку обычного военного чиновника.

По возвращении в Минск его ждало неприятное известие. Пришел, наконец, ответ из военного ведомства о дальномере. Письмо в вежливой форме уведомляло, что военное министерство, всесторонне рассмотрев предложение Генерального штаба капитана Кондратенко Р. И., не считает возможным принять его к дальнейшему ходу. Ответ был достаточно ясен, но Роман Исидорович настойчив и будет еще не раз посылать прошения во

всевозможные инстанции, убеждать, доказывать. И отовсюду ответ будет отрицательный. Русские полевые войска, нуждающиеся в дешевом, простом в обращении и надежном дальномере, так и не получают его, а изобретатель останется неизвестным на многие годы.

Все эти неприятности несколько скрасило очередное производство: осенью этого же года Кондратенко получил чин подполковника.

Роман Исидорович уже несколько раз напоминал Гренгагену об обещании отпустить его через год в строй, но тот делал вид, что забыл об их первом разговоре. А однажды прямо сказал, что не может отпустить от себя дельных офицеров при такой неразберихе и запущенности мобилизационного дела. Кондратенко понимал своего начальника, но работать с каждым днем становилось все тягостнее. В последнее время приходилось кропотливо разбираться в запущенных списках именного распределения офицеров запаса 6-й бригады на случай мобилизации. Выяснилось, что многие из приписных уже отошли в мир иной, а из оставшихся в живых большая часть не имеет понятия, куда им являться, как и когда, так как в течение последних десяти лет с местным воинским начальником встречались только за обеденным столом или картами.

В кляузной переписке, составлении бесчисленных циркуляров прошла еще одна зима. С весны началась пора командировок, проверки боевой готовности, учения, контрольные занятия с резервными батальонами. Иногда за неделю приходилось делать более полутора тысяч верст. В одну из таких поездок поезд, на котором он выехал из Вильно, попал в крушение, погибло много пассажиров, Роман Исидорович чудом остался жив. В момент крушения он случайно находился на тормозной площадке и успел на ходу соскочить с нее.

Не приносящая морального удовлетворения служба тяготила, но он не волновался и не жаловался, не надоедал начальнику и друзьям просьбами о содействии в переводе. Брату же писал: «Я с искренним удовольствием променял бы штабную службу на строевую, более здоровую физически, но, наученный опытом, буду выжидательно относиться к выбору нового места службы...»

Генерал в конце концов сдержал свое обещание и объявил Кондратенко, что не считает больше необходимым задерживать его у себя, благодарил за службу и сожалел, что приходится расставаться со столь хорошим офицером. Роман Исидорович на основании существующих для офицеров Генерального штаба правил подал рапорт командиру корпуса с просьбой прикомандировать его к одному из пехотных полков для командования в течение четырех летних месяцев батальоном. Несмотря на

законность просьбы, Кондратенко получил отрицательный ответ из корпуса. Причина отказа не сообщалась. Поездка в штаб корпуса тоже ни к чему не привела. Адъютант командира — товарищ Романа Исидоровича по академии — под большим секретом сообщил, что против его рапорта выступил начальник штаба, который никак не мог забыть строптивного командира роты Коломенского полка. Адъютант посоветовал обратиться к их товарищам, служившим в окружном штабе, однако Кондратенко вежливо, но твердо отказался. Такая строгость и щепетильность в решении собственных вопросов продвижения по службе сочеталась у него с трогательной заботой о сослуживцах, даже и мало знакомых, но, по его мнению, глубоко порядочных офицерах.

После одной из командировок он обратился с просьбой к брату, у которого было довольно много друзей в штабе Кавказского военного округа:

«...Дело в том, что с каждым годом начальство становится все бурбонистей, а потому трудно рассчитывать на хорошего начальника.

В корпусе начальник корпуса лично может быть хорош, но начальник корпусного штаба может обладать несносным характером и окончательно портить жизнь своим подчиненным. Поэтому личную просьбу пока оставляю до свидания с тобой. А теперь я попрошу тебя, добрый брат Елисей, за другого. Именно, в числе батальонов нашей бригады есть 14-й резервный пехотный кадровый батальон, расположенный в крепости Динабург. В батальоне этом есть поручик Тарасов, личность достойная во всех отношениях. С ним я познакомился в бытность свою в Динабурге при проверке тактических занятий.

Оказалось, что этот поручик Тарасов, вследствие полной неспособности командира батальона к чему бы то ни было, кроме пакостей и разврата, всецело руководил тактическими занятиями офицеров всего батальона и руководил очень умело. Кроме того, Тарасов отличается большой начитанностью. Ему 29–30 лет от роду. Но этот достойнейший человек одержим зачатками горловой чахотки. Поэтому ему необходимо пребывание в более теплом, по возможности, чистом от пыли воздухе. Так как необходимость перемены для него климата подтверждается многочисленными медицинскими свидетельствами, то месяц тому назад управление бригады хлопотало о его переводе в Одесский военный округ. Командующий войсками Виленского военного округа принял участие в этом деле и просил командующего Одесского округа о переводе этого офицера, но получил ответ, что за неимением вакансий перевод этот не может состояться. Так бедный Тарасов и осужден умирать в Динабурге.

Думаю, что командующий войсками Виленского военного округа вновь не откажется похлопотать перед Кавказским военным начальником о переводе этого офицера. Следовательно, примерно через месяц или два в окружном штабе Кавказского военного округа будет получена эта бумага. Вот, добрый брат, я и прошу тебя: в случае, если бумага эта будет получена, то чтобы Троицкий отнесся к ней внимательней и спас бы достойнейшего человека от верной и, вероятно, скорой смерти, которая его ожидает в случае неперемены климата.

Жизнь на берегу моря была бы для него лучше всего, а потому нельзя ли его будет перевести в часть войск, расположенных на берегу Черного моря?»

Вместо предполагаемого года службы на должности штаб-офицера при управлении местной бригады Роман Исидорович прослужил более трех лет. Весной 1891 года он получил для отбытия ценза батальон в Коломенском полку. Батальон размещался в Бобруйске. Помня о прошлых стычках с интендантами, он с некоторой опаской возвращался в полк. Опасения оказались напрасными. Хотя скоро ему пришлось вновь столкнуться там с некоторыми недостатками, но от прежних безобразий не осталось и следа. Командование полка поменялось почти полностью, и это благотворно отразилось на общем состоянии.

Роман Исидорович в батальоне построил боевое учение по своему плану. Не забыл о командирской подготовке офицеров, в которую добавил часы по тактике, топографии, стрельбе. Еженедельные лекции для офицерского состава в батальоне Кондратенко стали законом. Он убеждал ротных командиров обратить особое внимание на работу с молодым пополнением и подготовку унтер-офицерского состава. Главным в своей работе он считал строгий контроль.

Контролировал тоже по-своему. Беседовал с солдатами, предварительно удалив унтер-офицерский и офицерский состав. Проводил ротные учения под началом командира роты, стрельбу и строевые занятия.

Сам много натерпевшийся от хозяйственников, он навел в батальоне самый образцовый порядок в снабжении, расквартировании людей и размещении лошадей. Тщательно готовил батальонные учения. Выбрав район учений, выезжал на рекогносцировку с каждым командиром роты, требовал от них предварительного плана действий, четкого обоснования решений. В ходе учений любил давать неожиданные вводные, часто менял обстановку, заставлял подчиненных думать и быстро находить выход из усложнившейся обстановки.

Результаты не замедлили сказаться. На первых же маневрах батальон

Кондратенко был отмечен командиром корпуса. На смотре после маневров его солдаты оказались самыми опрятными и подтянутыми. Для многих в полку это так и осталось непонятным, особенно для тех командиров, которые придавали церемониалам первостепенное значение, даже в ущерб боевой подготовке. Не удивлялись только его ротные, которые хорошо знали, как умеет их командир быстро найти общий язык с солдатами, как доходчиво объясняет им самые сложные вопросы, как без крика, посмеиваясь в бороду, может увлечь их за собой.

Это лето для Романа Исидоровича было особенно радостным. Как-то в Бобруйске он познакомился с дочерью местного воинского начальника Дмитрия Васильевича Потапчина, Надеждой Дмитриевной, и влюбился, что называется, с первого взгляда. Девушка понравилась ему открытым характером, простотой и доверчивостью. Маленькая, хрупкая на вид, она без тени жеманства слушала Романа Исидоровича, радостно краснела при его появлении. Вскоре он догадался, что девушка к нему равнодушна. Скромный и застенчивый по натуре, он неожиданно для себя повел на родителей Нади настоящую атаку, и уже 18 сентября молодые повенчались.

Вскоре после женитьбы состоялось назначение Романа Исидоровича в штаб Виленского военного округа. В следующем, 1892 году за отличие в службе он был произведен в полковники.

Служба в штабе округа во многом походила на уже пройденную в управлении местной бригады. Правда, он почти не занимался мобилизационными делами, но зато больше стало частей, подлежащих проверкам. Кроме контроля боевой подготовки, офицеры штаба принимали участие во всех маневрах на территории округа, как правило, в качестве посредников. Работа была живая, интересная. Роман Исидорович с удовольствием ею занимался. Скоро он стал в контрольной группе незаменимым человеком. Способствовала этому не только его работоспособность, но и высокие военные знания — результат долгих лет учения в двух академиях и самостоятельной работы. Офицеров Генерального штаба в их группе было много, а инженер он один. В штабе округа все любили и уважали его.

Кондратенко скоро почувствовал особое отношение к себе со стороны сотоварищей и начальников. Жене он долго объяснял всю неловкость такого положения и откровенно стеснялся популярности.

Службой Роман Исидорович был доволен. Только командировки нарушали налаженный быт. Надежду Дмитриевну приходилось отправлять с детьми в Бобруйск, к родным. Детей к этому времени у него было двое: мальчишки-погодки, Николай и Андрей. И, как нарочно, именно на это

время, девяносто третий и девяносто четвертый годы, пришлось ему больше всего быть в командировках.

В июле 1893 года Кондратенко с группой офицеров штаба направили на осмотр Днепро-Бугского канала. Командировка была незапланированной, но потребовался офицер, хорошо разбирающийся в инженерном деле. Кондратенко только прибыл с прусской границы, однако поехал не раздумывая. Предстояло внимательно обследовать сооружение и оценить его с оборонной точки зрения, а в заключение подготовить доклад для созданной по этому поводу комиссии.

В эту поездку Роман Исидорович впервые познакомился с Киевом. На Крещатике столкнулся с городской новинкой: навстречу двигался вагон конки, но... без коней, вполне самостоятельно. Да, это был первый электрический трамвай. Скоро попался еще один. Вдоль всего проспекта тянулся длинный ряд электрических фонарей.

В Киев, как и во всю Россию, вместе с электричеством бурно врывался иностранный капитал, торопясь создать себе броскую рекламу. Но тут же, на Крещатике, по канавам текла зловонная грязь, с непривычки доводящая прохожих до тошноты. Неудивительно, что второй год подряд город становился источником холерной эпидемии.

Годом раньше Роман Исидорович был в Киеве с женой проездом, но тогда они просто не успели хорошо рассмотреть город, его достопримечательности. Сейчас, побывав в знаменитом Софийском соборе, Кондратенко с удовлетворением писал в Бобруйск:

«...Около шести часов вечера я поехал в Софийский собор, где осмотрел части его, которые мы с тобой не успели видеть: притвор, где хранится гробница Ярослава Мудрого, мощи митрополита киевского Макария, замученного татарами, верхние приделы, лестницы, стены, покрытые живописью, изображающей сцены из великокняжеской жизни (охота на медведей, волков, вид терема с княгиней и ее приближенными).

Как-то странно видеть подобные изображения на стенах храма, но это объясняется тем, что постройки эти составляли часть великокняжеского дворца...»

Едва вернувшись из Киева, Кондратенко получает предписание явиться в Ковно для участия в ночных маневрах в качестве посредника. Здесь Роман Исидорович впервые увидел действие прожекторных команд. Во время ночной атаки цепи атакующих осветили прожектором. Картина производила впечатление, но выглядела несколько театрально. На разборе за общими хвалебными речами в адрес прожекторов только один Кондратенко указал на ошибки в их применении, обратив внимание на то,

что прожектор для большей живучести должен светить короткое время и освещать не противника, а ориентиры, по которым надо бить.

Маневры под Ковно проходили 20 августа, а через четыре дня он участвовал в маневрах у крепости Осовец. Здесь Кондратенко пришлось командовать атакующей стороной, точнее — отрядом, штурмовавшим крепость. Бой был короткий и продолжался всего час. В шесть часов вечера Осовец капитулировал. Тут же началось обсуждение штурма всем начальствующим составом. Оно оказалось бурным и затянулось до полуночи. Комендант горячился, доказывая, что если бы не было вводной, запрещающей использовать все средства обороны, то крепость ни за что бы не пала. Кондратенко резонно возражал, что и он не использовал все средства, вел бой без предварительной подготовки, наскоком.

На следующий день осматривали крепость, мощное фортификационное сооружение. Роман Исидорович взмок и измазался, но осмотрел все: валы, наполненные водой рвы, казематы, машины для дробления камней, землечерпалку, приборы, определяющие направление ветра. Внимательно осмотрел воздухоплавательное отделение, командиру которого заявил, что готов хоть сейчас взлететь на воздушном шаре.

К началу сентября Кондратенко вернулся в Вильно, так как на две недели уезжал его непосредственный начальник генерал Плеве. Ко всему прочему, с 1 сентября Роман Исидорович начинал читать курс в местном пехотном училище. Сразу набежало много канцелярской работы, переписки, которая утомляла его больше любых учений. Роман Исидорович воспользовался этим временем, чтобы закончить свои наброски к проекту мобилизационных работ, которые сделал еще пять лет назад в Минске.

В конце года Кондратенко был командирован по службе в Петербург и, воспользовавшись случаем, представил свой проект по мобилизационным работам: докладывал генералу Обручеву, затем Гюббенту и только тогда добился, чтобы проект рассмотрели на заседании Главного штаба. На обсуждении были многие вйленские офицеры. Они первыми поздравили Кондратенко с успешным докладом.

Перед отъездом домой полковник Кондратенко принял участие в праздновании Академией Генерального штаба тридцатипятилетнего юбилея преподавательской деятельности генерала Г. А. Леера. Возвратившись с торжеств, он получил письмо. Жена писала, что в Петербурге его брат Николай, недавно вернувшийся из-за границы и только что сообщивший об этом в Вильно. Роман не видел брата несколько лет. Знал, что тот по долгу службы часто бывает за границей, был женат, овдовел. Жену похоронил в Тифлисе, на том же кладбище, где брат Елисей

похоронил Юлию Васильевну и где покоились некоторые другие родственники.

Братья встретились радушно. Вспоминали родных, прошлое. Николай, служивший в Главном штабе, был очень доволен, что младший брат уже догнал его чином.

Поездка в Петербург оказалась не последней для Романа Исидоровича. Утвержденный проект мобилизационных работ в жизнь проводился с большим трудом. Хотя Кондратенко не раз сталкивался с бюрократическим русским чиновничьим аппаратом, но и предвидеть не мог, насколько затянется дело. Ездил в Петербург не раз, доказывал на бесчисленных комиссиях. Прямого отказа не было, но он чувствовал, что и это его усилие во службу отечеству бесславно пропадает. В итоге так ничего и не получилось. Несколько отвлекла его от этого гиблого дела командировка с офицерами Генерального штаба в город Сувалаки для штабной игры. Потом были командировки в небольшие польские местечки: Кильвария, Симна, Олита. Всюду нищета, невежество, не приносящий радости труд.

Зима вновь прошла в поездках в Петербург с докладами по работе окружной комиссии. Кондратенко упорно пытался выяснить судьбу своего проекта, но в Главном штабе все о нем забыли или делали вид, что забыли. Чтобы оградить себя от настойчивого приезжего полковника, постоянно говорили, что скоро состоится назначение Кондратенко начальником штаба одной из дивизий Уральской области. Говорили так авторитетно, что к концу зимы убедили и Романа Исидоровича.

Слухи эти дошли скоро до Вильно. Однако начальник окружного штаба откровенно заявил, чтобы Роман Исидорович не очень доверял слухам, и предложил тому заняться работой и возглавить комиссию по прокладке нового шоссе.

Кондратенко до самых заморозков работал с комиссией. Задание закончил раньше срока и, как всегда, сэкономил на изысканиях некоторую сумму. В Виленском округе уже давно привыкли к его бережливости государственных денег.

Перед отъездом с докладом в Петербург Роман Исидорович зашел к своему начальнику, генералу Бунакову посоветоваться.

Говорили о структуре Уральского казачьего войска, о должности начальника штаба Уральской области, которую предложили занять Роману Исидоровичу. Кондратенко согласился, хотя и жалел, что придется расставаться со старой службой. Бунаков поддержал его. Кондратенко поехал в Петербург с желанием дать согласие на новое назначение. Каково же было удивление Надежды Дмитриевны, когда через неделю она

получила неожиданное письмо:

«Зашел в Главный штаб, где узнал, что оттуда послана телеграмма: согласен ли я принять 20-й стрелковый полк. Поэтому я поспешил телеграфировать в Вильну', чтобы из окружного штаба телеграфировали о моем назначении, согласи на эту должность. В среду состоится доклад военному министру, и если он согласится, несмотря на мое недавнее назначение, то, следовательно, на будущей неделе состоится приказ обо мне. Вместо меня на всякий случай подыскивают уже нового начальника штаба Уральской области.

Шью новую форму и не знаю, какую: офицера Генерального штаба или командира стрелкового полка...»

Военный министр не возражал. Полковник Кондратенко, назначенный командиром 20-го стрелкового полка, мог смело шить армейский мундир.

Приказ Роман Исидорович получил уже в Вильно. После скромного прощального ужина с офицерами штаба он отбыл в Сувалаки, где размещался полк. Семью пришлось пока оставить на месте. Роман Исидорович предполагал, что через месяц, приняв полк и устроив все дела, он сумеет испросить отпуск, чтобы привезти семью.

Всю дорогу в поезде он думал о том, что его ждет на новом месте службы. Роман Исидорович понимал, что в его жизни, как и в жизни всякого военного, добившегося определенных успехов в службе и мечтающего о большем, наступил важный момент. Командование полком — первая ступень полководческого мастерства. Для одних она оставалась и последней, для других была лишь переходной на пути к командованию дивизией, корпусом... О будущих чинах Кондратенко не мечтал, но твердо понимал — не всякий командир полка станет корпусным командиром, но всякий командир корпуса полком командовал непременно.

Прибыв в Сувалаки, Роман Исидорович поселился в местном военном собрании — небольшом деревянном домишке, стоящем напротив полковой церкви драгунского полка. Полк этот в отличие от его, переведенного сюда два года назад, обжился в Сувалаках основательно.

На следующий день проснулся он очень рано и два часа успел поработать над планом деятельности на ближайшее время. Не упустил ни единой мелочи. Бодрый и подтянутый принимал представления офицеров, выступил перед построенным по случаю его прибытия полком. Далее пошли визиты к офицерам. Это было вовсе не обязательно, но Роман Исидорович считал своим долгом познакомиться с подчиненными поближе. Понимал, что от офицерского коллектива зависит половина всех успехов. А что они будут, он несколько не сомневался.

Потянулась обычная служба. С двух до пяти в канцелярии, изучая полковую документацию, с пяти до отбоя находился в казармах батальонов, полковых мастерских, школе унтер-офицеров, пекарне, складах.

Скоро солдаты уже не только издали узнавали своего нового командира, а когда узнали, что он отправил на гауптвахту за рукоприкладство одного из унтеров 2-го батальона, прониклись к нему глубоким уважением. Надо было ехать за семьей, но дела совсем захлестнули нового командира, и он решил не спешить с отпуском. Ему хотелось провести пробное полковое учение, чтобы посмотреть людей, переговорить подробней с каждым офицером.

Жене он писал: «...Ты не печалься, что в силу необходимости мне приходится так запаздывать. Я иначе не могу поступить, не нарушая своих убеждений». Надежда Дмитриевна и не думала обижаться. Она успела изучить мужа и всегда оставалась ему не только верной женой, но и преданным другом. Вчитываясь в скупые строчки мужниного письма, она видела всю его жизнь, словно сама находилась рядом: «...До трех часов дня я провел в полковой канцелярии, а потом, пообедав в военном собрании, отправился вместе с подполковником Екишевым за город верхом, осматривать место нашего лагеря... Провожу время преимущественно в казармах, нигде не гуляю, ибо по вечерам тоже приходится заниматься...»

Вскоре Роман Исидорович почувствовал, что для него в полку тайн не существует, сам он стал неотъемлемой частью этого большого и сложного организма. Он успел привезти семью. Жизнь наладилась.

Большую часть свободного времени Кондратенко отдавал полку. Далеко не просто оказалось осуществить намеченное. Роман Исидорович посмеивался, вспоминая, о чем мечтал он в ротных командирах. Самостоятельных, инициативных командиров полков не любили так же, как и командиров рот. Всякое новое, разумное, что предлагал Кондратенко в обучении войск, встречалось дивизионным и корпусным начальством в штыки. На все требовался циркуляр по военному ведомству, а добиться его было во сто раз труднее, чем навести порядок в полку. Это Кондратенко знал по опыту.

Не раз он приходил к выводу, что виноваты не только тупоголовые начальники, а вся система, но вспоминал славное прошлое русской армии, своих солдат и всякий раз находил оправдание любому сомнению. На его глазах солдаты отличались смелостью и организованностью действий на маневрах 20-го Сувалакского полка, четко взаимодействовали подразделения, быстро находили верные решения батальонные командиры на самые различные вводные, получаемые от посредников, руководителей

учений.

1896 год ознаменовался для России восшествием на престол нового царя. Никто тогда и не предполагал, что это будет последний русский император, но начало его царствования отмечено событием символическим. Наряду с присягой войск, торжествами коронации, блеском фейерверков была Ходынка, сотни задавленных в толпе людей, предвестников будущих жертв двух войн, террора и революций...

А Сувалаки с воцарением Николая II продолжали вести тихую сонную жизнь заштатного городишка на окраине великой империи. Как и должно, драгунский и стрелковый полки присягнули новому императору. Отслужили торжественный молебен. И снова на плацу под барабан начались фронтовые учения, а из огневого городка слышались сухие хлопки выстрелов.

Впервые увидел Кондратенко Николая II через год, на маневрах. Молодой царь тогда объезжал войска западных округов. Маневры напоминали цирковое представление, а не большое войсковое учение. Измученные бесчисленными репетициями войска с нетерпением ожидали торжественного прохождения перед высочайшей особой. Царь прибыл в сопровождении большой свиты, быстро объехал войска и, не дожидаясь прохождения, поспешил распрощаться. Романа Исидоровича офицер в блестящем гусарском доломане смог поразить только своей молодостью. В остальном это был обыкновенный молодой человек с красивыми глазами и осторожными движениями. Внешность, особенно с первого взгляда, часто бывает обманчивой, но Кондратенко не ошибся. У руля великой страны встал далеко не великий правитель.

Второй и последний раз Кондратенко увидел царя через несколько лет. В первый месяц первого года нового века на балу в Зимнем дворце, куда пригласили командиров полков, он будет даже представлен государю. На балу собралось около четырех тысяч человек, и Роман Исидорович был глубоко взволнован оказанной ему честью. Царь за пять лет заметно постарел, и, хотя в его движениях и словах появилось больше уверенности, весь он по-прежнему оставался невыразительным и мягким. Глядя поверх головы Романа Исидоровича, ровным голосом спрашивал царь у полковника Кондратенко, где тот раньше служил, что делал во время войны, сколько времени командовал полком и есть ли у полка казармы. В ответ на заявление Кондратенко, что казармы есть даже для всей бригады, царь, демонстрируя феноменальную память, мгновенно заметил: «Да, да, я помню, недавно построены. Для пятой стрелковой бригады...» На этом представление закончилось.

Осенью 1897 года Кондратенко решил провести отпуск у брата. Это была его последняя встреча с родным Тифлисом. Из-за болезни сына Надежда Дмитриевна осталась дома. В этот отпуск он много ездил и ходил по городу, его окрестностям, вспоминал трудное детство. Вместе с братом посещали музеи, парки, театры. Театральное здание понравилось Роману Исидоровичу своим великолепием, обилием электричества, но труппа была настолько плоха, что, послушав своего любимого «Фауста», в театр решил он больше не ходить. Зато парк Муштаид, расположенный на высоком берегу Куры, посещал Роман Исидорович ежедневно. Из Ботанического сада открывался прекрасный вид на долину Куры и раскинувшийся, как на ладони, древний Тифлис. Знаменитый Сионский собор казался великаном, поднявшим свою остроконечную шапку над городом.

В конце октября Роман Исидорович возвратился в полк, вновь окунулся в беспокойную жизнь полкового командира. Два последних года перед началом нового века прошли в обычных заботах, спокойно и размеренно. Кондратенко за это время превратился в истового хозяина. Добивался денег на ремонт казарм и постройку новой. Затем, с не меньшей старательностью, занимался постройкой. В семье тоже произошло радостное событие. В 1898 году Надежда Дмитриевна родила двух девочек-близняшек. Мария и Вера, так называли девочек, были особенно дороги Роману Исидоровичу. Он души в них не чаял, вечерами не отходил от колыбельки, в которой попискивали крошечные существа.

Словом, все было хорошо. Любимая работа, жена, дети, замечательное время в кругу семьи, сделавшее жизнь Романа Исидоровича счастливой. Он был очень прост. Не стремился к славе и чинам. Брату он в то время писал, что никогда не был так счастлив, как сейчас.

Но ни один командир надолго не застрахован от неприятностей. Бывали они и у полковника Кондратенко. И всегда переживал их Роман Исидорович болезненно. Из 2-го батальона, например, солдат-еврей отказался служить в строю из-за религиозных побуждений, его перевели в полковую музыкантскую команду, так оттуда он вообще сбежал. Солдата вскоре задержали и присудили к двум годам дисциплинарного батальона. Служебные разбирательства, нарекания со стороны начальника дивизиона оторвали Романа Исидоровича от спокойной жизни. Но вскоре все было забыто и армейская жизнь потекла по знакомому, четко размеренному руслу.

В это время появилась вакансия на должность начальника юнкерского училища в Москве. Роман Исидорович не прочь был бы ее занять. Ему часто приходилось бывать в Москве. Город нравился своей спокойной,

какой-то домашней жизнью, резко отличающейся от петербургской, столичной. Останавливался он обычно в меблированных комнатах «Княжий двор», недалеко от храма Христа Спасителя, и все свободное время отдавал знакомству с городом.

Москва, торопясь догнать Петербург, спешила приобрести европейский лоск. Бульжники мостовых еще пересекали рельсы конок, но уже шли первые трамваи. По вечерам центральные улицы расцветали светом электрических фонарей, которые отражались в громадных зеркальных витринах магазинов. Изредка, выпустив струю ядовитого дыма и пронзительно сигналив, подпрыгивая на бульжнике и пугая вереницу лихачей и просто «Ванек», катились первые авто.

Но внешняя новизна лишь подчеркивала истинно русскую сущность города. Обилие церквей, заливающих столицу малиновым звоном, толчея на улицах и тишина переулков делали город единственным и неповторимым. Все здесь было до глубины души русским...

Переполненный впечатлениями, Роман Исидорович писал тогда жене: «...Очень бы хотелось мне показать как-нибудь тебе и деткам достопримечательности Москвы. Мне кажется, что подобный показ очень и очень содействовал бы развитию и укреплению в них русского, хорошего духа...»

Но перевод не состоялся. Помешала, как ни странно, история со сбежавшим солдатом. С новым веком наступили перемены и в семье командира Сувалакского полка. Новости накатились одна за другой. В начале 1900 года из Главного штаба пришло Кондратенко предложение занять место в Порт-Артуре. О Порт-Артуре и о Дальнем Востоке в России в то время говорили как о далекой, сказочной стране. Слухи ходили самого противоречивого содержания. В Сувалакском полку абсолютное большинство офицеров считало службу там своего рода наказанием. Поэтому, когда в полку узнали, что их командир согласился ехать в Порт-Артур и, более того, уже готовит к переезду семью, в городке стали придумывать самые невероятные объяснения. Говорили, что Кондратенко собирается уезжать из-за крупных неприятностей со сбежавшим солдатом, который якобы был шпионом; что военное министерство получило донос на Кондратенко за то, что он узаконил в полку солдатские школы. Волна пересудов еще больше всколыхнулась, когда узнали, что в переводе Кондратенко отказали. Роман Исидорович действительно получил из штаба известие с разъяснением, почему полковник Кондратенко не может быть назначен на предложенную должность. На Квантунском полуострове решили сформировать 3-й Восточно-Сибирский корпус и на предложенную

вакансию могло претендовать лишь лицо с чином не ниже генерал-майора.

Не успел Роман Исидорович пережить эту неудачу, как поступило распоряжение того же Главного штаба о назначении его в комиссию по образованию войск.

Давно соскучившийся по живому делу, Кондратенко включился в работу комиссии с юношеской энергией. Появилась возможность осуществить давнишнюю мечту: написать для офицеров книжку, которая бы имела такое же значение, как памятка для солдат. Работа в комиссии, связанная с длительным проживанием в Петербурге, позволила ему, наконец, заняться книгой. Жил Роман Исидорович у брата Николая, прекрасная библиотека которого в значительной степени облегчала ему подготовительную работу. Работа в комиссии много времени не занимала. Кондратенко только вошел во вкус работы над рукописью, как пришел приказ вернуться к прежнему месту службы.

Сувалакскому полку было предписано эшелоном прибыть в Одессу, погрузиться на пароход и отправиться в длительный путь на Дальний Восток. Вспыхнувшее в Китае боксерское восстание заставило царское правительство срочно усилить войска на восточных окраинах империи. В Китай по железной дороге и морем потянулись эшелоны, транспорты с «бравыми ребятушками...».

Длительное морское плавание заставило Кондратенко окончательно прийти к выводу, что военный организм Русского государства тяжело болен и нуждается в радикальном лечении. Новых методов обучения и воспитания требовали не только нижние чины, но и офицеры. Офицерство, большей частью погрязшее в пьянстве, с тупой жестокостью насаждало в ротах изуверские порядки. Зуботычина стала единственным аргументом в обращении с солдатами. С горечью отмечал Роман Исидорович, как постепенно расширяется пропасть между командирами и нижними чинами. Солдаты, озлобленные побоями, темные, неграмотные, как тяжелый крест несли нелегкую службу. Длительное совместное пребывание на ограниченном пространстве парохода скоро дало понять ему, что в полку не так благополучно, как казалось раньше.

Кондратенко ввел с первого дня плавания обязательные занятия в солдатских школах. Но встречены они были большинством офицеров в штыки. Открыто никто не высказывал недовольствия. Однако, проверяя занятия, Кондратенко видел, что начальники, особенно штаб-офицеры, проводят их кое-как. Выводы командир полка сделал самые решительные и незамедлительные. Не ограничиваясь взысканиями, он сам брался за некоторые занятия, устраивал показательные уроки. Предметом

обсуждения делалось все — география экзотических стран, мимо которых проходил пароход, очерки по русской истории. Но больше всего времени уходило на изучение основ грамоты, простейших правил счета. Не забывал командир полка и об офицерах. Организовал некоторое подобие лекторской группы, в которую привлек всех командиров батальонов и наиболее грамотных офицеров. Начались лекции по истории военного искусства, тактике, основам фортификации, топографии. Вместе с регулярными занятиями по командирской подготовке они значительно оживили монотонную морскую жизнь. Роман Исидорович видел, что его полк — только небольшая частица сложного военного организма, который вовсе не намерен изменяться по прихоти какого-то дотошного полковника. Становилось муторно на душе, опускались руки, и только многолетняя привычка к труду и ненависть к праздности заставляли продолжать начатое дело.

Сокровенными мыслями Роман Исидорович делился с самым близким человеком — женой: «...Два месяца пребывания на пароходе познакомили меня с нашими офицерами несравненно более, чем четырехлетнее командование полком. Вывод мой — не дай бог нашим детям служить даже в лучшем армейском полку: узкие взгляды, перемешивающиеся с самонадеянностью, не знающие во многих случаях границ, дают такую атмосферу, среди которой воспитанному и более широко развитому человеку приходится жутко, если он подчиненный или товарищ, а если начальник, как был на пароходе я, то он осужден на полное одиночество и недоброжелательство, а при малейшей снисходительности не гарантирован и от нарушения дисциплины. Один офицер после нескольких сделанных ему мною замечаний по службе позволил себе просто отвернуться при встрече со мной. Я остановил его и, конечно, немедленно, по приезде, доложил генералу, который и прикомандировал его к другому полку, командиру которого было написано соответствующее письмо».

Почти двухмесячное путешествие через моря и океаны так и закончилось для Сувалакского полка ничем. Восстание было жестоко подавлено еще до прибытия полка в порт назначения. Осенью того же года полк отправили на старые квартиры уже по железной дороге.

Совершив кругосветное путешествие, Роман Исидорович вернулся домой разбитым, усталым физически и морально. Однако надо было приводить полк в порядок, налаживать хозяйственную часть, организовывая боевую подготовку. Болезненный, усталый вид мужа, его постоянное мрачное настроение расстроили Надежду Дмитриевну. Заручившись поддержкой братьев Романа Исидоровича, она стала

уговаривать мужа просить отпуск для подкрепления здоровья. В конце концов Кондратенко подал рапорт, но тут из Главного штаба пришел запрос о возможности откомандирования полковника Кондратенко в распоряжение штаба Приамурского военного округа. В Хабаровске появилась свободная вакансия дежурного генерала при штабе, и старый друг, генерал Соболев, советовал Роману Исидоровичу в частном письме незамедлительно соглашаться.

В январе 1901 года полковник Кондратенко был произведен в генерал-майоры с назначением дежурным генералом Приамурского военного округа.

Округ занимал в то время обширнейшую территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока, а воинских формирований имел мало. Воинские части располагались друг от друга на большом расстоянии и были трудно управляемы. Уссурийское, Амурское и Забайкальское казачьи войска несли, по сути дела, пограничную службу. В Маньчжурии и на Квантунском полуострове еще только началось формирование гарнизонов. Штаб округа вот уже шесть лет занимался разработкой плана боевых действий на Дальнем Востоке на случай войны с Японией. С этим планом и пришлось столкнуться Кондратенко в начале службы в штабе округа.

Уже поверхностного знакомства с планом было достаточно, чтобы понять всю его несостоятельность. По основным положениям этого документа русский флот заранее обрекался на бездеятельность, так как предполагалось, что он не будет мешать высадке японцев в Южной Маньчжурии. Пассивная роль отводилась и армии, которая должна была занять оборонительную позицию. И только по накоплении резервов могла перейти в решительное наступление, сбросив японцев в море. От плана за версту несло поражением, не было учтено взаимодействие армии и флота, неправильно определен район предполагаемой высадки. А главное — предусматривалась возможность сдачи Порт-Артура.

Кондратенко попытался обратить на это внимание своих начальников, но они просто отмахнулись. Скоро пришло оригинальное сообщение, что план утвержден царем, правда, с оговоркой, позволяющей вносить в него коррективы. За его доработку принялся Главный штаб и лично военный министр Куропаткин. Кондратенко понял, что к его мнению сейчас вряд ли кто прислушается.

План корректировался много раз. Последний вариант был разработан лично генерал-адъютантом Куропаткиным в январе 1904 года, прямо перед началом войны, по и он имел все те же основные недостатки. Последующие события показали, что война и велась по этому плану, только

с прямо противоположными результатами. Единственно, в чем не ошиблись царские стратеги, что флот в действительности не смог помешать высадке японского десанта на континент.

Кондратенко все три года службы в штабе округа был завален работой. Приученный не отказываться ни от каких поручений и доводить их до конца, он скоро завоевал репутацию делового и грамотного штабиста. Особенно пришлась по нраву энергичность Кондратенко его непосредственному начальнику генералу Гренгроссу, типичному дальневосточному генералу, не отделяющему службу от дружеской попойки. Позднее он будет командовать дивизией в прославленном 1-м Восточно-Сибирском корпусе и зарекомендует себя храбрым, популярным в войсках генералом. А пока в штабе округа заметили, что генерал-квартирмейстер и начальник штаба зачастили в командировки. Перекладывая свои обязанности на Кондратенко, они предпочитали утомительной и кропотливой штабной работе ничего не значащие инспекционные поездки по ближайшим частям. Поездки эти превращались в бесконечную цепь банкетов и давали значительную материальную выгоду, ибо возвращались из них инспектора с довольно солидными дарами...

Роман Исидорович приехал в Хабаровск сразу со всем семейством, но золотые времена сувалакского затишья миновали. Не считаясь с личным временем, он пропадал на службе, вел всю канцелярию и, замещая начальников порой по несколько месяцев, руководил всей деятельностью штаба. Город, как весь Сибирский край, нравился Кондратенко. Первобытная красота, богатства необжитых мест, таящие в себе потенциальную силу, — все это не могло оставлять равнодушным русского человека.

Текущая работа не ограничивала интересов Романа Исидоровича. Он пишет брату, что собирается всерьез заняться изучением климата Дальнего Востока. Не оставляет он надежды закончить книгу для офицеров. Мечтает совершить путешествие по Сахалину и Курилам.

Но слишком беспокойная была обстановка. Разведка штаба округа, Главного штаба, донесения министерства иностранных дел говорили о том, что Япония начала открытую подготовку к войне. Кондратенко чувствовал, что придется и ему повоевать, и, едва узнав, что в Порт-Артуре начинает формироваться стрелковая бригада, подает рапорт о переводе его в крепость. Ждать положительного ответа пришлось несколько месяцев, но он своего добился. Предстояла служба в крепости.

ЧАСТЬ II

Глава 1

КРЕПОСТЬ НА МОРЕ

Ли-шин-коу. Так называлась в середине прошлого века никому не ведомая маленькая китайская деревушка, расположенная на живописном берегу Ляодунского полуострова. Именно ей через сорок с небольшим лет предстояло сыграть особую роль не только в китайской, но и всемирной истории.

В 1860 году, после разгрома англо-французскими войсками и подписания Пекинского мирного соглашения, Китай решил всерьез заняться реорганизацией своих сухопутных и морских сил. Особое место уделялось созданию новых укрепленных районов. Главные укрепления возводились, конечно, вокруг Пекина, по рекам Пейхо и Бей-тахо, по вскоре стало понятно, что их недостаточно. Наиболее дальновидный политик и военный — вице-король Чжилийской провинции Ли-хуан-чжан наметил для обороны южную часть Ляодунского и северную Шандуиского полуостровов, справедливо определяя их как ключ к входу в Печилийский залив. Тогда-то и обратила на себя внимание предприимчивого китайского мандарина бухта Ли-шин-коу с двумя десятками фанз на берегу. В бухте еще стояли английские корабли, и рослые рыжебородые сыны туманного Альбиона с удивлением взирали на юркие джонки, заполнившие бухту, и на их расторопных владельцев. Китайцы быстро высаживались на берегу, шумели, размахивая руками и явно что-то обсуждая. Вскоре прибыли чины администрации, грузы с материалами, потянулись из глубины полуострова толпы полуголодных рабочих-кули.

Затевалось что-то грандиозное. Англичане давно назвали эту бухту ПортАртур, закрепили это название, выбив его на высоком деревянном столбе, чудом закрепленном в прибрежных скалах. Ли-хуан-чжан, дабы не беспокоить высоких непрошенных гостей, приказал столб не трогать и даже официально объявил, что будущая крепость называется ПортАртур.

«Дело, в конце концов, не в названии», — подумал он, усаживаясь в дорогие изящные носилки.

За устройство крепости взялся немецкий инженер, а порт, снабжение его всеми необходимыми складами, материалами и укрытиями для флота обязался возвести французский тянзинский синдикат.

Строительство велось энергично. Ежедневно на объектах работало до четырех тысяч кули. Живя в ужасных условиях, получая в сутки по горсти

риса, они возводили крепость-порт. Скоро в окрестностях Порт-Артура стало недоставать питьевой воды. Пришлось построить водопровод от деревни Палачжуан. К началу 1892 года крепость и порт были в основном построены. В порту возвышались два дока: один для больших кораблей, другой для миноносцев. Портовые сооружения оснастили современным оборудованием и танками для ремонта судов. Вдоль причалов проложили железнодорожные пути, поставили могучие крапы.

Внушительное впечатление производила и береговая оборона. Фронт ее своим правым флангом упирался в перешеек Тигрового полуострова, а левым в бухту Тахе. Здесь фронт делился на западный и восточный участки. Восточный состоял из трех фортов: на Золотой горе, на Плоском мысу и на Крестовой горе — и имел на вооружении 32 крупновских орудия. На западном участке было пять фортов: Кинжальная батарея на Тигровом хвосте, Артиллерийская и форты № 2, 8, 9, также вооруженные 32 немецкими пушками. Все форты имели долговременный профиль и казематные постройки. Орудия стояли на бетонированных основаниях и имели круговой обстрел. С моря Порт-Артур представлял серьезное укрепление. Сухопутная же оборона, хотя и состояла из нескольких фортов, но была слабо вооружена: всего 52 орудия, причем малого калибра, да и те разбросаны на весь сотневерстный фронт. В плачевном состоянии находилась и мандаринская дорога, проходящая по долине Луи-хэ и разделяющая фронт на две части. Дорога была кратчайшим путем в крепость, а укреплена смехотворно слабо — легкими укреплениями полевого типа. И все же, несмотря на это, считалось, что для овладения Порт-Артуром требуется эскадра не менее чем в двадцать судов с тремя тысячами десанта.

Крепость была построена вовремя. Уже через два года ей пришлось отражать атаки первого противника — японцев, в борьбе с которыми через десять лет Порт-Артур получит мировую известность.

Вторая половина девятнадцатого века, особенно последние годы, характеризовалась не только бурным ростом промышленности, но и войнами за передел мира. Яростная борьба развернулась за рынки и сферы влияния в бассейне Тихого океана. В нее наряду с Англией, Францией, Германией и США вступила быстро развивающаяся Япония. Не оставалась в стороне и Россия.

Англия к концу 1876 года полностью закрепила в большинстве китайских портов, насадила в них свои порядки, а через десять лет оккупировала Бирму, принадлежавшую Китаю. Франция, хотя и не успела захватить такого большого количества портов, но очень преуспела в

получении концессий на строительство в стране железных дорог. Бросились на запад предприимчивые американцы. Захватили Гавайские острова, Филиппины, но так и не получили лакомый кусок в Китае. Тогда они провозгласили так называемую доктрину «открытых дверей» или свободной торговли с Китаем всех государств на равных правах. Результат оставался прежним, только иными были средства. Китай растаскивали по частям.

Японцы начали действовать тихо, но это не умаляло их аппетита. Для осуществления своих планов им нужен был плацдарм на материке. Таким плацдармом стала Корея. Пока англичане укреплялись в китайских портах, японцы добились от Китая договора о «независимости Кореи» и заняли между тем корейские порты Чемульпо и Пузан. Эта так называемая дипломатическая игра привела, наконец, к открытой войне Японии с Китаем в 1894 году. С этого года Порт-Артур на долгое время стал одним из важнейших пунктов мировой политики.

Высадившись в октябре около Бицзыво, японцы быстро сбили передовые китайские отряды у Цзинчжоу — города, являющегося воротами Квантунского полуострова. Удар этот вызвал полнейшую панику, и китайцы, бросив Талиенвань и другие промежуточные перед Порт-Артуром позиции, отошли в крепость.

В крепости тоже началась паника. Начальник порта бежал через Чифу и Тяньцзинь вместе со своими помощниками, которые перерезали все провода к минным заграждениям, дабы последние не были взорваны. Не лучшим образом повели себя и китайские генералы. Собравшись на совет, они хотели бросить крепость и бежать или, оставаясь на месте, сдать на милость победителя. Только генерал Сюй, командующий войсками под Цзинчжоу, предложил двинуться навстречу японцам и разбить их на подступах к Порт-Артуру. Его никто не послушал, войска остались в крепости.

Китайский флот самовольно ушел в порт Вей-ха-вей, и никакие приказания Ли-хуан-чжана не могли заставить командующего флотом пойти на помощь Порт-Артуру. Нерешительно действовал и генерал Сун, находившийся на Севере и получивший приказ ударить японцам в тыл. Его наступление было так плохо подготовлено и организовано, а войска так вяло и неохотно шли в бой, что японцы без труда остановили их силами всего трех батальонов.

Японские войска накапливались под Порт-Артуром и к началу ноября представляли значительную силу. Перед крепостью под общим командованием генерала Оямы находилась 1-я дивизия генерала Ямаджи и

12-я бригада 6-й дивизии генерала Хасегавы, всего около двадцати тысяч человек при 26 орудиях. Кроме того, у Оямы был в распоряжении осадный парк из 33 тяжелых орудий и мортир. Боевые действия почти не велись, за исключением небольших вылазок с той и другой стороны, которые были скоротечны и жестоки. Японцы пленных не брали, имея в крепости достаточно лазутчиков и шпионов. Раненых по обыкновению добивали штыками. Не отставали от них и китайцы: по свидетельствам очевидцев, надругались над мертвыми и терзали раненых — отрубали кисти рук, головы, вспарывали животы, а иных за нижнюю челюсть подвешивали на стенах домов.

В коротких схватках и бессмысленной жестокости прошел месяц. В конце ноября китайцы решились на большую вылазку несколькими густыми колоннами. Они не предполагали, что враг давно знает их планы и в полной готовности ждет их на ближайших сопках.

Удар японцев был сокрушающим. Бой продолжался не более двух часов. Китайцы не выдержали. Часть их бросилась обратно в крепость, а другие, обезумев от случившегося, провожаемые пачечным огнем японских пехотинцев, устремились на север к Цзинчжоу, где вскоре были окружены и окончательно истреблены.

В тот же день генерал Ояма отдал диспозицию на штурм. На следующее утро японская армия тремя колоннами пошла на форты Порт-Артура. Огонь китайцев, деморализованных вчерашним поражением, был мало эффективен. Усиленный обстрел с береговых батарей Золотой горы не остановил наступающих. Скоро промежуточные редуты были захвачены, и, хотя еще держались основные форты, китайцы уже бежали в город.

В 11 часов утра от прямого попадания в пороховой погреб взлетел на воздух форт Сиу-жю-сан. Взрыв настолько потряс и без того охваченных паникой китайцев, что они не только оставили взорванный форт, но и очистили всю линию сухопутной обороны. На главной точке восточного форта взвилось знамя Восходящего солнца. В руках японцев были уже все укрепления, за исключением береговых батарей. Китайские войска еще находились в городе и порту. Но это были совершенно небоеспособные части. Японцы равнодушно наблюдали с высот за бегством этого воинства вдоль западного берега. Они не только не преследовали китайцев, но даже не обстреливали.

В середине дня на линию взятых фортов прибыл генерал Ояма, моментально приказал взять береговые батареи и начать преследование отступающего противника. Неожиданно японские колонны попали под прицельный огонь с Перепелиной горы. Все тот же генерал Сюй,

удерживающий со своими войсками арсенал, громил японцев артиллерией. Но это уже был отчаянный шаг горсти храбрецов. Через несколько часов подошедшие осадные орудия подавили последний очаг сопротивления. К вечеру вся крепость была в руках японцев.

Среди победителей был и генерал Ноги, командовавший тогда одним из отрядов в дивизии Ямаджи. Разгоряченный победой, весь преисполненный величием самурайского духа, он, судорожно сжимая рукоятку меча, с гордостью смотрел на проходящие мимо войска священного микадо. Ровно через десять лет ему придется вновь брать эту крепость, но не будет этого опьяняющего чувства победы, а только горечь и обида поражений, ощущение вины за тысячи погибших и ненависть к ним за то, что он — непобедимый Ноги, слуга божественного микадо — почти год пытается сломить крепость, которая некогда пала к его ногам в один день.

Взятие Порт-Артура менее чем за сутки, в открытом штурме, поразило военных специалистов ведущих держав. Мало кто из них предполагал, что Япония, с населением в десять раз меньшим населения Китая и несравненно слабее общими материальными ресурсами, сможет нанести такое поражение противнику. Однако судьба Китая не очень-то беспокоила правительства Англии, Франции, Германии и России. Волновало появление на материке нового и опасного конкурента в борьбе за Дальний Восток. А едва выяснилось, что по Симонсекскому договору, подписанному маркизом Ито и Ли-хуан-чжаном, Япония, помимо всего прочего, потребовала от Китая Тайвань, Пескадорские острова и Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, Запад не выдержал.

Россия заканчивала строительство великого сибирского пути к Владивостоку, своей главной гавани на Тихом океане. Но Владивостокский порт большую часть зимы покрывался льдом, и, естественно, царское правительство обратило внимание на Печелийский залив. Усиление позиций Японии на Дальнем Востоке вызвало резкое недовольство России. Впрочем, Япония сразу всем встала поперек горла. Уже через несколько дней после заключения Симонсекского договора, в апреле 1895 года, представители трех стран — России, Германии и Франции — послали правительству Японии ноту протеста с требованием вернуть Китаю Ляодунский полуостров. Японцы тяжело переживали свое дипломатическое поражение, но соотношение сил в то время было не в их пользу и они нехотя отступили. Внешне все было похоже на полное смирение, но только внешне. Просто японцы поняли, что могут рассчитывать на успех только в тесном союзе с какой-либо из могучих

держав, имея к тому же сильную собственную армию и флот. Началась кропотливая, по-японски добросовестная подготовка к будущей войне, с напряжением последних сил и экономией каждой иены.

Для России на Дальнем Востоке наступили напряженные времена. Первым дипломатическим договором последнего русского царя был заключенный в 1896 году оборонительный союз с Китаем, результатом которого явилось строительство КВЖД. Но мирные договоры были тогда не в моде. На арену выходил более опасный, чем Япония, хищник — кайзеровская Германия. Она, готовясь к будущему переделу мира, делала все, чтобы отвлечь внимание России от ее западных границ. Одновременно Германия искала плацдарм для грядущих битв на Дальнем Востоке. Примечательным в этом отношении было письмо кайзера Вильгельма своему августейшему племяннику Николаю II:

«...Я с интересом буду ожидать дальнейшего развития нашего дела и надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не стеснит тебя...»

Кайзер знал, как успокоить молодого русского царя. Впрочем, это были обычные лицемерные строки, которыми изобиловала переписка двух императоров. В 1897 году Вильгельм, разумеется не посоветовавшись с горячо любимым родственником, отдал приказ германскому флоту занять, или, как он выразился, «арендовать» китайский порт Циндао.

Русские дипломаты на мгновение растерялись, но медлить было нельзя, ибо стало достоверно известно, что Англия, в противовес Германии, готовит операцию на Ляодунском полуострове. Некогда было вспоминать о договорах с Китаем. В декабре 1897 года русский крейсер «Рюрик» бросил якорь в гавани Порт-Артура и остался там зимовать. Вскоре к нему присоединилась часть других кораблей Тихоокеанской эскадры.

А 9 марта следующего года в город вошел первый русский отряд, сформированный из батальонов восточносибирских стрелков, забайкальских казаков, полевой и крепостной артиллерии. Еще через неделю в Пекине представителями России и членами Цзун-ли-ямыня была подписана конвенция о передаче китайским правительством России в аренду на 25 лет Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и прилегающими островами.

16 марта 1898 года на сигнальной башне Золотой горы рядом с китайским флагом взвился русский Андреевский. Китайские войска под

командованием генерала Суна к вечеру оставили город и крепость. Китайский флаг был спущен. Так Порт-Артур стал военно-морской базой русского Тихоокеанского флота.

Во главе русских войск был поставлен контр-адмирал Дубасов, который оставил о себе след в виде обращения к населению Порт-Артура, в котором пространно рассуждал о великой миссии России.

Тем временем в Европейской России был сформирован отряд для службы в Порт-Артуре и Талиенване. В него вошла 3-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада, два полка которой — 11-й и 12-й — прибыли в Артур морем из Одессы. Остальные части формировались за счет Приамурского военного округа. Это были: два батальона крепостной артиллерии, артиллерийский дивизион, Квантунский саперный батальон и 1-й Верхнеудинский казачий полк.

За войсками потянулись и первые чиновники, портовые рабочие, купцы, мещане. Закипела работа в городе и крепости. Портартурцы сразу ощутили в полной мере неорганизованность и граничащее с преступлением невежество бюрократического аппарата. Даже официальные правительственные источники не могли не обратить на это внимание: «Трудностью положения было еще отношение к делу Петербурга: его чиновничьи мертвые канцелярии не имели ни малейшего представления о потребностях Порт-Артура и рассматривали вопросы лишь с точки зрения возможного уменьшения расходов. Военное министерство не хотело увеличивать численность гарнизона, и все многочисленные ходатайства по этому вопросу встречали лишь самый категорический отказ; кредиты, как на приспособление зданий для жилья и других насущных потребностей гарнизона, так и на постройку укреплений, задерживались и урезались. Как у нас постоянно водится, канцелярские переписки разрослись до грандиозных размеров, нелепое приказание бывшего военного министра ежедневно доносить о мелочах, совершавшихся на Квантуне, отнимало немало времени у работников и вызывало совершенно излишние телеграфные расходы, так как долгое время после занятия приходилось платить больше рубля за слово. Напряжение работы было огромное, и нервы были натянуты у всех. Если к этому прибавить возню с антагонизмом между морским и сухопутным ведомствами, то становится понятным, в какие тяжелые условия была поставлена работа в Порт-Артуре».

Строительство в крепости шло черепашьими темпами, но все же в 1899 году были построены береговые батареи у Тигрового перешейка и за Плоским мысом, перевооружены 6-дюймовыми пушками и 9-дюймовыми

мортирами Саперная и Круглая батареи. На сухопутном фронте впервые поставили 6-дюймовые пушки. Это полностью соответствовало бытовавшему мнению, что с суши ждать врага нелепо, ибо здесь за Артуром стояла вся Россия. О боевой готовности войск, их подготовке не думали, все силы бросили на строительство. Флот жил спокойней и уже в феврале 1899 года провел первую боевую стрельбу. Но результаты ее были так удручающе низки, что командование эскадры надолго прекратило всякие попытки превзойти береговую артиллерию. Мишенью для стрельбы служила старая китайская ипань на берегу Талиенванской бухты и созданные вокруг нее на скорую руку макеты батарей. Эскадра отстрелялась дружно, но ипань осталась целой и невредимой, а потери понесли, как это ни смешно, сами стреляющие корабли. На «Наварине» оторвало ствол 6-дюймового орудия, на «Владимире Мономахе» от сотрясения потекли котлы, на «Рюрик» сорвало с крепления пушку.

Пока ПортАртур с большим трудом старался укрепить свою оборону, в мире изменилось многое. В 1900 году в Китае вспыхнуло боксерское восстание. Против восставшего народа был брошен семидесятитысячный экспедиционный корпус интервентов. Регулярные войска Англии, США, Японии, Германии, Франции и России в короткий срок подавили восстание и заняли Пекин. Начался неприкрытый грабеж страны. На Китай была наложена огромная контрибуция, более чем в полтора миллиарда рублей. Самый лакомый кусок отхватила Россия, полностью оккупировав Маньчжурию. Это, естественно, не понравилось ее партнерам. Прежде всего враждебную позицию по отношению к России заняла Япония, которая к тому времени окрепла и мечтала не только о Маньчжурии. Англия и США приняли самое деятельное участие в разжигании войны между Россией и Японией. В 1902 году был подписан англо-японский договор, в котором прямо говорилось, что одна из сторон обязана сохранять нейтралитет, если другая будет вести войну из-за Китая и оказывать помощь союзнику, вплоть до вооруженных сил, в случае его войны с несколькими державами. Американцы, верные своему торгашескому духу, не мудрствовали лукаво на дипломатическом поприще и предоставили Японии заем на 500 миллионов рублей. Сумма эта по тем временам была так велика, что даже на строительство одного из мощнейших флотов в мире японцы потратили только 200 миллионов рублей.

Теперь японцы были уверены, что смогут воевать с Россией. Подготовка к войне шла самыми быстрыми темпами. На американских займах небывало быстро росло промышленное производство, особенно машинное. Это позволило Японии построить самый современный флот —

к началу войны японский флот по мореходным и огневым качествам был одним из сильнейших в бассейне Тихого океана. Одновременно с флотом создавалась многочисленная кадровая армия для вторжения на материк. Всего на строительство вооруженных сил с 1896 года и по 1903-й Япония израсходовала почти миллиард иен. Для того времени сумма эта была колоссальна.

Пока шла подготовка армии и флота, японское правительство вело активную дипломатическую игру. Сначала России было предложено признать протекторат Японии над Кореей. Русское правительство отклонило это предложение. В августе 1903 года Япония с провокационной целью потребовала от России унизительных уступок, позволяющих ей закрепиться в Маньчжурии, и вновь получила отказ. Но подобные отказы не смущали японцев. Они были готовы к войне немедленно. К тому же знали, что к войне не готова Россия. В декабре того же года Япония, по сути дела, выступила с ультиматумом относительно своих прав на Маньчжурию. Не готовое к войне царское правительство согласно было пойти на уступки, но момент был упущен, да и вся японская дипломатия являлась не больше как игрой. В Японии один из видных государственных деятелей, граф Окума, открыто заявлял: «Мы должны воевать с Россией». А газета «Ници-Ници», не стесняясь, писала: «Вперед же, пехотинцы Ниппона, вперед, кавалеристы страны Восходящего солнца, бейте и гоните дикую орду, пусть наше знамя водрузится на вершинах Урала...»

На улицах Токио и других японских городов распевали песню:

*Долой всю Русь! Пора настала,
Сыны Ниппона! Горе ей —
Закон и честь она попрала,
И нет для нас врага страшней.
Настал же час, настало Время!
Мы восстановим вновь закон!
Войны не тяжело нам бремя.
России смерть! Вперед, Ниппон!
Вперед за солнцем лучезарным
Зовут знамена! Уж пора!
Вперед на бой с врагом коварным!
Погибнет Русь! Ниппон, ура!*

С такими лозунгами и подобными песнями закончился 1903 год,

последний год мира.

Поезд должен был прийти в ПортАртур только утром, а пассажир из третьего купе не переставал одолевать проводника вагона, кондукторов, старшего смены одним и тем же вопросом: «Не подъезжаем ли?» Железнодорожникам он изрядно надоел, но вступать в пререкания с пассажиром никто не решался.

Беспокойным пассажиром был Роман Исидорович Кондратенко. Назначенный неделю назад командиром 7-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады в ПортАртур, он в самые короткие сроки сдал штабную должность, тепло попрощался с сослуживцами и вот уже вторую неделю добирался до нового места службы.

Мимо окон проносился ставший уже знакомым пейзаж: округлой формы лесистые сопки, заросшие небольшими деревьями и кустарниками, которые даже сейчас, глубокой осенью, создавали впечатление непроходимых зарослей. Роман Исидорович не сразу понял, в чем заключается своеобразие этого ландшафта. Все дело в форме гор, сопки, которые напоминали остроконечные пирамиды. Даже горные кряжи, отходящие от них и опускающиеся в долину, заканчивались характерными маленькими остроконечными вершинами. «Торчат, как сахарные головы», — подумал он, глядя на вереницу сопки. Каждое ровное место было старательно расчищено и использовалось под посадки гальяна, чумизы, бобов, гороха. Сейчас, среди скошенных посевов, четко выделялись фанзы китайских деревушек. Домишки эти сплошь походили друг на друга. Крытые просяной соломой, тростником, а иногда и черепицей, они весело глядели затянутыми разноцветной бумагой окнами. Против каждого домика имелся довольно обширный двор, куда на ночь сгонялись все имеющиеся у хозяина домашние животные: куры, свиньи, ослы, лошади. Станции в своем большинстве представляли унылые, одноэтажные строения, похожие на сараи, торчащие среди совершенно голого поля. И только наличие множества рельсовых путей да застрявшие в разных местах одинокие вагоны указывали на прямое назначение этих барачков.

Разглядывая ставшую привычной картину, Кондратенко погрузился в размышления. ПортАртур привлекал его живой работой по постройке крепости, становлению ее гарнизона. Окрепло это желание, когда он, будучи дежурным генералом при штабе округа, ознакомился с проектом строительства крепостных укреплений. Проект намечал только для береговой обороны построить 27 батарей долговременного типа, а на сухопутном фронте возвести 8 фортов, 9 укреплений, 6 батарей и 8 редутов.

На вооружение предполагалось поставить 552 орудия и 48 пулеметов. Стоимость всех работ оценивалась в 15 миллионов рублей. Штаб округа непосредственно не принимал участия в строительстве, но был главным связующим звеном между Порт-Артуром и Россией. Через руки Кондратенко в короткий срок прошли тысячи бумаг, причем большая часть их только тормозила работу, внося неразбериху и в без того идущее черепашими темпами строительство.

Жизнь в Порт-Артуре оживилась только с конца 1899 года. В крепость прибыл командующий морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке адмирал Алексеев. Сразу встал вопрос о постройке Нового города, начала издаваться местная газета «Новый край», образовались даже скаковое и ботаническое общества. Все это привело к лихорадочной спекуляции земельными участками, строительству жилых зданий и коммерческих предприятий. Штаб округа завалили запросами, телеграммами торгово-промышленных фирм. Роман Исидорович позже ознакомился со всей этой бумажной чепухой. По коридорам мрачного здания штаба тогда сновали юркие подрядчики, в комнатах слышались редкие для воинского учреждения слова: смета, подряды, кредиты, заем, заказы... Следующий год добавил сугубо военные заботы. Наконец-то дело дошло и до крепости...

Но рано радовались артурские военные. Если коммерческое строительство, особенно после того как по инициативе премьера Витте КВЖД получила право на строительство в Талиенванской бухте города-порта Дальний, шло с размахом, то проект полковника Величко по реконструкции Порт-Артура выполнялся из рук вон плохо. Миллионы потекли не туда, куда следовало. Впоследствии официальная история скажет: «Тут прежде всего пришлось столкнуться с недостатком средств, и все самые лучшие проекты разбивались об это. Так: где следовало строить сильную батарею, приходилось ограничиться старым китайским укреплением; где следовало поставить новые пушки, там вынуждены были ограничиться старыми, гарнизоны приходилось сокращать, и многие важные пункты оставлять ие обороненными...» Даже это объяснение не дает представления об истинных размерах безобразий. За всем стояли люди. Прежде всего руководство Квантунского укрепрайона и крепости Порт-Артур. Однако ни адмирал Алексеев, ни военный министр Куропаткин не только не приняли надлежащих мер, но даже считали положение дел прекрасным.

Перед началом войны начальник инженеров крепости инженер-полковник Григоренко доносил Алексееву:

«...3) павильоны для дальномеров заказаны в г. Севастополе и установочные части их будут высланы из Севастополя в январе 1904 г., а сами купола в мае; 4) ввиду уменьшения ассигнований на 1904 г. на оборонительные работы, будут выстроены только батареи № 8 для 8-дюймовых пушек... и, может быть, № 5 для 10-дюймовых пушек, остальные деньги пойдут на пополнение позаимствования из чрезвычайного кредита;... 6) форт № 6 и редут № 4 могут быть окончены вчерне со всеми бетонными работами в 1904 году, если будут отпущены деньги из чрезвычайного кредита. Чтобы не задерживать работ, необходимо на будущий год отпустить на эти работы до 600 000 рублей...»

Алексеев поручил своему штабу разобраться с докладом, но разбор провели формально. Самому же адмиралу очень понравилась фраза штабных чиновников «сообщается для сведения», которая его окончательно успокоила.

Роман Исидорович этого полностью не знал, да и не мог знать. Ему было известно, какие большие средства выделялись на реконструкцию крепости. Имел он представление о способностях русского человека, когда его силы приложены к нужному делу. Он, безусловно, доверял таким авторитетам, какими для него были военный министр Куропаткин и адмирал Алексеев.

Сидя в душном купе, он вспомнил, как провожали генерала Куропаткина в инспекционную поездку в Порт-Артур и как тот был ею доволен. Офицеры штаба округа, сопровождавшие военного министра в поездке, рассказывали Кондратенко, что вся четырехдневная инспекция состояла из смотров, объездов, парадных обедов и увеселений. Вникнуть в настоящее положение дел при таком подходе министр, конечно, не мог, но это не помешало ему на прощальном обеде в саду Нового города прямо назвать адмирала Алексева добрым гением Порт-Артура, а крепость неприступной. Как показали дальнейшие события, адмирал Алексеев сыграл роль скорее злого, чем доброго гения.

И это были не благодарные речи подвыпившего инспектора в честь умело встречавших его хозяев. В августе 1903 года в официальном докладе царю Куропаткин писал: «...Мы можем быть вполне спокойны за участь Приамурского края, мы нынче можем быть спокойными за судьбу Порт-Артура».

Роман Исидорович вспомнил, что почти сразу после этой поездки высочайшим манифестом было образовано Дальневосточное наместничество, во главе которого встал все тот же адмирал Алексеев. Последующие события покажут, что это не принесет особой пользы для

дела. Зато как увлеченно обсуждали в штабе парад, устроенный по этому случаю на Казачьем плацу Порт-Артура. Присутствие на нем иностранных корреспондентов, в том числе и японских, создало очередную рекламную шумиху о неприступности крепости и могуществе русского флота.

На самом деле морская база и крепость были очень далеки от идеала, ибо после четырех лет с начала осуществления проекта работы фактически только начались. В результате к началу войны для береговой обороны было построено только девять батарей долговременного типа и двенадцать временных. На сухопутном фронте дело вообще стояло на месте. Готовы были лишь один форт, три укрепления и три литерных батареи. Остальные укрепления оставались пока только на бумаге.

Все это в общих чертах Кондратенко было известно, и теперь, подъезжая к Порт-Артуру, он мысленно перебирал возможные трудности, с которыми придется столкнуться. В душе он был рад этому, как радовался всегда новому живому делу.

Ехал, как часто бывало, к новому месту службы один. Семья осталась в Хабаровске. Значит, предстояли хлопоты с квартирой, подготовкой к переезду.

Перрон порт-артурского вокзала, как обычно при прибытии поезда из России, был многолюден. По дощатому настилу сновали юркие носильщики-китайцы, хватая пассажиров за рукава пальто. К вагонам ринулась толпа встречающих, в основном офицеры. Морские, артиллерийские, пехотные фуражки замелькали среди косичек китайцев. Еще больше было любопытных. Для портартурцев прибытие поезда всегда событие. Казалось, вместе с приехавшими вагоны выплескивали на грязный артурский перрон не только свежие новости, но и воздух далекой родины.

Кондратенко вышел из вагона, поставил заботливо вынесенный проводником чемодан возле ноги и огляделся. К нему, расталкивая носильщиков, спешил немолодой капитан в новенькой серой шинели и громадной маньчжурской папахе. Следом за ним спешили два штаб-офицера. Не доходя до генерала пяти шагов, капитан остановился, четко вскинул руку к папахе и шагнул в сторону, давая дорогу невысокому подполковнику в пенсне. Кондратенко догадался, что это его начальник штаба.

Роман Исидорович, не любивший пышных и громогласных встреч, сразу же заспешил на привокзальную площадь. Около полосатого столба будочника стояла пролетка и двуколка для багажа генерала. Это очень удивило Кондратенко. Но он своим чемоданом еще больше удивил

встречающих.

Площадь быстро пустела. Часть прибывших разъехались в маленьких колясочках, которые легко и быстро тянули китайцы-рикши. Странно было смотреть, как маленькие, неказистые на вид люди тащили коляски с седоком. Остальные пассажиры расходились пешком в сопровождении пеших носильщиков-кули, нагруженных не намного меньше рикш.

Пролетка с генералом и его начальником штаба подполковником Науменко, выехав с привокзальной площади, быстро катилась своеобразной порт-артурской улицей. Таких улиц в городе, даже в Новом, было абсолютное большинство. Проложенные в скалистом грунте, они представляли из себя неширокие дороги, над которыми саженях в 20–30 возвышались редкие, большей частью одноэтажные домишки. От них тянулись к дороге вырубленные в откосах ступеньки, с деревянными перилами и настилом. Даже артурская гордость — городской парк был разбит террасами, за что получил шутовское название «Этажерка». Впрочем, и парк-то представлял несколько кустов и чахлых деревьев. Лишь кое-где островками темнели лужайки увядшей травы.

Роман Исидорович с любопытством глядел по сторонам, слушая начальника штаба, поражаясь его коротким, предельно точным формулировкам. Науменко же сразу понял, что приехал не паркетный генерал, и спешил поделиться с ним наиболее важными бригадными проблемами. Кондратенко с удовольствием думал, что с начальником штаба ему повезло. Но, конечно, и предположить не мог, что пройдет рядом с этим человеком весь тяжкий путь испытаний в осажденной крепости и, более того, примет рядом с ним смерть.

Порт-Артур состоял из двух частей, разделенных внутренним рейдом: Старого и Нового города. Старый город даже издали представлялся нелепым нагромождением китайских фанз. Маленькие домики — без фундамента, с деревянными решетчатыми окнами, папиросной бумагой вместо стекол, с земляными полами — лепились друг к другу. В последние три года их слегка разбавили европейские дома, но в Старом городе и они мало отличались от китайских фанз. Жилые дома перемежались бесчисленными китайскими лавчонками и обжорками, распространявшими на всю округу зловонный запах. Над всем этим скопищем лачуг вилась чудовищная копоть — единственным видом топлива в Порт-Артуре был уголь.

Новый город, наоборот, был чисто европейским. С широкими, правильно спланированными улицами. Здесь дома тоже были большей частью одноэтажные и растительность не отличалась разнообразием, но

вывески магазинов, парикмахерских, страховых контор и акционерных обществ придавали всему облику знакомый, городской лоск.

Роману Исидоровичу живо вспомнился родной Тифлис с такими же контрастами европейского и восточного.

Вскоре пролетка остановилась возле небольшого одноэтажного дома. Заново отштукатуренный, крытый красной черепицей, он выделялся среди соседей добротностью и ухоженностью, а еще через час Кондратенко, переодевшись в парадную форму, отправился в штаб крепости для представления.

В штабе заспанный дежурный офицер доложил, что комендант крепости генерал Стессель будет не раньше чем через два часа, а возможно, и не будет вообще. Наместник же принимает прямо у себя на квартире, так как уже второй месяц держит свой штаб на флагманском броненосце «Петропавловск». Дежурный всем своим видом высказывал предупредительность и заботу, но в глубине души отнесся к генералу с некоторым пренебрежением. Уж больно невзрачным на вид, несмотря на парадную форму, показался ему новый командир 7-й бригады.

Делать нечего. Раздосадованный Кондратенко все же решил ехать к наместнику. Дом его, недавно выстроенный на главной улице Нового города, для Порт-Артура казался дворцом. Массивное двухэтажное здание, окруженное со всех сторон причудливыми балконами, гордо возвышалось среди однообразных артурских строений. Никогда не испытывающий робости перед начальством, Роман Исидорович несколько волновался: все же — лицо императорской крови... Адмирал Алексеев был незаконным сыном Александра II и, следовательно, сводным братом Александра III, словом, самым влиятельным лицом на Дальнем Востоке.

К удивлению Кондратенко, прием оказался на редкость теплым. Наместник по-простому, без докладов, поздоровался с ним и довольно толково и быстро ввел в курс событий, рассказал о предстоящей работе, сделав упор на инженерную подготовку генерала, которая была так сейчас необходима крепости.

Скоро повеселевший Кондратенко вновь был в штабе крепости. Дежурный, посвежевший и подтянутый, встречал его в дверях и буквально передал с рук на руки щеголеватому ротмистру Бодяге — адъютанту коменданта крепости. Генерал Стессель, предупрежденный о визите Кондратенко к наместнику и узнавший от адъютанта о довольно теплом приеме у последнего, старался придать своему одутловатому лицу приветливое выражение.

Едва Роман Исидорович увидел коменданта крепости, сразу понял,

кому попугайски подражает сопровождавший его адъютант. Высокий полный генерал, с гордой осанкой начинающей лысеть головы, аккуратно подстриженной бородкой и торчащими в стороны усами, выглядел внушительно. Глаза его светились неукротимой энергией, жаждой деятельности, но Кондратенко сумел разглядеть за внешней импозантностью — дешевое позерство, даже брызжущая из глаз энергия была наигранной. Стессель действительно любовался собой, не вникая особенно в доклад представляющегося генерала.

«Да, скудеет Россия на полководцев, — думал он, поглядывая свысока на невзрачного Кондратенко, — так, шпак какой-то, а не русский генерал. А две академии кончил... Ох, уж мне эти академики! Только поучать лезут. Впрочем, этот, видно, тихоня, его-то быстро обломаем».

Роман Исидорович закончил доклад, и Стессель сразу же вступил в разговор:

— Рад, бесконечно рад видеть вас, ваше превосходительство. Безмерно одобряю ваше стремление быстрее приступить к делам. Хотя спешить вам некуда. Воевать, бог даст, не придется. А если и будем, то с кем?.. Нельзя же японцев считать серьезным противником! Газетные писаки очень метко их назвали — желтые макаки... как и китайцы, и более ничего. Китайцев мы приструнили надолго... И другим азиатам — урок.

Стессель сладко зажмурился, вспоминая китайский поход и последовавшие после него награды. Материальные выгоды для него несомненны: по самым скромным подсчетам, он свои «военные трофеи» оценивал тысяч в пятьдесят рублей.

— А вы, ваше превосходительство, продолжал он, — тоже принимали участие?.. Не сомневаюсь, что получили удовольствие. Вот это война! Странно, что более двадцати лет трубят одно и то же: Шипка, Плевна, Скобелев... Я там тоже бывал. Пора бы всяким писакам нас, грешных, вспомнить...

Роман Исидорович не разделял восторгов будущего начальника. С трудом скрывая раздражение, слушал он напыщенную речь Стесселя. Вспомнился последний поход Сувалакского полка. Он хотел тогда написать докладную записку командующему войсками округа, но не решился. Только с братом по обыкновению делился: «Это не война, а разврат для войск: не успеем выслать цепь стрелков, как в цепи являются все штабные, а иногда и сам начальник отряда, и каждый начинает командовать, чтобы успеть проявить свое участие в деле; действительно надо торопиться, так как не успеем мы сделать несколько выстрелов и начать движение вперед, как китайцы начинают быстро отступать. Все старание сводится к тому,

чтобы нагнать их и хоть несколько уложить на месте, а то иначе бой выходит без убитых и раненых...»

Стессель между тем уже пространно рассуждал о значении крепости в общей системе обороны Порт-Артура, высказывая плохо скрываемую неприязнь к морякам, командиру эскадры адмиралу Старку — удачливому сопернику на место среди особо приближенных к наместнику Дальнего Востока.

Флот давно стоял Стесселю поперек горла. Даже такая простая истина, что Порт-Артур — прежде всего военно-морская база, раздражала его. И если бы сам наместник не был моряком, Стессель давно бы запретил всякое общение гарнизона с эскадрой.

Комендант говорил бы еще долго, если бы не робкое покашливание адъютанта, третий раз заглядывающего в кабинет.

— Итак, ваше превосходительство, поздравляю вас еще раз с прибытием в Артур. Завтра на совещании представлю вас командованию и штабу крепости, — прервал он неожиданно свою речь.

В тот же день Роман Исидорович, как ни собирался, в бригаду не попал — остаток времени ушел на оформление документов и благоустройство жилья. К полуночи с помощью денщиков квартира приобрела уютный, но по-солдатски скромный вид.

С утра следующего дня Кондратенко посетил полки и сразу столкнулся с неразберихой и анархией, обычным для вновь сформированной части положением дел. Его поразило почти полное отсутствие в полках боевой подготовки, не только в масштабе частей, но и батальонов. Войска занимались хозяйственными работами, да и то от случая к случаю. Основное время тратилось на фронтовые учения и словесность. Занятия по словесности проводили обычно унтер-офицеры и юнкера. Конечно, облегчение господам офицерам, предпочитающим соперничать с моряками на аллеях «Этажерки» в погоне за благосклонностью весьма малочисленного женского населения города. Многие казармы были недооборудованы, топились по-черному, каменным углем. Солдаты угорали, наводняли полковые лазареты и предпочитали мерзнуть, чем так обогреться. Антисанитария была чудовищной.

Первое впечатление было удручающим. Но Роман Исидорович, как всегда перед трудным делом, почувствовал необыкновенный прилив сил, страстное желание работать и работать. Хотелось быстрее сколотить полки, превратить их в настоящую боевую бригаду. Остаток недели он занимался знакомством с офицерами, работой штабов. Как всегда дотошно, вникал в полковое хозяйство. Дел много, а времени, увы, не хватало. Кондратенко

отменил смотры, церемониальные марши, объявив по бригаде, что знакомиться с личным составом будет в ходе боевой учебы, и с начальником штаба принялся за отработку плана мероприятий по повышению боевой готовности бригады.

На очередном совещании у коменданта он уже смог выступить с предложениями по повышению боевой готовности войск не только своей бригады, но и всех сухопутных частей крепости.

Выступление было принято холодно, а генерал-лейтенант Фок — начальник 4-й Восточно-Сибирской дивизии — вообще отказался обсуждать этот вопрос. Выпад был настолько оскорбителен, что Стессель поспешил замять дело.

Кондратенко, с трудом сдерживая гнев и стараясь не глядеть на Фока, рассеянно слушал коменданта. В который раз за службу приходилось сталкиваться с тупым равнодушием и презрением к совершенно очевидным, просто необходимым армии и государству делам или с таким квасным патриотизмом, за которым стояла напыщенность и нежелание работать.

Стессель, чтобы окончательно закрыть вопрос о новом подходе к боевой подготовке, предложил Кондратенко, как военному инженеру, в ближайшие дни проинспектировать сухопутный фронт обороны и подготовить доклад о ее состоянии на одном из совещаний.

Кондратенко с удовольствием принял такое приказание. Еще на пути в Порт-Артур положил себе обязательным в первую очередь познакомиться с театром военных действий и подробно изучить оборону крепости.

У Романа Исидоровича сложилось двойное мнение о командном составе крепости. На первом же совещании, где его представляли генералам и офицерам крепости, Кондратенко почувствовал открытую неприязнь со стороны Фока, добрую предрасположенность со стороны начальника артиллерии крепости генерала Белого, чопорность начальника штаба Стесселя генерала Розантовского, безразличие Никитина. Сам комендант, генерал-лейтенант Стессель, несмотря на неприкрытое фанфаронство и самолюбование, все же сумел вызвать его уважение. Роман Исидорович, не обладая броской внешностью, втайне завидовал красивым, уверенным в себе людям, с зычным голосом и врожденной армейской косточкой. Он знал, что Стессель окончил Павловское училище, в русско-турецкую войну воевал, но карьеру сделал во время подавления боксерского восстания. Изумляла, правда, некоторая некомпетентность, а иной раз и просто невежество в решении Стесселем военных вопросов, но Роман Исидорович почему-то надеялся, что в суровую годину испытаний

именно такой человек поведет их за собой к победе.

После совещания Кондратенко, не откладывая дела в долгий ящик, в сопровождении начальника инженеров крепости полковника Григоренко, адъютанта и трех казаков выехал на сухопутный фронт. Поехали налегке, верхом, рассчитывая каждый раз к ночи возвращаться в город, обедать же на месте, в поле. Возвращение вечером для Романа Исидоровича было просто необходимым. Надо было контролировать, как идет боевая подготовка бригады.

Квантунский полуостров являлся довольно обширным горным массивом. Цепи гор тянутся с запада на восток, начиная понижаться от наивысших точек гор Юпилаза и Куинсан и постепенно переходя в плоскогорье, в юго-восточной части которого раскинулся Порт-Артур. Отдельно, на самом юге полуострова, возвышается Ляотешапский массив с самой высокой на полуострове горой Ляотешань. Горы, как и по всей Маньчжурии, имеют остроконечные вершины, скаты тоже весьма крутые. Состоят они из очень твердого известняка и слегка прикрыты землей, на которой редкими пучками растет трава и терновник. Лишь весной да ранним летом они радуют глаз изумрудным травяным покровом. В остальное время года вся местность представляется весьма суровой. Впечатление это особенно усиливается от множества лишенных растительности скал. Деревья здесь не растут совсем. Небольшие речки и ручьи часто пересыхают, вынуждая крестьян покрывать долины и нижние склоны гор бесчисленными оросительными каналами. Кондратенко обратил на них особое внимание потому, что они могут представлять серьезное препятствие для движения войск.

В крепость, помимо железной дороги, вели еще две дороги — обе с северо-востока. Одна — старая мандаринская — тянулась вдоль «железки», другая подходила к городу вдоль берега, южнее горы Дагушань. Прочие пути в крепость, особенно для войск с артиллерией, были весьма затруднены. Если по этим скорее тропам, чем дорогам еще можно было пройти, то остальная местность была трудно проходимой. Крутые скаты сопков и гор затрудняли действие не только артиллерии, но и пехоты. Кондратенко сразу понял, что такая местность благоприятствует обороне, но только пассивной. При активных же действиях обороняющимся придется столкнуться с не меньшими трудностями.

Окрестности Порт-Артура были разделены тянущейся с севера на юг долиной реки Лун-хэ. На востоке от нее, между горами Золотая и Перепелиная, раскинулся Старый город со штабом крепости, казармами и интендантскими складами. По периметру он был окружен старой

китайской стеной, так называемой Центральной оградой. На северо-восток, верстах в трех за городом, от бухты Тахе и до долины реки протянулся массивный горный хребет с крутыми склонами, самыми высокими точками которого являлись горы Опасная и Большое Орлиное Гнездо. На склонах хребта, как на ступенях, расположились укрепления главной оборонительной линии. Высоты хребта господствовали над местностью, простирающейся к северу и северо-востоку на пять верст, вплоть до Волчьих гор, Дагушаня и Сяогушаня. Кондратенко отметил про себя это важное свойство оборонительных укреплений.

К западу от долины Лун-хэ построен Новый город с портом, морским госпиталем, основными магазинами, конторами, домами офицеров. На расстоянии не более версты он окружен невысоким рядом сопок и гор, из которых наиболее заметными являются Капонирная, Барбетная и Обелесковая. Здесь расположились укрепления западного и северо-западного фронтов. В отличие от фортов восточного крыла они не опирались на командные высоты. Всего в двух верстах на северо-запад лежали более высокие горные хребты, с такими высокими точками, как горы Лисья, Угловая, Длинная. Самым важным стратегическим пунктом была, несомненно, гора Высокая. «Ключ ко всей обороне», — сразу отметил Кондратенко, едва в первый раз поднялся на ее вершину. Оттуда просматривались не только все долговременные укрепления, но и гавань.

С севера по долине реки и вдоль железной дороги естественных препятствий не было, и укрепления северо-западного участка по долине были только искусственного характера.

Исходя из первого краткого анализа местности, Роман Исидорович сделал и первый важный вывод, что восточный фронт благодаря естественным условиям и при должной степени готовности укреплений менее всего уязвим в обороне, чего не скажешь о западном участке, господствующая над которым гора Высокая уже тогда начала его особенно волновать.

Впрочем, многое зависело от самих укреплений. Здесь картина самая пестрая. На восточном участке, длиной около пяти верст, постоянный гарнизон был определен в три роты при 52 орудиях и восьми пулеметах. Главное укрепление — форт № 1 был готов только вчерне, еще предстояли большие земляные работы, хотя на оставшихся там китайских укреплениях можно было разместить четыре 6-дюймовые пушки. Далее к северу шли полудолговременные укрепления № 1 и № 2, отличие которых от временных заключалось в применении бетонных укрытий простейшего вида для гарнизона. Но и полудолговременными они были пока только по

названию. Григоренко объяснил Роману Исидоровичу, что из-за недостатка средств перестройка укреплений планируется на 1904–1905 годы. Между укреплениями № 1 и № 2 спешно возводилась долговременная батарея литера А. На большой горе очень медленно строились временные укрепления, предполагаемые тыловые позиции для всего фронта. Здесь Кондратенко увидел готовыми лишь брустверы полевого профиля. Совсем в плачевном состоянии находились редут и батарея из шести легких пушек на Дагушане — важный передовой опорный пункт. На всем западном фронте готова была лишь долговременная батарея литера Б, вооруженная четырьмя 6-дюймовыми пушками и четырьмя полевыми. Батарея прикрывала местность между сооружениями восточного и северного участков.

Северный участок, длиной также в пять верст, по плану должны укрепить сильнее — 68 орудий, большей частью полевых, представляли бы довольно внушительную огневую силу. Да и людей выделялось сюда больше четырех рот. Но все дело заключалось лишь в том, что укрепления эти еще надо было строить и строить. На двух главных долговременных фортах № 2 и № 3 работы еще продолжались, хотя форт № 3 считался готовым. Полудолговременное укрепление Большое Орлиное Гнездо с превосходным обстрелом местности между фортами было вооружено двумя 6-дюймовыми пушками. Там же довольно хорошо приспособили к обороне и старое крестьянское китайское укрепление. Подобные китайские сооружения были и на временных редутах № 1 и № 2, но в отличие от Большого Орлиного Гнезда реконструкция их не начиналась, хотя необходимость в этом была очевидна. На самом левом участке фронта, нависая над старой мандаринской дорогой и долиной реки Лун-хэ, строилось долговременное укрепление № 3. Бетонные работы, бруствер двух фасов и рвы были закончены, и только в горже и на гласисе несколько кули да взвод саперов возились с земляными работами.

Самым протяженным, длиной более двенадцати верст, был западный участок обороны. По плану он должен был делиться на две группы: внутреннюю и передовую. И хотя важнейшее значение передовой группы было установлено еще в проекте 1900 года, отпуск кредитов на ее строительство планировался только на 1909 год. Пока же возводилась внутренняя линия. Артиллерийское вооружение западного фронта должно было состоять из: тридцати 6-дюймовых пушек — орудий артиллерийской борьбы; шестидесяти одной противоштурмовой пушки — легких полевых орудий. Для обороны рвов предусматривалось двадцать восемь 57-мм скорострельных пушек и четыре пулемета. По всей линии укреплений

рассредоточивалось более шести рот пехоты.

Погода скоро испортилась, пошел типичный для Маньчжурии мелкий и жесткий, более похожий на град снег. С моря задул пронизывающий до костей ветер, закрутил круговерть налитанного снегом морозного воздуха. Григоренко приболел, и Роман Исидорович заставил его вернуться в Артур, а сам, поменяв в один из вечерних наездов генеральскую шинель на овчинный полушубок и поглубже надвинув на лоб мохнатую папаху, продолжал работу.

Его беспокоили командные высоты, особенно гора Высокая. Отсутствие на них укреплений сводило на нет и без того далеко не законченные работы на внутренней линии. Не радовало даже то, что полностью был готов форт № 4 и два полудолговременных укрепления № 3 и № 4. Готовы были и промежуточные между ними батареи литер В и Г, вооруженные десятью 6-дюймовыми пушками. Они надежно прикрывали местность долины Лун-хэ и перед фортами № 3 и № 4. Далее на юго-запад возводился форт № 5, но на нем вырыли только рвы, а о бетонных работах не было и речи. Еще дальше к югу, вплоть до Тигрового полуострова, кроме укрепления № 5, ни одно оборонительное сооружение не начинало строиться. Здесь должны были возводиться форт № 6, три батареи и два редута. Роман Исидорович не выпускал из рук толстой записной книжки, страницы которой быстро заполнялись лишь ему понятными знаками. Положение на строительстве сооружений оказалось действительно неважным, предстояла огромная и интересная работа. Дело, что называется, по душе.

Последней записью в его записной книжке было подробное описание главной ограды. Кондратенко не придавал особого значения этому сооружению, понимая, что при современных огневых средствах ограда не может служить серьезным препятствием наступающим войскам. Протянувшись на семь верст вокруг Старого города, она представляла вал со рвом, опорными пунктами в исходящих углах и несколькими редутами и люнетами.

Солнце уже спряталось за сопками, и надо было спешить домой. В последнее время он не успевал закончить дела по бригаде в штабе и стал принимать последний доклад адъютанта прямо дома поздним вечером.

С этого дня в маленьком домике генерала Кондратенко по вечерам было шумно. То, что не успевали сделать в штабе и казармах, часто решали здесь. Подготовка анализа сухопутной обороны прибавила забот командиру 7-й бригады. Спать приходилось не более шести часов, но генерал чувствовал, что работа важна, торопился, чтобы поскорее приступить к

практической реализации своих предложений.

Работа была почти закончена, когда из штаба наместника пришел приказ о формировании 3-го Восточно-Сибирского корпуса. 7-я бригада разворачивалась в дивизию, и дела по сухопутной обороне пришлось отложить. Роман Исидорович вновь столкнулся с непривычными трудностями. Мобилизационный план отсутствовал, а новые полки предлагалось формировать из подразделений, прибывающих из Маньчжурии или даже из России.

А в Порт-Артуре уже чувствовалось приближение грозных событий. Город стали незаметно покидать японцы, закрывались японские лавочки с мелочным товаром, парикмахерские, харчевни. Вокруг казарм и штаба крепости в Старом городе, а особенно в порту появилось множество не в меру любопытных китайцев. По внутреннему рейду мимо боевых судов засновали джонки. Даже на строительстве береговых и сухопутных укреплений можно было отметить явную заинтересованность и подозрительное любопытство в действиях многих десятков китайцев, а то и просто кули, которые всего несколько дней назад делали вид, что вообще не понимают строительства. Более десятка таких любопытных молодчиков были разоблачены как японские агенты и арестованы. Ни для кого из командования крепости и штаба наместника не было секретом, что Артур наводнен шпионами, но такая активность наводила на серьезные размышления.

Кондратенко, работавший очень напряженно со дня прибытия в крепость, в эти последние перед войной дни устал морально и физически. Неразбериха в делах формирования дивизии, неоконченный доклад и — главное — понимание того, что война вот-вот разразится, а Артур к ней не готов, действовали на него удручающе. Резко пошатнулось здоровье. Надежда Дмитриевна постоянно, во всех письмах просилась в Артур, но он всегда отвечал отказом. Причин было много: не хватало времени подготовить жилье, стояла слишком плохая погода, но главной причиной была беспокойная обстановка, царившая в городе и крепости.

Заканчивался первый месяц нового, 1904 года. 24 января адмирал Алексеев получил сразу две красные телеграммы. В первой — министр иностранных дел официально сообщал о разрыве дипломатических отношений с Японией, во второй, менее официальной, — успокаивал и настаивал принять меры обороны. Наместник давно ждал таких известий, но решил пока ничего не сообщать командованию эскадры и крепости. Минуло только три дня после выхода эскадры в полном составе в открытое море. Она сосредоточилась на внешнем рейде. Корабли по его приказу

расположились в шахматном порядке. Адмирал мотивировал свое решение тем, что держать корабли на внутреннем рейде сейчас опасно, ибо противник, внезапно напав, может просто закупорить эскадру, перекрыв узкий проход. О том, какой противник, он сознательно ничего не сказал, хотя весь флот знал это. Еще раньше в корейский порт Чемульпо с разведывательными целями были отправлены крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец».

Крепость по-прежнему была погружена в спячку и лишь на фортах потихоньку ковырялись саперы, подгоняя юрких кули, да каждый вечер гремел оркестр на разводе караулов. Алексеев еще раз просмотрел телеграммы и, сунув их в сейф, вызвал дежурного адъютанта.

Когда кораблям пришло последнее указание об усилении охраны эскадры, город уже спал. Меры, принятые наместником, были не только смехотворно слабыми, но и абсолютно неграмотными в военном отношении. Отныне каждую ночь в дозор выделялось два миноносца и одна канонерка. Они выходили в море не более чем на двадцать миль и при встрече с подозрительным судном должны были спешить с докладом на базу, не принимая боя. На рейде два других корабля должны были всю ночь светить прожекторами. Связь между кораблями и береговыми батареями отсутствовала, так же как и общая инструкция о действиях по тревоге. Но если на флоте были приняты хоть такие меры, крепость находилась в полном неведении.

А между тем 21 января, на следующий день возвращения русской эскадры на артурский рейд, командующий Объединенным флотом вице-адмирал Того получил из дворца божественного микадо указание начать боевые действия против русского флота. Через час, к началу совещания командного состава, был готов приказ по флоту. Флагманы и командиры кораблей слушали своего кумира затаив дыхание:

«Я предполагаю теперь же со всем флотом направиться в Желтое море и атаковать суда неприятеля, стоящие в Порт-Артуре и Чемульпо. Начальнику 4-го боевого отряда контр-адмиралу Уриу со своим отрядом и 9-му и 14-му отрядам миноносцев предписываю идти в Чемульпо и атаковать там неприятеля, а также охранять высадку войск в этой местности. 1-й, 2-й и 3-й боевые отряды вместе с отрядом истребителей пойдут прямо к Порт-Артuru. Отряды истребителей ночью атакуют неприятельские суда, стоящие на рейде. Эскадра же предполагает атаковать неприятеля на другой день».

На следующий день японский флот покинул бухту Сасебо. В открытое море вышли броненосцы «Миказа», «Асахи», «Хацусе», «Шикошима»,

«Яшима», четырнадцать крейсеров, из которых шесть было броненосных и более двадцати миноносцев. Кроме боевых кораблей, шел отряд транспортов с десантом для высадки в Корею. 24 января Уриу увел свой отряд из пяти крейсеров и восьми миноносцев на север, а утром был уже около Чемульпо.

Уриу прекрасно знал, что противостоять ему может лишь крейсер и канонерская лодка. Он вел такой большой отряд для обеспечения высадки десанта, даже не думая вступать в какой-либо морской бой, решив покончить с русскими кораблями ультиматумом.

На рейде Чемульпо, помимо «Варяга» и «Корейца», стояли отряды английских, французских и американских боевых кораблей. Их начальники, узнав об ультиматуме, сразу объявили о своем нейтралитете, русским же посоветовали принять условия капитуляции.

Командир крейсера «Варяг» и всего русского отряда капитан 1-го ранга Руднев оказался в сложнейшем положении. Вестей из Артура не было, а японская эскадра стояла у входа на рейд. Не получив поддержки от других стационаров, Руднев зачитал ультиматум командам «Варяга» и «Корейца». Еще не стихла буря негодования, как он объявил о своем решении идти в Порт-Артур и при необходимости принять бой. В том, что бой будет последним, никто не сомневался. Мужество, честь русского флага, слава русского флота — все было в этом решении.

Море на выходе из порта было покрыто легкой дымкой. Русские корабли шли параллельным курсом, уступом вправо. Впереди «Варяг». Стояла удивительная тишина, несмотря на то, что натужно, с полной мощностью работали машины, раздавались отрывистые звуки команд, свист боцманских дудок. Напряжение достигло высшего предела, когда справа по курсу показались неясные очертания островов Иодольми. В воздухе пронеслись глухие раскаты. Сразу от частых разрывов вокруг русских кораблей закипело море. Не снижая хода, ответный огонь открыли «Варяг» и «Кореец». Так начался беспрецедентный по героизму бой. В течение 45 минут, отвечая огнем на огонь, пытались русские корабли прорваться в открытое море. Более тысячи снарядов выпустил по врагу «Варяг», но силы были слишком неравны. Восемь миноносцев, шесть крейсеров, из которых только «Асама» превосходил по мощи артиллерийского огня «Варяга» и «Корейца», вместе взятых, как стервятники, набросились на легкую добычу. Скоро «Варяг» уже не мог отвечать врагу. Вся артиллерия его была подбита, более трети команды погибло в бою. Крейсер, получивший пять подводных пробоин, с совершенно обезображенной надводной частью, едва держался на плаву. Не

намного лучше были дела у «Корейца». Окутанный клубами пара и дыма, он перестал стрелять. Как два израненных богатыря, слабых, умирающих, но непобежденных, вернулись они в Чемульпо на свою последнюю стоянку.

Обнажив головы, прощались с родным кораблем оставшиеся в живых моряки «Варяга». Команда решила затопить крейсер на рейде и с болью в сердце, со слезами на глазах смотрела, как медленно уходит в чужие неласковые воды Андреевский флаг. Через несколько минут раздался оглушительный взрыв. Моряки взорвали «Кореец».

Как героев приняли на борт нейтральные военные корабли русских моряков, и лишь командир американского крейсера отказал даже в элементарном гостеприимстве, не приняв на борт раненых. В тот же день японцы под прикрытием эскадры высадили в Чемульпо первые эшелоны 1-й армии Куроки, а еще через день без боя заняли столицу Кореи — Сеул.

Основные силы японского флота приближались к Порт-Артуру. Того выдвинул в авангард быстроходные легкие крейсера. Сам Того держал флаг на броненосце «Миказа», томился в неизвестности, в душе побаиваясь, что русские предупреждены и готовы встретить его во всеоружии. 25 января у острова Роунд, в 44 милях от Порт-Артура, эскадра собралась вместе. Вернулся со своим отрядом Уриу. Того заметно повеселел. К вечеру задержали английский пароход, шедший из Порт-Артура в Токио. Того успокоился окончательно. На пароходе возвращался на родину резидент японской разведки, который сообщил адмиралу диспозицию русской эскадры. Он получил эти сведения от китайских лодочников, да и сам, проверяя агентов, не раз выходил на юркой джонке в море. Полученные сведения настолько вскружили адмиралу голову, что он решил во второй раз разделить отряд миноносцев. Восемь из них ушли в Талиенвань, а десять остались в передовом отряде Того. В 6 часов вечера броненосец «Миказа» поднял сигнал о выходе на операцию. Основные силы японской эскадры взяли курс на Порт-Артур.

Адмирал Того напрасно беспокоился, что русские подготовятся к встрече, хотя основания для этого были. В тот час когда он отдал приказ взять курс на острова Элиот, в Артуре на борту флагманского броненосца «Петропавловск» командующий эскадрой вице-адмирал Старк собрал совещание. Обсуждался вопрос о мероприятиях против возможного нападения японцев. Высказывались все командиры кораблей, без соблюдения старшинства. Как всегда, горячился капитан второго ранга Эссен, командир самого быстроходного и современного крейсера эскадры «Новик».

— Что мы выстроились, как на потеху? — спрашивал он резким

голосом. — Где охранение? Где противоминные меры? Где, наконец, главное — связь с береговой обороной?..

Старк, устало склонив голову на грудь и прикрыв лицо ладонью, казалось, спал, но только казалось.

«Дельный, инициативный офицер и говорит правильно, — думал он, — но что же делать? Как быть? Что я могу, ведь надо мной наместник...»

Вспомнив красивое лицо Алексева, он поморщился. Час назад Старк обратился к нему с просьбой разрешить установку на кораблях противоторпедных сетей, развести пары и усилить разведку. До сих пор стоит в ушах насмешливый голос наместника: «Полноте, адмирал, преждевременно. Мы никогда не были так далеко от войны, как сейчас...»

На броненосце пробили шесть склянок. Адмирал Старк встал, заканчивая совещание. Командирам судов по возможности было разрешено сойти на берег. Уже выходя из кают-компания, Старк услышал спокойный голос своего начальника штаба контр-адмирала Витгефта:

— Итак, господа, спокойной ночи. Войны не будет.

Эскадра расположилась на внешнем рейде по диспозиции мирного времени. Море было спокойно. Лишь легкий туман ложился на громады броненосцев, выстроившихся вдоль берега Тигрового полуострова. Дальше в море, также по четыре в линию, стояли крейсера. Два из них — «Аскольд» и «Диана» — будучи дежурными, парили. В дозор ушли миноносцы «Расторопный» и «Страшный». Склянки перекликались по всей эскадре, обыденно звучали в темноте и как бы разбивались в лучах прожекторов. Подход к рейду освещал крейсер первого ранга «Паллада» и броненосец «Ретвизан». Пользы от такого освещения было мало, но зато сами корабли четко вырисовывались на фоне скал Ляотешаня.

Еще не все командиры, собравшиеся ночевать на берегу, добрались до него, как на рейде раздались первые взрывы. Сразу же вся эскадра осветилась многочисленными огнями, поднялась беспорядочная орудийная и пулеметная стрельба...

Японские миноносцы на большом расстоянии заметили огни «Расторопного» и «Страшного». Потушив свои огни, они незаметно обошли русский дозор и, ориентируясь по прожекторам «Паллады», вышли правым бортом к стоянке эскадры. Ровно в 23 часа 30 минут русские корабли были атакованы. Из шестнадцати выпущенных торпед в цель попали только три, но и этого оказалось достаточно, чтобы надолго вывести из строя броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада». Жертвой нападения в первую очередь стали корабли, обязанные по приказу предупредить это нападение. Японцы, получив от

беспорядочного огня эскадры незначительные повреждения, ушли в открытое море.

Через несколько минут паника, вспыхнувшая на кораблях эскадры, прошла. Вдогонку за миноносцами, а более для предупреждения повторного нападения, бросились крейсера «Новик», «Аскольд», «Баян» и эсминцы. Не догнав японцев, они образовали давно необходимую дозорную цепь, под охраной которой и находились до утра главные силы русской эскадры.

Утром, около 11 часов, Объединенный флот вновь появился под Артуром. Того не скрывал радости по поводу ночного успеха и спешил развить его. Преисполненный важности, он заявил своим флагманам, что намерен обстрелять русскую эскадру, увлечь ее в море и уничтожить. Имея во главе броненосцы, он бросил свои 16 кораблей в бой и уже с дистанции 35 кабельтовых открыл огонь. Японский адмирал, взбудораженный ночными победами, совершенно позабыл об осторожности и не думал о том, что может получить достойный отпор. Построив эскадру в колонну, он упрямо шел под огонь береговых батарей.

Но адмирал Старк не воспользовался предоставившейся ему возможностью наказать японцев за вероломство. Он вывел отряд из 5 броненосцев, 5 крейсеров и 20 миноносцев и двинулся навстречу японцам, вступив в артиллерийскую дуэль, вместо того чтобы занять фланговое положение по отношению к неприятелю и совместно с береговыми батареями нанести японской эскадре чувствительное поражение. Старк принял бой на контркурсах. Того, едва попав под губительный огонь батарей с Золотой горы и особенно с Электрического утеса, понял, наконец, свой тактический просчет и сразу повернул в открытое море. «Непобедимый» адмирал бежал, получив менее чем за час серьезные повреждения многих своих кораблей. Особенно серьезно пострадали флагманский броненосец «Миказа», броненосцы «Фуджи», «Хацусе», «Шикошима». Едва держался на плаву крейсер «Касаги». Русские корабли существенных повреждений не имели, но Старк даже не подумал, что был близок к победе. Двадцать быстроходных миноносцев так и не получили сигнала к атаке. Во время боя несколько снарядов попало в гавань и порт, а два залетели в Новый город. Неожиданными они не были. В городе знали, что началась война.

Глава 2

ГРЕМЯТ ПУШКИ

Генерал Кондратенко в ночь нападения, как обычно, занимался служебными делами и, когда загрели выстрелы, сразу догадался, что началось то, что уже несколько недель ждал и чему внутренне противился весь Артур.

Когда из штаба крепости прискакал казак с распоряжением коменданта, Роман Исидорович уже садился на коня. Выслушав запыхавшегося посыльного, он попытался узнать у него причину тревоги, но казак только мотнул головой и отрывисто крикнул: «Должно, война!»

Новый город, несмотря на канонаду, вспышки выстрелов и лучи прожекторов, мирно спал. Лишь кое-где в окнах виднелись удивленные лица обывателей да шныряли в разные стороны вызывавшие офицеров посыльные. В Старом городе суеты было больше. Казармы проснулись, китайские кварталы оживленно гудели. Собравшись небольшими группами, китайцы перешептывались, с удивлением наблюдая за разворачивающимися событиями. Кондратенко не заметил на их лицах и тени испуга или растерянности. Казалось, люди вышли на увлекательное представление.

В штабе крепости царил настоящий кавардак. Хлопали двери, впуская ничего не понимающих, заспанных офицеров. По коридорам бегали писаря и посыльные. Дежурный устало отбивался от наседающих с вопросами командиров всех рангов.

Генерал Стессель воспринял сообщение о нападении японцев как нечто само собой разумеющееся и давно ожидаемое. Войны он не боялся, так как считал, что она мало чем будет отличаться от китайского похода. Правда, он не представлял, что сейчас необходимо делать, и собрал совещание командного состава крепости, чтобы разрешить сомнения.

«Во всяком случае не допущу, чтобы меня захватили врасплох, как этих шаркунов-моряков», — думал генерал, нервно прохаживаясь по кабинету.

Как ни странно, Стессель был даже доволен, что эскадра проворонила японские миноносцы. Большое воображение карьериста уже рисовало ему бестящие картины будущего возвышения, после того как он, а никто другой, станет спасителем России. Япошки разбиты... Вот он уже вхож к государю... Вот уже военный министр...

Приятные размышления прервал вошедший Кондратенко. Скоро собрались и остальные генералы: Фок, Белый, Розантовский, Никитин, офицеры штаба. Торжественным голосом Стессель зачитал сообщение штаба наместника о начале боевых действий на море.

Сообщение не было новостью для присутствующих, и все ждали указаний главного сухопутного начальника, а тот сам ждал каких-нибудь предложений. Тягостное молчание нарушил Кондратенко..

— Что же, господа, — начал он тихим, но твердым голосом, — с богом! Вот и наш главный экзамен перед родиной. Предлагаю действовать строго по документам особого периода. Жалею, что таковых нет в моей дивизии, но отношу это к еще не закончившемуся формированию. Полагаю, что подробный мобилизационный план есть в крепости. Рассуждать сейчас некогда, пора действовать.

Роман Исидорович встал, всем видом показывая, что немедленно готов к выполнению задачи, но это было явно преждевременно. Оказалось, плана нет и в помине. За пять с лишним лет существования крепости было несколько проектов, которые не только не утверждались, но даже не рассматривались. Сопение приняло затяжной характер. Наконец был вытасчен на белый свет вопрос о сухопутной обороне. И вновь Кондратенко доказал ее полнейшую неподготовленность. В итоге получил распоряжение взять это дело на себя. Фок только иронически улыбался. Генерал Белый быстро и обстоятельно доложил, что береговая оборона и артиллерия вполне подготовлены к отражению противника. Этого нельзя сказать о сухопутной обороне. В итоге главный вопрос, как и на какие направления вывести войска, вызывал большие разногласия. Не хотелось Стесселю, но решение пришлось принимать ему. Надо сказать, худшее решение придумать было трудно. Он приказал Фоку рассредоточить дивизию почти по всему побережью Квантуна, за исключением прилегающих к крепости с запада бухг Голубиной и Луизы Туда направлялись два полка дивизии Кондратенко. Самому Роману Исидоровичу с бригадой приказано остаться в крепости. Кондратенко, правда, пытался возразить, хотел убедить, что высадка десанта сейчас просто невозможна. Другим участникам совещания тоже было ясно: пока эскадра боеспособна, десант японцев маловероятен.

Однако Стессель, считая себя большим полководцем, никаких возражений не принимал. Генералы откланялись. Скоро Артур загудел, как потревоженный улей. Задача, весьма приблизительно сформулированная Стесселем, стала неразрешимой, когда в дело вступили люди. 4-ю дивизию не представлялось возможным вывести из города ввиду полной неподготовленности железной дороги. Генерал Горбатовский, получив от

Кондратенко приказание выступить со своей бригадой к бухте Голубиная, так и не смог получить до утра боеприпасы, потому что полки 7-й дивизии, как вновь сформированной, не были включены в план распределения.

Первый день войны сухопутные части встретили с не меньшей растерянностью, чем моряки. Улицы и площади Старого города загрохотали войсками. Солдаты, измученные бесцельными ночными передвижениями, хмуро поглядывали на проезжавшую мимо ротных колонн свиту Стесселя, привычно и раскатисто отвечая на поздравления с началом войны. Кондратенко всю ночь провел в своих полках. Он всюду сталкивался с неорганизованностью, беспомощностью командиров. С трудом сдерживая раздражение, сам наводил порядок. Не повышая голоса, спокойно, добился он получения патронов и снарядов, отменял нелепые приказания полковых командиров, наскоро набрасывал маршруты движения батальонов. С его вмешательством дело пошло на лад. Командиры полков принимали эту помощь как должное. Офицеры, охрипшие от ругани, наконец увидели, что все можно сделать без крика и суеты. Повеселели и нижние чины. Послышались обычные солдатские шутки, смех.

Совсем рассвело, когда Кондратенко столкнулся с объезжающим войска Стесселем. Высокий, с горящими глазами, сверкая алой подкладкой расстегнутой шинели, комендант стоял, широко расставив ноги в коляске. Опираясь одной рукой о плечо ездового, он яростно размахивал другой, изрыгал проклятия в адрес вероломных японцев, поздравлял солдат, первый кричал «ура!».

Роман Исидорович попытался доложить, но Стессель прервал его:

— Полноте, Роман Исидорович, какие диспозиции? Вы посмотрите на эти звероподобные рожи! С ними ли не победить?.. Ура!

Кондратенко повернулся к строю 25-го полка, и тысячи глоток мгновенно подхватили победный клич. Сам Роман Исидорович особого восторга не испытывал и просил коменданта разрешить ему, не отвлекаясь от дел дивизии, заняться сухопутными фортами и батареями. Стессель не возражал.

Через три дня, разместив полки дивизии на участках фронта, Кондратенко принялся за главную, наиболее необходимую сейчас для крепости работу по укреплению сухопутной обороны. Точнее — он стал создавать ее заново. Мало кто тогда в Артуре, даже разбирающиеся в инженерных работах люди, включая полковника Григоренко, мог предполагать, что через месяц атака крепости с суши открытой силой станет весьма трудным делом.

Стессель на ближайшем совещании объявил о назначении

Кондратенко ответственным за инженерные работы, пообещав ровно через три недели объехать сухопутный фронт.

Назначая сроки осмотра, он совсем не думал об их реальности. Тем более не верил, что Кондратенко за три недели успеет что-нибудь сделать. Просто нужен был какой-то срок, и он был назван. Только через месяц комендант предполагал начать работы, а несколько недель предоставил Кондратенко скорее для размышления. Роман Исидорович воспринял это по-другому.

«Бог с ними, пусть думают, что хотят. Они меня плохо знают. Да и солдат у нас силен не звероподобной рожей, а способностью сделать, если надо, невозможное», — решил он, выходя с совещания.

Бросив все силы на доработку укреплений, Кондратенко уже за несколько суток сумел залатать много дыр. Рельсы для укрепления перекрытий фортов получил без особого труда на железной дороге. Приготовленные два года назад для реконструкции деповского хозяйства, они так и лежали в тупике станционных путей. Сложнее было с бронеплитами для блиндажей, но их удалось получить у моряков. Прежде чем идти к начальнику порта, Роман Исидорович узнал, где, сколько и в каком состоянии имеется лишних бронеплит. И, главное, добился, что комендант порта адмирал Григорович выдал плиты сразу. Начальник инженеров Григоренко удивлялся, как без криков, разносов и рапортов были получены все материалы. Но когда на следующее утро получил рассчитанный до минуты на каждого человека график производства работ, понял, что Кондратенко не только прирожденный организатор, но и великолепный инженер. Его руководство работами было столь незаметно и настолько убедительно, что вызвало восхищение и стремление неукоснительно выполнять любое его указание. Он умел безошибочно и быстро выделить из всего комплекса работ самую горячую точку и большую часть времени проводил там и не как наблюдатель, а как самый активный участник. Уделяя основное время важным объектам, Кондратенко не оставлял без внимания и все остальные работы. Скоро не только офицеры, но и солдаты, ополченцы привыкли к маленькой фигуре генерала в мохнатой папаше и длинной кавалерийской шинели, мелькающей в самой гуще работ. Роман Исидорович сразу подхватывал дельные предложения саперных офицеров, артиллеристов, пехотинцев, пригодные для обороны, не забывал ни одного, требовал от авторов толкового технического обоснования, точного расчета. Возможности практического осуществления таких предложений он использовал полностью для воплощения. Простота и человечность привлекли к нему не только опытных офицеров, но и

молодые пытливые умы. В первые недели оборонительных работ вокруг него стала собираться группа офицеров-изобретателей.

Рабочий день Кондратенко увеличился едва ли не вдвое. Нельзя ему было забывать и о дивизии. Большой объем оборонительных работ вынудил его привлечь почти весь личный состав полков на их осуществление. Однако, составив скользящий график, он рассчитывал провести все свои части через ускоренный курс боевой подготовки. Руководил учебой начальник штаба и командир 1-й бригады генерал В. Н. Горбатовский, который нес охрану близлежащего побережья крепости от десанта. Он и организовал на месте что-то вроде небольшого полигона. Кондратенко сам утверждал методику проведения занятий и, после того как побывал на двух из них, окончательно доверил дело своим заместителям. Полки 7-й дивизии регулярно через две недели сменялись на боевых позициях и уходили на строящиеся форты и батареи.

А работа на фортах продолжалась. И даже на уже полностью готовых укреплениях Кондратенко находил недостатки и требовал их устранения. Полковник Григоренко был немало удивлен, когда генерал вдруг вызвал его на 4-й форт.

Форт № 4, самый большой и хорошо укрепленный, был готов полностью. Выполненный в виде неправильного семиугольника, он имел длину фасов и флангов более 130 саженей. Гарнизон размещался в единственной бетонированной горжевой казарме. Часть корфа в правом плечевом углу обеспечивала оборону напольного рва. Выполнена она в три этажа, из которых два верхних были боевыми отсеками, а нижние служили пороховыми погребами. Бетонная потерна к форту правого плечевого угла располагалась ниже дна рва, а левая потерна, наоборот, возвышалась над дном примерно на одну сажень. Проход в форт осуществлялся по железному мосту через горжевой ров и тыльный капонир. В казарму же можно было попасть только со двора по бетонной потерне. На вооружении форта стояло 4 полевых орудия и прожекторная станция.

Кондратенко ждал полковника около прожектора.

— Жду вас с нетерпением, — спокойно приветствовал Роман Исидорович главного инженера. — Давайте не будем ругаться, но вынужден сделать вам серьезное замечание. Мы с вами обсуждали, да вы и сами видели, что крутые скаты впереди форта образовали многочисленные мертвые пространства. По плану сегодня для их обстрела должны быть готовы окопы, которых, как вы изволите видеть, до сих пор нет. Вот и извольте до утра соорудить два таких окопа: один на гласисе, а другой в двухстах шагах впереди. Свет у вас есть, я распорядился включить

прожектора.

Григоренко набросился было на стоявшего тут же производителя работ, но генерал прервал его и отвел в сторону.

— Не надо, прошу вас. Я уже им устроил нагоняй. Вы объясните все получше, вину они сами чувствуют. Народ смысленый, сделают все.

Домой Роман Исидорович добрался за полночь. Гудели натруженные за день ноги, начинало беспокоить больное колено. День пролетел так быстро, что, казалось, он просто не начинался.

«Вот, кажется, не вчера, а минуту назад сидел за этим столом, — думал он, опускаясь в глубокое кресло, помешивая горячий чай и слушая доклад адъютанта. — Все то, да не совсем... Вчера еще не было окопов полной профили на горе Высокая, а сегодня есть. Там же закреплена окончательно пушка Канэ. Ров перед правым крылом форта № 2 только начинали, сегодня закончили. Да и адъютант принес много нового. Вот опять нехватка в обывательских подводах. Надо дать распоряжение о выделении полковых двуколок...»

Адъютант уже перешел к делам на флоте и с видимым удовольствием докладывал, что вся эскадра с нетерпением ждет приезда нового командующего адмирала Макарова.

«Да, Макаров... — подумал Кондратенко, — именно тот человек, который сейчас нужен Артуру. В первую очередь, конечно, флоту. Но и сухопутная оборона не прогадает. Человек это высокообразованный, в военном деле новатор. Деятелен и решителен. Может, хоть при нем найдем общий язык с флотом...»

Старые распри не только не затихли, а, наоборот, раздувались Стесселем и его окружением с еще большей силой. В настоящее время такая вражда была просто преступна.

Потом генерал подписал целый ряд распоряжений, поправил и дополнил план завтрашних работ. Около двух часов лег в постель, чтобы через четыре часа быть на ногах. Крепость готовилась к обороне.

Глава 3

БИТВА НА МОРЕ

Командир Кронштадтского порта адмирал Степан Осипович Макаров не был новичком на Дальнем Востоке. За восемь лет до начала войны он ходил с отрядом кораблей по тихоокеанским водам и даже являлся свидетелем японо-китайских столкновений на море. Уже тогда он предвидел неизбежность военного конфликта России с Японией. На основе глубокого анализа обстановки и с учетом возможных сил и средств противоборствующих сторон Макаров в то время представил в морское министерство рекомендации по действиям русского флота в преддверии возможной войны с Японией.

В докладе он подчеркивал, что война непременно начнется с нападения на русский флот, ибо, не уничтожив его, Япония вообще будет не в состоянии вести боевые действия. Задачу укрепления Тихоокеанской эскадры Макаров считал первостепенной. Блестящий тактик, человек высокой военной культуры, Степан Осипович был сторонником наступательных действий. «Мое правило: если встретите слабейшее судно, нападайте; если равное себе — нападайте, и если сильнее себя — тоже нападайте...» — любил он повторять в молодости, когда катерами атаковал турецкий флот. И не изменил этому принципу ни разу. Не авантюризм, а основанная на глубоком расчете, осознанная цель — навязать противнику свою волю в бою и уничтожить его — вот что стояло за этим принципом. Тихоокеанской эскадре в будущей войне он тоже ставил цель — уничтожить неприятельский флот и блокировать берега Японии.

Адмирал никогда не переставал интересоваться событиями на Дальнем Востоке, а после того как флот получил единственный незамерзающий порт, обратил на Порт-Артур особое внимание. По характеру адмирал был беспокойный и непоседливый человек. Выходец из парода, прошедший трудный путь от юнги до вице-адмирала, он знал морскую службу, знал, на что способны русские моряки, и пользовался на флоте особой популярностью. Офицеры видели в нем выдающегося флотоводца и военного, преемника лучших традиций Ушакова, Нахимова. Матросы уважали и любили как отца.

Макаров предчувствовал, что в скором времени сам станет непосредственным участником событий на Дальнем Востоке. Протестуя против безответственного, преступного отношения к строительству и

укреплению Порт-Артура, бомбардировал морское и военное министерства письмами, докладами, записками. Заботясь о крепости, он заботился о флоте. Заботясь о флоте, заботился о судьбе страны. «Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке, — писал он в 1900 году морскому министру. — Порт-Артур должен быть сделан неприступным». Рапорта его аккуратно складывались под сукно, а докладные записки подшивались в дела.

За сутки до нападения, когда японский флот уже находился в Желтом море, на стол управляющего Морским министерством адмирала Авелана легло очередное письмо Макарова. Неугомонный адмирал писал: «Из разговоров с людьми, вернувшимися с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагают держать не на внутреннем рейде Порт-Артура, а на наружном рейде...

Пребывание судов на открытом рейде дает неприятелю возможность проводить ночные атаки. Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю в ночное время обрушиться на флот с большим числом миноносцев... Результат такой атаки будет для нас очень тяжел... Японцы не пропустят такого бесподобного случая нанести нам вред. Вполне понимаю, что пребывание флота на внутреннем рейде Порт-Артура есть зло, но еще большее зло стоянка на большом рейде с огромным расходом угля, с крайним утомлением команд и возможностью больших потерь от минных атак неприятеля. Из двух зол надо выбирать меньшее, а потому я бы считал, что благоразумие требует держать не занятые операциями суда флота во внутреннем бассейне Порт-Артура...

Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флот, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив дорого за ошибку».

Находясь за тысячу верст от Порт-Артура, Макаров полностью предугадал трагические события ночной атаки 26 января.

Получив это письмо, Авелан немедленно доложил его шефу русского флота великому князю Алексею Александровичу, а через неделю царь подписал указ о назначении вице-адмирала Степана Осиповича Макарова командующим Тихоокеанским флотом. 1 февраля он был извещен о назначении и через два дня, сформировав штаб, выехал с ним на театр военных действий.

Во время пути штаб, как и сам командующий, работал с полным напряжением сил. Макаров составлял план ведения кампании. Еще не зная боевых качеств эскадры и ее личного состава, он требует у Морского министерства отправки в Порт-Артур кораблей отряда адмирала Вирениуса,

находившегося в то время в Средиземном море. Помимо этого, адмирал просил срочно перебросить по железной дороге из Балтики восемь миноносцев и сорок миноносок. В этих требованиях не было ничего нового, так как еще до войны Макаров в докладных записках обращал внимание на слабое оснащение Тихоокеанской эскадры современными миноносцами. На Морское министерство его телеграммы обрушились как ушат холодной воды. Так оперативно в Петербурге работать не привыкли, а когда получили от Макарова с дороги письмо с просьбой напечатать в самый короткий срок его книгу «Рассуждения по вопросам морской тактики», немедленно ответили отказом.

Отрицательный ответ министерства мог сломить кого угодно, но не Макарова. В нем он видел не только нежелание отыскать какие-то пятьсот рублей для издания книги, но и недоверие к нему как командующему флотом. Макаров писал в Петербург: «Отказ в напечатании понимаю как недоверие моим взглядам на ведение войны, а посему, если моя книга не может быть напечатана теперь, то прошу меня заменить другим адмиралом, который пользуется доверием...»

Книгу было приказано напечатать, но автор так и не дожидаясь ее выхода в свет...

24 февраля новый командующий эскадрой прибыл в Порт-Артур и прямо с вокзала отправился на эскадру. Штабу приказал в кратчайший срок разместиться и подготовить документы.

Эскадра после памятного боя 27 января в море не выходила. Исправление поврежденных судов шло медленно, а о боевой подготовке исправных кораблей и говорить не приходилось. Дисциплина на кораблях падала. Офицеры большую часть времени проводили на берегу, отпуск матросов был тенге практически неограничен.

Макаров начал осмотр эскадры с порта и доков, в которых находились на ремонте корабли. Столь быстрое появление нового командующего не позволило коменданту порта адмиралу Грехе навести даже подобие порядка. В ремонтных мастерских еле теплилась жизнь. Рабочие бесцельно слонялись по захламленному двору. Прибывшие в крепость еще до начала войны рабочие и в мирное время были лишены элементарных человеческих условий труда, а с началом боевых действий очутились в еще более тяжелом положении. Магазины и портовые лавки закрылись, с жильем было плохо. Только недавно каждому рабочему определили паек, да и тот вдвое меньше солдатского. Все это, помимо слабой организации работ, существенно сказывалось на темпах ремонта. Выводы новый командующий сделал незамедлительно. Грехе с поста коменданта был снят.

Рабочих поставили на флотский паек и обеспечили жильем за счет казарм флотского экипажа.

Осмотр поврежденных «Цесаревича», «Ретвизана» и «Паллады» не удовлетворил адмирала. Неорганизованность, отсутствие продуманного плана и четких сроков ремонта здесь считались обычным делом. Если на броненосцах еще кое-как работали, то посещение «Паллады» привело Макарова к твердому убеждению провести серьезные изменения в командном составе эскадры. Опыт, профессиональное чутье не раз убеждали адмирала, что первый же выход в море сразу обнаружит, кто на что способен. Вдаваться в причины подобного состояния дел на эскадре Макаров считал в настоящее время лишним. Надо было в кратчайший срок сделать ее боеготовной, способной к выполнению целей, которые он тщательно продумал еще по дороге в Порт-Артур. Необходимо менять устаревшие понятия, поднять дисциплину и боевой дух. Отобедав на «Ретвизане», адмирал вызвал миноносец «Страшный» и остаток дня провел на нем, обходя корабли эскадры и здороваясь с командами. Ночевать остался на крейсере «Аскольд», чем весьма удивил командира и вахтенного начальника.

Перед сном Степан Осипович в последний раз просмотрел план ведения кампании и быстрым ровным почерком стал набрасывать основные мероприятия:

1) Усилить боевую подготовку эскадры, главное — практика совместных действий, переработать инструкции.

2) Оборудовать безопасную стоянку эскадры. Организация совместных действий береговой обороны и флота.

3) Восстановление поврежденных кораблей и пополнение эскадры миноносцами.

4) Кадровые перемещения на кораблях.

Макаров подчеркнул последний пункт. В каюту бесшумно вошел флаг-офицер и застыл в ожидании последних указаний.

— В семь утра жду у себя командиров миноносцев «Решительный» и «Стерегущий», — сказал адмирал, поднимаясь из-за стола. — Потом по обычному плану. Да, едва не забыл, распорядитесь подготовить парадную форму. Отправимся знакомиться с командованием крепости.

На следующий день командир «Решительного» капитан второго ранга Боссе и командир «Стерегущего» лейтенант Сергеев получили задачу выйти в разведывательный поход к островам Эллиот и Блонд. Общее командование осуществлял Боссе.

Главное — разведка, — сказал командующий. — С миноносцами в бой

не вступать, транспорты разрешаю атаковать.

Офицеры ушли готовить корабли к выходу, а Макаров принял с докладом флаг-офицера. Штаб начал работать оперативно, был уже готов приказ № 1, планировался первый выход эскадры в море. Степан Осипович чувствовал с каждой минутой, как в него вливается изрядный заряд бодрости и улучшается настроение. Окончательно он пришел в прекрасное расположение духа, когда офицер доложил, что броненосец «Ретвизан» обрел плавучесть и готов выйти в порт. Это был хороший подарок. На встречу с командованием крепости Макаров несколько опоздал, задержавшись на «Ретвизане».

Сопровождали командующего флотом начальник штаба адмирал Молас и офицер по координации действий между эскадрой и крепостью Генерального штаба полковник Агапеев.

Знакомство не удалось. Стессель принял в штыки предложение Макарова о более тесных контактах эскадры и крепости. Стало ясно, что взаимопонимания достигнуть будет сложно.

Когда Степан Осипович стал высказывать свои взгляды на организацию сухопутной обороны, то увидел на лицах присутствующих нескрываемую скуку, а на иных — и враждебность... Только маленький черноглазый генерал с живым, подвижным лицом слушал внимательно.

«Кажется, командир 7-й дивизии, — припоминал раздраженный Макаров, заглядывая незаметно в записную книжку, — ну да, Кондратенко».

Романа Исидоровича заинтересовали предложения Макарова по отработке совместных действий армии и флота, но, зная на этот счет мнение Стесселя, он решил пока помолчать. Но когда Макаров заговорил об использовании морской техники для укрепления сухопутных фортов, Кондратенко не выдержал и горячо поддержал адмирала.

— Мы сейчас проводим громадную работу днем и ночью, но одной самоотверженности мало. Телефонная связь есть, а протянута открыто — значит, до первого боя. Нужен кабель, он только у моряков. Кроме того, у офицеров крепости есть некоторые соображения по использованию морского телеграфа, сигнальных средств. Полностью согласен с новым командующим флотом, что только активные действия эскадры помогут если не предотвратить, то несколько отсрочить десант на Квантуй. А это, сами понимаете, дает нам время еще сильнее укрепиться.

На фоне скупающих физиономий Стесселя, Фока, Никитина теперь уже Кондратенко видел заинтересованное лицо Макарова, но Роман Исидорович почувствовал также и напряженность обстановки, смутился и

замолчал. Все сказанное им для большинства присутствующих не было новостью. Получалось, что Кондратенко как бы обращался к новому командующему, отчаявшись получить помощь от своего начальства. Так оно действительно и было. Как раз сегодня утром Кондратенко, побывав на строящихся заново укреплениях в районе гор Угловая, Высокая, Длинная, убедился, что без помощи моряков работы могут застопориться надолго. Руководитель работ подполковник Рашевский откровенно заявил, что дело встало из-за отсутствия бронеплит и электрохозяйства. В последнее время Роман Исидорович близко сошелся с этим молодым и способным инженером. Неукротимая энергия, самоотдача и большая профессиональная компетентность сразу сделали подполковника ближайшим помощником Кондратенко, и последний доверял ему самые важные участки строительства. В свою очередь, Рашевский превратился в яростного приверженца идей Романа Исидоровича и почитал за счастье работать под его началом.

Не встретив поддержки в своих начинаниях со стороны командования крепости, Кондратенко с удовольствием замечал, как ширится круг его помощников, которые из простых исполнителей делались единомышленниками, способными вносить дельные предложения, разрешать их в сложных условиях нехватки людей и материалов. Генерал понимал, что одних помощников мало. Нужен был человек, наделенный большими полномочиями, способный понять его и помочь. В лице нового командующего эскадрой Кондратенко увидел такого человека и не хотел скрывать этого.

Совещание затянулось до темноты. Когда Макаров вернулся на крейсер, ему доложили, что миноносцы вышли в море.

Миноносцы малым ходом в кильватерной колонне приближались к острову Кеп, когда из легкого тумана стали вырисовываться контуры большого корабля. Боссе решил, что это японский пароход-заградитель и подал сигнал атаки. Миноносцы увеличили ход и вышли на боевой курс, когда справа по борту засветились сигнальные огни. Около десятка японских миноносцев шли им наперерез. Японцы вели плановую разведку малыми силами, и русским кораблям оставалось только укрыться в небольшой бухте острова Цсаншандао. Но оставлять в покое заградитель они и не думали, так как считали, что тот идет к Артуру для постановки мин. Через час, когда топовые огни японских кораблей пропали, «Решительный» и «Стерегающий» вновь бросились в поиск. Японец, однако, исчез, и с рассветом миноносцы взяли курс на Артур.

Поход заканчивался. Впереди под первыми лучами солнца заблестели

вершины Ляотешаня, но тут «Решительный», шедший впереди, едва не натолкнулся на четыре японских миноносца. Бой начался сразу. Японцы, видимо, обнаружили русских раньше и теперь поджидали их в засаде, на выгодных позициях. Завязавшаяся артиллерийская дуэль складывалась в пользу японцев, и хотя, прорываясь в Порт-Артур, «Решительный» и «Стерегающий» вели сосредоточенный огонь, сами они пострадали серьезно. Особенно в тяжелом положении оказался «Стерегающий», у которого, за исключением носовой пушки и кормового торпедного аппарата, была разбита вся артиллерия и не работала машина. Первым залпом был убит командир — лейтенант Сергеев, и значительные потери понесла команда верхней палубы. Миноносец стал терять ход. На «Решительном» повреждения были незначительны, и хотя командира контузило, огонь его оставался мощным. Два японских истребителя задымили и отошли от «Стерегающего». Передышки морякам хватило, чтобы кое-как починить машину. Отстреливаясь, постоянно меняя курс, чтобы спастись от непрерывных разрывов, отходили израненные миноносцы к Артуру.

Но бой не кончился. Из-под Ляотешаня наперерез им выскочили два японских минных крейсера, обрушивших новый град снарядов на-русские корабли. С трудомдвигающийся «Стерегающий» скоро отстал и был отрезан крейсерами. «Решительный», оторвавшийся от преследователей, на полных парах уходил в Артур. Японцы всеми силами набросились на продолжавший вести огонь «Стерегающий». Офицеры на миноносце погибли, а машинисты заменили верхнюю команду. Когда на корабле было разбито последнее орудие и окончательно встала машина, в живых остались два человека: трюмный матрос Новиков и кочегар Осинин. «Стерегающий», истерзанный и страшный в своем безмолвии, покачивался на волнах. Долго не решались японцы приблизиться к поверженному кораблю. Наконец от миноносца «Сазанами» отвалила шлюпка, чтобы взять «Стерегающий» на буксир. Моряки, увидев приближающуюся шлюпку, поняли все и предпочли смерть позору. Простившись с пробитым осколками, полуобгоревшим Андреевским флагом, они спустились в машинное отделение, задраили за собой люки и открыли кингстоны. Когда японцы ступили на палубу и стали заводить буксирные концы, миноносец стремительно пошел ко дну. Пришлось победителям срочно спастись бегством. В 10 часов утра, после четырехчасового боя, волны Желтого моря поглотили героический корабль, ставший с этого часа, как и «Варяг», гордостью русского флота, образцом стойкости и мужества.

Известие о том, что недалеко от Ляотешаня идет бой, принес в Артур

«Решительный». Оглохший от контузии, едва держащийся на ногах Боссе так и не успел закончить доклада. Упал и потерял сознание.

— Врача! — крикнул Макаров. — И катер для меня. «Баян» и «Новик» в море! Я иду на «Новике»...

Самые быстроходные крейсера артурской эскадры — «Новик» и «Баян» — вышли на выручку «Стерегущему». Первым под флагом командующего шел «Новик». Помощь не успела, но подвиг «Стерегущего», как и личная храбрость Макарова, произвели на моряков неизгладимое впечатление. В Артуре еще не было такого, чтобы командующий на легком, слабо бронированном крейсере первым бросился на выручку своего корабля. Макаров окончательно завоевал авторитет и доверие не только флота, но и крепости.

Трагедия «Стерегущего» не снизила, а усилила активность русского флота. В этот же день Макаров приказал начать траление мин на внешнем рейде. Вечером с наблюдательного поста Ляотешаня были замечены японские корабли, навстречу которым немедленно вышли миноносцы «Внимательный», «Выносливый», «Бесстрашный». Навязав противнику бой, они отогнали японцев.

Утром 27 февраля впервые после почти месячного стояния эскадра в полном составе вышла на внешний рейд. Первыми шли крейсера, за ними тяжеловесные громады броненосцев. Используя, кроме буксиров, самостоятельный ход, Макаров за три часа, то есть в один прилив, вывел все тяжелые корабли из гавани. Так был развеян миф о приливах, якобы не дающих оперативно выходить эскадре на большую воду. После траления рейда корабли вышли в открытое море. Противник обнаружен не был, и Макаров решил провести учение по совместному плаванию. Вечером флот благополучно вернулся на базу.

Выход в море вдохнул жизнь в эскадру. Моряки заметно повеселели. Макаров же, как он и предполагал, увидел в этом выходе многое: слабую морскую и боевую подготовку, неумелые перестроения, особенно при большом ходе, отсутствие слаженности при совместных эволюциях, неумение некоторых командиров управлять боем.

Вечером адмирал поставил перед своим штабом задачу — в кратчайший срок создать необходимые для боя тактические инструкции и приказал готовить эскадру к новому походу. Сам же писал Алексееву:

«Несмотря на всякие несовершенства и недостаток в исправных миноносцах, я нахожу, что мы могли бы рискнуть теперь же попробовать взять море в свои руки, и, преднаметив постепенно увеличивать район действия эскадры, я предусматриваю генеральное сражение, хотя

благоразумие подсказывает, что теперь еще рано ставить все на карту, а в обладании морем полумеры невозможны».

Но у главнокомандующего всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке взгляды на использование флота были прямо противоположные. Алексеев требовал пассивного выжидания. Степан Осипович знал точку зрения наместника и, не дожидаясь ответа, продолжал готовиться к активным действиям.

Через неделю штаб закончил работу. Основной документ — «Инструкция для похода и боя», большую часть которой написал сам Макаров, — был объявлен приказом № 21 по флоту. В приказе адмирал повторял мысли, изложенные им в вышедшем семь лет назад труде «Рассуждения по вопросам морской тактики». По-уставному четко и кратко сформулировал он задачи миноносцев и крейсеров, правила маневрирования и ведения огня, средств управления и команды. Но Макаров не был бы самим собой, если бы не затронул в приказе морального фактора. Любивший повторять известные слова Петра Великого: «Храброе сердце и исправное оружие — лучшая защита государства», он в 50-м пункте записал:

«Дело офицеров — руководить артиллерийским и минным огнем, но они же должны ободрять команду. Команда видит свои потери и не видит потерь неприятеля, надо все время ей напоминать, чтобы команда чувствовала, что ее артиллерийский огонь производит опустошения на неприятельских кораблях».

Закапчивался приказ словами:

«Флот, на котором личный состав сохранит в бою все свое хладнокровие, будет стрелять метко, а потому непременно разобьет неприятеля, если бы даже находился в невыгодных тактических условиях.

Побеждает тот, кто дерется хорошо, дерется, не обращая внимания на свои потери и памятуя о том, что у неприятеля этих потерь еще больше».

По-прежнему продолжала волновать адмирала и крепость. Появление японцев у Ляотешаня, окончившееся гибелью «Стерегущего», скоро коснулось и города: на следующий день адмирал Того во время отлива сосредоточил у южных берегов Ляотешаня эскадру, повел с броненосцев перекидной огонь по внутреннему рейду. Корректировали огонь два крейсера, находившиеся прямо против входа в гавань, вне зоны досягаемости крепостной и корабельной артиллерии. Броненосцы периодически менялись и в течение пяти часов, до начала прилива, вели губительный огонь. Сами японцы оставались неуязвимыми. Результаты бомбардировки оказались незначительными, несмотря на то, что на

крепость упало более 150 12-дюймовых снарядов. Все же допускать повторной бомбардировки города Макаров не мог. Немедленно отдав приказ начать постройку южнее Ляотешаня минных заграждений, он поехал в штаб крепости — договориться о корректировочном poste на самой высокой точке Ляотешаня. Стессель занял нейтральную позицию, но Макарова поддержал Кондратенко. Более того, он сам взялся в кратчайший срок организовать такой пост. Стессель не возражал, и Макаров сразу же откланялся. Роман Исидорович догнал его на улице. Адмирал уже садился в коляску, когда увидел выбежавшего Кондратенко. Он тут же выпрыгнул из нее.

— Вы, Роман Исидорович, палочка-выручалочка для меня, — забасил он, идя навстречу Кондратенко. — Я скоро перестану здесь с кем-либо говорить, кроме вас. Какого вопроса ни коснись, все упирается в Кондратенко. Жаль, что вы не моряк. Такой помощник мне весьма необходим.

— Счел бы за честь служить под вашим руководством, но не преувеличивайте значение моей персоны... А на Ляотешане мы готовимся установить батарею, будем строить укрепления. Я знаю там каждую кочку. Кому же, как не мне, помогать вам? Работы у всех сейчас по горло.

— Полноте, не скромничайте. Я в Артуре совсем недавно, но глаз у меня наметан. Знаю, кто работает, а кто изображает кипучую деятельность. Вот Смирнов, вроде бы весь горит, а толку мало, и даже наоборот, лучше бы ничего не делал...

Упоминание о генерале Смирнове неприятно резануло слух Кондратенко. Смирнова назначили комендантом крепости приказом от 2 февраля, после назначения Стесселя начальником Квантунского укрепрайона. Прибыл он в Артур всего на четыре дня раньше Макарова, а до этого был заместителем коменданта Варшавской крепости, окончил две академии — военную и артиллерийскую и слыл в военном министерстве крупным специалистом по обороне крепостей. Одновременно с назначением Смирнов был произведен в генерал-лейтенанты, но подчинялся по службе начальнику укрепрайона.

Роман Исидорович вспомнил, как Стессель и наместник обещали ему место коменданта, как потом тщательно скрывали от него известие о назначении Смирнова. Конечно, было обидно, но приезда нового коменданта он ждал с нетерпением, как и Макарова. Радовало, что это человек образованный, разбирающийся в инженерном деле. Обида и разочарование пришли позже, когда новый комендант направил свою энергию на мелочную тяжбу со Стесселем за полноту власти. Впрочем, это

не мешало ему вмешиваться во все дела обороны с такими нелепыми предложениями, что они вызывали улыбку не только на крупных совещаниях, но и у подчиненных. Учение явно не пошло на пользу этому самолюбивому генералу.

Макаров, заметив легкое замешательство собеседника, понял это как-то по-своему и, заговорщицки подмигнув, заметил:

— Я не случайно сказал вам о совместной службе. Есть у меня задумка, которую не вижу оснований от вас скрывать. Буду просить Морское министерство и наместника подчинить крепость командующему флотом. И, если бог даст, мечты мои сбудутся, вас, уважаемый Роман Исидорович, хочу видеть начальником своего сухопутного штаба.

Кондратенко не мог и мечтать о таком. Он машинально попрощался с адмиралом и окончательно пришел в себя, когда тот крикнул уже из коляски:

— С ответом не тороплю, но, кроме положительного, иного не жду. Это не нам нужно: Родине, России...

Через два дня японский флот возобновил активные действия. Вновь, как и 26 января, начались они атакой миноносцев, которые, наткнувшись на русские сторожевые корабли, успеха не имели. Макаров приказал немедленно готовить эскадру к выходу в открытое море, справедливо полагая, что Того привел к Артуру главные силы. Действительно, утром с Золотой горы пришло сообщение о появлении на горизонте японской эскадры. Макаров решил под прикрытием береговых батарей принять бой. Организованнее, чем две недели назад, эскадра вышла на внешний рейд. Адмирал ликовал. Не скрывая радости, говорил стоящему рядом на мостике командиру «Петропавловска», капитану первого ранга Яковлеву, что особенно доволен тем, что эскадра впервые вышла в малую воду, окончательно прекращая разговоры о приливах.

Того ждало двойное разочарование: русские вышли из гавани, сведя на нет его план бомбардировки эскадры. Когда броненосцы «Яшима» и «Фуджи» открыли из-за Ляотешаня перекидной огонь, то сразу были накрыты ответными залпами с «Ретвизана» и «Паллады». Японцы начали маневрировать, но корректировочный пункт на Ляотешане работал блестяще, и скоро «Фуджи», получив повреждения, отчаянно задымил. Почти сразу заговорили пушки остальных кораблей русской эскадры, уже вышедших в открытое море. Макаров вел в атаку семь кораблей против шестнадцати, но Того не принял вызова и обескураженный убрался восвояси.

Артурская эскадра стала не на шутку беспокоить японского адмирала.

Зная, что новый русский командующий человек решительный, способный взять в свои руки инициативу, Того принимает решение запереть Тихоокеанскую эскадру на внутреннем рейде, пока она не окрепла. Но Макаров не исключал и такой возможности. По его приказу при входе на рейд затопили два парохода, чтобы затруднить действия японских заградителей. Для эскадры же был оставлен проход, находящийся под постоянной охраной миноносцев и минных катеров. И все же Того решил рискнуть.

В ночь на 14 марта генерал Кондратенко с адъютантом и двумя казаками возвращался с 1-го форта домой. Вдруг береговые батареи открыли неожиданный огонь. Засветились корабли эскадры, которые тоже вступили в бой. Скакавший сзади адъютант от неожиданности вырвался вперед, но, увидев, что генерал замедляет шаг, повернул назад. Они были уже у штаба крепости, когда стрельба разгорелась в полную силу.

— Что, голубчик, — крикнул Кондратенко подъехавшему адъютанту, — не полезли ли японцы через море в лоб? Маловероятно, но что-то там происходит. Повернем-ка на Золотую гору, оттуда все видно как на ладони.

Адъютант козырнул, и генерал тут же повернул коня к морю. С наблюдательного поста Золотой горы открывалась величественная картина гавани, расцвеченной прожекторами эскадры. Справа в темноте поблескивал редкими огнями ПортАртур, внизу мелькали вспышки орудий береговых батарей. Такие же всполохи возникали на противоположном берегу Тигрового полуострова. В прожекторных лучах сновали неясные тени миноносцев и катеров. Дежуривший на сигнальном посту офицер доложил, что японцы под прикрытием миноносцев пустили брандеры, но сторожевые суда их обнаружили и сейчас идет бой.

— С 14-й батареи сообщают, что один пароход выбросился на мель, прямо около наших позиций, — продолжал докладывать офицер, стараясь перекричать канонаду, но Кондратенко, уже не слушая его, пустил лошадь в галоп, и скоро вся его группа скрылась в темноте.

На берегу под крутым обрывом фаса 14-й батареи толпились артиллерийские офицеры, солдаты. Совсем рядом на прибрежных скалах горел большой пароход. Собственно, огонь был замечен только на юте, но в воздухе носился удушливый запах горелой пеньки и нефти. Людей на пароходе не было. Солдаты уже сталкивали на воду невесть откуда взявшуюся китайскую плоскодонку. Кондратенко, зараженный всеобщим возбуждением, тоже полез было в джонку, и только решительные действия адъютанта воспрепятствовали этому. Непреклонный вид адъютанта подействовал на генерала отрезвляюще, и он решил возвратиться в город.

Утром Кондратенко узнал некоторые подробности ночного боя. Действительно, четыре парохода-брандера под прикрытием миноносцев пытались прорваться к проходу, но их вовремя обнаружили. Береговые батареи и корабли эскадры открыли огонь. С канонерки «Бобр» боем руководил Макаров. Огонь артиллерии был эффективен, но главное дело сделали миноносцы. Начальник сторожевой линии капитан второго ранга Лебедев, видя, что одним артиллерийским огнем остановить брандеры невозможно, послал в атаку дежурные миноносцы «Сильный», «Решительный». «Сильный» поразил первой же торпедой головной брандер, и тот, сильно забирая вправо, стал уходить, но скоро потерял управление, постепенно заполняясь водой. В это время раздался на «Сильном» случайный гудок. Два других японских парохода приняли этот сигнал за призыв ведущего и последовали за ним. Приткнувшись у Золотой горы, они разделили участь первого брандера. Четвертый брандер, атакованный «Решительным», затонул около Тигрового полуострова. Миноносцы, в свою очередь, были атакованы японским прикрытием. В незавидном положении оказался «Сильный» — против шести истребителей. В неравном бою он получил серьезные повреждения. Отказала машина. Весь окутанный клубами пара, миноносец выбросился на прибрежные скалы рядом с неприятельскими судами.

После этой неудачи Того на некоторое время оставил Артур в покое. Море успокоилось. Макаров и в дни затишья не прекращал непрерывной боевой учебы. Корабли постоянно выходили в море, серьезные меры принимались на случай возможных атак. Для обороны рейда назначили конкретные береговые батареи и канонерские лодки. Около проходов адмирал ввел постоянное дежурство крейсеров и миноносцев.

С' потопленных брандеров матросы сбивали мачты и трубы, сотни людей тесали и связывали бревна для устройства сети бонов. Перед проходами затопили еще два больших парохода «Шилка» и «Эдуард Бари».

В эти дни Кондратенко занялся еще одним делом. Занятый по горло на сухопутных фортах и в своей дивизии, он не мог отказать просьбе командующего флотом заняться минными заграждениями. С раннего утра и до обеда он вместе с командиром минной роты и флагманским штурманом осматривал минные станции. На паровом катере избородил весь рейд, выбирая линию минных заграждений. Хорошо разбирающийся в минном деле, Роман Исидорович впервые столкнулся с работой на воде, поэтому больше полагался на инициативу и разумные советы подчиненных, особенно моряков, и редко ошибался в них. Линии подводных мин постепенно перегораживали рейд.

В час дня генерал отправлялся на береговые укрепления. Работы оставалось еще много, особенно на командных высотах левого фланга. Тысячи людей — саперы, солдаты-пехотинцы, китайцы, как муравьи, копошились на крутых склонах Высокой и Угловой. Возводилась сложная сеть опорных пунктов, соединенных окопами полного профиля. Скальный грунт измучил людей, но зато оставлял уверенность в надежности брустверов и перекрытий.

После недавнего разговора с Макаровым относительно будущей судьбы Роман Исидорович много думал о своем месте в обороне крепости и пришел к выводу, что работал не совсем правильно. Конечно, сделано много. Результаты хорошие, но, признавался он себе, мыслил мелко, не масштабно, что для начальника штаба недопустимо. «Надо отбрасывать излишнюю скромность и робость, коль скоро перед тобой стоят задачи государственного масштаба», — все чаще повторял он себе и все чаще обращал внимание на вопросы, не входящие в его компетенцию. С этой точки зрения его заинтересовали цзинчжоуские позиции. Ответственным за них был генерал Фок. Его части там и стояли.

Опять Кондратенко пришлось столкнуться с открытой неприязнью начальника 4-й дивизии. Все, включая Стесселя, понимали, что Цзинчжоу является воротами на Квантуй. При определенных неблагоприятных условиях они могут выполнить значительную роль во всей обороне. Но именно Стессель препятствовал Кондратенко, всячески поддерживая Фока. Объяснялось это отчасти тем, что инициатором укрепления перешейка был адмирал Макаров, который набирал все больше веса и авторитета в Артуре. Отчасти — старой дружбой Стесселя и Фока. Но главное, самое печальное, что оба друга оказались полными невеждами в военном деле. Они не только не понимали, но и не пытались понять сложившуюся к тому времени обстановку.

Роман Исидорович заручился поддержкой Макарова и Смирнова. В обход начальства стал посылать на дальние укрепления дополнительные материалы и людей. Так же активно он занялся устройством телефонных линий по побережью, уделив здесь главное внимание цзинчжоуским позициям. Позже он очень жалел, что не успел осуществить свой замысел — связать воедино все посты побережья с крепостью.

Относительное затишье на море благоприятно отразилось на положении дел в Порт-Артуре. Приближалась Пасха. Город и порт преображались на глазах. Люди в ожидании праздника заметно повеселели. И хотя работы не прекращались ни на минуту ни в порту, ни на фортах, в воздухе вместе с весной носилось легкое чувство радости. Солдаты, как в

мирное время, чистили и скребли казармы, готовились сменить обмундирование. На кораблях эскадры устраивали авралы. Предпраздничная суэта усилилась с приездом в Артур для прохождения службы на Тихоокеанской эскадре великого князя Кирилла Владимировича. Высокая особа кутила всю дорогу и прервала оргии только в Мукдене, где к поезду присоединился наместник.

Командующий эскадрой особого удовольствия от такого подчиненного не получил и не скрывал этого. Зато Макаров несказанно обрадовался своему старому другу — художнику Верещагину. Н. Н. Верещагин задумал новый цикл батальных работ. И теперь, как двадцать лет назад во времена освободительной войны на Балканах, окунулся в самую гущу событий. Тогда почти всю кампанию он провел рядом с другом, близким ему человеком — генералом Скобелевым. И здесь у него рядом был друг.

Наместник, как и предполагал Макаров, с большим раздражением отнесся ко всем нововведениям, особенно к перемещениям в командном составе эскадры. Степан Осипович в первое время даже не решался высказать ему свои соображения относительно старшего начальника в Порт-Артуре. Но долго тянуть было нельзя — наместник возвращался в Мукден. Макаров на ближайшей встрече высказал свое предложение. К его удивлению, наместник воспринял предложение более чем благосклонно. Для Алексеева это был шаг не столько к усилению крепости, сколько к обузданию чересчур строптивного адмирала, ибо начальника штаба решил поставить к нему своего. Кроме того, появилась возможность подставить ножку Куропаткину, который тоже желал подчинить себе все силы на Дальнем Востоке. Адмиралы расстались едва ли не впервые довольные друг другом.

Наступил канун праздника. Опасаясь коварства японцев и внезапного нападения, решили «Христос Воскресе» пропеть в 10 часов вечера. Первые три дня праздника прошли спокойно. Только вечерами, когда крепость погружалась во мрак и лучи прожекторов пятилапыми щупальцами рассекали темноту, чувствовалось суровое дыхание войны. Днем же царила праздничная атмосфера. Форменки, белые рубахи пехотинцев, артиллеристов наводнили город. Близ дока для нижних чинов были устроены увеселения. На обширной площадке — моряки, солдаты, мастеровой люд. Изредка в толпе мелькали женские платки, разгоряченные лица вездесущих мальчишек. Заливались гармошки, вразнобой кричали разносчики мелких товаров. Под одобрительный хохот собравшихся на высокий шест за неизменными сапогами лез молоденький кудрявый матрос. На «Этажерке» среди чахлах деревьев прогуливался чиновничий

Артур. А так как гражданского населения сильно поубавилось, то и здесь преобладали мундиры морских и сухопутных офицеров. Гремела музыка, толпа была нарядна и беспечна. Офицерское собрание — длинное и унылое одноэтажное здание с китайской крышей — гудело, словно растревоженный улей.

Но это была только передышка, короткая и оттого более желанная. В Артуре будто предчувствовали, что таких дней больше не будет.

В последний праздничный день, 29 марта, эскадра с «Петропавловском» под флагом командующего вышла в море. За короткое время пребывания Макарова в должности это был пятый выход. Даже не искушенному в морском деле человеку было видно, что с каждым днем эскадра становится все более сплоченным боевым организмом. Уверенные маневры кораблей поднимали моральный дух моряков, да и всей крепости. Сразу по возвращении в гавань Макаров получил агентурные сведения о том, что японцы сосредоточивают транспорты для высадки десанта на Квантуй. По этим данным было установлено, что первоначально весь десант сосредоточится на островах Эллиот, дабы при благоприятной обстановке бросить его кратчайшим путем на материк. Макаров немедленно приказал готовить эскадру к выходу, а к островам для разведки отрядил два отряда миноносцев под командой капитанов второго ранга Бубнова и Елисеева. Днем 30 марта отряды в составе миноносцев «Сторожевой», «Расторопный», «Страшный», «Смелый», «Боевой», «Бесшумный», «Грозовой» и «Выносливый» ушли к островам Эллиот.

Под вечер была перехвачена радиограмма. Разобрать и расшифровать удалось только три слова: «...скрыто... зажечь... прорваться», но и они насторожили эскадру.

Миноносцы в это время вышли к островам и начали поиск. Не обнаружив неприятеля, пошли дальше, и уже у острова Саншантао Бубнов принимает решение идти домой. Начало светать. На горизонте показались дымы, которые более чем красноречиво говорили, что близко находятся броненосные силы японцев.

Миноносцы возвращались в Артур, но «Страшного» среди них не было. Отстав ночью от отряда, он встретил шесть японских миноносцев. Командир «Страшного» капитан второго ранга Юрасовский принял их в темноте и тумане за своих и пристал в хвост кильватерной колонны. На рассвете он понял свою ошибку, но было поздно. Японцы открыли ураганный огонь. Одним из первых снарядов был убит Юрасовский. Заменявший его лейтенант Малеев попытался вывести миноносец из-под огня, но с моря подошли два японских крейсера. Неравный бой

продолжался недолго. Один из японских снарядов попал в заряженный торпедный аппарат. Мина «Уайтхеда» взорвалась, и миноносец начал тонуть. Команда, не думая о спасении, продолжала стрельбу.

Из Порт-Артура на помощь «Страшному» спешил крейсер «Баян», но подошел он к месту боя, когда миноносец уже скрылся в волнах. К японцам подоспели еще четыре крейсера, но «Баян» все-таки разогнал миноносцы и вступил с ними в неравный бой, прикрывая место гибели «Страшного». Под огнем шести крейсеров спустили шлюпки. Спасти удалось только пятерых матросов. Отстреливаясь и постоянно меняя курс, «Баян» пошел к-Порт-Артуру.

С первыми выстрелами на море Макаров отдал команду выдвигаться на внешний рейд. Корабли еще продолжали маневр, когда подошедший «Баян» передал по беспроволочному телеграфу: «Вижу японскую эскадру». Не дожидаясь выхода всех броненосцев, Макаров на «Петропавловске» двинулся к месту гибели «Страшного», имея в кильватере «Полтаву» и два крейсера — «Аскольд» и «Новик». Крейсера японцев сразу перенесли огонь с «Баяна» на отряд командующего. Макаров, отвечая, продолжал сближение. Примерно через час на горизонте показались главные силы японцев: шесть броненосцев и два совершенно новых броненосных крейсера — «Нисси» и «Касуга». Купленные перед самой войной, они впервые вступили в бой.

Макаров понял, что находится в невыгодном положении. В 16 милях от базы атаковать японцев малыми силами было пустой авантюрой, и он повернул назад.

На рейде в кильватер «Петропавловску» встали броненосцы «Победа» и «Севастополь». Макаров вновь повернул на восток с намерением вступить в бой. Но бой не состоялся. Над морем раздался сначала один взрыв, потом другой, еще более мощный. Над «Петропавловском» поднялся огромный столб дыма, водяной пыли, и через две минуты броненосец скрылся под водой. Это случилось в 9 часов 43 минуты.

С утра 31 марта генерал Кондратенко был на укреплениях, а после обеда задержался в штабе у Стесселя. Неделю назад он представил доклад, в котором серьезно ставил вопрос о посылке контингента войск к Быцзыво, где, по его мнению, мог быть наиболее вероятный пункт высадки японцев. Копию доклада перед праздником он отправил Макарову. Командующий эскадрой немедленно прислал ответ, в котором полностью соглашался с Кондратенко и обещал содействия у наместника.

Стессель, так и не отправивший доклад Куропаткину, пытался убедить Кондратенко в преждевременности такого шага, когда взволнованный

адъютант доложил о гибели «Петропавловска» и командующего эскадрой от подводной лодки.

— Спасли всего человек 50, — заикаясь, лепетал ротмистр Бодяга, — но великий князь жив...

Роман Исидорович стоял, оглушенный известием, долго не мог понять, что вокруг творится. По кабинету бегал Стессель, перемежая ругань в адрес моряков с хвалой господе по поводу спасения великого князя.

В ту ночь Кондратенко так и не уснул. Из головы не выходила одна мысль: «Что же теперь будет?» И сам же себе отвечал: «А что будет, знаю: жди теперь японцев в гости. Степан Осипович командовал эскадрой всего 36 дней, а успел сколько! Кто знает, как дорого будет стоить Артуру да и всей России его гибель...»

Утром принялся за письмо к жене:

«...Сегодня в 9 часов утра состоится в гарнизонной церкви панихида по вице-адмиралу Макарову и погибшим с ним офицерам и нижним чинам. Конечно, вчерашняя неудача — тяжелое испытание, но при энергии она принесет не только горе, но и решимость удвоить внимание для борьбы, а равно, может быть, научит русских, хотя на будущее время, подготавливаясь к войне, встречать ее со всеми позднейшими изобретениями техники...»

На фоне всеобщей скорби кощунственно прозвучали нападки наместника на активные действия, практикуемые Макаровым, якобы послужившие причиной гибели, и полное равнодушие Стесселя, Фока и компании. Но перещеголял всех самый главный адмирал Российской империи Николай II, который, просматривая некролог на смерть Макарова, собственноручно вычеркнул из него слова, что при Макарове «Флот оживает, проявляет дух инициативы, угрожает неприятелю и вызывает в нем напряженные усилия запереть выход этому беспокойному и отважному адмиралу».

Кондратенко в своих ночных мыслях не ошибся. Адмиралу Того доложили о гибели в тот момент, когда в крепости служили панихиду. На следующий день он получил приказ из Токио немедленно начать десантную операцию по высадке на Ляодунский полуостров 2-й армии генерала Оку.

Наместник прибыл в Артур 2 апреля, поднял флаг главнокомандующего на броненосце «Севастополь» и приступил к командованию эскадрой. Как и следовало ожидать, Алексеев сразу же повел борьбу с нововведениями покойного Макарова. Прежде всего было приказано жестоко пресекать все попытки действовать в наступательном духе и направить все силы на оборону. В связи с этим усилить охрану

рейда, организовать траление мин. Флот получил новую организацию и был разбит на отряды: броненосцев — под командованием контр-адмирала Ухтомского, крейсеров — под командованием капитана первого ранга Рейценштейна, канонерок и минных крейсеров — под командованием контр-адмирала Лоцинского. Миноносцы свели в два отряда, остальные суда подчинили командиру порта. Впервые приказом Алексеева на сухопутные форты были отправлены с кораблей 26 орудий и 16 пулеметов. Флот перестал выполнять свою главную задачу, так как не выходил в море даже с ограниченными целями. Вновь созданный морской штаб за неимением четких указаний занимался бессмысленной перепиской с кораблями.

Японская разведка постоянно информировала свой главный штаб о происходившем в крепости, но адмирал Того считал слишком невероятным отказ от активных действий русских морских сил. Он требовал проведения новой операции по закупорке русского флота в гавани.

В ночь на 20 апреля Того вышел с флотом на третью операцию блокады русского флота. Около часа ночи японцы были обнаружены. По боевой тревоге огневые средства крепости и флота готовились к отражению атаки. В 1 час 30 минут появился первый из двенадцати шедших к Артуру брандеров. Встреченный шквальным огнем, он продолжал приближаться к проходу, миновал бон, но все же взорвался и затонул. Следующий за ним взорвался, не доходя до бона... Один за другим подходили брандеры к проходу и самовзрывались либо тонули от огня береговых батарей и эскадры. Затонули десять заградителей. Два вообще не дошли до Артура. Попытка японцев блокировать русский флот не удалась. Проход оставался чист.

На следующий день с утра весь горизонт покрылся японскими кораблями, вытянувшимися в линию милях в десяти от крепости. Пробыли тревогу, но бомбардировки не последовало. Стало ясно: японцы прикрывают высадку.

Для наместника это было только подтверждением полученной накануне телеграммы, сообщавшей о появлении в районе Быцзыво японского транспортного флота. В этой же телеграмме Алексееву, как главнокомандующему, высочайшим повелением было предписано покинуть Артур, что он и поспешил сделать, оставив командовать эскадрой начальника своего штаба контр-адмирала Витгефта. Поразительны по своему невежеству предписания наместника о характере действия эскадры:

— Активных действий всей эскадрой без разрешения не предпринимать, ограничиваясь поисками крейсеров и миноносцев, но не

подвергая их риску.

— Обеспечить свободный выход кораблей в море, тщательно охраняя рейд.

— Оказывать всяческое содействие сухопутному командованию в обороне крепости.

— Принять все меры по скорейшему вводу в строй поврежденных броненосцев.

Если учесть, что новый командующий эскадрой был человек нерешительный, слабовольный, прямо заявивший о себе «я не флотоводец», артурская эскадра, выполняя указания наместника, окончательно потеряла свое лицо как самостоятельная боевая единица на море. Теперь полностью были развязаны руки у японского флота.

22 апреля у берегов бухты Кинчан, недалеко от Быцзыво, появились японские корабли. В сопровождении броненосца «Чин-Ен», шести крейсеров и шестнадцати миноносцев транспорты с десантом выходили в район высадки. Операция началась интенсивной артиллерийской подготовкой, так как японцы предполагали наличие в районе высадки достаточных сил противодействия. На самом деле таковых не было.

Транспорты подходили к берегу одновременно по пять-семь штук и быстро разворачивались к разгрузке. Было отчего бы удивиться Алексееву и особенно Стесселю. От транспортов отходили шлюпки и многочисленные плоскодонные симпаны, употребляемые в Японии для береговой службы. Сильно нагруженные симпаны отваливали от транспортов и, буксируемые паровыми катерами, устремлялись к берегу. В каждой лодке находилось до полусотни солдат. Другие симпаны переправляли лошадей, поддерживаемых под уздцы кавалеристами. Первые симпаны, намного опередившие остальные, шли пустые. И не случайно. С приближением к берегу они составили длинную непрерывную цепь, которую быстрые и ловкие лодочники соединяли дощатым настилом. К прибытию первого груженого симпана причал уже был готов. Своеобразие этого причала и его преимущества заключались в том, что в отлив доски лежали прямо в грязи, в прилив — плавали на воде, что позволяло производить высадку непрерывно в большую и малую воду.

Поняв наконец, что противодействия не будет, японцы прекратили стрельбу. Дело пошло живее, организованней. Кавалеристы выводили лошадей на берег, размещали их между соснами и снова возвращались к импровизированной пристани за седлами, другим имуществом. Орудия выгружались также быстро и, чтобы не загромождать место высадки, на руках относились в сторону. Пехота высаживалась в тяжелом снаряжении.

Помимо шинели зеленовато-синего сукна, каждый солдат нес на себе толстый бараний тулуп, красное одеяло, ранец, какие-то мешки. И это не считая винтовки и пояса с подсумками. Но задержки не было никакой. Так же организованно доставлялись боеприпасы, другие грузы. На каждой лодке имелись двухколесные ручные тележки, которые на берегу нагружались и увозились двумя солдатами.

Высадка продолжалась уже четыре часа. За это время русские наблюдательные посты успели доложить об этом Фоку. Но тот вместо организации противодействия начал отводить части к Цзинчжоу. Генерал Фок заложил первое звено в длинную цепь своих преступлений. Правда, генерал Куропаткин послал для противодействия отряд генерал-майора Зыкова, но отряд двигался медленно, придерживаясь указания командующего маньчжурской армией: «...ни в коем случае не ввязываться в решительный бой».

Японцы же за неделю непрерывных работ, спокойно и деловито, как на учениях, высадили 12 пехотных полков, 6 кавалерийских и 216 орудий.

Наместник, хотя и с опозданием, казалось бы, принял правильное решение, предложив Витгефту в одной из телеграмм выслать в район высадки 12 лучших миноносцев под прикрытием крейсеров и исправных броненосцев. Но произошел беспрецедентный случай: приказ не был выполнен, а Алексеев принял это как должное. Зато следом пришла другая директива, предписывающая немедленно приступить к передаче на сухопутный фронт корабельной артиллерии. Это приказание Витгефт принял с удовольствием. Впрочем, удивительного здесь мало. С первых дней командования эскадрой адмирал Витгефт отказался от единоначалия, и все решения на флоте стали приниматься коллегиально, голосованием флагманов, которые в большинстве своем были пропитаны оборонительными настроениями.

В штабе флота шли бесконечные совещания. Решались вопросы охраны рейда, ремонта кораблей, ну и, конечно, списания части орудий на сухопутный фронт. Работы по демонтажированию орудий и пулеметов уже начались. Особенно организованно они пошли после совместного совещания у Витгефта сухопутных и морских начальников, состоявшегося 25 апреля. Был приглашен на него и Кондратенко.

После гибели Макарова Роман Исидорович решил несколько отойти от флота. Однако через несколько дней уже получил задание от наместника вновь заняться минными заграждениями на рейде. Снова пришлось сократить время отдыха, заниматься делом мало знакомым. Но отказаться он не мог, ибо понимал его важность. Чувствуя пробелы в знании

электротехники, уже немолодой генерал, не смущаясь, учился у безусых мичманов, бывших с электричеством на «ты». Впрочем, Кондратенко любил повторять, что его роль в минировании сводится только к организации работ. Едва закончилось минирование рейда, как он с моряками занялся отысканием позиций на Ляотешане для установки дальнобойной пушки с круговым обстрелом. Идея эта исходила от наместника, и, поручая Кондратенко организацию работ, он заявил:

— Помогите артиллеристам только людьми вашей дивизии, чтобы установить этакого русского «Дядю Тома», и да поможет он нам не хуже, чем бурам. Хотя не уверен, что вы откажетесь принять участие в этом предприятии.

Алексеев не ошибся. На следующий день Кондратенко с генералом Белым после полудня направились на Ляотешань. Место было выбрано удачно, но как поднять на такую высоту тело орудия, весившее без станка около тысячи пудов. Надо было строить дорогу, и Роман Исидорович взялся за неделю разработать проект. Выполнял работы командир 28-го полка подполковник Киленин, а сам Кондратенко взял на себя общую организацию. Она включала в себя далеко не простое дело изыскания материала, обеспечения людьми, ну и, конечно, каждодневного контроля за строительством. Жене он писал: «...Собственно, к этому делу я прикладываю не столько знания, сколько просто энергии, чтобы поскорее осуществить это дело защиты города от бомбардировок японцев с западного побережья».

Совещание у Витгефта интересовало Романа Исидоровича чисто с технической стороны дела. Решался вопрос о действии флота в создавшейся обстановке. Он знал мнение Стесселя и был уверен, что тот сумеет его навязать безвольному командующему эскадрой. Ошибся он только в одном: навязывать не пришлось, так как еще накануне моряки решили вопрос положительно с точки зрения начальника укрепрайона. И все-таки где-то в глубине души Кондратенко надеялся, что кто-нибудь из моряков сумеет убедить Стесселя оставить за флотом его основные, чисто морские задачи. Но надежды не оправдались. Было решено снимать орудия калибром менее 10 дюймов и устанавливать на форты. Кроме того, Стессель вел себя вызывающе и не просто просил моряков, а указывал.

Случилось непоправимое. Флотом стал командовать не только ничего не смысливший в его применении генерал, но и вообще плохо образованный с военной точки зрения.

Кондратенко понимал, что меры эти преждевременны, что флот еще способен своими действиями оказать большую помощь крепости. Однако

ни Витгефт, ни Ухтомский, ни Лощинский, ни Григорович не пытались перечить Стесселю. Сам же он не чувствовал себя достаточно авторитетным в морском деле человеком, чтобы выступать на столь представительном совещании и высказывать свои соображения по действиям флота.

Вместе с генералом Белым Кондратенко сразу после совещания начал составлять план использования орудий.

Морскую артиллерию, как наиболее мощную, дальнобойную и скорострельную, решили использовать на самых важных участках обороны: фортах № 1, 2, укреплении № 3, батареях Курганной и Большое Орлиное гнездо, на горе Высокая. Учитывалась также хорошая подготовка и слаженность морских расчетов.

События ближайших дней скоро доказали преждевременность этих мероприятий. Армия Оку, высадившись беспрепятственно у Быцзыво и сбивая на пути незначительные заслоны русских, заняла весь перешеек между Цзинчжоуской и Талиенванской бухтами. 26 апреля в крепость пришел последний поезд с боеприпасами, и Артур оказался окончательно отрезанным. Но эти полные побед и радости дни стали черными днями японского флота.

Наблюдатели с береговых батарей и Ляотешаня обратили внимание, что патрулирующие в море японские корабли ходят по одним и тем же местам. Шаблонностью несения блокадной службы и решил воспользоваться командир минного заградителя «Амур» капитан второго ранга Иванов. Он предложил поставить мины там, где проходил обычный курс неприятельских судов.

Несмотря на очевидность такого шага и реальную возможность его осуществления, адмирал Витгефт, а точнее — коллегия флагманов долго не решались утвердить план Иванова, ссылаясь на сложность установки мин ночью. Действительно, устанавливать мины ночью было очень тяжело из-за трудности определения точных координат, а днем рейд внимательно просматривался с японских кораблей. Но Иванов предлагал использовать отвлекающий маневр или ждать тумана. Ни о каком отвлекающем маневре Витгефт не хотел даже думать и согласился на операцию только при достаточно благоприятной погоде.

Наконец, 1 мая на море лег густой туман. Ввиду отсутствия прямой видимости японская эскадра повернула на свою базу к островам Эллиот. Наблюдательные посты с Золотой горы и Ляотешаня доложили об этом, и сразу же из Артура в сопровождении шести миноносцев вышел «Амур». В три часа дня он начал ставить мины. Матросы и офицеры «Амура»,

сбрасывая в воду одну за другой мины, вспоминали «дедушку» Макарова, своих друзей и знакомых с «Петропавловска» и мелом писали на корпусах имена неотомщенных жертв 31 марта. Минная банка из 50 мин была поставлена весьма удачно, почти поперек обычного курса японских кораблей и достигала около мили в длину.

Утро 2 мая выдалось превосходным. Лишь временами легкие обрывки тумана бродили по морю. В 9 часов утра наблюдательные посты доложили о появлении японской эскадры. Головными шли броненосцы «Хацусе», «Шикошима», «Яшима». В 10 часов утра «Хацусе» первым коснулся мины, и рядом с его бортом поднялся огромный столб воды. Японцы сразу начали менять курс. Но тут под броненосцем «Яшима» раздался взрыв, и он сильно накренился. С береговых батарей и наблюдательных постов в бинокли было хорошо видно, как «Яшима» выровнял крен, но двигаться, очевидно, не мог. Сразу нарушился порядок японской эскадры. Корабли выполняли какие-то суетливые маневры, не решаясь приблизиться к «Яшима». Продолжалось это более часа, пока поврежденный «Хацусе», то ли уходя из опасного района, то ли идя на помощь «Яшима», не повернул к застывшему броненосцу. Вдруг над ним возник высокий белый гриб, закрывший судно целиком, и через несколько секунд до берега донесся тяжелый, глухой раскат разрыва.

Гриб медленно вытягивался к небу, расплзался и таял. Нос броненосца на мгновение поднялся над водой, и корабль пошел ко дну. Все это, как на картине, повторяло события 31 марта. На японской эскадре началась паника. К месту катастрофы подошли крейсера, все без исключения корабли открыли беспорядочный огонь по плавающим предметам. Теперь уже японцы видели в них подводную лодку. Скоро паника прекратилась, и японская эскадра поспешила уйти.

Витгефт не воспользовался благоприятным случаем, чтобы добить «Яшиму» и попытаться нанести поражение противнику. В море против двух японских броненосцев, один из которых подорван, пяти легких крейсеров, трех канонерок и двух миноносцев могли выйти три броненосца, три крейсера и более шестнадцати миноносцев. Вот когда вспомнили совместное совещание 25 апреля и адмирал Лоцинский, и командир «Полтавы» капитан первого ранга Успенский, и вновь назначенный командир «Севастополя» Эссен. Теперь они настаивали на выходе броненосцев и крейсеров, но безуспешно. Более того, в это самое время на флагманском броненосце взвился сигнал «Уволить команду на берег...».

Для японцев же беды этим не кончились. Взятый на буксир «Яшима»

так и не дошел до базы, затонул в пути. Через два дня подорвалось на mine и затонуло посыльное судно «Микао». В бухте Кер при тралении мин погиб миноносец № 48. В ночь на 2 мая столкнулись два крейсера «Касуга» и «Иошино». Второй затонул через несколько минут, а первый получил такие повреждения, что не вернулся в строй до конца войны. Затем последовало несколько катастроф. Последовательно в течение трех дней: сел на мель авизо «Тацута», от огня собственной канонерки «Агаки» затонула канонерская лодка «Осима», недалеко от Ляотешаня подорвался на mine и затонул истребитель «Акацуки».

Неприятельский флот значительно ослаб. Стал проявлять нерешительность и излишнюю осторожность адмирал Того. Но командование русской эскадры так и не воспользовалось благоприятной обстановкой. Витгефт по-прежнему разоружал корабли и лишь посылал на постановку мин «Амур».

На море началась беспощадная минная война, унесшая в скором времени еще несколько сотен жизней.

Стали налаживаться дела и на сухопутном фронте. В бухте Кер всего одна рота охотников с двумя полевыми орудиями сорвала японскую десантную операцию. 2 мая было получено донесение, что японцы двигаются двумя колоннами от Саншилипу и по дороге от Быцзыво. С целью оттеснить неприятеля на север был назначен отряд численностью до полка при десяти орудиях. В 14 верстах от цзинчжоуских позиций 3 мая произошел встречный бой. Обе стороны перешли в наступление одновременно. Японцы наступали двумя дивизиями и резервной бригадой, что давало им более чем четырехкратное превосходство. Русским пришлось отступить на исходные позиции. Но эта короткая стычка показала, что, несмотря на превосходство в силах, японцы воюют очень осторожно, придерживаясь старых тактических принципов.

Русские войска почти не понесли потерь и давно отошли к Цзинчжоу, а генерал Оку только 9 мая, убедившись в отсутствии опасности с севера, отдал приказ сосредоточить дивизии в восьми верстах от Цзинчжоу.

Глава 4

НА ПЕРЕДОВЫХ РУБЕЖАХ

Тяжелые потери японского флота, нерешительность генерала Оку и его остановка на перешейке у Цзинчжоу резко подняли настроение в Порт-Артуре. Конечно, было ясно, что задержать японцев у Цзинчжоу надолго трудно, но теперь всякая передышка понималась как подарок судьбы, утраивала силы защитников крепости. Бурлил порт. На стенке Восточного бассейна царило оживление: сотни матросов суетились вокруг снимаемых с поврежденных судов орудий, устанавливали их на стандартные платформы и с дружной «Дубинушкой» волокли; слышались приказания офицеров, уходили команды, уносившие на себе мешки с установочными материалами, кирками, лопатами. По скалистым артурским горам, цепью тянувшимся на протяжении более чем 30-верстной оборонительной линии, нечеловеческими усилиями, вручную были проложены узкоколейки, по которым запряженные в бурлацкие лямки люди тянули тысячепудовые тела орудий и орудийных станков. В воздухе стоял несмолкаемый звон сотен кирок и лопат, долбящих скальный грунт. Работа кипела.

Роману Исидоровичу не пришлось стать свидетелем гибели японских броненосцев. Вот уже несколько дней он безвылазно находился на 3-м укреплении, руководя работами по минированию пироксилином подступов к окопам. Идея эта пришла к нему во время работ на Ляотешане и сразу увлекла своей простотой и эффективностью ожидаемого результата. Прежде всего он переговорил с инженер-полковником Крестинским, а потом отправился к морякам. Кондратенко уже давно был своим человеком в порту и на эскадре. Без труда добился он разрешения на выделение команды минеров во главе с лейтенантом Маклинским и двумя мичманами с «Победы» — Власьевым и Бонди. Не откладывая дела в долгий ящик, Роман Исидорович на следующий день предложил офицерам поездку на форты, чтобы на месте обсудить все детали. Генерал собирался с начальником штаба, командирами бригад, артиллерийского дивизиона и 28-го полка на очередную рекогносцировку, и присутствие минеров на ней было как нельзя кстати. Таким образом, вопрос о применении мин для искусственных заграждений и местах их установки решался в присутствии непосредственно заинтересованных в этом командиров. Сразу, вечером, начались работы, которые не прекращались ни днем, ни ночью.

Наконец Кондратенко вплотную занялся и делами своей дивизии. Их,

несмотря на отличную работу заместителей, накопилось немало, особенно по канцелярской части. Пришлось отложить на время поездки на форты, чтобы написать приказы и распоряжения.

По-прежнему повседневные заботы целиком занимают его мысли. Даже в письмах к жене он постоянно возвращается к ним: «...Сегодняшний день посвятил осмотру рот в санитарном отношении, а потому в сопровождении дивизионного врача ездил по ротам. Очень сожалею, что не было времени посвятить силы этому делу раньше: много мне пришлось открыть неурядиц, которые приходится теперь устранять. Между тем с каждым днем становится все теплее, и необходимо обратить усиленное внимание на санитарное состояние войск, чтобы избежать губительных эпидемических болезней. Нужно обратить также внимание и на строевое обучение войск. На днях организую стрельбу прямо с фортов и укреплений по впереди лежащей местности. Шпионство здесь процветает. Сегодня стало известно, что два служащих в порту, украв важные чертежи, скрылись. Далее напали на след каких-то двух приезжих, которые за пуд пироксилина предлагают 15 тысяч рублей...»

В таких повседневных заботах быстро проходили дни. Роман Исидорович вновь начал посещать укрепления, продолжал работу по созданию искусственных заграждений, занимался с войсками, командирами. В это время зазвучали первые выстрелы под Цзинчжоу.

Передовые отряды 2-й японской армии после первого столкновения с русскими сосредоточились на высотах, окружающих цзинчжоускую долину, и остановились в ожидании подхода главных сил. Наконец 10 мая подошли все войска, и генерал Оку решил предпринять штурм русских позиций силами 1-й, 2-й и 3-й дивизий. 5-я дивизия прикрывала атакующих с севера. Обеспечивала наступление отдельная артиллерийская бригада. Всего командующий 2-й армией бросал на штурм более 30 тысяч человек при 198 орудиях и 50 пулеметах. Все было готово к наступлению, задерживало только отсутствие канонерок боевой поддержки.

Оку, основываясь на агентурных данных, знал, что русские не намерены разворачивать главные силы у входа на Квантунский полуостров, и все же не решался начать наступление. Утром 11 мая он уже отдал приказ, но через несколько часов, когда войска начали выходить на исходные рубежи, отменил его и целый день в сопровождении адъютантов и иностранных наблюдателей объезжал дивизию. Сколько раз вглядывался он в далекие очертания русских укреплений!

Русская оборона на перешейке, южнее города Цзинчжоу, представляла цепь опорных пунктов, расположенных на небольших холмах с

понижающимися к заливам скатами и соединенных стрелковыми траншеями. Всего было построено 13 батарей, 5 редутов и 3 люнета. Траншеи, протянувшиеся по фронту более трех верст, рыли в два яруса, с козырьками от шрапнели и бойницами для стрелков. Перед траншеями сплошь стояли проволочные заграждения в шесть рядов кольев. В наиболее опасных местах зарыли 80 фугасов. И все-таки позиция имела существенные недостатки: фланги ее совершенно открыты для обстрела с моря; 65 орудий и 10 пулеметов установлены скученно на открытых позициях; боекомплект на каждое орудие составлял не более 100–150 снарядов. В довершение всего генерал Фок, осуществлявший общее командование и имевший под началом свыше 18 тысяч солдат, выделил для обороны, по сути дела, один 5-й стрелковый полк полковника Третьякова, усиленный несколькими охотничьими командами, всего около четырех тысяч человек. Японцы превосходили русских по артиллерии в три раза, по личному составу почти в десять раз. Конечно, можно было предположить, что по мере необходимости Фок будет умело маневрировать резервами, но дальнейшие события не подтвердили этого.

В ночь на 12 мая отроги горы Самсон, густо поросшие гаолянном и чумизой, заполнили войска. Так и не дождавшись канонерок, Оку отдал повторный приказ о наступлении, и японские войска начали выдвигаться на исходные рубежи.

В 4 часа утра, с первыми лучами солнца, заговорили японские пушки. Густые колонны солдат пошли на штурм. Немедленно открыла огонь и русская артиллерия. Сила и эффективность его была настолько высока, что уже в первые полчаса японская пехота понесла тяжелые потери. Густой дым от горящих кварталов Цзинчжоу перемешивался со сплошной стеной пыли, поднятой разрывами. В дыму белыми хлопьями рвалась шрапнель, мелькали фигурки перебегающих японцев. Скоро пехота залегла. И тогда японская артиллерия перенесла огонь на русские батареи. Началась контрбатарейная борьба. Вот тут-то и сказалось неправильное расположение русских огневых позиций. Открытые как на ладони и выстроенные колесо к колесу, русские орудия становились легкой добычей японских батарей, стрелявших с закрытых позиций. Положение усугубили появившиеся в седьмом часу японские канонерки. Под усилившимся огнем вновь поднялась в атаку пехота и наконец-то заняла горящий и полуразрушенный Цзинчжоу. Успеха добилась 4-я дивизия. Правда, до основных русских позиций было еще далеко, но на левом фланге чувствовалась победа. К 11 часам утра замолчали последние русские пушки. Большая часть их была разбита, у остальных кончились снаряды.

Вновь засвистели рожки, и зеленоватые мундиры японцев замелькали перед проволочными заграждениями, скучиваясь у проходов. И вновь сначала дрогнула, потом и побежала эта масса наступающих. Теперь 4-ю дивизию остановил только ружейно-пулеметный огонь.

В плачевное положение попали японцы в центре, где наступала 1-я дивизия. Выдвинутая несколько вперед, она пошла в атаку по открытой местности и понесла большие потери еще при сближении. Не было достигнуто даже маломальского успеха, и пехота надолго залегла.

И уж совсем плохо пришлось наступавшей на правом фланге 3-й дивизии. Так же, как в центре, местность здесь была совершенно открытая, а огонь русских очень плотный. В 10 часов утра в залив Хунуэза вошли канонерская лодка «Бобр», миноносцы «Бурный» и «Бойкий». Действовали они под общей командой командира «Бобра» капитана второго ранга Шельтинга. Выйдя на огневую позицию, корабли открыли огонь сначала по наступающей пехоте, а потом по батареям противника. Результат был исключительный. Пехотные полки понесли такие потери, что не проявляли активности до конца сражения. Практически полностью была подавлена и артиллерия. Немногим более часа вели стрельбу корабли и, только расстреляв весь боекомплект, ушли в Артур. Адмирал Того после недавних неудач даже не пытался помешать русскому отряду, хотя под рукой у него совсем недалеко, у островов Эллиот, находились три броненосца, четыре крейсера и более десятка миноносцев. Впрочем, и Витгефт плохо воспользовался любезностью противника, хотя посылка даже ограниченного отряда доказала действенность фланговой поддержки сухопутной обороны.

К полудню наступление японцев окончательно выдохлось. Прекратила атаки пехота, а потом замолчала и артиллерия.

Генерал Фок находился во время боев на Тафаншанских высотах, более чем в шести верстах от передовой. Здесь располагались главные силы дивизии, готовые к немедленному вступлению в бой, но пока в деле участвовали только тяжелые орудия, с методической последовательностью посылающие снаряды на левый фланг все той же 3-й дивизии. Отсюда даже в бинокль поле боя представлялось медленно бурлящим, завешенным пылью и дымом клочком земли. Фоку скоро надоело рассматривать эту картину. Донесения адъютантов были противоречивы. Сводились они к тому, что японцы остановлены, однако и у нас значительные потери, особенно в артиллерии. Все посыльные в один голос твердили об отсутствии снарядов и просили подкреплений. Это тоже вызывало раздражение Фока. Нимало не смущаясь находившихся тут же командиров

других полков, не заботясь о дальнейшем ходе боя, Фок приказал подать лошадь. В сопровождении чинов штаба, едва ли не в самую критическую минуту боя, командир дивизии отправился в тыл для выбора позиций на случай противодействия возможному десанту! Для общего руководства был оставлен престарелый генерал Надеин, впрочем, без права принятия решения...

Вернулся с рекогносцировки Фок только к полудню, раздраженно соизволил послать первые указания полковнику Третьякову, состоявшие в приказе не отступить без его разрешения. Старик Надеин, надоедливо шамкая, требовал посылки Третьякову подкреплений, начальник штаба полковник Дмитриевский докладывал о тяжелом положении левого фланга, где японцы при поддержке флота имели успех. Немедленно Третьякову была послана вторая записка с требованием обратить внимание на левый фланг. Указание было поистине гениальным: ведь именно Третьяков сообщил об этом Фоку. Требовалось срочно послать резервы. Но Фок так и не сделал этого.

Около двух часов дня начальник дивизии наконец рискнул посетить боевые порядки 5-го полка. И надо же такому случиться, именно в это время началась артиллерийская подготовка и пехота японцев пошла в наступление. Вновь завязался жестокий бой. Так и не встретив полковника Третьякова и не отдав ни одного распоряжения, Фок повернул назад. Долго добирался он до своего командного пункта, спасаясь от близких разрывов в оврагах, в душе кляня себя за опрометчивость и все более убеждая себя в бессмысленности дальнейшего сопротивления. Однако на КП его ждал неприятный сюрприз. Японцев вновь остановили, и с отступлением пришлось повременить. Но зато Фок опять ответил Третьякову отказом на просьбу о подкреплениях, а Стесселю отправил донесение, что 5-й полк не может держаться и нужно оставлять позиции. И это в три часа дня, когда японские дивизии, истекая кровью, неся большие потери, имели только частный успех, так и не заняв ни одной русской траншеи. Фок был уверен, что никто не посмеет обвинить его в трусости или бездеятельности, так как неделю назад Стессель доверительно прочитал ему указания военного министра Куропаткина, в которых прямо говорилось: «...Самое главное — это отвести своевременно генерала Фока в состав гарнизона Порт-Артура».

Садилось солнце, когда японцы, сосредоточив основные силы в полосе наступления 3-й дивизии, при поддержке четырех канонерок и полевой артиллерии предприняли отчаянную попытку прорвать русские позиции на левом фланге. Несколько рот, перебегая по береговым отмелям, пытались зайти в тыл противника...

По окончании боя генерал Оку в своем дневнике запишет:

«...Благодаря упорному сопротивлению неприятельской пехоты положение дел не изменилось до 5 часов вечера... Ввиду этого я был вынужден приказать нашей пехоте предпринять штурм позиции и овладеть ею даже высокой ценой, а нашей артиллерии было приказано пустить в ход оставшиеся снаряды... Пехота нашей первой дивизии бросилась вперед на позицию неприятеля, храбро и отважно, но благодаря жесткому фланговому огню неприятеля большое количество наших людей было убито или ранено. Положение стало критическим, так как дальнейшее наступление казалось невыносимым...»

Японская пехота, пользуясь начавшимся отливом, сумела вброд подойти менее чем на сто шагов к русским сооружениям. Около шести часов вечера враг ворвался на русские позиции. Все траншеи и блиндажи были разрушены еще утром. Остатки 5-й и 7-й рот, потерявшие в бою всех офицеров, бросились в отчаянную штыковую атаку на прорыв. Для большинства этих героев она стала последней. Прорваться удалось лишь нескольким стрелкам и двум артиллеристам. Через образовавшуюся в обороне брешь на позиции хлынула японская пехота. Момент этот оказался решающим. Не разобравшись толком в положении дел на левом фланге, начали отступать роты, оборонявшие фланг. Это привело к тому, что часть сил полка в центре оказалась окруженной. Как и на левом фланге, без офицеров, встречали стрелки японских пехотинцев. Стрельба прекратилась. Протяжный стон, крики и глухие удары доносились с разрушенных центральных батарей. Мелькали банники, сверкали штыки. Злобный скрежет металла прерывался глухими хлопками выстрелов. Сибиряки дрались до последнего, и ни один из них не сдался в плен. Так и остались они немым укором немногим солдатам полка, которые отошли ночью к станции Нангалин. На самой станции перед ними открылось безрадостное зрелище. На путях оставались врагу боеприпасы, другие ценные материалы.

В ту же ночь по приказу Фока был оставлен в полной сохранности город Дальний. Скоро японцы дооборудуют порт, превратят в военно-морскую базу, через которую на протяжении всей войны будут получать пополнение и боеприпасы. Прекрасно оборудованные и оставленные неразрушенными причалы порта позволят им без всяких усилий выгрузить там тяжелые 11-дюймовые гаубицы, сыгравшие едва ли не роковую роль во всей обороне крепости Порт-Артур.

Кондратенко узнал о цзинчжоуском бое около полудня и сразу поспешил с укреплений Высокой горы в штаб крепости. В штабе, куда он

добрался только к трем часам, царили оживление и суета. Бегали, хлопали дверьми адъютанты. У коновязи толпились конвойные, посыльные казаки, крыльцо, как всегда, забито офицерами. Стессель встретил Романа Исидоровича приветливо и всем своим видом показывал серьезность момента.

— Рад вас видеть, господа, — гремел он, вышагивая по кабинету и поминутно останавливаясь у разложенной на столе карты. Там же стояли Смирнов и два генштабиста. — Извольте видеть, какая ситуация. Посыльные несут самые противоречивые сведения. Телефон неисправен, Фок доносит о невозможности сопротивления. Да и какой смысл держаться?.. Я сразу сказал, что надо отводить войска в Артур, а не терять по крохам на дальних подступах. Сами себе создаем трудности, а мне изволь и боем руководить, и отвечать за все...

Стессель вновь повернулся к столу с картой и глубокомысленно уставился на нее.

С получением первых донесений из-под Цзинчжоу в штабе принялись отрабатывать бесчисленные варианты оборонительных боев, писались отчеты, обобщались сводки. Могучий бас начальника укрепрайона гремел по всем коридорам и комнатам. Решений никаких не принималось. Вся эта, с позволения сказать, деятельность была преступно бессмысленной. Стессель так распалил себя, что скоро уверовал, будто именно он умело руководит боевыми действиями войск, сражающихся за несколько десятков верст от его штаба. На самом деле все его руководство заключалось в единственном распоряжении о введении немедленно в действие 6-дюймовой пушки Канэ, будто она могла сколько-нибудь серьезно повлиять на ход дела. Да и это распоряжение не могло быть выполненным — пушку так и не успели установить к началу боя.

Кондратенко быстро подошел к столу, бегло взглянул на карту и сразу понял серьезность положения. Волнуясь и глотая слова, он стал просить Стесселя разрешить ему выдвинуть свои войска на помощь, но скоро понял, что тот его не слушает и что у него есть свое решение, которое он считает незыблемым. Стесселю скоро надоело слушать, примирительно улыбаясь, он тронул генерала за рукав сюртука.

— Полноте, Роман Исидорович, зная вашу горячность и деловитость, я другого от вас и не ждал. Но какие тут контратаки?.. Не до жиру, быть бы живу. Я уже послал одну телеграмму об отходе, но слишком категоричную. Сейчас начальник штаба готовит новую, а вы пока познакомьтесь с прежней.

Стессель, не поворачиваясь, протянул руку назад, и тут же услужливая

рука вложила в нее копию бланка. Кондратенко взял телеграмму, перед глазами запрыгали фразы: «...Надо организовать обстоятельный отход, для чего все орудия и снаряды, возможные для перевозки, надо, пользуясь прекращением огня и ночью, спустить и нагрузить на поезда...»

Роман Исидорович понял, что убеждать здесь кого-нибудь бессмысленно.

В штабе крепости до сих пор не знали, что ни снарядов, ни исправных орудий у защитников позиций не осталось, что под Цзинчжоу наступил самый ответственный момент и истекающие кровью солдаты врукопашную отражают отчаянные атаки японцев. Зато твердо знали: надо отводить войска, и как можно скорее. Неудивительно, что Фок, отдавая приказ об отходе и оставлении порта Дальний без предварительных команд из крепости, был уверен, что все сойдет ему с рук.

Стессель вместе со своим штабом вполне серьезно готовился встретить Оку уже у стен крепости.

Но встречать его в ближайшее время так и не пришлось. Оку и не думал преследовать русские войска. Он опасался контратак. Беспокоил его и тыл, где разворачивалась многотысячная армия Куропаткина. Японская разведка, допустившая в преддверии цзинчжоуской операции немало промахов, наконец получила весьма ценные сведения: русские готовят специальный корпус для деблокады Порт-Артура. Данные разведки требовали проверки, но японский генштаб уже принял решение о переброске трех дивизий армии Оку на север. Для действий против Порт-Артура спешно формировалась 3-я армия, ядром которой явилась 1-я дивизия армии Оку, так славно «отличившаяся» под Цзинчжоу. Японцы на линии гор Анзысань — Тейсанцы перешли к обороне и приступили к укреплению позиций.

После падения Цзинчжоу стала очевидна угроза Порт-Артуру. Флот ввиду продолжавшегося ремонта броненосцев к выходу в море не был готов. В этих условиях Алексеев предложил Куропаткину активизировать действия по оказанию помощи артурскому гарнизону. Алексеева прежде всего беспокоил флот. Но Куропаткин, проводивший нелепую тактику накапливания сил, панически боялся отвлечения хоть каких японских войск от Порт-Артура и всячески затягивал начало операции. Началось изучение обстановки, подтягивание резервов, между штабами развернулась утомительная переписка. А время шло. Наконец операция началась. Но здесь Куропаткин остался верен себе. Несмотря на обращение Алексеева к царю с просьбой выделить на ее проведение не менее 48 батальонов пехоты и последовавший за этим высочайший приказ, Куропаткин послал на

деблокаду Порт-Артура только корпус генерала Штакельберга, состоявший из 26 батальонов пехоты, 19 казачьих сотен при 96 орудиях. Корпус имел задачу овладеть цзинчжоускими позициями с дальнейшим наступлением в сторону Порт-Артура. Но у Штакельберга были и личные указания Куропаткина на ведение боя: «Если... придется встретиться превосходные силы, то бой не должен быть доведен до решительного удара, и, во всяком случае, резервы никоим образом не должны быть введены в дело до тех пор, пока не будет совершенно выяснено положение...»

23 мая Штакельберг выдвинулся к Вафангоу. Пока авангард из 6 батальонов при 8 орудиях продвигался вперед, он приказал к югу от станции, на склонах высот, подготовить позицию на случай оборонительного боя. По меньшей мере удивительно для отряда, направляющегося на выручку блокированной крепости, если не учитывать, что командир корпуса прежде всего выполнял указания Куропаткина. Но даже эти позиции подготовили из рук вон плохо. Окопы для артиллерии не имели маскировки. Для стрелков же просто отрыли маленькие ровики. Опорных пунктов не было. Да и позиция не соответствовала силам отряда. Перед фронтом ее была гористая местность, неудобная для маневрирования войсками. Правый фланг упирался в холмы, покрытые рощами. Алексеев вновь обратился к царю с просьбой усилить корпус Штакельберга и довести его численность до четырех дивизий. Однако было уже поздно. В южной Маньчжурии появилась армия Оку. Генерал Оку, узнав, что против него действует не вся Маньчжурская армия, а всего только корпус, перешел в наступление и 31 мая отбросил русский авангард к Вафангоу. Штакельберг приказал занять для обороны заранее подготовленные позиции.

На следующий день с рассветом японцы двумя колоннами, при поддержке артиллерии начали наступление. В бой Оку бросил до дивизии пехоты. Русские батареи, стоявшие на открытых позициях, к полудню понесли тяжелые потери. Японская пехота подошла к траншеям оборонявшихся на несколько сот шагов, но дальше продвинуться не смогла. Остановленные ружейно-пулеметным огнем, японцы сначала залегли, а потом побежали.

Частный успех окрылил русские войска. Приказ о наступлении на рассвете 2 июня солдаты и офицеры корпуса восприняли как должное. Но Штакельберг, отдавая этот приказ, имел в кармане только что полученную директиву Куропаткина, которую и считал основным документом. В директиве, в частности, говорилось: «...в случае одержания вами победы в этом сражении не преследовать неприятеля со всеми силами корпуса ввиду

того, что объединивший свои силы генерал Куроки может легко отрезать вам сообщение с главными силами армии».

Генерал Оку тоже решил атаковать русских, но теперь всеми силами.

Завязавшийся в 6 часов утра бой явился наглядной иллюстрацией того, как не надо воевать. Начальники двух атакующих колонн русских — генерал Гренгросс (бывший начальник Кондратенко по штабу Приамурского округа) и генерал Гласко — так и не сумели договориться о времени и способе совместных действий. В результате, когда 1-я Восточно-Сибирская дивизия Гренгросса разворачивалась для наступления, бригада Гласко только поднялась с бивака.

Японцы начали бой с обхода нашего правого фланга силами одной дивизии, и скоро добились успеха, русские войска частью готовились к атаке, а частью вообще не выдвинулись на исходные рубежи. Кавалерия под командованием генерала Самсонова, будущего героя войны 1914 года, предприняла еще в пять часов утра поиск, но, остановленная превосходящими силами наступающих японцев, была вынуждена, спешившись, под сильным ружейным огнем отойти к деревне Лункано. Позже конница примет участие в лихой контратаке русских резервов, но контратака успеха иметь не будет. Русские солдаты, как и под Цзинчжоу, воевали стойко. Только безграмотная диспозиция и полное отсутствие управления привели к очередному поражению.

В Порт-Артуре узнают о поражении под Вафангоу много позже, а первые дни после цзинчжоуского боя прошли в бесконечных спорах и совещаниях. Спорили генералы в крепости, спорили они и между собой.

На следующий день после оставления Цзинчжоу Витгефт собрал совещание флагманов и командиров кораблей первого ранга. В связи с резко изменившейся обстановкой на Квантунском полуострове встал вопрос о дальнейших действиях флота. Совещание должно решить: выходить эскадре в море для ведения активных действий или же оставаться в Артуре и помогать его защите до последней возможности и только в самый критический момент попытаться прорваться в море?

Большинством голосов было принято решение оставаться в Порт-Артуре и оборонять крепость. Правда, предполагалось в критический момент для обороны выйти в открытое море и прорываться во Владивосток. Однако уже на этом совещании стало ясно, что при такой постановке вопроса идея прорыва была абсурдной, ибо, отдав все силы обороне, эскадра, обескровленная и ослабленная, вряд ли сможет успешно противостоять японскому флоту. Раздавались на совещании и здравые голоса, но их никто не услышал. За выход в море выступили командир

броненосца «Ретвизан» капитан первого ранга Щенснович и командир «Севастополя» капитан второго ранга Эссен. Особенно страстно отстаивал свои позиции самый молодой из командиров броненосцев, любимец и выдвиженец Макарова Эссен.

— Флот непременно должен выйти в море, едва суда будут исправлены. Мы сделали все, что смогли, для сухопутной обороны Порт-Артура, свезя судовую артиллерию на береговые форты, дав личный состав для них и поставив минные заграждения. Флот, находясь в море, принесет для защиты Артура несравненно больше пользы, так как не даст неприятелю возможности выбросить на берег большую армию...

Но горячился он напрасно. Большинство было против, а Витгефт не принимал самостоятельных решений. Коллегиальность приносила свои плоды. После совещания Эссен еще не раз обращался к командующему с рапортами. Однако их оставляли без внимания. Как, впрочем, и все другие здравые предложения молодых офицеров. Если флагманы в большинстве были за пассивные действия, то столь же единодушно младшие офицеры эскадры поддерживали Эссена. Многие из них обращались к Витгефту с письмами, рапортами. Даже его флаг-офицер лейтенант Азарьев представил докладную записку, суть которой состояла в том, что флот должен быть готов в любую минуту выйти в открытое море на соединение с Владивостокским отрядом. В противном случае можно потерять не только Порт-Артур, но и флот.

Как ни странно, лейтенант учил умудренного опытом начальника по-государственному распоряжаться флотом.

«...Если считать, что в Артуре флот принес и приносит большую пользу, то, быть может, еще большая задача ожидает его впереди, и государство наконец потребует от него сохранения своей родной земли, территории, действительно неразрывно связанной с Россией», — писал Азарьев.

Витгефт не придавал этой записке никакого значения. В Артуре после гибели Макарова окончательно забыли, что крепость создавалась как база флота, а не наоборот. Не понимал этого и Витгефт. Наместник не мешал адмиралу, и только после провала операции по деблокаде Порт-Артура Алексеев понял — эскадру надо уводить из Артура, чтобы сохранить хоть часть сил на море. В Артур полетели одна за одной телеграммы:

«...надо флоту, защищая крепость, готовиться к последней крайности — выйти в море для решительного боя с неприятелем, разбить его и продолжить путь во Владивосток».

Далее телеграммы становились все категоричнее:

«...как только все суда будут готовы и представится первый благоприятный момент для выхода эскадры против ослабленного ныне на море неприятеля, решайте этот важный и серьезный шаг без колебаний».

Это указание можно было понимать как руководство к действию. Витгефту ничего не оставалось делать, и 7 июня в утренней порт-артурской газете обыватели читали:

ПРИКАЗ № 177

г. ПОРТАРТУР

7 июня 1904 г.

Эскадра, окончив исправление судов, поврежденных коварным врагом еще до объявления войны, теперь выходит в море по приказанию наместника, чтобы помочь сухопутным боевым силам защищать Артур. С помощью бога и святого Николая-чудотворца, покровителя моряков, постараемся выполнить наш долг совести и присяги перед государем и разбить неприятеля, ослабленного гибелью на наших минных полях его судов. Маленькая лодка «Бобр» показала 13 мая (во время цзинчжоуского боя) пример того, что можно сделать даже при самых тяжелых обстоятельствах. Да поможет нам бог.

Сообщение это было сенсационным, ибо в Артуре давно смирились с бездеятельностью флота. Правда, появление в открытой печати оперативного документа было более чем удивительно, если не сказать преступно, но на эту мелочь никто не обратил внимания.

И после приказа эскадра все оставалась на внутреннем рейде. Витгефт, имея преимущество в главных силах, не решался выйти в море. Алексеев сообщил, что для отвлечения части сил он активизирует Владивостокский отряд крейсеров, и теперь в Артуре ждали ободряющих известий.

Владивостокский отряд 2 июня произвел поиск в Японском море. Крейсера «Громобой», «Россия» и «Рюрик» под общей командой вице-адмирала Безобразова близ Симонсекского пролива потопили последовательно три японских транспорта, шедших с войсками и осадной артиллерией для Ноги. В это же время отряд миноносцев потопил несколько шхун. Но поиск этот был настолько скоротечен, что не успел Того подтянуть силы в Японском море, крейсера ушли во Владивосток. Произошло это 6 июня, за сутки до выхода приказа № 177.

Поэтому, когда ранним утром 10 июня порт-артурская эскадра вышла в море, Того мог не опасаться удара с тыла. На внешний рейд корабли — отряд состоял из 6 броненосцев, 5 крейсеров и 10 миноносцев — вышли

сравнительно быстро, но дальше началось траление рейда, фарватеров. В открытое море эскадра выбралась только после полудня. Тралящий караван повернул в Порт-Артур. Корабли взяли курс на острова Эллиот, куда предполагали выйти на следующий день для решительного боя с основными силами противника. Но судьбе было угодно ускорить события. В двадцати милях от берега около пяти часов вечера в поле видимости появились основные силы японцев. Того, пользуясь нерешительностью и медлительностью Витгефта, сумел собрать в кулак разбросанные по Желтому морю корабли и вывел против русской эскадры 5 броненосцев, 13 крейсеров и 30 миноносцев. Преимущество русской эскадры растаяло на глазах. И все-таки русские имели шансы на успех, обладая преимуществом в броненосцах, если бы заняли более выгодную позицию. К сожалению, эскадрой командовал не Макаров, а слабовольный, тактически плохо образованный адмирал. Корабли еще не закончили маневр готовности к бою, как, к удивлению всей эскадры, над флагманским броненосцем «Цесаревич» взвился сигнал: «Идти за мной в Артур». «Цесаревич» медленно повернул и лег на обратный курс. За ним последовали «Ретвизан», «Победа», остальные корабли.

Того был удивлен таким странным маневром русской эскадры, но вида не подал. Не скрывая довольной улыбки, он принимал поздравления окружавших его офицеров штаба. Быстро темнело. Посылать вдогонку русским большие корабли адмирал и не думал. Ведь он и так без единого выстрела заставил Витгефта повернуть в Артур. Зато миноносцы волчьей стаей бросились за отступающими, и скоро на русских кораблях забили дробь-тревогу минной атаки.

В темноте, отбиваясь от миноносцев, бесславно вернулась эскадра в Артур. Болью и горечью наполнялись сердца матросов и младших офицеров при виде отступающих кораблей. Позорный поход закончился тем, что при подходе к Порт-Артуру наткнулся на мину и получил незначительные повреждения броненосец «Севастополь». Своим ходом дошел он до бухты Белый волк и остаток ночи отбивался от японских миноносцев. Атаки их были малоэффективны. Из сорока выпущенных по русским кораблям торпед в цель попала только одна — в свой же миноносец «Чидори».

Флот еще раз не выполнил своего предназначения. А насколько важны были его активные действия, говорит тот факт, что даже этот бесславный выход навел панику на японский генеральный штаб, который немедленно отменил и перенес на более поздний срок Ляоян-скую наступательную операцию.

Неурядицы, отсутствие единого мнения, бесконечные споры коснулись и крепости. Для Кондратенко настала трудная полоса жизни. Приходилось вместо серьезного дела заниматься уговорами старших начальников. То с ним не соглашался Стессель, то против выступал комендант Смирнов. К тому времени два этих артурских «военных гения» настолько ненавидели друг друга, что любое решение одного вызывало прямо противоположное у другого. Нетрудно себе представить, как эти взаимоотношения начальников сказывались на деле обороны крепости и в каких условиях приходилось работать Кондратенко.

После цзинчжоуского боя Стессель направил Фоку телеграмму с требованием побыстрее отводить войска в крепость. Потом вторую, третью. Фок, впрочем, не нуждался в подобных указаниях. Он еще раньше приказал отступить к Волчьим горам. Кондратенко не переставал убеждать Стесселя в безрассудности такого решения.

— Ваше превосходительство, — уговаривал он напыщенного начальника, — вам известно, что Волчьи горы в семи-восьми верстах от крепости, и оставаться на этой позиции сейчас, когда мы не готовы к отражению штурма, просто опасно. Занять передовую позицию в 15–19 верстах, вот что для нас сейчас важно...

Роман Исидорович наконец подобрал ключик к Стесселю. Всякое напоминание об опасности делало бравого начальника укрепрайона совершенно растерянным и безвольным.

— Да, да, Роман Исидорович, именно. Японца нельзя близко подпускать. Сейчас же отдаю распоряжение Фоку, а вас прошу оказать ему помощь.

— Части моей дивизии уже на марше, — коротко доложил Кондратенко, — прошу у вашего превосходительства разрешения о выезде на передовые позиции...

— Нет, нет! И не думайте. Я без вас сейчас как без рук.

Кондратенко спрятал улыбку в густых усах.

— Сейчас там на редкость спокойно. Мы могли бы вместе побывать на рубежах. Представляете, как воодушевит ваше присутствие офицеров и нижних чинов.

Стессель задумался: «А что, стоит съездить... Нужно поднять дух солдат... Фок докладывал, что уже давно никакой стрельбы нет...»

Войска занимали передовую позицию, которая представляла собой протянувшуюся поперек Квантунского полуострова прерывистую линию высоких сопок с несколькими характерными вершинами: Куинсан, Юпилаза, высоты 139 и 178. Вся линия гор пересекалась Лувантанской

долиной, правый крутой берег которой назывался Зеленые горы. До войны об этой позиции не говорили совсем, и только Кондратенко в своем первом докладе обратил внимание на ее преимущества. Действительно, Зеленые горы нельзя обойти, трудно атаковать, с них возможен хороший обстрел с созданием сплошной зоны перекрестного огня.

После цзинчжоуского боя и отхода к Волчьим горам позиция была занята охотничьими командами, наблюдавшими за действиями японцев, а когда Кондратенко уговорил Стесселя вывести войска на передовые рубежи, началось ее укрепление. Охотничьи команды усиливались частями пехоты и артиллерии. В итоге позицию заняли 9 батальонов, 16 охотничьих команд при 38 орудиях и 8 пулеметах. Резерв из 6 батальонов и 32 орудий оставался на Волчьих горах. Наибольшее количество войск, занимающих передовую горную позицию, было сосредоточено на левом фланге — от высоты 139 до Иченазы. Этот участок занимали части Фока. Сюда же он стянул всю артиллерию. На правом фланге, где разместились части 7-й дивизии, не было ни одного скорострельного орудия.

13 июня после ожесточенной артиллерийской подготовки японцы перешли в решительное наступление против правого фланга русской позиции. Наступление поддерживали с моря 2 крейсера и 16 миноносцев. Правда, скоро в бухту Лувинтан вошли русские крейсера «Новик» и «Всадник», канонерки «Отважный», «Гремящий», «Бобр», 14 миноносцев, которые, отогнав японцев, в свою очередь, стали обстреливать фланг японских позиций. Ушел русский отряд, только расстреляв все снаряды, да и к японцам подошло подкрепление в количестве 5 крейсеров.

11-я японская дивизия обрушилась на 3 батальона и 5 охотничьих команд, занимавших здесь оборону, сбила их с высот Уйцелаза и 131 и атаковала Куинсан. Командующий 3-й армией генерал Ноги не без оснований считал, что пока Куинсан в руках русских, порт Дальний только формально можно считать своим, настолько хорошо он оттуда просматривался. К 9 часам утра японцы достигли подножия горы, а примерно через час началась сама атака Куинсана. Позиции на горе обороняла только рота стрелков с несколькими орудиями. Несмотря на это, японцы несли большие потери. Сибиряки стояли насмерть. Склоны горы постепенно покрывались зелеными фигурами убитых японцев. Весь день продолжался неравный бой. Японцам наконец удалось подвести на расстояние двух верст свою батарею, которая с большим трудом подавила последнюю исправную пушку на русских позициях. Но и тогда наступающие колонны были встречены губительным ружейно-пулеметным огнем. И только после того как правые колонны японцев заняли высоты

значительно севернее Куинсана и установили на них свои батареи, их фланговый огонь стал приносить результаты. Сплошная стена огня и пыли стояла над горой. Сибиряки готовились к последней штыковой контратаке, когда пришел приказ Фока оставить позицию. Вслед за Куинсаном были очищены и Зеленые горы.

Оставление этой позиции грозило тем, что японцы, пройдя Лувинтанской долиной, могли отрезать 4-ю дивизию от 7-й. Надо было срочно принимать меры, но Фок и не думал контратаковать. Однако теперь на позициях были и части 7-й дивизии.

Роман Исидорович, получив известие о прорыве японцев, немедленно дал указание на усиление правого фланга. Туда была послана скорострельная артиллерия, с поддержкой которой 26-й полк его дивизии начал подготовку к контратаке. Сам Кондратенко направился в штаб Стесселя, где заявил, что немедленно направляется на позиции и, помня обещание последнего, надеется сопровождать генерала на перевалы.

Стессель, привыкший к спокойному, рассудительному тону Кондратенко, воспринял предложение как продолжение давнего разговора. Кроме того, события последних дней требовали немедленной встречи с Фоком.

После цзиичжоуского боя генерал Смирнов сумел довести через двух офицеров Генерального штаба, капитанов Одинцова и Ромейко-Гурко, до сведения Куропаткина и Алексеева о множестве нелепостей в полководческой деятельности начальника Квантунского укрепрайона. Куропаткин по некоторым данным и особенно донесениям Стесселя и сам понял, что последний просто не соответствует выпавшей на его долю задаче, и доклад прибывших из осажденной крепости офицеров только ускорил принятие решительных мер. Получив согласие Алексеева, Куропаткин послал Стесселю 5 и 7 июня телеграммы, а затем и письмо, в которых предписывал сдать командование Смирнову, а самому прибыть в армию для получения нового назначения.

Вот это письмо и волновало сейчас более всего Стесселя, так что отказываться от предложения Кондратенко было нельзя. Телеграммы вместе с копиями для Смирнова попали в руки начальника штаба укрепрайона полковника Рейса, с ними можно было поговорить, а что делать с письмом — мог посоветовать только Фок...

«Да, надо ехать, — Думал он, глядя на генерала Кондратенко, — эта поездка в войска сейчас, как никогда, кстати. Да и стрельбы пока особой нет». Подведя такой итог, он сразу успокоился.

— Полковник Рейс, через полтора часа отправляемся на перевалы.

Подготовьте поезд. Меня сопровождают генералы Кондратенко и Никитин.

Полтора часа затянулись почти на целый день. Пока готовили вагон для Стесселя, пока подбирали конвой и путевую бригаду, пока спешным порядком разрабатывали карту, Роман Исидорович не находил себе места. Он уже не раз обругал себя за приглашение Стесселя. Кондратенко понимал, что скорее всего никаких толковых указаний от начальника не получит, но втайне надеялся на его поддержку в неминуемом споре с Фоком. Наконец, волновало и то, что предстоял первый в жизни бой. То дело, ради которого он столько учился, для которого едва ли не всю сознательную жизнь готовил себя, приближалось. Он уже дважды побывал в крепости у стрелков 28-го полка, несколько раз просмотрел карту у Науменко, который ехал с ним, но время как будто остановилось.

Наконец к вечеру поезд тронулся. В салоне Стесселя сразу принялись за ужин, но Кондратенко там долго не задержался. Остаток пути он провел со своим начальником штаба, пытаясь по карте вникнуть в обстановку на перевалах.

Прибыли на позиции 20-го днем, а утром 26-й полк дивизии Кондратенко, усиленный артиллерией, сбил японцев с Зеленых гор и занял высоту 193.

Кондратенко, едва поезд прибыл на разъезд 11-й версты, хотел отправиться в полк, но состав встречал Фок со своим штабом, и началась обычная церемония — представление, доклады, разговоры о неудачах Штакельберга....

Роман Исидорович в общий разговор не вступал, а пытался расспросить начальника штаба 4-й дивизии полковника Дмитриевского о положении на фронте. Докладывал тот толково.

— Евгений Николаевич, — повернулся Кондратенко к своему начальнику штаба, — попрошу освежить обстановку на карте, да и пора к своим...

Через полчаса Науменко доложил, что разрабатывать карту тяжело, так как она окончательно устарела.

— Ну что же, значит, тем более пора на месте разбираться, — прервал его Роман Исидорович, — пойду убеждать Стесселя.

Трудно сказать, сколько бы сил пришлось для этого приложить, если бы не Фок. Начальник 4-й дивизии, казалось, только искал повода для ссоры с Кондратенко — сразу принял его предложение в штыки. Но Роман Исидорович не думал уступать. Началась перепалка, конец которой положил Стессель, приказав составу двигаться. Поезд прошел еще пару верст и встал. Дальше надо было ехать верхом. Разгрузка лошадей из

теплушек затягивалась. Кондратенко решил не дожидаться, а ехать к себе. Стессель не возражал. Он давно хотел остаться с Фоком наедине — карман его мундира жгло письмо Куропаткина, требующее разговора с другом.

Через минуту Кондратенко в сопровождении Науменко, адъютанта и двух казаков скрылся в густой пыли.

До позиций 26-го полка добрались к вечеру. По дороге Роман Исидорович несколько раз сворачивал к линии русских окопов, пытаясь разобраться в обстановке, но видимость была плохая, и только с горы Большая сопка открылась прекрасная перспектива всей русской позиции. Просматривались хорошо и японцы. На их переднем крае царила тишина, а вот лагерь, расположенный недалеко от Дальнего, кипел потревоженным муравейником.

Науменко с адъютантом поручиком Ерофеевым немного поотстали и не заметили, как генерал спустился вниз к линии окопов. Окопы прерывистыми змейками тянулись по возвышенностям. Появление всадника вызвало оживление не только среди стрелков, но и у японцев. Так что когда Науменко с Ерофеевым догнали генерала, вокруг него посвистывали пули.

У наблюдательного пункта на закрытых позициях батареи Кондратенко задержался.

— Как японцы? Поручик! — крикнул он подбежавшему с докладом артиллеристу, спешившись, первым пошел к наблюдательной площадке.

Поручик, придерживая рукой шашку, другой — прыгающую на голове фуражку, едва поспевал за ним и, захлебываясь, бубнил что-то.

Когда Науменко взобрался на площадку, генерал уже отошел от бойницы и, пристроившись с блокнотом, что-то быстро писал. Подполковник всегда восхищался этой энергией, юношеским задором, которые излучала фигура Романа Исидоровича при приближении стоящего дела, и всякий раз чувствовал, как заражается энергией сам. Но сегодня генерал просто светился.

— Евгений Николаевич, есть идея, — поднялся ему навстречу Кондратенко, — больше нигде не останавливаемся, двигаем прямо к Семенову, а если и там такая же обстановка, начинаем наступать. Вы только послушайте этого поручика, сверьте наши карты с действительностью. Тут совершенно ясно, что надо отбивать Куинсан.

Науменко долго рассматривал в бинокль японские позиции и осторожно заметил:

— Ваше превосходительство, я думаю, шанс есть...

— Именно шанс, и только шанс. Видите, начинают подтягивать силы.

Надо опередить японцев. Возьмем Куинсан, тогда — вперед, на Дальний. Если нам не помогла маньчжурская армия, то мы поможем ей.

На позициях 26-го полка чувствовалась кондратенковская выучка. Оставленные несколько дней назад, а теперь вновь отбитые окопы спешно укреплялись. Готовые закрытые позиции для артиллеристов приводились в порядок. После недавнего успешного боя настроение солдат и офицеров было прекрасное.

Оценив обстановку, Кондратенко сразу же стал собираться к Стесселю.

— Вы, полковник, — повернулся он к Семенову, — к ночи будьте готовы. Попробую добиться, чтобы вас поддержал хотя бы еще полк. Да, не забудьте моей записки к морякам, только отправьте ее тихо. Упаси бог, если она попадет к Стесселю или Фоку! Конец всему делу...

Кроме отработки плана операции, которая была возложена на Науменко, Кондратенко написал письмо командующему эскадрой с просьбой выделить отряд кораблей для содействия наступлению на Дальний.

«Желательно в этой операции не меньше трех-пяти судов подвижной береговой обороны, канонерок и крейсеров, при одновременном ударе всеми бронированными отрядами на Дальний с моря...» — писал он Витгефту.

У Стесселя Кондратенко просил артиллерию для поддержки атаки и 25-й или 27-й полки своей дивизии. Он понимал, что опаздывает. Японцы успели укрепиться на Куинсане, а наша скорострельная артиллерия, имея только шрапнель, не могла принести значительного урона укрытой живой силе. И все-таки в ночь на 22 июня он лично повел в бой 26-й полк. Впервые участвуя в бою, Роман Исидорович проявил столько хладнокровия и мужества, что заставил говорить о себе и офицеров и солдат. Поднимая людей в атаку, он быстро крестился и, бросив короткое «Ну, братцы, с богом!», первым лез на бруствер. Не было в полку человека, который бы в этих скоротечных атаках не желал оказаться рядом с ним. Стрелки быстро, обгоняя маленького хромящего генерала, создавали вокруг него живую стену, чтобы защитить любимого командира.

К двум часам дня все укрепления и склоны горы Куинсан были заняты, но бой не складывался. Японцы держались стойко, прижимая пехоту сплошным пулеметным огнем к земле. Правда, подошли русские корабли. Витгефт выслал отряд в составе крейсеров «Новик», «Паллада», «Диана», «Баян», трех канонерок и шести миноносцев, но, едва они пристрелялись, на горизонте показалась вся японская эскадра. Русские корабли, вступив с ней в артиллерийскую дуэль, начали отходить в Артур. От Стесселя

помощи не было. Поредевшие роты 26-го полка залегли за камнями и складками местности, ожидая результатов действия наших батарей. Но каковы бы они могли быть? По приказу Фока ни одно тяжелое орудие не было пропущено на огневые позиции. Это было ничем не прикрытое предательство. Начало темнеть, и Кондратенко окончательно понял, что операция не удалась. Подавленный и расстроенный, сидел он на командном пункте полка и, выслушав очередной доклад Семенова о потерях, приказал отступать на исходные позиции. С темнотой бой совсем стих, и 26-й полк отошел к Зеленым горам.

Романа Исидоровича душила обида за бессмысленные жертвы, за неудачу выигрышного дела, за тупость и ограниченность Стесселя и Смирнова. О Фоке не хотелось и вспоминать. Зато живо встали в памяти горе-полководцы, сопровождавшие его по службе всю жизнь. В мирное время они только мешали, сейчас губят людей, позорят армию и Родину.

В ночь Кондратенко уехал в ПортАртур, где на следующий день был едва ли не высмеян в штабе Стесселя за попытку взятия Дальнего. Роман Исидорович не стал объяснять, что только отсутствие тяжелой артиллерии, преступно задержанной на позициях 4-й дивизии, и резервов не позволили ему довести дело до конца. Он с новой энергией взялся за работу. Стессель к этому времени окончательно обрел уверенность. После короткого совещания с Фоком, он отправил Куропаткину письмо, в котором писал, что все донесения на него — наговоры, что он по-прежнему готов оборонять ПортАртур, что оборона только им и держится, что все его любят и верят только ему, что, наконец, просто некому сдать должность: Смирнов — глуп, Кондратенко — молод, Фок — сварлив. Посылая это письмо, Стессель несколько опасался, но, как ни странно, Куропаткин отнесся к нему, как он сам впоследствии заявил, «с доверием» и более не беспокоил начальника Квантунского укрепрайона.

Благосклонность командующего явилась для Стесселя подтверждением своих исключительных качеств. Он даже не удивился неудачам на передовых позициях. Действительно, руководил-то боем не он, а строптивый и абсолютно неопытный Кондратенко, которого можно слегка укротить.

Высмеять Кондратенко не удалось, ибо после дела под Куинсаном популярность его среди офицеров и солдат возросла настолько, что сразу сделала его выше всех сплетен.

Для Стесселя, Фока и их компании Кондратенко оставался сумасбродным выскочкой, а для солдат давно стал «нашим генералом».

Захватив Куинсан, генерал Ноги снова оживился, но все еще не считал

себя достаточно подготовленным к решительному наступлению. Почти месяц ему понадобилось на подготовку. Только с подходом из Японии частей 9-й дивизии и двух бригад, а также осадного парка артиллерии решил двинуть свои войска против русских позиций на перевалах. Для этой операции Ноги выделил более 60 тысяч солдат при 208 орудиях и 72 пулеметах.

Роман Исидорович после боев под Куинсаном большую часть времени посвятил работам по укреплению фортов. Тревожное молчание японцев и беспокойство за судьбу позиций на перевалах вновь вынудили его вступить в спор с Стесселем и Фоком. Снова началась словесная и письменная перепалка. Стессель, а особенно Фок не рассчитывали долго задерживаться на перевалах. Кондратенко же прикладывал отчаянные усилия для укрепления Зеленых гор. Достраивались блиндажи, стрелковые окопы снабжались защитными козырьками и бойницами, спешно подтягивалась скорострельная артиллерия. Но главное внимание Роман Исидорович уделял подготовке резервов, рассчитывая на активную оборону.

Кондратенко пытался доказать очевидное. Действительно, при данном соотношении сил и средств удержать позиции можно было только смелыми и решительными контратаками, не дающими противнику возможности сосредоточиться в одном главном направлении, для нанесения решительного удара. Стессель же не хотел слышать о контратаках, а Фок давно видел во всех действиях Кондратенко корыстные интересы и, не стесняясь, сводил с ним личные счеты.

Роман Исидорович недосыпал, почернел от усталости, но не сдавался. В конце концов Фок, видя, что без помощи Стесселя ему не обойтись, обратился к начальнику укрепрайона с решительным письмом, в котором потребовал поставить Кондратенко на место или разделить оборону на два участка: «Прошу разделить передовую позицию на два участка, чтобы я и генерал Кондратенко были хозяевами в своих участках...».

Это было требование об устранении Кондратенко с фронта.

Стессель не мог найти решения. С одной стороны, он не прочь был помочь старому другу, с другой — начинал понимать, что без Кондратенко ему не обойтись. Сомнения разрешили японцы, вновь начав боевые действия.

В ночь на 12 июля в штабе начальника правого фланга линии обороны полковника Семенова удалось подслушать по телефону разговор двух японских офицеров, из которого становилось ясно, что на следующий день готовится наступление. Немедленно был отправлен посыльный к Кондратенко. Получив сообщение, Роман Исидорович приказал Науменко

срочно разворачиваться по плану мобильной обороны, а сам решил ехать к Семенову.

— Евгений Николаевич, действуйте по плану, я тайком проскочу к Семенову. Думаю, успею обернуться, пока меня не хватились. Конечно, надо бы остаться там, но, пока японец не полез, Стессель не отпустит. О резервах говорите только со Смирновым. Я с ним все обсудил...

Через несколько минут в сопровождении Ерофеева и неизменных двух казаков он ускакал на перевалы.

В штабе Семенова было тревожно. Вокруг старенькой фанзы, где он размещался, толпились офицеры, вестовые. Генерал подошел к карте, и Семенов быстро доложил положение дел.

— А что, Владимир Иванович, только ли дело в телефонном разговоре? — спросил Кондратенко, не поворачиваясь от карты.

— Никак нет, ваше превосходительство, за последние двое суток наблюдалось большое движение войск, обозов, да и охотники постоянно в поиске, докладывают тоже. У меня все отмечено, можете с наблюдательного пункта посмотреть...

— Не стоит. Верю вам, голубчик, да и предчувствую: должен японец пойти. Больно роковое число 13 для Артура: тут и Цзинчжоу, и Куинсан, а ко всему и праздник у них завтра, день хризантемы. Начнут, как пить дать начнут. Словом, так. Завтра буду у вас, а сейчас хочу поговорить с солдатами.

До первого резервного батальона было недалеко. Семенов, очевидно, успел послать кого-то с предупреждением, но молва о прибытии «нашего генерала» разнеслась быстрее всех предупреждений. Ровный, как ниточка, строй белых рубах встретил генерала дружным «ура!»...

Спешившись, Кондратенко быстро пошел вдоль строя. Он видел загорелые, бородатые и безбородые, молодые и старые, но неизменно веселые лица. Спрашивал о кормежке, обуви, медицинском обеспечении, вшах... кивал знакомым офицерам, солдатам, а сам думал: «Нужна речь. Речь как приказ, как призыв...»

Много раз приходилось ему выступать перед солдатами, учить их, разъяснять, наказывать, наконец. Но сейчас...

Кондратенко не помнил, как очутился на зарядном ящике, как сбивчиво говорил, почти кричал:

— ...За нами осталась лишь небольшая пядь русской земли с городом ПортАртур. Это наш, русский город, ибо на его устройство мы затратили миллионы народных денег, еще больше положили труда...

Стена белых рубах слушала не шевелясь, затаив дыхание.

— ...Надо упорно оборонять свои позиции. Вся Россия следит за нами... Положим все наши силы, не щадя живота своего, чтобы оправдать доверие государя и умножить славу русского оружия...

Речь закончилась дружным «ура!». Солдаты подхватили любимого генерала на руки и, как он ни отбивался, донесли до лошади. В других батальонах встречи были такими же. Везде Роман Исидорович выступал, и везде за ним катилось радостное, уверенное «ура!»... Глубоко тронутый таким приемом, Кондратенко только с темнотой мог отправиться в обратный путь.

13 июля японцы начали атаку передовой позиции русских. После продолжительной артиллерийской подготовки Ноги пустил пехоту на Зеленые горы и Юпилазу. Ожесточенные бои развернулись на склонах последней. Под сильным ружейно-пулеметным огнем и шрапнелью, не обращая внимания на проволочные заграждения и волчьи ямы, японцы, неся огромные потери, только на вторые сутки подошли под скалистые скаты горы. Прижавшись спинами к стене, они пытались залповым огнем достать русских. Но и с русской стороны напряжение достигло высшего накала. Стрелки сваливали на японцев глыбы камней, делали из веревок петли, которыми вытаскивали врагов наверх.

Пока шли бои под Юпилазой, 11-я японская дивизия также безуспешно штурмовала позиции правого фланга у Лунвантаня. Отряд Семенова встретил артиллерийскую подготовку японцев организованно. Стрелков вывели из траншей в блиндажи. После обстрела они, не потерпев урона, сами встретили врага губительным огнем.

Кондратенко добрался до Семенова только в 9 часов утра. Шел сильный дождь. Наскоро выяснив обстановку и отдав общие указания, он немедленно отправился вперед, на Зеленые горы. Бой был уже в самом разгаре. Сквозь пелену дождя, как призраки, надвигались со стороны передовой носилки, ковыляли, опираясь на винтовки, раненые. В этом не было бы ничего необычного. Но вот он увидел спускающуюся с первой сопки беспорядочную толпу солдат. «Отступают...» — остро кольнуло в сердце генерала. Пустив коня в галоп, Кондратенко понесся навстречу.

— Что происходит? Почему отступаем? Где офицеры? — кричал он задыхаясь. Однако навстречу мелькали только испуганные лица, затравленные взгляды. Но вот один солдат остановился, разглядев сквозь дождь генерала... Пулеметы... Наконец, с носилок, пытаясь подняться, какой-то офицер невнятно прохрипел:

— Ваше превосходительство... Большой перевал оставлен... Высокая отрезана, обороняется только ротами пограничной стражи полковника

Бутусова.

Генералу все стало ясно. Сдернув фуражку и подняв коня на дыбы, Кондратенко соскочил с него.

— Стой! Кругом! Марш! Вперед! Ну живо! Наверх и ложись за камни! — уже зло закричал он, указывая в сторону передовых позиций.

Солдаты, почувствовав уверенность генеральского тона, поворачивали и быстро рассыпались в цепь. Скоро цепь двинулась вперед. Не обращая внимания на свист пуль, генерал кричал: «Братцы! Лучше умереть, чем опозорить себя и отступить! На вас смотрят царь-батюшка и Россия! Ну, молодцы, с богом! Вперед!

Дальше все сложилось благополучно. Стрелки пошли в атаку, обогнали его. Подошли, кстати, резервные роты и, наращивая удар, ворвались на только что покинутые позиции. Сам он через несколько минут сел на коня. В простреленной фуражке, грязный и исцарапанный, возвращался он в штаб. Отступление было остановлено.

Весь день 13 июля бои продолжались с переменным успехом. Для японцев первый день праздника оказался неудачным. С рассветом они возобновили атаки, в самый разгар которых Стессель потребовал Кондратенко к себе. Приказ надо было выполнять, а покидать позиции в такой момент было просто невозможно. Начал вырисовываться успех, чему способствовала блестяще проведенная поддержка моряков: с утра в Лунвантанскую бухту вошли крейсера «Баян», «Аскольд», «Паллада», 11 миноносцев, которые не только расстреливали артиллерийские позиции неприятеля, но и били по наступающей пехоте. Поэтому Кондратенко не торопился в штаб, пока не стало ясно, что дальнейшие атаки успеха им не принесут.

Вечером в деревне Лиэр, где располагался штаб Фока, собрался военный совет. Прибыли начальник укрепрайона генерал-лейтенант Стессель, комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, начальники дивизий Фок и Кондратенко. Обсуждался вопрос: продолжать ли бои на этих позициях или отойти на Волчьи горы? Фок был за отступление, Стессель своего мнения не высказал. Кондратенко настаивал на продолжении обороны и, к своему удивлению, встретил поддержку со стороны коменданта крепости. Правда, Роман Исидорович подозревал, что поддерживал его Смирнов больше в пику Стесселю, чем ради дела. Далее пошли обычные разговоры о плохой помощи моряков. Поддерживать такую беседу Кондратенко не хотел. Только час назад он отправил Витгефту телеграмму, в которой выражал свои чувства флоту за оказанную поддержку: «Сердечно благодарю за содействие флота, благодаря которому

удалось успешно отразить сильнейшие пехотные и артиллерийские атаки неприятеля на нашем правом фланге...»

Отказавшись от ужина, он откланялся. Впервые за последние три дня Роман Исидорович уснул спокойно. Рано утром он вновь отправился к Семенову и все-таки опоздал. Японцы уже атаковали позиции, врезавшись в них клином. Поставив в месте прорыва пулеметы, они простреливали русские позиции на всю глубину. На сей раз поднимать войска в атаку генерал не стал. Это уже проделал дважды Семенов. Контуженый, оглохший от грохота, он доложил прибывшему начальнику дивизии обстановку. Положение складывалось скверное. И все-таки еще можно было держаться. Но тут произошло то, чего Роман Исидорович боялся больше всего. С левого фланга прискакал посыльный с приказом Стесселя об отступлении.

— Что Фок? — спросил Роман Исидорович более для очистки совести, так как знал наперед ответ на свой вопрос.

— Отряд отходит на Волчьих горы. Генерал Фок боится прорыва японцев.

Действительно, японцам удалось на левом фланге занять господствующую высоту 93, а в центре 113. Решающего значения для хода боя это не имело, но привело в паническое состояние начальника укрепрайона. Фок, не дожидаясь приказа, начал отводить войска, уверенный в поддержке Стесселя.

В этих условиях Кондратенко ничего не оставалось делать, как отойти на левый берег Лувантанской долины. Отступать приходилось днем, под сильнейшим огнем неприятеля. Один из очевидцев событий, Я. У. Шишко, запишет в своем дневнике:

«15 июля с рассветом я выехал в Литанговское ущелье и издали видел, что творилось по всему пространству Лувантанской долины.

Под сильным ружейным и пулеметным огнем японцев все, что было в котловине Зеленых гор, бросилось назад и старалось возможно скорее перебежать Лувантанскую долину.

Повозки, походные кухни, двуколки, денщики с офицерскими вещами, роты врассыпную, одиночные всадники и пр..., все спешило, перепутывалось, застревало в болоте и ручье, падало, сраженное пулей... Все были охвачены ужасом. Один Кондратенко в этой панике был спокоен и старался привести в возможный порядок все. Он, не обращая внимания на свистевшие пули, шагом проехал через долину, остановившись у дороги на Литангово, отдал свои приказания для приведения всего в порядок и для занятия позиции для прикрытия отступления наших войск».

Русские потеряли за три дня боев 47 офицеров и 2066 нижних чинов. Потери же японцев составляли от 8 тысяч до 12 тысяч человек. Более того, если бы русские части продержались еще два дня, Ноги был бы вынужден прекратить наступление. Резервов у него не было, надо было проводить перегруппировку. Участник этих боев командир японского резервного батальона Тадеучи Сакурай запишет впоследствии:

«...неприятельская артиллерия в боях перед крепостью не давала двигаться вперед, огонь ее был меткий, и снаряды сыпались, как дождь, убитых и раненых было так много, что не хватало носилок...

...за несколько часов боев многие японские части перестали существовать...

...Японцы никак не предполагали, что русские так скоро оставят перевалы и уйдут в крепость».

Правда, в руках оборонявшихся оставались еще позиции на Волчьих горах. Волчьи горы представляли собою ряд небольших высот, дугой огибающих ПортАртур. Начинаясь на правом фланге горными группами Дагушань и Сяогушань, они тянулись до бухты Десяти кораблей. Здесь заранее была выбрана 12-верстная позиция. Но за недостатком времени, а более из-за того, что отвечал за нее Фок, дооборудование позиции так и не было закончено. Центром узла обороны служила Поворотная гора. Вправо от горы шел восточный участок. Здесь распоряжался командир 14-го пехотного полка полковник Савицкий. Под его началом было 7 батальонов пехоты, 1 конно-охотничья команда и 32 скорострельные пушки. Левый фланг защищал отряд генерала Надеина в составе 4 батальонов пехоты, 3 охотничьих команд и 8 орудий. По сравнению с армией Ноги силы были, конечно, ничтожны. Но, учитывая опыт предыдущих боев, можно было предполагать, что и здесь японцы застрянут надолго.

Однако генерал Фок остался верен себе. Объезжая позиции перед боем, он намекал начальникам отрядов, что не ждет от них упорного сопротивления. Поэтому и не было удивительным то благодушие, которое царило на Волчьих горах 16 июля. Не говоря уж о дооборудовании окопов или укреплении огневых позиций батарей, не были расчищены от гаоляна сектора обстрела. Японцы помалкивали, готовясь к решительной атаке, а Фок принял это молчание за очередную длительную передышку.

С раннего утра 17 июля Ноги начал сильнейший обстрел русских позиций. Канонада с небольшими перерывами продолжалась почти весь день. Тем временем пехота накапливалась в густых зарослях гаоляна и приблизилась к русским позициям на 300–400 шагов. В 8 часов вечера с этого короткого расстояния они бросились в атаку, сбили 14-й полк с

Поворотной горы и, прорвавшись в центр, решили дело в свою пользу. Савицкий не отдавал приказа отступления — войска бежали сами.

Генерал Ноги, рассчитывая на плечах отступавших ворваться в город, бросил в преследование все свои резервы, но просчитался. Начальник левого участка генерал Надеин, собрав из разрозненных отступающих подразделений мобильную группу и подкрепив ее 16 скорострельными орудиями, задержал рвущихся в Артур японцев, что и позволило основным силам оторваться от противника и уйти под защиту крепостных батарей. Впервые форты крепости открыли огонь на сухопутном фронте.

Кондратенко отходил в Артур со своим 25-м полком. За ним организованно двигался 26-й полк. Измученный последними неудачными боями, бессонницей Роман Исидорович с трудом пытался подавить раздражение, готовясь к встрече со Стесселем. Сзади, на Волчьих горах, раздавалась глухая канонада, и каждый разрыв острой иглой вонзался в сердце. Стессель встретил 7-ю дивизию на линии фортов, батареи которых периодически изрыгали в сторону врага всплески огня.

Завидев впереди генеральскую свиту, передовая рота подтянулась и бодро грянула песню. За ней приободрились и остальные. Роман Исидорович улыбнулся. Песня сразу прогнала тоску. Молодцевато подтянувшись, он поскакал вперед. Скоро перекатами, от роты к роте, понеслось дружное «ура!».

Стессель не стал выслушивать доклада, а на просьбу Кондратенко повернуть свои полки на помощь 4-й дивизии только махнул рукой.

— Все теперь в вашей власти, ваше превосходительство, но, думаю, это не имеет смысла. Дивизия уже оставила позиции...

Начальник укрепрайона не шутил: днем приказом по гарнизону генерал Кондратенко был назначен начальником сухопутной обороны крепости.

Стессель оказался прав. Роман Исидорович не успел помочь 4-й дивизии, полки которой уже отходили к экспланаде крепости.

Боем 17 июля закончилась полевая война на Квантунском полуострове.

Глава 5

ПЕРЕД ВРАЖЕСКИМ ШТУРМОМ

С занятием японцами передовых позиций всем в крепости стала очевидна неминуемая близость предстоящего штурма.

К этому дню Порт-Артур представлял собою уже достаточно подготовленную к обороне крепость. На вооружении было 646 орудий и 62 пулемета, из них 350 орудий — крепостных, 186 — морских, 67 — полевых скорострельных и 43 — старых китайских. 514 орудий и 47 пулеметов были установлены на сухопутном фронте, 123 орудия и 5 пулеметов на приморском, 9 орудий и 10 пулеметов находились в резерве. Из общего числа орудий только 112 были калибром от 6 дюймов и выше. Снарядов имелось около 300 тысяч, то есть примерно по 400 на орудие, но распределялись они по калибрам крайне неравномерно. Особенно плохо были обеспечены боеприпасами малые калибры, а они составляли большинство артурской артиллерии. Тревожило также сравнительно небольшое количество гаубиц и мортир, необходимых для столь сильно пересеченной местности. Но если учесть, что к началу войны крепость имела готовыми к действию только 116 орудий, из которых только 8 находилось на сухопутном фронте, нынешнее состояние артиллерии можно было считать удовлетворительным.

Гарнизон крепости к началу осады насчитывал более 50 тысяч нижних чинов и около 1000 офицеров. Сюда входили 9 стрелковых полков (4-й и 7-й дивизий), 3 запасных батальона и несколько отдельных рот, то есть около 30 тысяч нижних чинов и 400 офицеров. В крепостной артиллерии, отдельных бригадах, дивизионах, инженерных войсках служило еще 7500 солдат и 150 офицеров. В различных штабах и учреждениях числилось еще 4000 нижних чинов и 100 офицеров. Личный состав эскадры и Квантунского экипажа превышал 10 тысяч человек.

Конечно, такой гарнизон был недостаточен для обороны более чем 30-верстного сухопутного фронта, приморских позиций и морских коммуникаций, да и он был слабо подготовлен к длительной осаде.

На сухопутном фронте имелось мало укреплений долговременного типа. Располагались они в одну линию, что не гарантировало от прямого поражения артиллерией противника жизненно важных пунктов крепости. Большинство фортов и укреплений оставались недостаточно замаскированными, в тактическом отношении располагались неправильно.

В крепости не было дорог для своевременного маневра войсками и артиллерией, да и сам подвижный артиллерийский резерв, по сути дела, отсутствовал.

Особенно плохо дело обстояло с управлением. Телефонная связь, проложенная в основном по поверхности, была легко уязвима, привязных аэростатов наблюдения не было. Все управление осуществлялось в основном через связных.

Многое было не доделано. И все-таки к началу осады крепость была сильна. Сильна тем, что за короткий срок на голом месте возникла достаточно укрепленная линия обороны. Сильна прежде всего своими людьми — солдатами и офицерами, моральный дух армии даже после первых неудач был очень высок. Портартурцы — в основной своей массе кадровые солдаты и матросы в возрасте до 30 лет — прошли хорошую военную подготовку, отличались крепким здоровьем, выносливостью, были обстреляны и не боялись врага. Многие из них не только принимали участие в боях, но уже почувствовали сладость победы над врагом, знали, что японца можно бить.

Все это, вместе взятое, стало для вновь назначенного начальника сухопутной обороны крепости генерала Кондратенко определяющим в его дальнейшей деятельности. Только безусловная уверенность в своих силах, четкая организация и искоренение каких бы то ни было пораженческих настроений могли спасти крепость. С этого времени и стала крылатой в среде портартурцев его любимая фраза: «Гарнизон крепости не сдастся, но погибает вместе с ней...», которую Роман Исидорович неустанно повторял всем и везде: офицерам своего штаба, солдатам в окопах, морякам в порту...

Крепость готовилась к отпору. Кондратенко вновь окунулся в организационную лихорадку. Предстояло выдержать серьезный бой при утверждении новой организации сухопутной обороны крепости. В принципе согласный с новой схемой, Роман Исидорович добивался самостоятельности в решении вопросов сухопутной обороны. Вся она делилась на два фронта — приморский и сухопутный. Сухопутный подразделялся на две части. Первая часть обороны включала территорию от Крестовой горы до форта № 5 и заканчивалась редутом Белый волк. Не без труда, преодолевая яростное сопротивление Фока, назначенного командиром общего резерва, добился Роман Исидорович утверждения начальниками первой и второй частей обороны своих подчиненных. Эти должности заняли командиры бригад 7-й дивизии генерал-майоры Горбатовский и Цершцкий.

На фронте установилось относительное спокойствие. Изредка крепостная артиллерия обстреливала вражеские позиции, да охотничьи команды вели постоянную разведку. Затишье позволило Кондратенко вывести войска на позиции согласно повой диспозиции быстро и организованно. На правом участке передовых позиций, у гор Дагушань и Сяогушань, сосредоточилось 12 рот с 8 орудиями. В центре, у Угловых гор, 20 рот, 4 охотничьи команды и 18 орудий. Основные силы были выведены на крепостные верки первой части обороны — 50 рот с 30 орудиями и второй части — 36 рот с 16 орудиями. В резерве у Фока остались 2 полка 4-й дивизии, сотня казаков и 24 орудия.

Распределив войска по оборонительным рубежам, Кондратенко отдал приказ использовать каждый час передышки для совершенствования инженерного оборудования позиций. Сам он вновь сутками не покидал форты и сооружения. Замелькала по крепости, порту, укреплениям знакомая маленькая фигурка в пропыленном мундире. Вновь по вечерам в маленьком домике генерала собирались единомышленники, чтобы за ужином решать неотложные вопросы, намечать план работ на следующий день. Горячился и спорил вспыльчивый подполковник Рашевский. Как обычно, оставался собранным и спокойным подполковник Науменко. От инженерных вопросов переходили к оперативным, от них — к сугубо техническим, обсуждая предложение присутствующего тут же лейтенанта Подгурского о новом использовании морских мин. Но в отличие от витгефтовской коллегиальности здесь чувствовалась твердая направляющая рука опытного руководителя. Последнее слово всегда оставалось за Кондратенко. Он не навязывал своего мнения, но, выслушав множество аргументов, всегда выделял главное, нужное именно сейчас, и мало кто из присутствующих на таких совещаниях мог возразить генералу.

После ухода гостей, оставаясь один, Роман Исидорович продолжал анализировать события ушедшего дня, планировал буквально поминутно следующий, всякий раз с горечью чувствуя нехватку времени.

«Сколько вам, генерал Кондратенко, его ни давай, все будет мало, — думал он. — Но что поделаешь?.. Столько вопросов, и все безотлагательны. Вчера приказал на хребте между Угловой и Высокой поставить дополнительно 6 орудий, сделать на обратных скатах укрытия для артиллеристов. Сегодня поднимали с затонувших японских брандеров митральезы для установки на передовых позициях. Завтра надо усилить Угловые горы двумя-тремя обстрелянными ротами, да и офицеров бы туда попытней. И все надобно согласовывать со Стесселем, уговаривать, просить...»

Имя Стесселя сразу напомнило еще один больной вопрос. Пора, уже давно пора ставить на место зарвавшихся инженеров, обозников. В крепости накануне штурма продолжало процветать взяточничество, казнокрадство. Сам он с горечью замечал, как некоторые из инженеров продолжают видеть даже в лихую для Родины годину одну цель — обогащение. Еще весной он писал жене: «Наши военные инженеры совершенно не помогают войскам в скорейшем создании блиндажей и вообще не идут навстречу интересам войск, а заняты почти исключительно казнокрадством. Поэтому инженеры ведут только те работы, на которые можно напять китайцев, причем число нанятых китайцев в своих отчетах для получения денег увеличивают страшно и таким образом наживаются. Те же работы, на которых участвуют только войска, инженеры тормозят. Такова же и деятельность иптептаства: недостает обуви, обмундирования, снаряжения, часть людей ходит в порванных валенках, принесенных из дома...»

Сейчас, в виду более тесной осады, подобных безобразий почти нет, но и вскрывающиеся изредка факты поражают своим цинизмом, Роман Исидорович уже не раз имел стычки с начальником инженеров крепости полковником Григоренко. Тот был, видимо, настолько запутан своими подчиненными, что либо отделялся пустыми обещаниями, либо покрывал стяжателей. Стессель же, которому по повой организации был непосредственно подчинен начальник инженеров, на все жалобы и рапорта Кондратенко никак не реагировал. Стессель, впрочем, и сам не отличался разборчивостью в средствах. Кроме того, он по-прежнему был увлечен борьбой за власть в высших сферах: «упразднял», по его собственному выражению, коменданта, грозил гражданскому комиссару области подполковнику Вершинину, отчитывал командира порта и даже командующего эскадрой.

Позднее, на суде, он признается, что ему приходилось сражаться не только с японцами, но и с комендантом крепости, командиром порта, начальником эскадры и гражданским комиссаром.

И все-таки неурядицы и безобразия не смогли перечеркнуть общего энтузиазма и героизма защитников крепости. Основная масса военных инженеров работала не покладая рук. Проводниками идей Кондратенко, творчески мыслящими исполнителями зарекомендовали себя подполковники Рашевский, Крестинский, инженер-капитан Зангенидзе. Их умом, руками и сердцем, а также тысячами солдатских рук создавались артурские укрепления. Город уже давно превратился в крепость. Теперь, проезжая утром по его пустынным улицам, Роман Исидорович вое

явственней ощущал, как замирает гражданская жизнь в городе. Закрылись большинство магазинов, русско-китайский банк, школы, стали ненужными почта и другие учреждения. Да и самих жителей в городе из 50 тысяч осталось не больше 14. Из них только 2 тысячи русских. Но если замерла частная жизнь, то помощь фронту возрастала. Были расширены и дооборудованы мастерские в порту для ремонта вооружения и выделки боеприпасов. Во многих домах организовались госпитали.

В черте города на каждом шагу встречались парные гражданские патрули. Еще после Цзинчжоу из мужского населения Порт-Артура, способного носить оружие, сформировали три дружины по пятьсот человек каждая. Вооруженные винтовками и прошедшие краткий курс обучения, дружинники несли вспомогательную службу. Особой сплоченностью отличалась первая дружина, состоящая из портовых рабочих. Они, помимо работы в порту и на кораблях, несли патрульную службу в порту. Два батальона дружинников работали на строительстве оборонительных сооружений. Помнил Роман Исидорович и то, как долго пришлось убеждать Стесселя подписать приказ о формировании летучей почты из 60 гражданских лиц и 10 солдат. Позднее они будут просто незаменимы.

Наступали тяжелые времена осады. Форты и укрепления держали экзамен на прочность. Не все было сделано, как надо, подготовлено к обороне, но при сложившихся условиях вряд ли кто, кроме Кондратенко, мог сделать больше. Сам Роман Исидорович не задумывался о своей роли в той огромной работе, которую проделали за несколько месяцев солдаты, матросы, офицеры, гражданское население крепости, но все защитники Порт-Артура считали именно его вдохновителем всего положительного, что успели сделать.

Много позднее это общее мнение выразит один из артурцев, Я. У. Шишко, который в своих воспоминаниях запишет:

«... то, что не было сделано за семь лет, Кондратенко, насколько это было возможно, создал в несколько месяцев. Его мыслями, его трудами, его настойчивостью явились целые укрепления там, где не предполагалось ничего строить, как, например, на горах Угловой, Высокой, Длинной и прочих, на которые впоследствии противник вел настойчивее всего свои штурмы... под которыми он положил десятки тысяч жертв, чтобы взять их».

В те июньские дни Кондратенко понял, что ему как начальнику сухопутной обороны недостаточно готовить только укрепления. Главная сила крепости заключалась в людях — солдатах, матросах, офицерах. Объезжая каждодневно позиции, беседуя с солдатами, он видел, что люди

морально готовы к трудной борьбе, верят в себя, и эту веру ему необходимо в них поддержать.

22 августа 1904 года он отдает приказ по войскам сухопутной обороны:

«17 июля части войск 4-й и 7-й дивизий выдержали славный, но неравный бой с противником на передовых позициях. Нас было только 17 тысяч, а противник втрое сильнее — у него было 50 тысяч, мы имели только полевую артиллерию, противник же имел, кроме полевой, еще осадную.

Теперь с отходом к крепости положение наше изменилось неизмеримо к лучшему — силы наши более чем удвоились; противник же, ослабленный предыдущими боями, едва ли мог значительно усилиться. Вместо скороспелых окопов, как то было на передовых позициях, мы имеем здесь преимущество долговременных сооружений, обеспеченное со всех сторон от атаки; вместо тонких шрапнельных укрытий имеем во многих местах безопасные казематы и надежные блиндажи; кроме полевой артиллерии, имеем сильную крепостную артиллерию, увеличенную многочисленными орудиями флота. Поэтому если с передовых позиций мы еще могли податься к крепости, то теперь мы имеем полную возможность отразить и уничтожить врага. Никакой штурм нам не может быть страшным, если мы решимся до конца выполнить данную нами присягу. Во время ночного штурма ни при каком случае не надо теряться: если случится где-либо частный прорыв противника между укреплениями, то таковой ровно ничего не значит, так как соседние форты обеспечены от атаки со всех сторон; против же прорыва у нас имеются всегда сильные резервы, которые успеют вовремя опрокинуть врага и закрыть прорыв. Необходимо во что бы то ни стало держаться на своих местах до дневного света. С рассветом же наш страшный ружейный и пушечный огонь отгонит не только 50-тысячную, но хотя и 100-тысячную вражью силу, после чего войска крепости перейдут в наступление и добьют дерзкого врага».

Отдавая этот приказ, Роман Исидорович чувствовал, что японцы со дня на день начнут активные действия: время работало сейчас на — них. Только нерешительность барона Ноги все еще задерживала наступление.

Осадная армия генерал-лейтенанта Ноги, состоящая из трех дивизий, двух резервных пехотных бригад, одной артиллерийской, двух отрядов морской артиллерии и саперного батальона, обложила крепость с суши. Всего Ноги имел, не считая специальных войск, пятьдесят тысяч штыков и более 400 орудий, 200 из которых были осадными. Располагались войска в 6–8 верстах от русской оборонительной линии: справа — 1-я дивизия, в

центре — 9-я и на левом фланге — 11-я. Учитывая опыт предыдущих боев, Ноги при наличии полностью укомплектованной, хорошо вооруженной армии все-таки не решался начать наступление и поджидал подкреплений, особенно в артиллерии. Неизвестно, сколь бы продолжалось это выжидание, если бы не полученный им категорический приказ командующего Маньчжурской армией. В нем маршал Ояма предлагал немедленно, не дожидаясь подкреплений, начинать штурм крепости, ибо длительная осада исключала возможность использования армии Ноги в предстоящем Ляоянском сражении.

25 июля японцы, сосредоточив на северо-восточном фронте крепости осадную артиллерию, впервые стали обстреливать укрепления и город. Был воскресный день. На Базарной площади еще с утра собралось немногочисленное население осажденной крепости, подходили строем войска, моряки Квантунского экипажа. С прибытием Стесселя, Смирнова, Кондратенко, других генералов начался торжественный молебен об избавлении крепости «от труса, потопа, огня, меча и иноплеменной брани...». Гром выстрелов, визг и разрывы снарядов по случайности совпали с пением молитв и звуками «Коль славен». Впечатление было настолько сильным, что, несмотря на черные султаны разрывов, присутствующие как бы замерли в восторженном благоговении. Только крики и стоны раненых вывели людей из оцепенения. Они бросились в разные стороны. Смешались картузы мастеровых, бескозырки и фуражки военных, женские платки и шляпки. Через несколько минут площадь опустела, но японцы продолжали методический обстрел. Снаряды рвались, не давая поднять с земли раненых. Скоро огонь в городе несколько стих. Хотя на внутреннем рейде и особенно по периметру рубежей обороны возникали всполохи разрывов, спокойствие постепенно возвращалось в осажденную крепость. Засуетились санитары, быстро строились во взводные колонны солдаты и прямо в праздничном обмундировании уходили на крепостные верки.

В парадной форме прибыл в штаб и генерал Кондратенко.

— Как дела на укреплениях? — был первый его вопрос к Науменко.

— Везде огонь, но, как мы и предполагали, особенно бьют по передовым только не в центре, а на Дагушане.

Одновременно с бомбардировкой города японцы открыли сильный огонь по Дагушаню и Сяогушаню. Эти горные массивы с крутыми, обрывистыми скатами, казалось, самой природой превращены в неприступные редуты. Кондратенко знал, что с гор хорошо просматривается тыл японской армии. Что именно поэтому там

установлены наблюдательные посты для корректировки стрельбы корабельной и крепостной артиллерии. Но знал он и то, что укрепления на горах успели возвести только полевого типа. А против артиллерийского огня траншеи с проволочными заграждениями защита слабая. Главное же, так и не успели закрыть 6 орудий на Дагушане и 2 на Сяогушане. Эти орудия теперь на открытых позициях подвергались безжалостному расстрелу.

Оставалась слабая надежда на пехоту. Точнее — на те резервы, которые можно будет в критический момент подвезти на передовые позиции, ибо рассчитывать на длительное сопротивление 8 дагушанских и 6 сяогушанских рот не приходилось. Слишком велико было преимущество японцев: уже из первых разведданных было ясно, что против трех русских батальонов Ноги бросил всю 11-ю дивизию.

«Сразу ехать за резервами, пожалуй, не стоит, — думал Роман Исидорович, взглядываясь в знакомую до последней черточки карту сухопутного фронта. — Рано, не про-ленилась обстановка. Да и откажет Стессель. Сейчас вся надежда на сибиряков...»

И сибиряки не подвели. Когда в седьмом часу вечера первые цепи японцев поднялись в атаку, ожили, казалось, окончательно разрушенные блиндажи и траншеи Дагушаня, загрохотал Сяогушань. Поредевшие гарнизоны мужественно встретили врага, обрушив на него град пуль, а то и просто камней. Японцы с большими потерями заняли только передовую траншею, но, поражаемые в упор, не выдержали и побежали. Наступившая ночь прекратила бой.

С получением первых известий о прекращении огня Кондратенко поспешил за резервами. Однако в штабе крепости никто не хотел об этом и слышать. Стессель, напуганный дневной бомбардировкой, сославшись на недомогание, уехал домой. А взявший бразды правления Смирнов обрушился на Романа Исидоровича с упреками в нерешительности. С трудом удалось уговорить его обратиться к морякам за огневой поддержкой на случай будущих атак.

26 июля бомбардировка города, порта, передовых позиций возобновилась. Положение на горах становилось угрожающим. К счастью, к 11 часам в бухту Тахэ вошел крейсер «Новик» в сопровождении канонеров «Бобр» и «Гремящий», а также семи миноносцев. Сначала они своим огнем разметали японцев со скатов Дагушаня и Сяогушаня. Затем перенесли его на батареи противника. Атака захлебнулась и не возобновлялась до тех пор, пока появившиеся японские броненосец и четыре крейсера не вынудили русские корабли отступить. В который раз

пошла в атаку японская пехота. И в который раз откатилась назад. Сибирякам даже стало казаться, что в атаку встают мертвые, настолько быстро вместо разбитых японских рот подходили новые.

В середине дня японцы наконец поднялись на вершину горы и ворвались на артиллерийские позиции. Здесь они в полной мере познали, что такое русская штыковая атака. Бросившиеся на выручку артиллеристам стрелки буквально смахнули с вершины японцев. В рукопашную поднялись и оставшиеся в тылу у японцев солдаты охотничьей команды. Но и потери русских были велики. К вечеру на Дагушане оставалось чуть больше роты стрелков да кучка артиллеристов. Люди были настолько утомлены непрерывными боями, что засыпали среди необрунных тел врагов и своих погибших товарищей.

В эти нелегкие часы Кондратенко дважды просил у коменданта крепости подкреплений. И дважды получал отказ. Ночью японцы еще два раза пытались атаковать позиции на Дагушане, но дневные неудачи настолько сломили их, что попытки эти были очень робкими. В два часа ночи, так и не получив подкреплений, русские войска ушли с Дагушаня.

На Сяогушане положение было не лучшим. Однако здесь японцам так и не удалось подняться выше первых окопов.

Наступил третий день боев. Все свои силы японцы сосредоточили на Сяогушане. Положение оборонявшихся скоро осложнилось тем, что японцы с дагушанских позиций стали обстреливать их из полевой артиллерии. Но все-таки русские войска продержались до ночи.

За время этих боев Кондратенко постарел на несколько лет. Второй раз в своей жизни он видел, как теряется инициатива, как гибнут люди только из-за того, что он не убедил старшего начальника подтянуть вовремя резервы. «Или добьюсь у Стесселя полного контроля над резервами, или откажусь от командования сухопутным фронтом, — думал он, получив очередное донесение с передовой. — Но тогда назначат Фока или Смирнова. Первый через месяц сдаст крепость. Второй, несмотря на свои две академии, недалеко ушел от Стесселя... Ладно, потерплю. Дальше видно будет, а пока надо спасать людей».

Через час к Смирнову пришла депеша, в которой Кондратенко писал:

«Дагушань сильно обстреляна нашей артиллерией, но обратно занять ее вряд ли возможно, ввиду большого скопления японцев в деревнях около Дагушаня. Сяогушань занята тремя ротами. Одно орудие лопнуло, у другого нет снарядов; подвоз снарядов невозможен, так как дорога обстреливается со стороны побережья, куда уже подобралась японцы и таким образом массами окружили Сяогушань. Полагал бы до рассвета

увести роты в крепость, чтобы их сохранить».

Ответ пришел незамедлительно, но лучше бы его не было. Смирнов приказывал не только обороняться, но утром следующего дня отбить Дагушань. Это попахивало авантюрой. Кто знает, что из нее бы вышло, но около часа ночи японцы опередили события и пошли на решительный штурм. Под натиском превосходящих сил русские отошли в крепость. За три дня боев артурцы потеряли 450 солдат и офицеров, потери японцев приближались к 1500 человек.

Бомбардировки последних дней подтолкнули наконец к действию артурскую эскадру.

Офицеры, жаждавшие активных действий, открыто говорили в морском собрании: «Небось теперь поймут, что артурский бассейн — это могила эскадры...», «...могила — еще ничего. А вот если преждевременная смерть, а затем воскресение под японским флагом? Вот это уже хуже...»

Со времени последнего выхода, 16 июня, прошло более месяца, а у нас на флоте ничего не изменилось. Продолжался обмен телеграммами между наместником и командующим эскадрой. Алексеев не переставал приказывать при первой же возможности выходить в море и прорываться во Владивосток, Витгефт под различными предлогами выход откладывал, а в одной из телеграмм прямо написал: «Не считаю себя способным флотоводцем, командую лишь в силу случая и необходимости по мере разумения и совести до прибытия командующего флотом...»

После этого Алексееву стало окончательно ясно, что без категорического приказа Витгефт так и не решится на прорыв. Флот же надо было спасать. 18 июля он потребовал: «...Принимая во внимание, что поддержка Артуру может быть оказана не ранее сентября и что Балтийская эскадра может прибыть сюда только в декабре, для артурской эскадры не может быть другого решения, как напрячь все усилия и энергию и, очистив себе проход через неприятельские препятствия, выйти в открытое море и проложить себе путь во Владивосток, избегая боя, если позволят обстоятельства».

И опять Витгефт молчал. Последнюю телеграмму он получил в первый день бомбардировки: «Вновь подтверждаю... К неуклонному исполнению. Вывести эскадру из Порт-Артура... невыход эскадры в море вопреки высочайшей воле и моим приказаниям и гибель ее в гавани в случае падения крепости лягут тяжелой ответственностью перед законом, лягут неизгладимым пятном на честь родного флота и андреевский флаг. Настоящую телеграмму сделать известной всем адмиралам и командирам».

Дальше тянуть было невозможно, тем более что бомбардировка порта

и внутренней гавани прошла не безболезненно. Получили незначительные повреждения броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан». Едва затихла стрельба, Витгефт собрал на «Цесаревиче» последнее совещание. Объявив флагманам волю царя и приказ наместника, он назначает выход на 28 июля. В тот же день приказ был разослан по кораблям.

В ночь на 28 июля корабли, назначенные на прорыв, полностью приняли топливо, запасы продовольствия и боеприпасы. В этот час всеобщего подъема на кораблях раздавались возгласы: «Давно бы так!.. Молодчага Витгефт!»

28 июля в 8 часов 50 минут утра на «Цесаревиче» был поднят сигнал: «Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток». Эскадра вслед за тралящим караваном вышла в море. Впереди с отрядом из восьми миноносцев шел «Новик», за ним броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава». Дальше крейсера «Аскольд», «Диана», «Паллада». Замыкало строй кильватера госпитальное судно «Магнолия».

В 10 часов 30 минут тралящий караван был отпущен домой, а еще через час в поле видимости появились главные силы японцев: четыре броненосца и шесть броненосных крейсеров. Адмирал Того заранее был извещен, какие русские корабли вышли в море и каким курсом идет эскадра. Конечно, надеяться на то, что удастся без боя осуществить прорыв, было просто бессмысленно, но в неизбежном сражении Витгефт имел шансы на успех. Силы противоборствующих сторон были примерно равны: русские имели превосходство в артиллерии главного калибра, а японцы — в скорости хода кораблей.

Русская эскадра, несколько перестроившись, продолжала двигаться вперед. Крейсер «Новик» перешел в конец кильватерной, так как появились вспомогательные отряды японской эскадры. Главные силы японцев старались перерезать курс русским кораблям, остальные отряды, по 3–4 крейсера, шли с ними параллельными курсами, постепенно окружая их. Свободным оставался только путь в Артур. Своим маневром Того как бы предлагал повторить 10 июня.

В половине первого с расстояния 70–80 кабельтовых японцы открыли огонь. Русские ответили. Завязалась перестрелка. Желая уйти от охвата и проскочить мимо японского головного отряда, Витгефт изменил курс влево. Конечно, имея целью прорыв во Владивосток, командующий русской эскадрой поступил правильно. Однако этот маневр вывел противников на контркурсы, что явно ухудшало возможности стрельбы с русских кораблей, ибо японцы шли против солнца под острым углом.

Витгефт потерял преимущества в артиллерии. Но и Того после расхождения на контркурсах запоздал с разворотом. В результате русская эскадра оторвалась от противника, и в 13 часов 30 минут огонь прекратился. Японцы устремились в погоню, и, несмотря на преимущество в скорости, ни один из них ближе 70 кабельтовых к русской эскадре не приблизился. Вновь начался огневой бой. И вновь Того, допустив грубые ошибки в маневрировании, упустил Витгефта. Русские корабли прорвались в открытое море. Только преимущество японцев в скорости позволило им продолжать преследование.

Из первого боя, так удачно сложившегося для русской эскадры, обе стороны вышли без потерь. Незначительные повреждения получили «Цесаревич» и «Полтава», у японцев же серьезно пострадал флагманский броненосец «Миказа» и броненосный крейсер «Ниссин».

Второй бой начался около пяти часов вечера, огнем с расстояния 40 кабельтовых. Первой открыла огонь отставшая от всех «Полтава». За ней вступили в бой остальные русские корабли, сосредоточив стрельбу на японском флагмане. Японцы также вели огонь в основном по «Цесаревичу». В 6 часов 30 минут 12-дюймовый снаряд с «Ретвизана» попал в башню броненосца «Миказа». Получивший еще в первом бою серьезные повреждения, тот отвернул и с трудом вернулся на прежний курс. И здесь произошло непоправимое: крупнокалиберный снаряд разорвался в центре фок-мачты «Цесаревича». Командный мостик заволокло дымом. Витгефт был разорван на части. С ним погибли флагманский штурман лейтенант Азарьев, флаг-офицер мичман Эллис и несколько матросов. Остальные, находившиеся на мостике и вблизи его, получили серьезные ранения. Среди них был начальник штаба контр-адмирал Матусевич. Оставшийся в живых командир «Цесаревича» капитан 1-го ранга Иванов, находившийся в момент взрыва в боевой рубке, умышленно не подавая сигнал о гибели Витгефта, повел эскадру. Еще через несколько минут снаряд попал в боевую рубку. Погибли все там находившиеся. Был поврежден рулевой привод и привод управления. Потерявший управление броненосец стал описывать циркуляцию. А поскольку сигналов с флагмана не поступало, то корабли стали повторять его маневр. Этот момент боя был решающим, пожалуй, роковым для русской эскадры. Поняв наконец, что «Цесаревич» неуправляем, наши корабли начали ложиться на прежний курс. Строй эскадры нарушился. Инициатива полностью перешла к японцам, которые резко усилили огонь.

В эти минуты решительно и самоотверженно действовал командир «Ретвизана» капитан 1-го ранга Шенснович. Желая помочь эскадре

выровнять строй и восстановить боевой порядок, он дал броненосцу полный ход и бросил его на таран одного из кораблей японской эскадры. «Ретвизан» принял на себя сосредоточенный огонь всех японских кораблей. Когда он уже приблизился менее чем на 12 кабельтовых к противнику, Шенснович был ранен. Так и не осуществив до конца свой маневр, «Ретвизан» отвернул...

Броненосцы и крейсера продолжали маневрировать, не прекращали отстреливаться, пока контр-адмирал Ухтомский не разглядел на «Цесаревиче» сигнал: «Адмирал передает начальство...» Не придумав ничего лучшего, он повернул в Артур, выбросив сигнал: «Следовать за мной». За ним пошли броненосцы «Ретвизан», «Севастополь», «Полтава», «Победа».

Много позже стала известна судьба остальных кораблей. В разгар боя командир отряда крейсеров контр-адмирал Рейценштейн, державший флаг на «Аскольде», помня приказ прорываться любой ценой, поднял сигнал: «Крейсерам следовать за мной». Развив скорость до 22 узлов, он пошел на прорыв. За ним устремились «Новик», «Диана», «Паллада». Последние не могли дать скорости, равной «Аскольду», и отстали. Несмотря на ураганный огонь с японских кораблей, «Аскольд» и «Новик» прорвали кольцо и ушли. «Диана» и «Паллада» присоединились к уходящим в Артур броненосцам. Ночью эскадра разделалась. Командиры броненосца «Цесаревич», крейсера «Диана» и четырех миноносцев повернули в море, решив все-таки двигаться во Владивосток. «Цесаревич» дошел до арендуемого Россией порта Циндао, «Диана» пришла в Сайгон, а «Аскольд» в Шанхай. Все корабли были там интернированы.

Крейсер «Новик» отстал от «Аскольда», получив пробоину ниже ватерлинии. Для следования во Владивосток не хватало топлива. Командиру крейсера капитану второго ранга Шульцу ничего не оставалось, как зайти в порт Циндао. Но там «Новик» не остался. Приняв на борт 250 тонн угля, он ночью, без огней вышел из порта и взял курс на север. Японию крейсер обошел с востока. И опять ему не хватило угля. 7 августа крейсер зашел в Корсаковский порт на Сахалине. В тот же день его настиг один из посланных вдогонку быстроходных японских крейсеров «Цусима». Японцы узнали о курсе «Новика» от американского парохода, случайно встретившего крейсер на северо-востоке от Японских островов. Прекратив погрузку угля, крейсер вышел в море и вступил в бой. Скоро «Цусима», получив серьезные повреждения, сильно накренившись, отступил. Но и у «Новика» добавилась еще одна пробоина ниже ватерлинии. Были также повреждены котлы и руль. За ночь моряки крейсера собирались исправить

повреждения. Не успели. К «Цусиме» на помощь подошли корабли противоминного отряда японцев. «Новик» в своем положении не мог принять нового боя и просто уйти: Командир крейсера, не желая спускать флаг перед противником, затопил его в тот же день.

Уведомить Владивостокскую эскадру о выходе Порт-Артурской на прорыв в Чифу был послан миноносец «Решительный». Выполнив поручение, командир миноносца лейтенант Роцаковский из-за невозможности дальнейшего хода приготовил миноносец к взрыву как раз тогда, когда в порт вошли два японских миноносца и потребовали сдачи судна. Роцаковский отказался. Японцы ворвались на миноносец, пытаясь поднять на нем свой флаг. В рукопашной схватке, возникшей на борту, русские моряки не уступили: потеряв убитыми одного человека и ранеными около дюжины, японцы побежали с корабля. Миноносец русские моряки взорвали.

Однако телеграф сделал свое дело. Владивостокская эскадра в составе крейсеров «Россия», «Громобой» и «Рюрик» под командой адмирала Иессена вышла навстречу артурской.

В Корейском проливе русские крейсера ждал отряд адмирала Камимуры — шесть кораблей среднего ранга (крейсеров) и несколько миноносцев, — которому Того приказал преградить русским путь в Желтое море. На рассвете 1 августа противники встретились. Сразу завязался ожесточенный бой. От сосредоточенного огня первым получил тяжелые повреждения «Рюрик». Особенно тяжелый характер носили пробоины в кормовой части и повреждение руля. Более трех часов «Громобой» и «Россия» прикрывали раненого «Рюрика», давая ему возможность исправить повреждения, но с каждым часом их положение становилось все более критическим. Остаться около поврежденного крейсера означало подвергнуть серьезной опасности два других. Потеряв половину офицеров и четверть нижних чинов, «Громобой» и «Россия» повернули во Владивосток, рассчитывая увести японскую эскадру от израненного «Рюрика». Камимура действительно пошел за русским отрядом, но оставил два крейсера — «Нанива» и «Такачиха» — добивать «Рюрик». Японский адмирал рассчитывал прижать отступающих русских к корейскому берегу и уничтожить. Однако, обладая более чем двукратным преимуществом в силах, он проявил нерешительность и в 10 часов утра прекратил преследование.

Тем временем «Рюрик» продолжал борьбу с двумя крейсерами и несколькими миноносцами. Слабо бронированный, с парусным вооружением корабль пять часов вел непрерывный бой. Стреляя из двух

уцелевших орудий, со сбитыми мачтами и поврежденным рулем, он несколько раз сам переходил в наступление, пытаясь расчистить себе путь. Но вот замолчали последние пушки. На «Рюрике» выбыла из строя половина экипажа. Из 22 офицеров в живых осталось только семь. Умер от ран командир корабля капитан 1-го ранга Трусов и старший офицер капитан 2-го ранга Холодовский... А на горизонте показались возвращавшиеся крейсера Камимуры. Чтобы судно не досталось неприятелю, принявший на себя командование лейтенант Иванов приказал открыть кингстоны... Японцы подобрали своды оставшихся в живых членов экипажа.

Так закончились последние морские сражения 1-й русской Дальневосточной эскадры. По возвращении в Порт-Артур на совещании флагманов и командиров кораблей первого ранга было принято решение: прекратить попытки прорыва во Владивосток, броненосцам оказывать поддержку сухопутному фронту артиллерийским огнем, малые силы использовать для постановки мин, артиллерию малого и среднего калибра вместе с личным составом передать на форты.

7 августа Ухтомский доложил Алексееву телеграммой, что передает с кораблей на берег часть артиллерии и использует все оставшиеся силы для укрепления сухопутной обороны.

Японцы из сражения в Желтом море и Корейском проливе вышли весьма потрепанными. Особенно сильно пострадал флагманский броненосец «Миказа». Потери на нем составляли 32 убитых и более 100 раненых, что почти в два раза превышало потери «Цесаревича». К концу сражения на нем стреляла одна 6-дюймовая пушка. Кормовые части броненосцев «Асахи» и «Шикошима» были так разворочены, что практически броненосцы вышли из строя. В броненосный крейсер «Кассуга» попало три тяжелых снаряда, принесших серьезные повреждения. Два попадания получил броненосец «Чен-Ин». Seriously пострадали крейсера «Ниссин», на нем было 16 убитых и более 30 раненых, и «Якумо», внутри которого разорвавшийся снаряд убил 22 человека и произвел большие разрушения.

На кораблях Камимуры, даже по японским данным, было 44 убитых и около 100 раненых, а по другим источникам только на одном из крейсеров, «Ивите», выбыло из строя 70 человек. Флагманский крейсер эскадры Камимуры получил до 20 пробоин. Участник сражения японский лейтенант Сакура писал: «В этом генеральном сражении, если можно так назвать его, наши суда пострадали весьма серьезно; не было ни одного, которое не имело бы пробоин и следствием их крена».

Уровень военно-морского искусства японского флота, показанный им в боях, по-прежнему оставался невысок. Флагманы и командиры кораблей японских эскадр были слабы в тактике. Разбитые на отряды японские силы действовали разрозненно, без какого-либо взаимодействия, не решаясь, за исключением первого отряда, приблизиться к русской эскадре даже на расстояние выстрела и оставаясь, по сути дела, зрителями на всем протяжении боя. Сам Того в очередной раз оскандалился, так и не сумев провести грамотно ни одного маневра. Имея большой эскадренный ход, он дважды умудрялся потерять боевое соприкосновение с русской эскадрой. Не смог Того правильно оценить и использовать благоприятную обстановку, сложившуюся после выхода из строя «Цесаревича» и расстройств боевых порядков русской эскадры.

Только бездарность и нерешительность адмиралов Витгефта и Ухтомского позволили японцам выйти победителями в этом сражении.

1-я Тихоокеанская эскадра, бывшая к началу войны ненамного слабее японского флота, через полгода боевых действий, потеряв один броненосец из семи и несколько малых кораблей, перестала существовать как организованная морская сила. Это во многом определило ход дальнейших событий не только под Порт-Артуром, но и всей войны. С этого времени японцы получили возможность беспрепятственно пополнять и снабжать свои армии как под Порт-Артуром, так и во всей Маньчжурии.

Глава 6

ПЕРВЫЕ ШТУРМЫ КРЕПОСТИ

Артур не успел оправиться от поражения своей эскадры, как на сухопутном фронте зашевелились враги. Ясно, японцы хотели воспользоваться тем тяжелым чувством, которое вызвали у гарнизона и населения крепости возвращавшиеся в гавань корабли эскадры. В ночь с 31 июля на 1 августа началось наступление. Теперь бои разыгрались на левом фланге крепости, у гор Угловая, Трехголовая, Боковая и предгорьях хребта Панлушань. Ноги, совсем недавно закончивший с большими потерями операцию против передовых позиций русских, не случайно начал атаки с левого фланга. С захватом этих позиций он окончательно по всему фронту выходил к главному рубежу русской обороны. Кроме того, этим отвлекающим ударом он рассчитывал оттянуть людские и материальные резервы обороняющихся от северо-восточного участка, где впоследствии намечал нанести основной удар. Против четырех рот 5-го полка и Квантунского экипажа, а также трех охотничьих команд с четырьмя орудиями была брошена 1-я дивизия генерала Матсумуры с приданными ей частями 1-й резервной бригады. Поддерживала пехоту 2-я артиллерийская бригада и дивизион тяжелой артиллерии.

Силы были неравны. И все-таки шесть ночных атак на Трехголовую и Боковую не увенчались успехом. С утра началась усиленная бомбардировка русских позиций и с небольшим перерывом продолжалась до обеда. Потом японцы вновь, не считаясь с потерями, пошли на штурм. Опыт предыдущих боев ничему не научил Ноги. Тактика действий его войск не изменилась: массированный артиллерийский обстрел, пехота густыми цепями, а иногда и не разворачиваясь в цепи, идет в атаку. К концу дня части 1-й дивизии все-таки захватили Трехголовую и Боковую, но большего достичь не смогли. Непрекращающиеся атаки на Угловую и Панлушань закончились безрезультатно, а ведь на горстку русских войск наступало три полка пехоты при поддержке 50 орудий.

Ноги так и не осуществил задуманного. Русские не только не сняли сил с других участков, но и не позволили японцам полностью захватить предгорий Высокой горы. Обескураженный командующий осадной армией начал подумывать о новой перегруппировке сил. Ноги понимал, что идти на штурм основных позиции сейчас — значит понести огромные потери при весьма сомнительных шансах на успех. Но в Токио думали иначе.

Главная ставка, видя усиление Маньчжурской армии Куропаткина, в преддверии Ляоянского сражения потребовала в кратчайший срок взять крепость. Кроме того, японский генштаб продолжали беспокоить корабли артурской эскадры.

3 августа пришел приказ о немедленном захвате крепости. В тот же день Ноги зачитал командирам своих дивизий диспозицию на сражение. По плану японским войскам предлагалось: силами двух пехотных дивизий захватить наконец Угловую и Длинную, продолжая наступление в направлении Высокой горы; две пехотные бригады — 1-й и 9-й дивизий — атакуют на севере редуты Водопроводный и Кумернинский; одна бригада наступает в стык между 2-м и 3-м фортами; 11-я дивизия наносит удар по форту № 2, батарее литера Б и Куропаткинскому люнету, с дальнейшей задачей захвата Большого Орлиного гнезда, Митрофаньей горы и выхода в тыл укрепления № 3 и форта № 3.

Все было готово к началу штурма. Но Ноги сомневался. На совместном совещании командующего осадной армией и Объединенным японским флотом было принято решение направить в Порт-Артур ультиматум с требованием сдачи крепости без боя. Это была попытка припугнуть защитников Артура, но японцы рассчитывали и на такой шанс.

3 августа впервые за последние две недели на сухопутном фронте установилась полная тишина. Как бы сопутствуя событиям, природа тоже смилостивилась, и не-прекращающаяся который день изнурительная жара сменилась теплым обильным дождем. Воздух сразу посвежел, очистился от одуряюще приторного запаха сгоревшей взрывчатки и разлагающихся трупов... В 9 часов 30 минут утра с Водопроводного редута заметили группу японских всадников с белым флагом. Через полчаса майор Ямооки, офицер японского генштаба, передал русский текст ультиматума и вернулся в расположение своих войск.

Доставленный в штаб крепости ультиматум еще сравнивали с текстом на японском языке, а в кабинете Стесселя уже собрался весь руководящий состав. Самого генерала еще не было. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидели, разбившись на группы, генералы и адмиралы. Кондратенко и Белый оживленно беседовали с Ухтомским. В стороне насупился вечно недовольный чем-то Фок. В углу тихо переговаривались Смирнов и Григорович. Стессель появился неожиданно и, зычно поздоровавшись, сразу начал читать:

«Господину воинскому начальнику Российской армии в Порт-Артуре. Имеем честь представить следующее: блестящая оборона Порт-Артура заслужила восхищение всего мира. Однако, будучи окружен с суши и моря

превосходящими силами и без надежды на выручку, он в конце концов не может не пасть, как бы ни были талантливы военачальники и доблестны русские солдаты...»

Стессель остановился, обвел всех многозначительным взглядом и, выдержав паузу до конца, продолжил:

«... Наша армия готова к штурму, а когда это случится, судьба крепости будет решена. Поэтому во избежание лишнего кровопролития, во имя человечности, мы предлагаем вам начать переговоры о сдаче. В случае вашего согласия благоволите сообщить о том до десяти часов завтрашнего дня, то есть семнадцатого августа тридцать седьмого года, Мейдзи.

С совершеннейшим почтением:

Генерал барон Ноги, командующий осадной армией, адмирал Того Хейхациро, командующий блокирующим ПортАртур флотом».

Генерал закончил чтение и выжидательно уставился на сидевших за столом. По глазам присутствующих на совещании командиров он без труда прочел ответ на свой немой вопрос... На следующий день Ноги получил лаконичный ответ русского командования:

«Честь и достоинство России не могут допустить даже мысли о сдаче крепости».

Кондратенко уходил с совещания с единственной мыслью угадать, где на сей раз ударят японцы. О сроках думать не приходилось: и так ясно, не сегодня завтра начнется. Эти же думы не оставляли его и в штабе, где он вместе с генералами Белым, Горбатовским, Церпицким, полковником Науменко в очередной раз обсуждали дислокацию русских войск.

Восточный участок от бухты Тахэ до укрепления № 3 включительно занимали роты 15, 16 и 25-го стрелковых полков (всего 16 рот), охотничья команда и три роты флотского экипажа. Командовал участком командир 25-го полка полковник Некрашевич-Поклад. На северном фронте от Водопроводного редута до форта № 5 включительно оборонялось 25 рот 15, 16 и 26-го полков, три охотничьи команды, две роты пограничников под общим командованием полковника Семенова. Общее руководство здесь осуществлял Горбатовский, который сейчас, беспрестанно вытирая большим платком лысину, наизусть перечислял количество солдат, моряков, орудий, пулеметов и доказывал, что позиции укреплены достаточно, а участок готов к отражению штурма.

Западный фронт обороняли 14 рот 13-го и 27-го стрелковых полков под командованием полковника Петруша, да на Угловых горах находился 5-й полк полковника Третьякова с тремя охотничьими командами и четырьмя ротами моряков.

Все присутствующие предполагали, что Ноги не рискнет наступать на более укрепленный восточный участок. Генерал Белый утверждал, что здесь крепостные батареи точнее пристрелялись к японским позициям и коммуникациям, а также хорошо взаимодействуют с корабельной артиллерией.

Роман Исидорович в душе соглашался с подчиненным, но интуитивно чувствовал, что сейчас, не обжегшись еще как следует, японцы захотят взять крепость как можно быстрее, а на востоке они стоят к ней ближе всего.

В преддверии больших событий обе стороны надежно зарывались в землю. По ночам со стороны японских позиций раздавались неясные шумы, звуки. Изредка тишина разрывалась ружейно-пулеметным огнем. И с той, и с другой стороны шел активный разведывательный поиск.

В 4 часа 30 минут 6 августа раздался первый выстрел с японских батарей, и сразу заговорила вся осадная артиллерия. В ответ немедленно открыли огонь форты и корабли эскадры. Канонада слилась в сплошной гул. Тучи дыма и пыли окутали крепостные верки. В воздухе стояли скрежет и стон. В тыл потянулись носилки с ранеными.

Начался первый штурм крепости.

Роман Исидорович, проснувшийся с первыми залпами, через полчаса был в штабе крепости. Стессель еще не появился, но остальные генералы скоро собрались. Поступили первые донесения. Пока по всему фронту шла артиллерийская подготовка, но слева, на передовых рубежах, начала шевелиться неприятельская пехота. Все подошли к сводной карте обороны.

— Господа, — нарушил молчание Кондратенко, — предлагаю распределиться по участкам и немедленно отправиться на позиции. Карту, уверен, все мы уже выучили наизусть, а присутствие в войсках сейчас просто необходимо. По мере возможности через вестовых и по телефону будем поддерживать связь. А к начальнику укрепрайона пошлем посыльного с сообщением, что находимся на позициях.

Никто не стал возражать. Кондратенко вопросительно посмотрел на Смирнова. Комендант очнулся от раздумий и засуетился.

— Да, да, полностью с вами согласен. Едем немедленно. А генерал Стессель нас поймет, да он, наверно, скоро сам присоединится к нам, — не преминул пустить шпильку в адрес своего недруга Смирнов.

Генералы разъехались по частям. Смирнов отправился на Большое Орлиное гнездо, Белый — на форт № 2, Кондратенко — к полковнику Третьякову на Угловую гору. При выезде из Нового города его догнал посыльный казак с пакетом от Стесселя. Предписание гласило: «Предлагаю

действовать по вашему усмотрению, сообразуясь с наличными обстоятельствами». Так его превосходительство начал руководить боем. Впрочем, дальше этого распоряжения он и не пошел, но Кондратенко только был рад этому. «Ну и слава богу, хоть мешать не будет», — подумал он, направляя лошадь с дороги на узкую тропинку, идущую к подножию Высокой горы.

Японцы начали атаку укреплений Угловой горы после почти часового ожесточенного артиллерийского обстрела. На штурм поднялось до полка пехоты. Гору обороняло только пять рот, но это были солдаты доблестного 5-го Восточно-Сибирского полка с честью сражавшиеся против 3-й дивизии под Цзинчжоу, а это многое значило. Командир 1-й дивизии, войска которого атаквали Угловую, ничем не отличался от своего цзинчжоуского коллеги и бросал в бой резервы, не жалея людей. Японцы остервенело рвались вперед и, неся огромные потери, откатывались назад. Только после четвертой атаки они добрались до проволочных заграждений. Прижатые плотным огнем, надолго залегли там, не имея возможности двигаться ни вперед, ни назад.

Кондратенко прибыл на Угловую в 9 часов утра. Защитники горы только что отбили очередную атаку. На наблюдательном пункте продолжали посвистывать пули. Внизу, у передовых траншей, изредка рвались снаряды. Генерал спешил и теперь короткими перебежками добирался до полковника Третьякова. Стрельба стала стихать. Последние метры до блиндажа он прошел пешком, успокаивая дыхание. Сзади тяжело сопел Ерофеев. Командный пункт, надежно прикрытый броневыми плитами блиндаж, был цел. Лишь взрывной волной смело маскировочный дерн и песок. Вокруг дымились воронки. Жаркий, удушливый воздух пропитался запахом сгоревшей взрывчатки. Третьяков особенно не удивился, увидев у себя в блиндаже Кондратенко, докладывал, слегка волнуясь:

— ...Пока держимся. Обстановка посложнее Кинжоуской. И огня поболее. Японцы прут без передыху. Мне самому страшно, сколько их набили, а они все лезут. По своим же трупам...

В бинокль можно было разглядеть, что почти все пространство перед траншеями устланы синеватые японские мундиры.

— У нас тоже потери большие, — продолжал докладывать Третьяков, — но дерутся выше всяких похвал от офицера до нижнего чина. Подполковник Лисаевский, комендант Угловой, раненный во время первой атаки, мною направлен в перевязочный пункт, а буквально перед вашим приходом докладывают, что во время последнего натиска, когда думали —

японцы вот-вот прорвутся, вернулся в траншею... Был ранен еще дважды... Вот какие у нас люди...

— Да, сила духа русского человека неистребима, — согласился с ним генерал. — Я вот, пока сюда добирался, встретил одного вашего стрелка. И солдат-то молоденький, щупленький, да еще ранен, рука вся в крови. Спрашиваю: «Что, тяжело, братец?» А он бодренько так голову вскинул и отвечает: «Пустяк, ваше превосходительство, вот только перевязать как след не умею. В околотке попользуют и назад». Третьяков хотел что-то сказать, но близко грохнул снаряд, потом еще, еще.

Бой возобновился и не ослабевал до позднего вечера. Поддерживаемый морскими батареями с Большого Орлиного гнезда и со Спины Дракона, 5-й полк стоял насмерть. Генерал Тамояси с фанатическим упорством гнал на пулеметы и под шрапнель новые цепи. Их сметали сосредоточенным огнем. Позже, подсчитывая потери, японцы определяют, что только от батальона, атаковавшего Угловую в центре, в живых осталось не больше десятка солдат.

Кондратенко с Высокой весь день руководил боем, а вечером в донесении Стесселю с удовлетворением писал: «Пятый полк стоит как скала...» В полку оставалось не более роты в резерве, так как полковнику Третьякову было приказано сменить уставшие войска. Отправив донесение Стесселю, Роман Исидорович стал дожидаться сведений от Горбатовского, хотя за день доклады с северного и восточного фронтов не внушали опасения.

Наступившая ночь с ее прохладным ветерком так и не прибила дневную пыль, и воздух, нагретый за день, обволакивал и усыплял. С переднего края доносились стоны раненых, глухие стуки, разговоры. Санитары и похоронные команды бродили по нейтральной полосе. Наконец появился посыльный от Горбатовского. Генерал докладывал, что существенных изменений не произошло, и Роман Исидорович, поддавшись уговорам адъютанта, здесь же в блиндаже лег отдохнуть...

Жарким был тот день и в центре обороны, особенно у Водопроводного и Кумирненского редутов. Оба эти укрепления были временного типа. Но брустверы доукрепили земляными мешками, сделали широкие и глубокие рвы, впереди которых протянули проволочные заграждения. Редуты связывались целой системой меньших укреплений. Вправо от Водопроводного был еще Скалистый редут, а от Кумирненского — два люнета. Водопроводный обороняла одна рота с двумя пулеметами, а Кумирненский — рота с двумя пушками и пулеметом. На Скалистом и фланговых люнетах располагались отдельные взводы. Обрушив на редуты

с раннего утра шквал огня, японцы не прекращали бомбардировку до трех часов дня, рассчитывая окончательно разрушить слабые укрепления и безболезненно занять их. Действительно, все блиндажи и перекрытия на редутах разрушили огнем, но когда японская пехота поднялась из оврагов, русские позиции ожили, встретив врага меткой стрельбой. С большими потерями японцы залегли у гласиса наружного рва Водопроводного редута. Вновь заговорила осадная артиллерия. Под прикрытием огня японцы спешно проводили перегруппировку, подбрасывая все новые и новые резервы. К вечеру в наружном рву скопилось до батальона пехоты. Японцы вели себя активно: бросали в редут ручные гранаты, закладывали под бруствер фугасы, пытались забраться на него, но в атаку так больше и не поднялись. Водопроводный остался неприступным.

На Восточном фронте весь день 6 августа шла артиллерийская борьба. Ноги, думая со временем нанести здесь главный удар, приказал командующему артиллерией генералу Нагушима снести с лица земли русские укрепления и подавить крепостную артиллерию. Укрепления получили серьезные повреждения. На многие из них упало до сотни снарядов, но они продолжали жить и наносить урон врагу.

За первый день боев японцы не достигли даже частичного успеха.

Роману Исидоровичу так и не пришлось отдохнуть. В два часа ночи пришло донесение с Угловой от полковника Третьякова. Тот докладывал: «Смены произвести нельзя, идет бой. Сейчас будем выбивать японцев штыками. Притянул к Угловой полуроту 8-й роты и половину охотничьей команды, находящейся на позиции между Высокой горой и фортом № 5. Две роты 13-го полка пришли».

Кондратенко понял, что японцы никак не могут смириться с неудачей и продолжают атаковать даже без поддержки артиллерии. Сон улетучился. Выпив наскоро крепкого чая, Роман Исидорович потребовал к себе посыльных, которых спешно отправил за резервами. Начинался новый день. К утру Третьяков доносил: «Всю ночь идет бой, к 5 часам утра окоп, занятый противником, нам удалось взять обратно. Не знаю, надолго ли». Еще через сорок минут, после того как по всему фронту заговорила японская артиллерия, пришло другое донесение: «Выбиты шрапнелью. Возвратились на прежние места». В 11 часов Кондратенко отправил на Угловую последнюю резервную роту моряков. В бинокль с Высокой было хорошо видно, как густые неприятельские колонны выдвигались на исходные рубежи, разворачивались в цепи и волнами накатывались на Угловую и Панлушань. Видно было, как их встречали огнем русские, как редели цепи атакующих, откатывались назад и вновь шли в атаку. В час

дня, когда навстречу японским цепям из полуразрушенных окопов поднялись темно-синие фигурки и замелькали ленточки, Роман Исидорович понял, что его последний резерв поднялся в контратаку.

— На Угловую, — крикнул он адъютанту, на ходу пристегивая шашку.

Через полчаса генерал был у Третьякова. Полковник, с красными, ввалившимися глазами, только что вернулся из контратаки.

— Все, ваше превосходительство, — доложил он тусклым и усталым голосом, — больше не удержаться. Сейчас моряками отбили атаку, и остались от нас рожки да ножки... Но и япошек положили немало. Прикажете, будем стоять до последнего, только помогите с ранеными.

Кондратенко видел, что, несмотря на ночную работу похоронных команд, склоны горы вновь усыпаны телами убитых японцев. Позиции давно перестали представлять собою что-то похожее на укрепление: полностью разрушены и засыпаны землей окопы, разбиты орудийные площадки и дворики, всюду обрывки колючей проволоки, воронки, камни и над всем этим — оседающие клубы дыма...

«Удержать такую позицию без дополнительных резервов невозможно, — думал Кондратенко, — а резервов больше нет. Снимать с других участков нельзя. Белый утверждает, что артиллерийская дуэль — это только пролог. Да и на севере несладко...»

На севере было очень тяжело. Еще утром комендант Водопроводного редута сообщил ему: «Водопроводный редут совершенно разрушен взрывами фугасов. Пока держусь, но пулеметы японские на бруствере, и никак их снять нельзя. Неприятель в количестве не менее бригады с артиллерией... Присланные две роты защищают меня от обхода...» Там резервы тоже необходимы. Вспомнил он, что сам в это утро писал Семенову: «В случае атаки на Кумирненский редут поддержите его резервом, но назначенные роты не вводите в редут, а держите по сторонам уступами, сзади, не ближе 80 шагов. Такую же меру следует принять и при атаке Панлушанского и Водопроводного редутов».

Кондратенко вновь поглядел в сторону японских позиций. Там накапливалась японская пехота, готовясь к очередной атаке. Больше ждать было нечего.

— Ну хорошо, — повернулся он к Третьякову, — готовьтесь к отходу. Организуйте отправку раненых. Остальных — на прикрытие. Да, не рекомендую вам лично ходить в контратаки, больше управляйте боем. Не забудьте забрать с оставшихся пушек затворы и забить стволы. Ну с богом, встретимся на Высокой.

Возвращался Кондратенко с Угловой медленно. По пути его догнал

небольшой обоз с ранеными. Маленькие ослики, впряженные в игрушечные китайские тачанки, и просто рикши тянули по узкой каменистой тропе последних раненых. Генерал увидел серые, измученные лица, услышал стоны, говор... Среди белых солдатских рубах, давно потерявших свой первоначальный вид, виднелись синие морские. Заметив Кондратенко со спутниками, молоденький фельдшер-вольноопределяющийся хотел остановить отряд, но со стороны позиций затрещали выстрелы, послышались звонкие хлопки шрапнельных разрывов. Над головами засвистели пули.

— Трогайте, голубчик, поскорее, — крикнул Кондратенко юноше, — шагов через пятьдесят спуститесь в овраг. Двигайтесь прямо по нему, без дороги.

Ослики засеменяли, подстегиваемые ездовыми, затрусил мимого генерала. Прибавили шагу и рикши. Когда колонна обогнала группу всадников, к ним подбежал матрос с забинтованной головой. Он приблизился как-то боком, неловко, словно ребенка, придерживая правую забинтованную руку. Подбежав к генералу, матрос попытался вытянуться:

— Ваше превосходительство, дозволейте обратиться пе по команде. Мир очень волнуется за вас и просит уйти с-под обстрела. За нас не сумлевайтесь, не подкачаем, а что вас заденет, то хуже некуда. Мы ить и так знаем, что вы рядом...

Матрос перевел дыхание, замер, сдернув с головы бескозырку. Глядя в его честное, преданное лицо, Роман Исидорович почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза и к горлу подкатывается горький комок.

— Спасибо, братцы, — крикнул он моряку и всей колонне. — За меня не беспокойтесь. Горжусь, что команду такими героями...

В колонне, несмотря на стрельбу и разрывы, слышали. Раненые, едва живые люди, неожиданно грянули раскатистое: «Ура-а-а!» И словно волшебная сила перенесла этот клич туда, назад на позиции. Это прикрывающие отход стрелки и моряки бросились в очередную, на этот раз последнюю контратаку. В час дня Угловая была оставлена. Все попытки японцев на плечах отступающих прорваться к Высокой были пресечены.

Прибыв на Высокую, Кондратенко сразу переключил внимание на северные редуты. По-прежнему продолжались ожесточенные бои на Водопроводном. Во рву к середине дня опять собралось несколько сот японцев. Они даже собирались водрузить на бруствере свой флаг, но их попытки закончились плачевно. Однако и защитники редута истекали кровью. В 3 часа дня, когда положение стало критическим и японцы приготовились к решительному броску из рва, Кондратенко послал на

помощь коменданту редута роту пограничной стражи, и капитан Кириленко использовал этот резерв блестяще. Пограничники ударили во фланг изготовившимся к атаке колоннам японцев, а капитан, собрав из остатков рот отряд в полсотни стрелков, бросился на врага с фронта. Штыковой удар был так неожидан, стремителен и силен, что засевшие во рву японцы были уничтожены полностью. Больше атаковать они не пытались. Еще один день штурма закончился для русских сравнительно удачно. Вечером в донесении коменданту Роман Исидорович писал: «Оставление нами Угловой горы вызвано полным уничтожением блиндажей и страшными потерями от шрапнельного огня, так как войскам приходилось обороняться, стоя совершенно открыто. Новая позиция идет от Высокой через Длинную и Дивизионную гору. Так как оставление Угловой горы произошло внезапно, вследствие выбытия из строя лучших офицеров, то на Угловой горе остались невывезенными орудия и мортиры. Части после отступления приводятся в порядок. Обстреливание Высокой, Дивизионной и Длинной гор началось. По словам офицеров и нижних чинов, потери японцев при атаке Угловой горы огромные».

Поздно ночью Кондратенко после двухсуточного сидения на позициях вернулся в ПортАртур. Надо было переменить белье, помыться. Да и оставаться на левом фланге больше не имело смысла. Роман Исидорович чувствовал, что теряет управление и не совсем ясно оценивает весь ход событий. Усталость и сон валили с ног, но Кондратенко завернул в штаб, надеясь там встретить Науменко. Тот еще был там и кратко доложил Роману Исидоровичу о положении крепости.

Второй день штурма также не принес японцам существенного успеха. Правда, помимо Угловой, они овладели Панлушанским редутом, но оба эти укрепления не являлись основными в системе обороны.

На восточном фронте противник продолжал вести интенсивную артиллерийскую подготовку. Генерал Белый, так же неотлучно вторые сутки находившийся на Большом Орлином гнезде, приказал полевым и крепостным батареям для экономии боеприпасов снизить интенсивность ответного огня. Зато много и удачно стреляли корабли эскадры. Огнем броненосцев «Севастополь», «Пересвет» и «Полтава» было уничтожено несколько японских батарей.

Утро третьего дня штурма началось, как и раньше, бомбардировкой. Отдохнувший Кондратенко появился в штабе около семи часов. Науменко, не спавший всю ночь, посмотрел воспаленными глазами на генерала.

— Ну как идут дела, Евгений Николаевич? — озабоченно спросил Кондратенко, направляясь к карте. — Думаю, сегодня Ноги раскроет нам

карты, и если все-таки навалится на левый фланг, будет очень худо... Ну да ладно. Что гадать. Докладывайте. И — отдыхать до завтрашнего утра. И без возражений, — добавил он, предупреждая протест начальника штаба.

Науменко подошел к карте, начал хрипловато говорить.

— На западе бригада противника атакует Длинную гору. Пока безуспешно. На севере Водопроводный и Кумирненский редуты, хотя и полуразрушены, держатся. Особенно ожесточенно — атакуют сегодня. Кумирненский, бросили в бой до тысячи солдат. Но, думаю, продержимся... Судя по последним данным, готовится атака между редутами. Вы еще вчера послали туда две резервные роты...

Науменко замолчал, как бы специально делая паузу, и затем более решительно продолжил:

— ...А на восточном фронте сегодня жарко. Судя по всему, наши предположения о направлении главного удара подтверждаются. Ночью, пользуясь туманом, японцы в колоннах дошли до наружного рва форта № 2 и начали разворачиваться для атаки. На форту их вовремя заметили и встретили огнем в упор. Атаку отбили. Наши потери 35 человек, у японцев по непроверенным данным несколько сот. Такая же история на Куропаткинском люнете. Здесь противник в темноте, используя складки местности, добрался до бруствера. Пришлось встречать его в штыки. С большими потерями враг отбит, хотя и недалеко. Получил подкрепление, снова пошел в атаку. Здесь, думал, будет конец. Один за другим погибали офицеры. И среди нижних чинов потери возросли. Японцы ворвались в люнет. Наши начали отступать, отбиваясь штыками. Хочу отметить действия унтер-офицера Литасова, принявшего на себя командование и вовремя запросившего помощь. Он сразу отправил на Орлиное гнездо ефрейтора. Кажется, Никифорова... Словом, только пред вашим приходом доложили: люнет снова в наших руках. Контратакой руководил Литасов.

Науменко опять замолчал, но, заметив нетерпение генерала, обвел указкой правый фланг обороны.

— ...Судя по тому, какие ожесточенные атаки они ведут сейчас на редуты № 1 и № 2, надо полагать, главный удар будет здесь...

Роман Исидорович, выслушавший доклад молча, повернулся к стоящему у дверей Ерофееву.

— Голубчик, мне и полковнику лошадей. Я на Орлиное гнездо, а он — домой, спать!

Последние слова Кондратенко произнес решительно, и Науменко понял, что возражать не приходится.

— Да, Евгений Николаевич, а генерал Смирнов на Орлином? —

спросил генерал, когда они прощались на выезде из Старого города.

— Был там, но сегодня в штабе крепости.

— Ну и слава богу, меньше донесений придется писать. Сразу одно — и ему, и Стесселю...

Кондратенко пришпорил коня, весело рассмеялся и поскакал к ожидавшим его адъютанту с казаками.

На Большом Орлином гнезде ему стало ясно, что главные события разворачиваются в промежутке между фортами № 2 и № 3, у редутов № 1 и № 2. Японцы начали атаки в четыре часа утра. Сейчас, через пять с небольшим часов, им не удалось продвинуться ни на шаг. Командир наступающих частей генерал Ичинохе недалеко ушел от своего коллеги по правому флангу Тамоясу. Не считаясь с громадными потерями, он бросал батальон за батальоном прямо в лоб на редуты № 1 и № 2 либо в промежутки между ними, всюду попадая под перекрестный огонь. Потерял за утро до полка пехоты. Сейчас на позициях было временное затишье. Взору Романа Исидоровича открылась безотрадная картина людских страданий. Разрушенные укрепления. Траншеи, в которых, составив винтовки к лицевой стороне, копошились изнуренные жарой и боем люди, быстро укрепляя разрушенные козырьки и бойницы. Потери и у нас были велики. Пользуясь передышкой, стрелки спешно освобождали полуразрушенные блиндажи от раненых. В тыл потянулись нескончаемой цепочкой носилки, повозки... Пахло гарью, потом, кровью, смертью от разлагавшихся трупов...

Затишье длилось недолго. В середине дня, перегруппировавшись и проведя интенсивную получасовую артиллерийскую подготовку, японцы продолжили наступление. Защитники редутов отбили еще три атаки. Над редутами от разрывов шрапнели стояло белое облако. Дело осложнялось. У Горбатовского оставался последний резерв.

Кондратенко, находясь на командном пункте начальника обороны правого фланга, видел, что огонь с редутов слабеет, что все больше и больше синих японских мундиров успевают добежать до передовых рвов.

— Пора, — повернулся он к Горбатовскому, — бросайте последнюю роту. О дальнейшем не волнуйтесь. Сейчас же организую помощь моряками. Дело тут заворачивается не на один день.

Горбатовский поспешил выслать из резерва последнюю роту. И вовремя. Японцы уже были на правом фланге редута. Там шла ожесточенная рукопашная схватка. Наступающих встретил в штыки комендант редута штабс-капитан Гусаковский с оставшимися в живых двенадцатью стрелками. Подошедшая рота спасла и эту горсть храбрецов, и редут.

Противник был отброшен с большим уроном и в пять часов вечера отошел назад.

Редуты остались за нами, но вид их был ужасен: все на них было разрушено и исковеркано. Бруствера, блиндажи, орудия. Повсюду виднелись лужи крови, неприбранные трупы. Дымилась взрытая земля. И вновь утомленные боем люди принялись за восстановление укреплений. Работали недолго. В одиннадцать часов, под покровом темноты, японцы вновь пошли на штурм. Положение было безвыходно, но тут к редутам подошли два батальона морского десанта, высланных Кондратенко. Они окончательно отбросили врага. Всего Роман Исидорович направил Горбатовскому семь десантных рот.

После трехдневного штурма Кондратенко стало окончательно ясно, что главный удар японцы наносят на восточном фронте. Правда, они по-прежнему атаквали и на других участках, но Ноги явно недооценивал противника, считая, что его план не разгадан. В ночь на 9 августа Роман Исидорович снял часть войск с западного фронта и перебросил их Горбатовскому. Утомленные в боях роты заменили отдохнувшими и полностью укомплектованными.

Поздно ночью пришло сообщение от генерала Белого, что часть подбитых орудий на восточном фронте заменена на новые. Кондратенко отдал по войскам сухопутной обороны приказ.

«Объявляю всем войскам передовых и основных позиций сухопутной обороны, что ни малейшего отступления от занимаемых ими позиций не допускается под страхом ответственности по законам военного времени».

Четвертый день штурма начался отвлекающими атаками на западном участке. Бригада противника штурмовала Длинную и Дивизионную горы, но моряки 5-й и 6-й рот Квантунского экипажа отбили все атаки японцев. Бои здесь были второстепенного значения, однако и эти неудачи раздражали Ноги. Августовские атаки Длинной настолько запомнятся японскому генералу, что после победы он прикажет поставить на горе столб с надписью: «Полковник Синзоро Тедзуки был расстрелян за то, что, заняв русские окопы, не сумел их удержать, а когда русские открыли огонь, он бежал, чем способствовал нашей неудаче».

Основные бои, как и предполагал Кондратенко, опять развернулись у редутов № 1 и № 2. Ноги в помощь двум действующим тут дивизиям подтянул резервную бригаду и два артиллерийских дивизиона. С утра над редутами стояла сплошная пелена дыма и пыли. В бинокль можно было разглядеть, как в воздухе мелькали обломки бревен, лоскутов материи, камни. То здесь, то там на полуразрушенных верках появлялись японские

флаги и сразу исчезали. Укрепления неоднократно переходили из рук в руки. Кондратенко сосредоточивал все усилия на укреплении обороны восточного участка, однако к середине дня на редутах оставались лишь единицы стрелков и пограничников. Когда в очередной раз остатки укреплений расцвели знаменами восходящего солнца, Роман Исидорович ввел в дело моряков. Десантные роты с «Ретвизана», «Полтавы», «Паллады», сводные отряды с малых кораблей бросились в ожесточенную контратаку, отбросили японцев на исходные позиции и укрепились на редутах. Над русскими укреплениями гордо реял андреевский флаг. Японцы еще не раз предпринимали попытки занять редуты. Моряки стояли насмерть и не отступали ни на шаг. Впоследствии один из участников этих событий напишет: «Мы защищали уже не редут, а изрытую груды земли; ежеминутно прибавлялись раненые, ложились в кучу близ пушки с правой стороны; здесь, под бруствером, расположились человека четыре стрелков, и они мерно посылали в японцев залп за залпом; взводный, как на учении, командовал: «...взвод!..пли!», забывая, что от взвода осталось лишь воспоминание».

Еще в полдень Роман Исидорович с первыми десантными ротами прислал к Горбатовскому своего адъютанта Ерофеева. Тот настаивал на этом особенно рьяно, когда узнал, что с одной из десантных рот ушел на редуты его друг. И вот поручик Ерофеев вернулся с донесением Горбатовского: «Резерва у меня нет, все израсходованы, осталась полурота моряков. Убыль офицеров велика. Редут № 1 четыре раза переходил из рук в руки. В данный момент на одной половине редута № 1 наши, а другую половину занимают японцы; оба редута под страшным огнем, люди, видимо, начинают уставать...»

Быстро пробежав глазами донесение, Роман Исидорович пошел докладывать коменданту. В общем-то лучшего ожидать не приходилось, ибо еще раньше Горбатовский доносил: «Убыль громадная, как нижних чинов, так и офицеров. Резервов у меня нет. Самое малейшее усиление японцев может увенчаться прорывом японцев даже за Китайскую ограду...»

Вышел он через несколько минут сильно взволнованный и подозвал Ерофеева.

— Вот что, голубчик, срочно едем к Горбатовскому. Кое-как отпросился у Смирнова, здесь намечается совещание... Все так не вовремя, да еще Фок встал на дыбы с резервами, еле выбил полуроту.

Они быстро пошли к выходу, и генерал продолжал расспрашивать Ерофеева:

— Ну как там, на редутах? Друга-то встретили?

— На редутах, ваше превосходительство, сущий ад. Стрелков почти совсем не осталось. Из офицеров в строю только штабс-капитан Гусаковский. Сверкает своими красными кожаными шароварами и — как заговорен от пуля. Одним словом, держатся моряки. Они там японскими флагами весь лазаретный блиндаж выстелили, а свой андреевский уже перестали латать. Друга не видел. Погибли его товарищи лейтенант Зельгейм, начальник десанта капитан 2-го ранга Лебедев.

На этот раз Кондратенко не успел с подкреплениями. Оба редута, совершенно разрушенные, перешли в руки японцев. Примечательно, что японцы взяли эти укрепления, когда генерал Ноги, потерявший всякую надежду на успех, отдал приказ прекратить атаки. Впервые за четверо суток боев Ноги добился успеха, вклинившись в главную линию обороны русских, да и то за счет нерешительности Смирнова и предательства Фока.

Кондратенко прибыл на позиции, когда по всему фронту наступило затишье. Надо было, не теряя времени, использовать передышку. Прежде всего он отдал приказание о приведении в порядок линии фронта и перегруппировке сил. Обсуждая с Горбатовским возможные направления будущих атак, они пришли к единому мнению, что Ноги постарается развить успех и поведет наступление в стык двух фортов. Ночью подошли бывшие на отдыхе части. Всего между фортами № 1 и № 2 Кондратенко сосредоточил до 14 рот. Сменил и участвовавших в боях моряков ротой с канонерки «Гиляк» и сводным батальоном Квантунского экипажа.

Поздно ночью, вернувшись в Артур, Роман Исидорович узнал, что, пока он был на позициях, в штабе Стесселя произошло совещание, на котором обсуждались недостатки крепости. Читая журнал этого заседания, Кондратенко так и не понимал, зачем было нужно в самый ответственный момент штурма поднимать вопрос о боеготовности Порт-Артура, расписывать на 15 пунктов все недостатки и просчеты в его обороне.

Много позднее правильно оценит этот документ начальник Главного штаба генерал-лейтенант Фролов, который, докладывая военному министру, скажет: «Это, к величайшему горю, оправдательный акт, быть может, предстоящей сдачи крепости...»

Весь следующий день на фронте стояла необычная тишина. Обе стороны понимали, что передышка временная, и старались использовать ее с наибольшей пользой. Русские саперы с помощью стрелков и моряков укрепляли Китайскую стену. Большое и Малое, Орлиные гнезда, Заредутную батарею и Скалистый кряж, Залитерную батарею. Кондратенко до позднего вечера не слезал с коня. Очень беспокоила эта тишина. И

неспроста. Ночью Ноги подготовил решительную атаку. Командир 9-й дивизии генерал Ичинохе получил приказ ударом в промежуток между фортами № 2 и № 3 захватить Большое Орлиное гнездо, Заредутную батарею и Скалистый кряж. Для усиления 9-й дивизии придавались 4-я и 10-я бригады 11-й дивизии. Таким образом, в наступление шло почти две дивизии.

Атака началась в 11 часов ночи и явилась для русских неожиданностью. Впервые японские генералы отошли от своей традиционной тактики массированного артиллерийского налета с последующей атакой. Более двух батальонов пехоты, используя кромешную тьму и складки местности, приблизились к Китайской стене на расстояние восьмидесяти-ста шагов и бросились в штыковую атаку, забрасывая обороняющихся бомбочками. На Китайской стене в это время при свете фонарей работали саперы. Прикрывавшая их рота стрелков готовилась к смене. Удар японцев был внезапен. Через несколько минут они смяли слабый заслон и бросились к Заредутной батарее и Большому Орлиному гнезду, прорвавшись в тыл основной линии обороны. Положение сразу стало настолько угрожающим, что комендант форта № 3 приказал уничтожить мост, соединяющий форт с тылом, и приготовился к круговой обороне. Крепость ожила, осветилась ракетами, замелькали в воздухе лучи прожекторов. С фортов грянула крепостная артиллерия. Японцы немедленно ответили огнем осадных батарей. Все еще пользуясь неразберихой, они ворвались на Заредутную батарею, но оборонявшиеся быстро оправлялись от шока. Подошедшие из резерва моряки с канонерки «Гиляк» штыковой атакой выбили японцев с орудийных дворишков.

Кондратенко, которого атака застала на Малем Орлином гнезде, благодарил бога, что не успел уехать в крепость по вызову Стесселя. В момент начавшейся перестрелки они обсуждали с генералом Белым возможность завтрашней связи с артиллеристами эскадры. Присутствие в критический момент на позициях двух генералов во многом определило исход последующего боя.

Немедленно в направлении прорыва и на его флангах все силы были приведены в полную боевую готовность. Рота моряков, посланная Кондратенко в прорыв, таяла на глазах. Роман Исидорович перебросил к Заредутной еще две роты из общего резерва и окончательно закрепился на батарее. Крепостная артиллерия начала отсекал подходившие колонны японцев. Стреляли пушки с фортов, батареи литеры Б, Орлиного гнезда и Заредутной. Генерал Белый, понимая опасность прорыва, приказал развернуть на фортах часть пушек во фланг и в тыл, чтобы сосредоточить

огонь в нужном месте.

Японцы продолжали накапливаться в лощине между Большим Орлиным гнездом и Заредутной батареей. Через час после прорыва на небольшом пятачке скопилось более десяти тысяч человек. Вот здесь-то и сказалось четкое руководство, помноженное на героизм и отвагу русского солдата. Нащупанная прожекторами, японская пехота была накрыта массированным сосредоточенным огнем крепостной артиллерии. В атаку поднялись резервные роты, которые Кондратенко под прикрытием огня с фортов успел развернуть в боевые порядки. Удар был стремителен и силен. К половине первого ночи остатки неприятельских войск были не только отброшены от Китайской стены, но и за свои исходные позиции. Отступающую японскую пехоту встретили огнем свои же резервы, приняв ее за контратаку русских. Паника была так велика, что и это не остановило бегущих японских солдат. Прорвав уже свою линию обороны, они еще долго бежали, пока не оказались в своем глубоком тылу.

В час ночи Кондратенко направил с Ерофеевым в штаб крепости пакет с донесением, в котором писал: «Огнем батареи литера Б атакующие колонны были буквально сметены, блестящей контратакой моряков противник всюду отброшен от линии фортов в исходное положение. Для закрепления достигнутого успеха прошу выслать в мое распоряжение два батальона. Считаю, что город в безопасности...»

В штабе крепости были ошеломлены прорывом японцев. Стессель стал подумывать о сдаче Артура. На этом настаивал и Фок. Поэтому сначала Стессель не поверил донесению Кондратенко. И только когда пришло подтверждение от Белого, понял наконец, что ему в руки упала неожиданная победа.

В течение ночи Ичинохе пытался не раз организовать новое наступление, но японцы были так деморализованы, что все их атаки отбивались без особого труда.

11 августа генерал Ноги подписал приказ о прекращении штурма. Этим самым он расписался в своем поражении. За неделю боев он потерял более трети своей армии, так и не добившись существенного результата. Некоторые полки в осадной армии практически перестали существовать: так, в 7-м полку из 2500 человек в строю осталось чуть больше 200. В 36-м — 240 человек. Вся 6-я бригада, насчитывающая к началу боев свыше 5000 штыков, имела теперь в своем составе меньше 400 солдат и офицеров.

Общие потери японцев составили свыше 15 тысяч человек. Русских — около 3 тысяч. По сути дела, армия Ноги была разбита русскими войсками. Сами японцы полностью признают свое поражение. Позднее в истории

войны они запишут: «Несмотря на все жестокие атаки нашей третьей армии с 5 по 11 августа, мы не могли сломить искусно вооруженных батарей и защищавшего их до последней капли крови неприятеля. Потеряв 15 тысяч воинов, мы едва лишь могли завладеть укреплениями западного и восточного Панлушаня».

Это был первый за войну крупный успех русского оружия, явившийся прежде всего следствием мужества и героизма русского солдата и матроса. В ходе боев засверкал полководческий талант генерала Кондратенко. Это признали окончательно и друзья и враги. Стессель, считавший себя главным героем и организатором обороны, понял, что вся крепость и он в том числе держится на этом совсем неприметном человеке. В разгар боев он писал коменданту крепости: «В деревню Паличжуан двинуты 2 роты и с ними Кондратенко. Его не надо посылать с отдельными ротами. Потеря его незаменима».

Со второй половины августа в Артуре воцарилось затишье. Японцы, убедившись, что взять крепость прямой атакой невозможно, приступили к осадным работам. Осень еще не вступила в свои права, и установившаяся прекрасная погода только украшала общее затишье. Правда, на передовых позициях и особенно нейтральной полосе оставалось множество неубранных трупов, распространяющих по всей линии обороны удушливый запах, но тишина и спокойствие заставляли солдат забывать и про это. Кончились бои, а с ними и неизбежные потери, смерть и раны друзей, сослуживцев. Много появилось на артурском кладбище свежих братских могил. Умер генерал Розантовский, ранены Надеин и Горбатовский. Убит командир 13-го полка Мачабели, ранены командиры 14-го полка полковник Савицкий, и 15-го — полковник Грязнов, погибли и ранены тысячи солдат и офицеров.

Бои закончились, но война продолжалась. Обе стороны начали усердную подготовку к будущим событиям. И августа Ноги приказал вырыть первые сапы. В тот день на позиции вышло 2 тысячи японских саперов. Артур начал постепенно опоясываться сплошной линией апрошей и параллелей. Днем и ночью по всему фронту стучали кирки и лопаты. Японцы медленно, но упорно приближались к крепости.

Не дремали и оборонявшиеся. Они продолжали совершенствовать рубежи обороны. Роман Исидорович Кондратенко покинул передовые позиции после того, как японцы начали инженерные работы и стало ясно, что в ближайшие дни наступления не предвидится. Действия японских саперов вызывали определенные опасения, и генерал приказал обстреливать все участки, где будет замечено движение врага.

Вечером 11 августа усталый, но довольный подъезжал Роман Исидорович к своему домику. Чувство опасности и постоянного напряжения духовных и физических сил спадало, Наваливалась усталость. И все-таки этой ночью, помывшись и переодевшись, он долго не мог уснуть. В голове все еще слышались разрывы снарядов, хлопки шрапнелей, выстрелы, крики... Бой медленно отпускал натруженный мозг генерала. Вместе с общим спадом дали знать о себе старые недуги: заломило колено, постреливало больное ухо. Поворочавшись немного, генерал присел на постели. Из угла спальни, с икон, поблескивая в лунном свете, смотрели скорбные внимательные глаза. Мысли опять вернулись к делам.

«Слава богу, выстояли, победили! А японец? Понятно, роет сапы. Обжегся на молоке, дует на воду. Что же они замышляют?.. Штурм, конечно, будет. И скоро. Но где и когда ударят, вот бы сейчас что узнать. Без этого можно сделать много лишней работы, а можно и недоделать чего...»

Генерал снова лег и, чувствуя приятную прохладу простыней, начал успокаиваться.

«...На западе нас можно раздавить в два счета. Самый опасный участок. Можно. Но мы еще повоюем и там... Да, дела, дела...»

Сон окончательно сморил Кондратенко.

Проснулся он на следующий день, словно заново родившись. Солнца не было. Накрапывал мелкий дождь, но по шуму из-за окна и громким разговорам в столовой Роман Исидорович понял, что уже поздно.

«Нет, не ценим мы в спокойной жизни ее преимуществ», — подумал он, быстро поднимаясь с кровати и подходя к зеркалу.

С хорошо отполированного венецианского стекла на него смотрело измятое лицо с припухшими веками и всклокоченной, давно не стриженной бородой. Глаза, однако, поблескивали весело.

Он подмигнул отражению и, выглянув в столовую, крикнул денщику.

— Тихон, голубчик, найди парикмахера. Потом воды подай вымыться.

Через час посвежевший, подстриженный, в новом сюртуке генерал Кондратенко направился в штаб крепости, чтобы начать новую жизнь, которая, впрочем, ничем не отличалась от той, что он вел на протяжении последних месяцев. В штабе, как обычно, накопилась куча дел, но заняться ими было непросто. Все чувствовали себя именинниками. В канцелярии заполнялись бесчисленные списки награжденных, около кабинета Стесселя и Смирнова толпились адъютанты, штабные офицеры, всюду раздавались веселые голоса. Стессель, увидев вошедшего Кондратенко, расплылся в довольной улыбке.

— Что же вы, дорогой Роман Исидорович, спите и спите? И не стыдно боевому генералу так прохлаждаться? Видите, что творится в городе и крепости. Я сегодня же выезжаю к войскам. Будем служить молебны и награждать героев. Чем Артур не Севастополь?

Кондратенко поморщился, но, подавив возникающее раздражение, заговорил:

— Прошу меня простить, устал. Радость, конечно, большая. И гордость. Но надо приниматься за совершенствование обороны...

Стессель сразу нахмурился и, приняв деловой вид, перебил Кондратенко:

— Знаю, знаю. Японцы копают к нам траншеи и все такое. Конечно, надо быть готовым. Поэтому, голубчик, и занимайтесь, я вам верю. У меня, сами понимаете, дел сейчас весьма много. Донесения, вплоть до высочайших, наградные листы. Молебн. Берите, батенька, кого угодно: стрелков, моряков, китайцев, но позиции чтобы были неприступны. Да, именно неприступны. Я так и доложу в высочайшем донесении...

У себя в кабинете Роман Исидорович застал только Науменко. Полковник, по всему видно, хорошо отдохнул.

— Что, тоже радуетесь? — приветствовал его генерал.

— А что же, радуюсь. Есть ведь чему. Но готов отвечать на все вопросы и всегда к вашим услугам.

Науменко быстро развернул карту и, разложив в левом углу стола справочные записки, продолжил:

— Японцы начали осадные работы. Нам это вовсе не на руку... Что будем делать?..

Генерал с удивлением посмотрел на своего начальника штаба.

— А что делать? Дел много... Нужно совершенствовать оборону. Нужно попутно искать ответ на основные задачи. Нужно выяснить, где и когда начнется наступление. Выяснить же это мы можем только активными действиями. Поэтому готовьте приказ о ведении непрерывной разведки поиском и боем. Я переговорю лично с начальниками отделов.

Приказ был готов через час. За это время Кондратенко успел вызвать инженер-подполковника Рашевского, капитана Зангендзэ, Шварца и в тот же день отправился с ними на форты. Начались срочные инженерные работы. По приказу Кондратенко продолжалось укрепление второй линии обороны между укреплением № 3 и батареей литеры Б. Да и по всему фронту закипела работа. В инженерном и артиллерийском отношениях совершенствовались батареи, редуты, форты. На укреплениях, особенно по ночам, сотни людей укрепляли земляные брустверы, создавали из мешков с

землей дополнительные валы, оборудовали траверсы для защиты от продольного огня, прорубали бойницы, тщательно укрепляя где можно броневыми листами, восстанавливали козырьки защиты от шрапнели. Опыт прошедших боев показал, что от шрапнели войска несли наибольшие потери. В темные, безлунные ночи на нейтральную полосу выползали саперы, устанавливали новые ряды колючей проволоки, закапывали фугасы, подновляли волчьи ямы. Активизировались охотничьи команды. Поиски разведчиков велись систематически по всему фронту. Темные ночи с дождем и туманом, пришедшие на Квантуй, только способствовали этому. В конце августа прошли первые разведки боем. Первой произвели вылазку из Куропаткинского люнета. Взвод стрелков в темноте пробрался через проволочные заграждения, ворвался в японские траншеи и без единого выстрела ударил в штыки. Японцы так перепугались, что побежали по всей линии. Заколов около сотни врагов, стрелки без потерь вернулись в свои траншеи. Точно такую же вылазку произвели с Водопроводного редута на Седловую гору.

Роман Исидорович все это время не вылезал из седла. За день он успевал побывать и на западном, и на восточном участках, в порту и на артиллерийских складах. Вечерами он работал в штабе. И уже совсем поздно возвращался домой. В маленьком домике начальника сухопутной обороны возобновились товарищеские ужины. По-прежнему было много молодежи, которая группировалась вокруг адъютантов генерала, но смело выступала со своими предложениями, особенно по созданию новых средств борьбы с противником. В это время в Артуре рождались технические новинки. Здесь, на квартире Кондратенко, они не только получали одобрение, но и путевку в жизнь. Все, что хоть как-нибудь могло усилить оборону, внедрялось в войска. В один из таких вечеров постоянный посетитель лейтенант Подгурский предложил оригинальную конструкцию ручной гранаты. В русской армии таких средств ближнего боя пока не было, а эффективность их была доказана в последних боях. Каждый японский пехотинец нес с собой по три бомбочки и при первом же удобном случае забрасывал ими русские траншеи. Подгурский принес такую самодельную гранату. Она представляла собою гильзу от 37-миллиметрового снаряда, начиненную сухим пироксилином, с бикфордовым шнуром для воспламенения. Роман Исидорович сразу увидел, что наладить изготовление таких бомбочек не составит особого труда. Принялись за дело, уже через два дня в Артуре стали изготавливать самодельные гранаты. Сначала работы велись в оборудованной на 18-й батарее мастерской. Затем и во многих других местах. К концу обороны в

крепости изготавливалось в день до 300 таких гранат, причем разных типов.

Моряки же предложили использовать морские минные аппараты для стрельбы с суши торпедами и доказали эффективность этого средства борьбы с живой силой.

Кондратенко видел, как с каждым днем растет инициатива молодых офицеров. В крепости возникло негласное соперничество за создание лучших средств обороны. Роман Исидорович поощрял такое соперничество. Не успел Кондратенко дать добро предложению капитана 26-го полка Шметило об использовании запаса ружей Манлихера, как мичман Власьев представил еще одну отличную идею. Шметило ввиду острого дефицита пулеметов предложил связывать винтовки по пять в одном станке и использовать их как своеобразную митральезу. Власьев же стал родоначальником разработки нового грозного оружия — миномета. Для стрельбы шестовыми минами он приспособил тело 47-миллиметрового морского орудия, установленного на основании трехдюймовой полковой пушки. Окончательно обосновал и развил идею создания миномета еще один помощник Кондратенко — капитан Гобято.

Сапер Дебигорий-Мокриевич поделился с генералом изобретением метательной осветительной гранаты. Моряки вносят предложение пропускать через колючую проволоку электрический ток.

В дни, полные тревог и забот, с одной из китайских шхун в Артур прорвался офицер штаба Маньчжурской армии. Он доставил пакет от Куропаткина. Командующий спешил поздравить артурцев с первыми победами и посылал выписку из высочайшего повеления. Царь назначил Стесселя своим генерал-адъютантом «с награждением орденом святого Георгия III степени за бои под Цзинчжоу». За эти же бои Фок вместо суда получает золотое георгиевское оружие. Немедленно был отдан приказ по гарнизону. Начались торжественные молебны. В среде боевого офицерства вести из главной квартиры вызвали, мягко говоря, недоумение и прямые насмешки. В офицерском собрании, не таясь, говорили, что единственное действительно верное в приказе — высочайшее повеление считать месяц службы в Артуре за год. Сам же Стессель принял повышение в чине и награду как должное и сразу развил кипучую деятельность. Пользуясь затишьем, он даже выехал на наиболее безопасный участок обороны. Впрочем, эти поездки принесли больше вреда, чем пользы. Их результатом явился приказ, запрещающий всякие вылазки, которые якобы, кроме лишних потерь, ничего не давали. Конечно, разведкой боем нанести серьезный урон врагу трудно, были и неизбежные потери. Но каждая такая

вылазка давала ценнейшие сведения о японских приготовлениях. Кроме того, вселяла в защитников крепости уверенность.

Кондратенко несколько раз пытался переубедить Стесселя, но говорить с ним в эти дни было бесполезно. Новоиспеченный генерал-адъютант и георгиевский кавалер чувствовал себя на вершине славы и не принимал ни малейших возражений в свой адрес.

Роман Исидорович не стал упорствовать. Дел было много, и убивать время на бесплодные споры он считал просто недопустимым. Чинов и наград за свою деятельность он в то время не получил. Зато удостоился лучшей награды — памяти человеческой. Много позже, рассказывая о его неутомимой деятельности в эти дни, участник обороны Ф. И. Булгаков напишет:

«И вот эта-то энергия, неиссякаемая, неутомимая, и «двигала горами» в Порт-Артуре. По званию начальника сухопутной обороны генерал ежедневно посещал форты, укрепления, батареи, бывая преимущественно там, где в данный момент обороноспособность была слабее, а стало быть, и более опаснее. Почти ежедневно он бывал на батарее № 18, возле которой шло изготовление ручных бомб; заглядывал и в порт, где шла кустарная выделка орудийных снарядов; не артиллерист по службе и образованию, он заглядывал и в арсенал, чтобы в одном углу его найти станины, а в другом — колеса, в третьем — тело орудия, в четвертом — снаряды и с милой, ласковой улыбкой попросить все это, как-нибудь собрать и устроить «и, таким образом, дать крепости новое орудие взамен подбитого. Он именно всегда и всех просил, а не приказывал, и эти просьбы исполнялись всеми свято, как самое строгое приказание».

В последние дни августа в Порт-Артур пришла еще одна телеграмма из штаба Маньчжурской армии, в которой защитники крепости торжественно уверялись, что армия горит желанием идти им на выручку и ее предстоящее наступление будет энергичным и решительным. Немедленно телеграмма была объявлена частям гарнизона, но никто — ни читавшие ее, ни слушавшие не знали, что к этому времени Маньчжурская армия оставила Ляоян и в дальнейшем им предстоит около четырех месяцев без всякой помощи вести отчаянную борьбу против озлобленного неудачами, постоянно пополняющего свои силы и запасы противника.

Маршал Ояма, так и не дождавшись «Победоносной» армии барона Ноги, решил первым атаковать Куропаткина. Имея под своим началом около 200 тысяч человек и свыше 500 орудий (примерно столько же было у Куропаткина), он нанес удар, в результате которого Куропаткин стал отходить на Ляоянские позиции. Здесь 16 августа и начались бои,

продолжавшиеся целую неделю и постепенно вылившиеся в генеральное сражение. В результате жесточайшего боя русские оставили Ляоян. Если взглянуть на итоги, то даже беглое сравнение потерь сторон вызывает удивление, что Куропаткин отдал приказ об отступлении (русские потеряли 500 офицеров и 15 тысяч солдат, японцы — 600 офицеров и более 23 тысяч солдат). Детальный разбор сражения прямо доказал, что Куропаткин упустил реальнейшую возможность нанести японцам решительное поражение. Японская армия попала в тяжелое положение. Прекрасно организованные дивизии армий Нодзу и Оку понесли невосполнимые потери. Сам Ояма потерял управление армиями. В резерве у него не осталось ни одного солдата. Командующий 1-й армией генерал Куроки на третий день сражения, имея перед собой превосходящие силы русских, отдал приказ об отступлении... Но всех их, к сожалению, упредил Куропаткин. Всего за два часа до отхода японцев достойный покровитель Стесселя, Фока и компании сам отдает приказ отступить.

«Если бы в это время русские одним или двумя полками перешли где-нибудь в наступление, — признавался впоследствии германский военный агент при японской армии, — они одержали бы под Ляояном блестящую победу».

22 августа английскому генералу Гамильтону в штабе Куроки было прямо сказано: «Большое счастье для нас, что Куропаткин вчера или третьего дня нас не атаковал. Нашей удаче как-то даже трудно верится...»

Всего этого в Артуре не знали. Заканчивался месяц сравнительно спокойной жизни. На передовых позициях иногда вспыхивала ружейно-пулеметная перестрелка. Иногда она перерастала в артиллерийскую дуэль. Но в самом городе запахло мирной жизнью. Открылись не разрушенные бомбардировкой магазины, принимали посетителей гарнизонное и морское офицерские собрания, в погожие дни на Этажерке гремел оркестр. Среди чахлых кустов и деревьев сада стали появляться фигуры гуляющих, правда, большей частью военных.

В эскадре тоже произошли большие изменения. После долгих дебатов и переписки Алексеев наконец решился снять временно исполняющего обязанности командующего флотом адмирала Ухтомского. Последний, невзирая на многочисленные указания наместника, решительно отказывался выйти в открытое море. На его место с производством в контр-адмиралы был назначен командир крейсера «Баян» Вирен. Особыми флотоводческими способностями этот офицер не отличался, но зато за ним прочно укоренилась репутация садиста — за особое зверское отношение к матросам. Скоро Алексеев и сам поймет, насколько неудачен был его

выбор. Новый командир эскадры после нескольких телеграмм с невразумительными ответами на вопрос о возможности выхода кораблей в море в конце концов 2 сентября направит Алексею пространное донесение, суть которого сводилась к тому, что военная попытка прорыва во Владивосток обречена на неудачу. С этого дня наместник больше не требовал выхода эскадры в открытое море.

Время шло. Японцы не сидели сложа руки. К концу августа их осадные работы заметно продвинулись вперед. Так, от форта № 2 они находились в 400 шагах, от капонира № 3 — в 300. Перед Водопроводным и Кумирненским редутами сапы располагались на удалении не более ста шагов. Следуя примеру русских, для пополнения осадного парка Того передал с судов несколько десятков скорострельных пушек. Подошло и людское подкрепление — около 17 тысяч штыков. 1 сентября в порт Дальний пришел первый транспорт с 11-дюймовыми осадными орудиями. Сгружались они на тех самых причалах, которые им в свое время так неожиданно подарил Фок, отправлялись на фронт, где устанавливались на специальные бетонные платформы.

Победа под Ляояном только ускорила события. Японский генеральный штаб, окрыленный успехами в Маньчжурии, не стал дожидаться установок сверхмощных пушек, а приказал вторично штурмовать русскую твердыню. Да и сам Ноги хотел побыстрее покрыть свои прошлые неудачи. На этот раз он решил нанести удар по двум направлениям: черед Водопроводный и Кумирненский редуты на севере, а также в направлении гор Длинная и Высокая. На севере наступала 1-я дивизия, на западе — части 9-й дивизии с приданной ей 1-й резервной бригадой.

В крепости на передовых позициях северного фронта к тому времени находилось 16 рот из разных полков, несколько отдельных взводов и три охотничьи команды. Из них Водопроводный редут обороняла одна рота, Кумирненский — рота и отдельный взвод. Траншеи между редутами также занимало до роты стрелков и охотничья команда. В резерве находилось две роты моряков.

На западном фронте сил было побольше. Длинную обороняло пять рот различных полков, рота Квантунского экипажа и охотничья команда. На Высокой горе располагались три роты стрелков и рота моряков, но в тылу располагалось до восьми рот с 14 полевыми орудиями. На главных направлениях предполагаемого удара японцы превосходили защитников крепости по личному составу более чем в три раза, а на некоторых участках и в десять раз.

Утром 6 сентября осадная артиллерия начала мощную бомбардировку

восточного фронта, но русские не клюнули на эту удочку и не передвинули из резерва ни одного солдата. Поиски разведчиков все-таки принесли свои плоды. Сопоставляя их данные о передвижении японских войск с расположением воздвигаемых инженерных сооружений, Кондратенко без труда понял, что Ноги будет атаковать в центре и на западе. Договорившись с Белым, что тот возьмет на себя контрбатарейную борьбу на восточном фронте, сам Роман Исидорович с Науменко отправился на форт № 3. В том, что его предположение подтвердилось. Роман Исидорович убедился, едва прибыл на командный пункт коменданта форта. Не успел он выслушать доклад, как началась отчаянная канонада. Был полдень. По редутам стреляло одновременно до 40 осадных и около 50 горных пушек. Под прикрытием артиллерийского огня японцы подтянули горные орудия почти к самому Водопроводному редуту и с расстояния в сто шагов начали расстреливать его укрепления. Кондратенко без труда сосчитал, что за минуту на редуте разорвалось от 10 до 14 снарядов. Многие из них давали при разрыве клубы черного дыма от сгоревшего меленита. Вечером он с болью в сердце навестит оставшихся в живых защитников редута. Отравленные ядовитыми мелинитовыми газами, они находились в состоянии столбняка. Тогда же он узнает, что за шесть часов обстрела в районе Водопроводного редута упало более тысячи снарядов, но и сейчас уже было видно, что бомбардировка превратила укрепление в груды дымящихся развалин: обломки дерева, камни, брустверы и блиндажи были скрыты до основания, молчали две пушки, не работала связь. В это время начальник участка подполковник Бутусов доложил, что японцы поднялись в атаку. Кондратенко приказал немедленно открыть отсечный огонь с форта № 3, укрепления № 3, Курганной и Перепелиной батарей. Артиллеристы стреляли великолепно. Через полчаса атака захлебнулась. Через час все повторилось. С той лишь разницей, что в дело вступили оставшиеся в живых защитники редута.

В 6 часов вечера, когда японцы, подтянув полевые орудия, сбили последний русский пулемет, они впервые ворвались на редут. Врага встретили всего 30 оставшихся в живых стрелков. Под командой унтер-офицера Трофима Бирюкова смельчаки пошли в штыки и сбросили врага в ров. Но силы были слишком неравны. К 8 часам вечера японцы заняли передний фас редута и поставили там пулемет. Бутусов, используя все резервы и остатки гарнизона, контратаковал до шести раз за вечер, но безуспешно. В полночь, когда в руках защитников оставался лишь кусочек заднего фаса, начальник участка обратился к Кондратенко с просьбой оставить редут. Положение было действительно критическим. Укрепление

превратилось в ГРУДУ дымящейся земли и перестало соответствовать своему названию. В ротах оставалось по 5–6 человек в строю. Роман Исидорович ответил: «Если есть какая-нибудь возможность держаться с надеждой на успех, то предоставляется вашему усмотрению оставаться на занимаемой теперь позиции».

Надежды на успех, однако, не было. В 3 часа 47 минут Кондратенко отдал приказ оставить Водопроводный редут. Бутусов с остатками рот отошел. Это предрешило и судьбу Кумирненского редута, который был занят японцами к утру 7 сентября. С большим трудом решился Роман Исидорович на отход. Но к этому времени вся тяжесть борьбы сместилась на другой участок фронта.

Еще утром, направляясь на северный участок, он с тревогой прислушивался к тому, что происходит на западе. Высокая по-прежнему волновала его больше всего. Всякий раз, как только японцы начинали активные боевые действия, он про себя молил бога, чтобы на сей раз наступление произошло на другом участке. Важность горы во всей системе обороны крепости и недостаточная ее укрепленность вызывали у Романа Исидоровича безотчетное чувство вины. Он не переставал корить себя, что мало сделал, что не сумел в свое время убедить командование в первостепенной значимости этого опорного пункта.

Когда в середине дня начался интенсивный обстрел Высокой и Длинной гор, Кондратенко понял; настал черед и этих укреплений. Оставив для связи на форту Науменко, Роман Исидорович спешно отправился на форт № 4, поближе к командному пункту начальника участка обороны полковника Ирмана. Он успел добраться до нового места, получить и обработать несколько донесений, а артиллерийский обстрел все не кончался. Канонада длилась более трех часов. Но японские артиллеристы стреляли плохо: на Высокой разрушили только три блиндажа да подбили одно орудие и пулемет. В шестом часу вечера до полка пехоты атаковало позиции на Длинной горе, но ее остановили. Атаки продолжались весь вечер. На отдельных участках они перерастали в рукопашные схватки. Успеха японцы так и не добились. Кондратенко направил на Длинную приказ держаться до последнего, и защитники выполнили его с честью. Ночью атаки прекратились, но ружейно-пулеметная стрельба продолжалась до утра. Ночью японцы пытались отдельными группами просочиться сквозь нашу оборону, но сторожевое охранение было начеку и вовремя успевало забрасывать изготовившегося к броску противника бомбочками. Вот когда впервые оценили артурцы это замечательное изобретение. С утра опять начались непрерывные атаки, перемежающиеся массируемыми

артиллерийскими налетами. В ротах, оборонявших гору, в живых осталось по 10–12 человек. В середине дня Кондратенко, получив тревожнее донесение от Ирмана, приказал 5-й роте Квантунского экипажа выдвинуться на южную окраину Длинной горы для прикрытия отходящих с позиции войск. Судьба укреплений на Длинной была решена.

На главном направлении у Высокой горы события разворачивались несколько иначе. К началу штурма укрепления на Высокой представляли из себя две линии стрелковых траншей с проволочными заграждениями, которые опоясывали вершину, где располагались две батареи. Атаку Высокой японцы начали через полчаса после Длинной, примерно такими же силами и, несмотря на большие потери, приближались к проволочным заграждениям.

С наступлением темноты атаки прекратились. Противник отошел на исходные рубежи. В том, что на этом дело не кончится, были уверены все, от солдата до генерала. Ночью на нейтральной полосе было замечено движение. Посланные на разведку охотники, притащили в штаб Ирмана полузадушенного японского унтера. Тот, не запираясь ни секунды, доложил, что командовал группой солдат, оставленных для проделывания проходов в проволочных заграждениях. В 5 часов утра, едва забрезжил рассвет, бой возобновился с прежней силой. Обе стороны не раз сходились в рукопашной схватке. В дело пошло все: штыки, тесаки, приклады, лопатки, а то и просто камни. Нередко противников разделяли только горы трупов, через которые они перебрасывались бомбочками. К 9 часам атаки захлебнулись. В дело вступила осадная артиллерия, непрерывно наращивая силу огня. В середине дня затих бой на северном фронте, замолчала и Длинная. Только на Высокой свирепствовал все истребляющий огонь. Гора дышала и клокотала, как вулкан.

В этот момент Кондратенко приказывает начальнику обороны восточного участка генералу Надеину, заменившему больного Горбатовского, переправить на левый фланг пять рот из своего резерва. Четыре роты и батальон моряков вызывает он из общего резерва. Роман Исидорович, оголяя некоторые участки фронта, шел на сознательный риск. Еще продолжалась артиллерийская дуэль на восточном фронте, еще стреляли пушки на севере, а Кондратенко сосредоточивал все силы для защиты Высокой. В этот критический для обороны крепости момент он был непримирим. Куда девался ставший уже всем привычный милый и добрый генерал. Наперекор решениям Смирнова, не спрашивая разрешения у Стесселя, Роман Исидорович действовал так, как подсказывала ему совесть, как требовал воинский долг и сложившаяся обстановка. А она все

усложнялась. Особое беспокойство у генерала вызывало отсутствие известий от Ирмана или коменданта Высокой капитана Стемпневского. К огню осадных батарей присоединились две японские канонерки, 9-дюймовые снаряды которых сносили целые участки траншей, рвали проволоку, засыпали блиндажи. Трудно было представить, как в таком аду могут выжить люди.

Кондратенко постоянно требовал сведений о перемещении японских резервов. Телефонная связь давно не работала, а пешие связные, конечно, не успевали за динамикой боя. Верхом же под таким огнем двигаться было невозможно. Японцы накапливались у подножия горы в мертвом пространстве. Роман Исидорович, не выдержав, решил ехать на Высокую, но тут пришло донесение от Ирмана. Полковник докладывал: «Высокая сильно бомбардируется с моря и с суши бризантными, лидитными бомбами и шрапнелью... Капитан Стемпневский 1-й доносит, что он еще держится; я ему ответил: «Держитесь до последнего, как приказал комендант». Обещал на случай штурма поддержку. Есть две роты, но их взять нельзя; они обеспечивают линию. Прошу прислать помощь. Положение серьезное. Желал бы посоветоваться с вашим превосходительством и доложить вам лично. Отлучиться не могу, не найдете ли вы возможным сегодня приехать к нам в штаб».

Кондратенко тотчас отправился к подножию Высокой, где располагался штаб Ирмана, и уже через час вместе с ним был на вершине горы. В тыл срочно поскакал адъютант с приказанием направить на Высокую три резервные роты. На горе творилось невообразимое. Обстрел стих, но снаряды изредка продолжали рваться по склонам. Изрытая воронками земля, казалось, сочилась кровью и смутно дымилась. На первый взгляд ничего живого не могло быть на этом сожженном клочке земли. Но вот затихли орудийные выстрелы, и из земли, полуразрушенных щелей, стали, как призраки, появляться люди. Романа Исидоровича ободрило отсутствие какой-либо растерянности и подавленности. Спокойствие и деловитость, с которой стрелки и артиллеристы принялись за расчистку траншей, подготовку к стрельбе орудий и боеприпасов, вызвали чувство восхищения.

— А это что? — повернулся он к Ирману, указывая на группу матросов, на руках тянущих к брустверу какой-то аппарат.

— Это Подгурский со своими минерами. Тот, которому вы неделю назад дали добро на применение этой штуковины. Молодец лейтенант! Он тут с утра такое натворил, что японцы, по-моему, до сих пор не поймут, чем же их попотчевали...

Среди бескозырок мелькала белая офицерская фуражка. Три моряка на самодельной тележке подкатывали к минному аппарату длинное сигарообразное тело торпеды. Кондратенко быстро спустился к морякам. Подгурский, похудевший, с отросшей за несколько дней щетиной, подошел к генералу с рапортом. Матросы вытянулись во фронт, бросив работу. Роман Исидорович жестом остановил лейтенанта.

— Ну как дела, братцы? — повернулся он к матросам. — Не поджарил вас еще японец? Вижу, не поддается. Как думаете, выдюжим? Не уйдем с Высокой?

— Так точно, ваше превосходительство, — вразнобой ответили матросы, — это мы его жарим, почитай, третий день. А уйти, — как можно, коль наш генерал с нами.

— Молодцы, братцы, — крикнул генерал и, не скрывая нахлынувших чувств, стал по очереди обнимать минеров. — Спасибо, спасибо, родные! От всей благодарной России спасибо...

Из близлежащих окопов начали высовываться стрелки, и воздух огласило неожиданное ликующее «ура!». Кондратенко повернулся к Ирману.

— Надо представить наиболее отличившихся к награде. Сегодня ночью сам вручу, если японец позволит. Да, кстати, как у вас дела с питанием и эвакуацией раненых? Как с харчем, борода? — повернулся генерал к невысокому, заросшему густой рыжей растительностью стрелку.

Солдат от неожиданности вздрогнул, но, видя, что генерал улыбается, быстро ответил:

— Благодарствуем, ваше превосходительство, с утра по полбанки консервы получили, опять же сухари... Некогда пожевать только...

Солдат весело рассмеялся, обнажив в провале бороды молодые здоровые зубы.

Разговор прервал нарастающий свист японского снаряда. Все бросились врассыпную. Генерал и не заметил, как чьи-то сильные руки подхватили его и втолкнули в низенький тесный блиндаж. Сверху раздался один взрыв, второй, третий, и все стихло.

— Ну, сейчас полезут, — приглушенно сказал Стемпневский, отряхиваясь от сыпавшейся земли, — теперь пе до ужина...

Капитан оказался прав. Генерал Ноги решил окончательно разделаться с Высокой и бросил в бой сразу две тысячи солдат. Сомкнутым строем, при развернутых знаменах, с офицерами впереди двинулись японцы в гору. Командовал колонной лично генерал Матсумура. В последних лучах заходящего солнца психическая атака выглядела еще зловещее. Казалось,

неудержимая сила накатывает на горстку смельчаков, окопавшихся на склонах Высокой. Роман Исидорович видел, как насторожились, замерли в напряжении люди. У него и самого к сердцу подкатился неприятный холодок, но только до первого выстрела. Уже можно было видеть перекошенные от ярости лица японских солдат, когда слабо выстрелил, скорее хлопнул минный аппарат. Длинное тело торпеды, описав крутую дугу, врезалось в самую гущу врагов. Чудовищный взрыв разорвал колонну надвое, сразу на дрогнувших японцев обрушился шрапнельный огонь. В сплошной стене наступающих стали возникать просветы, колонны остановились. Но психическая атака не закончилась, а повторялась еще и еще. После третьей, когда на Высокую подошли три резервные роты и положение несколько упрочилось, Кондратенко уехал с горы, надеясь в душе, что атаки японцев окончательно захлебнулись. С позиций срочным порядком отправляли раненых. Людей на руках спускали с юго-восточного склона, грузили на стоящие у подножия самодельные платформы. Платформы эти вместе с узкоколейкой остались еще со времени подвоза сюда морских орудий. Ерофеев, посланный вперед для выяснения причин возникшего шума, скоро вернулся и, невесело улыбаясь, доложил:

— Дубинушка, ваше превосходительство...

Действительно, люди, облепившие, как муравьи, платформы, с родной песней толкали их в сторону далеких огней Артура.

Кондратенко едва успел добраться до штаба западного участка, как японцы начали новые атаки. Тут уж некогда было думать о награждениях. Пришлось срочно заняться поисками новых резервов. В два часа ночи японцы все-таки прорвали первую линию обороны и завязали бой на второй. В шесть часов утра штурмовая колонна, личный состав в которой успел уже поменяться три раза, пополненная резервами в четвертый, прорвались через вторую линию траншей к блиндажам. Вспыхнул рукопашный бой. У Кондратенко мелькнула мысль, что Высокая пала, но он даже не успел устыдиться ее. Десантная рота моряков, в последний момент направленная с восточного участка, решила исход дела. Моряки как снег на голову упали на завязших в рукопашной японцев. Атака была сокрушающей. Японцы бежали, оставив не только вторую, но и первую линию обороны. Не последнюю роль здесь сыграл прекрасно организованный отсечной огонь с флангов.

Позже сами японцы в официальной истории признают, что к этому моменту их подразделения на горе потеряли связь с тылом. Это не позволило японскому командованию вовремя подбросить резервы. Да и сами войска, лишившись почти всех офицеров, стали неуправляемы и легко

поддались панике. Там же будет записано: «...находясь под орудийным и ружейным огнем неприятеля с фронта и флангов, осыпаемая градом бомбочек, колонна была почти целиком уничтожена».

Начался новый день. Артиллерийский обстрел горы усилился. На сей раз эффективность огня была более высока. Объяснялось это тем, что к началу артиллерийской подготовки стал действовать у японцев корректировочный пункт на Длинной горе. Кроме того, там же были оборудованы несколько пулеметных точек, которые своим огнем практически парализовали всякое движение на русских позициях. В этих условиях Кондратенко блестяще проводит весьма рискованный, но необходимый маневр. Днем, на глазах неприятеля, был полностью заменен гарнизон Высокой. Новым комендантом горы был назначен штабс-капитан Сычев. Несомненно, шаг этот был рискованный, но не безрассудный. Еще утром полковник Ирман докладывал, что обороняющиеся понесли большие потери, измучены непрерывными боями. В 16-й роте выбыло более половины личного состава. Генерал понимал, что не спавшие три ночи, полуголодные люди не выдержат очередного штурма. Когда ему доложили, что поднявшаяся в 9 часов в атаку японская пехота была остановлена весьма слабым ружейным огнем, он убедился, что японцы пока не в состоянии ударить по-настоящему и надо, не теряя времени, производить смену. Немедленно поставили дымовую завесу, мешавшую прицельному огню с Длинной горы. Смена прошла организованно и быстро.

Вечером, сам не спавший вторую ночь, Кондратенко поехал на Высокую проверить исполнение своих указаний и смену гарнизонов. Вновь, как и сутки назад, его прибытие на позиции ознаменовалось очередной серией японских атак, но уже было видно, что Ноги бросает в бой последние резервы. Такое положение вещей Романа Исидоровича устраивало. Всю свою энергию в эту ночь он направил на организацию отпора потерявших ярость японских атак. На гору постоянно подходили резервы. С восточного фронта он перебросил два пулемета и одно скорострельное орудие. Весь Артур работал на Высокую. И не напрасно. К утру 9 августа Ноги окончательно увяз в бесплодных попытках прорвать русскую оборону на Высокой. Кондратенко же, умело маневрируя резервами и огневыми средствами, постепенно склонял чашу весов на свою сторону. Последний его маневр, впоследствии прославивший русских артиллеристов, поставил окончательную точку во втором штурме.

Когда с постов Голубиной бухты доложили, что у подножия горы скопилась огромная масса японских пехотинцев, генерал приказал снять с Ляотешаня одну батарею и скрытно перебросить ее во фланг

накапливающейся группировки. Артиллеристы штабс-капитана Ясенского блестяще выполнили приказание: скрываясь за сплошной стеной гаоляна, они на руках выкатили орудия на прямую наводку и в упор ударили по врагу. Мастерство русских артиллеристов всегда вызывало удивление даже у противника, но теперь... В считанные минуты от трех японских батальонов остались только воспоминания.

«Наиболее блестящий образчик артиллерийского искусства, какой я когда-либо видел, дала русская батарея 9 сентября. От картечи этой батареи не ушел ни один солдат из наступающего отряда», — писал об этом эпизоде сражения в книге «Великая осада» английский корреспондент при армии Ноги Норригард.

Второй штурм Артура закончился новым поражением японской армии. Убедительно показывает это соотношение потерь только в боях за Высокую: с японской стороны — свыше 6 тысяч солдат и офицеров, с русской — ровно в шесть раз меньше. В одной из бесплодных атак погиб командир 1-й бригады генерал-майор Яммато. Позднее японцы сами признают, что из 23 рот, предназначенных для штурма, после боев нельзя было сформировать и трех.

Генерал Ноги в очередной раз недооценил противника. Повторяя старые тактические ошибки, он вновь ударил растопыренными пальцами и не добился успеха. Правда, на северном фронте японцы вплотную подошли к главным укреплениям крепости, а на западе с взятием Длинной горы получили хороший корректировочный пункт. Но прорвать главную линию русской обороны, то есть решить хотя бы ближайшую задачу, командующий осадной армией так и не смог. Все это не только повлияло на общую обстановку под Порт-Артуром, но и существенно подорвало морально-психологическую устойчивость японских солдат.

Во время войны, да и после ее окончания иностранные корреспонденты при армии Ноги, захлебываясь от восторга говорили о беспредельной, прямо-таки фантастической преданности японских солдат «божественному микадо», ради которого не задумываясь шли на смерть. Действительно, вся система воспитания и муштры делала из нижнего чина японской армии упорного в бою, храброго и преданного солдата. Смерть за императора считалась для японца высшим благом. Но и эти люди после неудач второго штурма почувствовали глубокое разочарование и неуверенность в своих силах. В одном из писем родным солдат 1-й бригады писал:

«Служба под Артуром тяжела, гоняют с одного места на другое, работы по горло, а успехов не видно; третий день берем какую-то горку и

не можем взять; из полка более половины выбыло, офицеров совсем нет».

Глава 7

СЛАВА ПОРТ-АРТУРА

15 сентября 1904 года, через неделю после окончания второго штурма, в Порт-Артуре праздновали день рождения супруги начальника укрепрайона Веры Алексеевны Стессель. С утра к дому генерал-адъютанта начали съезжаться начальники всех степеней и рангов, а на торжественном молебне в гарнизонной церкви, как говорится, яблоку негде упасть. Блеск эполет, золотого шитья мундиров, парадных поясов, разукрасили и без того яркое, торжественное убранство храма. В первых рядах рядом со Стесселем и виновницей торжества сгруппировалось все командование крепости и эскадры. Как всегда недовольный, подергивал морщинистой шеей Фок. Неизменно спокойный и уравновешенный начальник артиллерии Белый вел неторопливую беседу со Смирновым. Вирен, зажав парадную треуголку локтем, со своим начальником штаба стоял несколько в стороне от сухопутных начальников и со снисходительной улыбкой слушал последнего. Генерал Кондратенко, несмотря на парадный мундир, все-таки проигрывал блистательной, исполненной величия фигуре Стесселя, да и написанная на его лице озабоченность вступала в противоречие с праздничной атмосферой торжества. Роман Исидорович, которому очередная послештурмовая пауза только прибавляла забот, и не пытался скрыть свою тревогу...

Действительно, на сей раз передышка была чисто символической. Сразу по окончании атак японцы развернули в невиданных размерах земляные работы. День и ночь рылись траншеи, параллели, ходы сообщения к фортам крепости, особенно на северном и восточном участках. На этот раз все саперные работы прикрывались непрерывным огнем осадной артиллерии, что не только мешало оборонявшимся препятствовать этим работам, но и не давало возможности совершенствовать оборону своих укреплений.

Окончательно оборудовав на Длинной горе наблюдательный пункт, японцы всерьез тревожили эскадру. Сначала, спасаясь от обстрела, корабли пытались маневрировать по гавани, но вскоре были вынуждены отойти в восточный бассейн, а частью подойти ближе к берегу и укрыться от наблюдения.

Впервые серьезно встал вопрос с продовольствием. Роман Исидорович вспомнил вчерашний доклад Горбатовского о том, что в связи с

ухудшением питания появилась цинга, которая неумолимо вырывала из рядов защитников все новые и новые жертвы. Тяготы окопной жизни начали постепенно давать о себе знать. Вспомнил и то, что, несмотря на этот доклад, уже представил Стесселю проект приказа о сокращении пайка фронтовикам до трети фунта конины в день.

Кондратенко всегда благоговел перед величавой торжественностью праздничной службы, но сейчас чувство светлого праздника, неизменно владевшее им в церкви, перебивалось этими важными заботами. В последнее время он стал замечать, что дурные предчувствия редко его обманывали, и оттого настроение несколько не улучшалось.

Так и на этот раз. Утром 16 сентября он читал депешу Куропаткина об исходе Ляоянского сражения. Главнокомандующий продолжал уверять в скором и энергичном наступлении Маньчжурской армии, но Кондратенко понял: помощи ждать больше неоткуда. Впервые перед ним со всей остротой встал вопрос о судьбе Порт-Артура. Мысли о сдаче крепости он не допускал, но факты, убийственные факты, говорили о другом. Как образованный военный, он понимал, что в одиночку Артур долго не продержится и когда-нибудь наступит момент гибели. Надо было искать выход, посмотреть по-новому на роль и место крепости не только в общей системе боевых действий, но и войны вообще. Проблема захватила генерала полностью, напряженные дни сменялись бессонными ночами, в голове стоял один вопрос: что делать?

17 сентября японцы начали обстреливать крепость из 11-дюймовых гаубиц. Эффект от разрыва 20-пудовых снарядов был ужасен. Они свободно пробивали стены казематов, своды фортов, на открытой местности оставляли огромные воронки. Восемь снарядов попало во 2-й форт, и ему были нанесены серьезные повреждения. Кондратенко, прибывший туда сразу после бомбардировки, еще больше помрачнел, хотя ожидал таких налетов со дня на день. Несколько улучшилось его настроение после бесед с собравшимися у свежих воронок солдатами. К удивлению генерала, новое мощное оружие противника не произвело особого впечатления на солдат и не поколебало их уверенности в своих силах, а тем более стойкости. Все они посчитали эти снаряды за 12-дюймовые с броненосцев. Не раз попадавшие под их огонь солдаты только удивлялись, как это японцу удалось дострелить до них. Не испугались они объяснения генерала. О новых гаубицах он им рассказал подробно.

— Вы, ваше превосходительство, не сумлевайтесь. Оно, конечно, хорошего мало в таком гостинце, но нас ить этим не возьмешь. Раз русский мужик принялся воевать всерьез, его только могила остановит. А вы, отец

родной, ведите нас смело, не подведем...

Бомбардировка окончательно выкристаллизовала ответ на долго мучивший его вопрос. На следующий день Роман Исидорович представил Стесселю письмо, в котором писал:

«Ваше превосходительство, милостивый государь Анатолий Михайлович! В настоящее время, пока Порт-Артур держится, наши неудачи на других театрах войны нельзя еще считать особенно унижительными, но если к неудачам присоединится потеря Порт-Артура и находящегося здесь флота, то, в сущности, кампания безвозвратно проиграна и наш военный неуспех принимает унижительный для нашего государственного достоинства размер. Рассчитывать на своевременную выручку Порт-Артура нашей армией или флотом едва ли возможно.

Единственным почетным выходом является заключение теперь, до падения Порт-Артура, мирных условий, которые, несомненно, можно до падения Порт-Артура установить не унижительными для народного самолюбия.

Очень вероятно, что государю доносят о событиях, освещая их несколько вразрез с действительностью. Истинное, правдивое, верноподданническое донесение, может быть, устранил большую беду от нашей Родины.

Посему, как высший представитель здесь государственной власти и лицо, облеченное царским доверием, не признаете ли вы возможным зашифрованной телеграммой на высочайшее имя донести об истинном положении дел здесь, на Дальнем Востоке.

Настоящее письмо мое написано только ввиду постоянного сердечного отношения вашего ко мне и моей глубокой уверенности в необходимости такого шага для блага России.

С чувством самого глубокого уважения и искренней преданности остаюсь вашего превосходительства покорный слуга.

Р. Кондратенко».

Обращаясь к Стесселю с подобным письмом, Роман Исидорович не мог предполагать, что уже через несколько месяцев современники оценят этот шаг как проявление большого гражданского мужества и государственного ума. Широко и смело охватив события, Кондратенко, по сути дела, предсказал их дальнейшее развитие и оказался прав.

Стессель же, получив письмо Кондратенко, не понял из него ровным счетом ничего. Для него это была бомба замедленного действия, которую надо было постоянно носить в кармане. Последовать совету Кондратенко, — значило бы поставить под удар свою карьеру, благополучие, ибо прямое

обращение к царю означало бы несогласие не только с Куропаткиным и Алексеевым, но и с самим самодержцем. Об этом Стессель даже боялся подумать и просто посоветовал Роману Исидоровичу выкинуть подобные мысли из головы.

— Стыдно, батенька мой, — довольно фальшиво изображал он возмущение. — никак не думал, что вы не верите в мощь нашей армии. Будем считать это письмо недоразумением.

Кондратенко не стал ничего объяснять генерал-адъютанту. Слишком очевидна была бесполезность дальнейшего разговора. Да и дело не ждало.

20 сентября японцы вновь начали активные действия. На штурм это не походило, но бои развернулись жестокие. Атаковав ночью Сигнальную гору, они заняли ее. Только к утру, с помощью крепостной артиллерии Кондратенко сумел вернуть эти позиции, чтобы уже больше не отдавать их до конца осады. Здесь впервые русские солдаты столкнулись с истинным лицом японской военщины. В отбитых окопах стрелки наткнулись на тела своих товарищей, зверски замученных самураями. Это была небольшая группа раненых, случайно, в пылу боя, оставленная в полуразрушенном блиндаже. Еще через четыре дня передовые отряды 11-й дивизии впервые вошли в мертвое пространство форта № 2. Начался новый этап борьбы — минная война.

Роман Исидорович, получив первые доклады о работах неприятеля под землей, приказал немедленно приступить к контрминным мероприятиям. Руководителем работ он назначил своего давнего соратника, опытного инженера подполковника Рашевского. Дальнейшие события покажут, что лучшего человека найти было трудно.

Активные действия пехоты противника несколько ослабили, но было ясно, что одними минными работами дело не кончится. Ноги должен был со дня на день начать новый штурм, попытаться еще раз использовать общую благоприятную обстановку. В этих условиях, помимо всеобъемлющей и тщательной подготовки к отражению очередных атак врага, дооборудования укреплений, надо было еще теснее сплотить защитников крепости.

Роман Исидорович после отказа Стесселя обратиться к царю внутренне приготовился к тому, что придется сражаться до конца и, по-видимому, погибнуть вместе с крепостью... Любимая, повторяемая везде и всегда фраза: «Гарнизон крепости не сдается, но гибнет с ней», определила в эти дни весь смысл дальнейшего существования. Но что чувствовал солдат? Готов ли он к самопожертвованию? В состоянии ли понять, что это не бессмысленное сопротивление, а объективная необходимость?

25 сентября в частях осажденного Артура был зачитан знаменитый приказ № 35 генерала Кондратенко:

«Прошу начальников участков обратить внимание ротных командиров и разъяснить нижним чинам, что упорная оборона крепости, не щадя своей жизни, вызывается не только долгом присяги, но весьма важным государственным значением Порт-Артура...

Упорная оборона, до последней капли крови, без всякой даже мысли о возможности сдачи в плен, вызывается сверх того тем, что японцы сами, предпочитая смерть сдаче в плен, вне всякого сомнения, проведут в случае успеха общее истребление, не обращая ни малейшего внимания на Красный Крест, ни на раны, ни на пол и возраст, как это было ими сделано в 1895 году при взятии Артура.

Подтверждением изложенного может служить постоянная стрельба их по нашим санитарам и добивание наших раненых, случай которого имел место даже 22 сентября при временном занятии Сигнальной горы.

Вследствие весьма важного значения Порт-Артура не только государь и вся наша родина с напряженным вниманием следят за ходом обороны, но весь мир заинтересован ею, а потому положим все наши силы и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие нашего обожаемого государя и достойно поддержать славу русского оружия на Дальнем Востоке».

В начале октября контрминные работы русских приняли широкий и организованный характер. Война под землей продолжалась. Японцы из наиболее близких параллелей, особенно у форта № 2, уже прокладывали минные галереи под капонир. Тогда Рашевский заложил две контргалереи и опередил противника. Но сравнительное затишье длилось недолго.

С утра 13 октября японская артиллерия начала громить форт № 2 11-дюймовыми снарядами. Доставалось и батарее литера Б. Затем огонь распространился на форт № 3, укрепление № 3 и Заредутную батарею. Начался третий штурм.

К этому времени сухопутная оборона крепости претерпела некоторую реорганизацию. Кондратенко из-за невозможности восполнить потери был вынужден перегруппировать силы. Было образовано три фронта обороны: Восточный, Северный и Западный. Самый беспокойный, Восточный, разбивался на участки, которые в зависимости от местности и характера боя обороняли от пяти до восьми рот. Общее командование осуществлял Кондратенко. Одним из отделов Восточного фронта командовал его ближайший помощник подполковник Науменко. Именно по его войскам, оборонявшимся от укрепления № 3 до батареи литера Б, японцы и нанесли главный удар.

Всего против оборонявшихся русских Ноги бросил в бой 70-тысячную армию с 400 орудиями. На направлении главного удара японцы превосходили защитников крепости по личному составу в шесть раз.

Артиллерийская подготовка продолжалась весь день 13 октября и несколько приутихла только к 8 часам вечера. Оглохшие от взрывов, насквозь пропитанные пороховым дымом, защитники рубежей вылезали из полуразрушенных блиндажей, откапывали двери капониров и спешно готовили орудия к атакам пехоты. За день, который из-за сплошной пелены дыма и пыли, окутавших позиции, скорее напоминал ночь, на фортах и укреплениях разорвалось десятки тысяч снарядов. Еще никогда, с начала обороны, крепость не несла таких потерь от артиллерийского огня. В ротах, занимавших траншеи перед фортами и укреплениями, в живых осталось по 10 процентов личного состава. Рота Квантунского экипажа из 180 человек потеряла 110. Многочисленными были и разрушения на укреплениях. Сильно пострадала артиллерия.

Еще не успела осесть на землю пыль от последних разрывов, как японцы поднялись в атаку по всему северо-восточному фронту. Скоро в районе форта № 3 и укрепления № 3 завязался рукопашный бой. Потери, понесенные от артиллерийского огня, не замедлили сказаться, и японцы утвердились на гласисе форта № 3 и в окопах впереди 3-го укрепления.

Роман Исидорович, прибывший к месту сражения, приказал контратаковать. Он, правда, слабо верил в успех контратаки — слишком велика была разница в силах, по надеялся немного задержать японцев и не дать им развить успех. Расчет оправдался. Неудачи двух предыдущих штурмов, стоившие японцам очень дорого, научили наступающих осторожности. Имея большое преимущество в людях и артиллерии, они все же не рискнули пойти дальше. Выигрыш во времени позволил Кондратенко провести перегруппировку. Последующие два дня японцы, непрерывно бомбардируя позиции, подтягивали резервы. Но и Кондратенко, умело маневрируя резервами, успевал усилить наиболее опасные участки.

Между тем осадная артиллерия, не жалея снарядов, продолжала бомбардировать форты № 2 и № 3, укрепление № 3, батарею литера Б и Курганную. Особое беспокойство у Романа Исидоровича вызывал форт № 2, на который непрерывно падали 11-дюймовые снаряды. Брустверы на форту были разрушены, бетонные казематы во многих местах пробиты, в живых оставалось не больше половины личного состава гарнизона. Не лучше дело было и на других — участках. На батарее литера Б исправным осталось одно орудие, на Курганной подбита 120-миллиметровая пушка... Артиллеристы крепости пострадали так сильно, что не могли вести не

только контрбатареиную борьбу, но и противодействовать японским саперам, работавшим на подступах к укреплениям. Последние успели многое: двумя взрывами обвалили потолок и стенку капонира форта № 2, подорвали правый капонир № 3. Кондратенко бросал все силы на восстановление разрушений, ожидая с часа на час начала атаки.

17 октября, после трехсуточной непрерывной бомбардировки, генерал Ноги отдал приказ о начале решительной, последней атаки. В 11 часов 30 минут японцы открыли шрапнельный огонь, а уже в 11.50 повели наступление на Куропаткинский люнет и батарею литера Б. Еще через час первые японские пехотинцы спустили штурмовые лестницы во рвы фортов № 2 и № 3.

На батарее литера Б через пять минут после начала атаки замелькал японский флаг, но сейчас же был сбит, а к часу дня защитники батареи окончательно выбили ворвавшегося туда врага. Штыковые контратаки повергали в ужас наступающих японцев. Оборонявшихся было впятеро, вдесятеро меньше, но и сражались они каждый за десятерых.

То же самое произошло и на Куропаткинском люнете. Его обороняло две роты с шестью мелкокалиберными пушками и двумя пулеметами. Еще с утра от артиллерийского огня погибло более половины солдат и офицеров, вышли из строя три орудия и пулеметы. И все-таки, когда батальон японцев в колоннах порочно поднялся в штурм, до бруствера сумела добраться только половина, а рукопашный бой на люнете затянулся до двух часов дня... Дело решила резервная рота стрелков. Без единого крика появились стрелки на бруствере и молча бросились в штыки. За какие-то двадцать минут большая часть атакующих была переколота, а остальные в ужасе побежали назад, бросая раненых, оружие, снаряжение.

Только частный успех имел противник и на позициях форта № 3. Японская пехота быстро и организованно спустилась в ров и заняла его, но дальше не продвинулась ни на шаг. Более того, осажденные, забрасывая рвы ручными гранатами и шаровыми минами, уничтожили практически всех находившихся там солдат. Особый эффект производили шаровые мины, применяемые по инициативе неугомонного лейтенанта Подгурского.

Роман Исидорович впервые увидел в деле эти разнокалиберные шары, стальные и чугунные, начиненные взрывчаткой, недели две назад. Подгурский демонстрировал свое детище во время проведения контрминных работ у форта № 2. Кондратенко контролировал тогда закладку одной из галерей и наблюдал первый эксперимент с минами. Рашевскому доложили, что в параллели, наиболее близко подходящей к форту, скопилось большое количество японских саперов. Пользуясь тем,

что находятся в мертвом пространстве и фактически защищены от орудийного и ружейного огня, японцы безнаказанно вели работы. Неоднократные вылазки русских охотников и проведенная дважды разведка боем успеха не приносили. Тогда и предложил Подгурский во время наиболее интенсивных работ обрушить на врага минный подарок. Местность благоприятствовала этому: японские параллели тянулись прямо под естественной горкой, на которой укрепились русские. Точность попадания Подгурский гарантировал, так как, помимо расчетов, он несколько раз скатывал к японцам колеса от телег и круглые валуны. Роман Исидорович, видевший раньше мины только в чертежах, непременно захотел увидеть их в деле.

С наступлением темноты, когда в японской параллели началась сильная возня, моряки по деревянным желобам быстро скатили к ним два стальных шара. Через несколько минут сверкнуло пламя и раздались один за другим два глухих взрыва. Трудно предположить, каков был результат взрыва, но в этой параллели японцы надолго прекратили работы...

Сейчас, во время третьего штурма, шаровые мины успешно применялись и против атакующих колонн противника. Одновременно с фортом № 3 было атаковано и третье укрепление. Это был, пожалуй, самый благоприятный для Ноги момент. От разрыва 11-дюймового снаряда начался пожар около склада с боеприпасами: загорелись заряды, стали рваться снаряды и бомбочки. Японцам удалось занять Третье укрепление, Куропаткинский люнет, часть форта № 2, но продержались они на них не более часа. В который раз, прекрасно сманеврировав резервами, Кондратенко выбил врага со всех русских позиций. К вечеру японцам удалось укрепиться только на гласисе Третьего укрепления.

Весь вечер и ночь на 18 октября прошли в перестрелке. К утру стало очевидно, что и третий штурм провалился. Правда, в пять часов пополудни Ноги отдал приказ о продолжении атак форта № 2, но вчерашние неудачи настолько подорвали моральные и физические силы его солдат, что длившийся почти без перерыва семичасовой бой более походил на методический расстрел вяло атакующих колонн пехоты. Японцы даже ни разу не вошли в прямое соприкосновение с обороняющимися и к часу ночи прекратили бессмысленное наступление.

Вновь, как и месяц назад, осадная армия не выполнила своей задачи. Ни одно из долговременных сооружений не перешло в руки японцев. Генерал Ноги по-прежнему проявлял поразительное тугодумие и упрямство в достижении своих целей. Ни о каком тактическом и оперативном искусстве здесь и не могло быть речи. Недооценивая силы противника и

явно переоценивая свои, командующий 3-й армией продолжал атаковать на широком фронте, разбивая силы и распыляя резервы. Наступала японская пехота скученно, зачастую во взводных, а то и ротных колоннах и несла от организованного огня с фортов большие потери. Имея на многих участках частный успех, японцы, как правило, не развивали его, стараясь окончательно закрепиться на занятых позициях, теряя тем самым время, а с ним и инициативу. Артиллерия, вместо того чтобы сосредоточить огонь на узком участке прорыва, постоянно вела огонь как по укреплениям, так и по городу, порту. Не помогли Ноги ни почти тройной перевес в живой силе, ни фанатичность и упорство японского солдата.

Однако было бы неверно считать причиной неудач японской армии только ошибки ее руководства. Главным виновником этого все-таки оставался русский солдат и матрос, своим мужеством и героизмом сумевший в очередной раз отстоять крепость, да русский генерал Кондратенко, в который раз продемонстрировавший свое оперативное мастерство, умение маневрировать огневыми средствами и резервами. Активный характер обороны, основанный на целенаправленных контратаках, который предложил Кондратенко, постоянно лишал противника инициативы и позволял быстро ликвидировать любой частный успех японцев.

Утром после почти недельного пребывания на передовых позициях возвращался Роман Исидорович в город.

В Артур въехали, когда позднее осеннее солнце ярко освещало редко застроенные, похожие на террасы улицы. Город менялся на глазах. Постоянные бомбардировки, движение войск наложили отпечаток на все его уголки. То здесь, то там прямо на дороге чернели давно никем не засыпаемые воронки, многие дома превратились в развалины. Вдалеке, чадя черным удушливым дымом, горел маслозавод. Отсутствие на улицах людей усугубляло мрачный и неприветливый вид города.

Лошадь неторопливым шагом двигалась к Старому городу. Кондратенко направлялся к штабу и чувствовал, как усталость овладевает всем его телом. Сзади тихо переговаривались адъютанты. Их голоса доносились издали, постепенно замирая.

— Эй, прапорщик, — крикнул за спиной уверенный голос.

Генерал встрепенулся и машинально обернулся назад. Небольшой санитарный поезд тянулся к морскому госпиталю. Состоял он из связанных попарно велосипедов, между которыми покачивались носилки с ранеными. Традиционных осликов и лошадей в городе почти не осталось. С недавнего времени конина стала редким деликатесом, на рынке китайцы бойко

торговали собачатиной...

У одноэтажного барачного здания гарнизонного собрания толпились офицеры. Рядом в воронке от 11-дюймового снаряда несколько казаков разводили костер. Возле воронки лежал еще один неразорвавшийся снаряд. На нем сидел молоденький офицер и перематывал портянки. Генерал придержал коня, с любопытством вглядываясь в эту картину.

— Поручик, голубчик, — повернулся он к Ерофееву, — не в службу, а в дружбу, что там такое происходит?

Ерофеев обернулся в минуту.

— Ничего особенного, ваше превосходительство. Однополчане продают с аукциона вещи убитых товарищей-офицеров, — доложил он и, увидев, что генерал не отрывает взгляда от переобувающегося офицера, добавил: — И это сейчас нормальная картина. Таких неразорвавшихся много по Артуру разбросано. Хоть этим пусть послужит русскому солдату.

Но Кондратенко был иного мнения.

— Позвольте с вами не согласиться, это далеко не так. А почему бы не использовать его взрывчатку? Да, надо поговорить с Белым. Нельзя ли переделать снаряды под наши орудия...

Ерофеев давно привык, что его командир и начальник не забывает о своих словах. Он мог, сопровождая повсюду генерала, видеть, как уже через неделю для японских снарядов в мастерских начали нарезать новые ведущие пояски, и они пошли в дело.

Очередная передышка для генерала не принесла ничего нового. Правда, теперь никого уже не надо было убеждать в необходимости самоотверженной работы. В ноябре месяце не только военные, но и все гражданское население активно включилось в дело обороны. К этому времени в Артуре было около семи тысяч раненых и больных. Забота о них легла на простых тружеников, которые работали в 25 вновь открытых госпиталях.

После почти трехмесячной осады портартурцы оставались непобедимыми, а крепость неприступной для врага. Ничтожные результаты японских штурмов поднимали еще выше моральный дух защитников.

Но Кондратенко видел, что положение крепости тяжелое. Уменьшилось число исправных орудий и снарядов к ним, особенно крупнокалиберных. На передовых позициях чувствовалась нехватка в живой силе, причиной убыли которой, помимо японцев, стали цинга, дизентерия, тиф... Роман Исидорович не случайно обратил внимание на неразорвавшийся снаряд. В дело надо было пускать все, что хоть как-то могло помочь укрепить оборону.

В ноябре месяце на кораблях оставались из офицеров только командир, старший офицер и механик, из команды — машинисты и часть комендоров. Все остальные давно были на позициях. Артур напрягал все силы: артиллерия ежедневно обстреливала врага, который, казалось, задался целью перерыть все вокруг позиций; охотники каждую ночь совершали вылазки в неприятельские сапы, саперы непрерывно вели контрминную войну. По ночам тысячи людей восстанавливали разрушенные оборонительные сооружения...

В этих условиях начальнику сухопутной обороны пришлось отвлекать внимание на новую заразу, пробравшуюся в Артур. По крепости поползли пораженческие слухи, и распространять их стал, не скрываясь, генерал Фок. К своим распространяемым среди офицеров запискам, порочащим Кондратенко, Горбатовского, Науменко, Рашевского, он присовокупил письмо, в котором откровенно призывал сдать крепость. «Осажденную крепость можно сравнить с организмом, пораженным гангреной, — писал Фок. — Как организм, рано или поздно, должен погибнуть, так равно и крепость должна пасть. Доктор и комендант должны этим проникнуться с первого же дня, как только первого призовут к больному, а второму вверят крепость...»

Роман Исидорович не обращал внимания на пустопорожнюю болтовню в свой адрес «бешеного муллы», как прозвали Фока в Артуре. Но оставить без последствий предательскую пропаганду не мог. Писать официальный рапорт он не стал, а в частном письме просил Стесселя оградить офицеров крепости от подобных наставлений. Кондратенко мало верил, что начальник укрепрайона примет решительные меры, но надо было хотя бы немного укротить зарвавшегося Фока.

Стессель, однако, не думал даже журить своего старого друга. Более того, он сам активно включился в работу по подготовке крепости... к сдаче. Пока это была еще хорошо замаскированная и глубоко продуманная деятельность, но вся цепь поступков и распоряжений, отдаваемых Стесселем в последнее время, говорили об этом. Прежде всего, пользуясь правом личного обращения к царю, генерал-адъютант, начал подспудно готовить его к возможной капитуляции, сообщая почти в каждом донесении завышенные сведения о потерях и заниженные о возможности крепости обороняться. Так, после третьего штурма он доложил царю, что снаряды пришли к концу, а между тем в Порт-Артуре к этому времени насчитывалось 213 562 штуки всех калибров. Стессель не мог не знать этих цифр, ибо все они отрабатывались в его штабе. Не менее странным был его приказ о минировании всех фортов и укреплений. Мысль эта принадлежала

все тому же Фоку, но Стессель развил ее и стал претворять в жизнь.

Кондратенко узнал об этом от коменданта форта № 2 поручика Фролова. Честный, принципиальный офицер нашел в себе силы воспротивиться приказу начальника укрепрайона и обратился к Роману Исидоровичу с рапортом. Кондратенко был взбешен и в самой решительной форме потребовал отмены этого абсурдного распоряжения. Ему с большим трудом удалось убедить Стесселя, что преждевременное минирование укреплений только подорвет веру солдат в свои силы.

Совсем неожиданным было решение Стесселя в начале ноября прекратить всякие оборонительные работы на второй и третьей линиях. Именно в то время, когда продолжалось усиление японской осадной армии, 2 ноября из Японии прибыли последние подразделения вновь сформированной 7-й дивизии, значительно пополнился парк 11-дюймовых гаубиц. Маршал Ояма лично прислал Ноги для усиления осадных работ три роты саперов. К середине ноября японцы овладели напольными рвами фортов № 2 и № 3, во многих местах проникли через рвы и достигли эскарпов. Ноги, обескураженный постоянными неудачами, не спешил с новым штурмом, но в Токио и главной квартире Маньчжурской армии придерживались иного мнения. Имея в тылу столь мощный укрепленный пункт русских, маршал Ояма не решался начать активные действия в Маньчжурии. Беспокоился и вице-адмирал Того, которому не давала покоя, хотя и медленно, но все-таки продвигающаяся вперед эскадра Рожественского. Ведь в Артуре оставались в боевой готовности довольно приличные морские силы. Все это вынудило японский генштаб, не считаясь с мнением Ноги, отдать приказ о новом штурме.

Вновь, как и месяц назад, Ноги наметил основными пунктами атаки батарею литера Б, Куропаткинский люнет, форты № 2 и № 3, Третье укрепление. На штурм шли четыре дивизии: 1, 9, 11, 7-я — всего более 50 тысяч человек. Задача перед войсками стояла прежняя: прорвать линию обороны, захватить форты и укрепления крепости.

Русские имели на передовых позициях и в общем резерве около 18 тысяч человек.

В 8 часов утра 13 ноября начался четвертый штурм. Как всегда, общей атаке предшествовала артиллерийская подготовка, продолжавшаяся без малого четыре часа. Особенно интенсивно обстреливался участок обороны от батареи литера А до Курганной. В полдень над фортом № 2 поднялся огромный столб дыма и пыли. Японцы произвели взрыв под бруствером. Сразу поднялась в атаку пехота. По всему Восточному фронту развернулись ожесточенные бои.

Роман Исидорович прибыл на передовые позиции накануне вечером, когда получил первое сообщение, что минные работы против фортов прекращены. Это было прямым сигналом к началу штурма. С началом артиллерийской подготовки Кондратенко разослал адъютантов по боевым участкам и теперь, принимая донесения, начал быстро налаживать управление. Приятно было видеть, как хорошо понимают его начальники отделов, связные, штабные офицеры. К 5 часам вечера стало ясно, что бой складывается удачно.

Пять раз пытались японцы ворваться на форт № 2, но безуспешно. Каждый раз их встречали картечь и хорошо организованный залповый огонь. Тактика действий наступающих не изменилась. Те же густые цепи стеной вставали под ружейно-пулеметный огонь, сметались картечью. Новые и новые роты атакующих лезли на бруствер, спускались в ров. В дело пошли ручные гранаты, мелинитовые шашки, шаровые мины. Ров форта был переполнен убитыми и ранеными японцами. Такая же картина была и на форту № 3. К вечеру там в живых осталось только 27 защитников, но и японцы, атаковавшие целый день выдохлись окончательно.

В направлении Куропаткинского люнета и укрепления № 3 бой носил еще более бесславный для неприятеля характер. К началу штурма японцы находились от этих укреплений всего в 50 шагах, но в первой же атаке понесли такие потери, что больше наступать не пытались.

За весь день Кондратенко только один раз направил роту моряков из резерва на батарею литеры Б.

Здесь японцы, несмотря на большие потери, ворвались в окопы на флангах батареи. Завязался рукопашный бой: в дело пошли штыки, саперные лопаты, топоры, кулаки. После обеда генералу донесли о критическом положении батареи. Туда сразу направили десантные взводы с «Пересвета», «Победы» и полуроту с «Амура». Моряки подоспели вовремя. Гранатами отсекали прорвавшихся на укрепление японцев от главных сил и в штыковом бою уничтожили их полностью.

День прошел хорошо. Только поздно вечером Кондратенко пришлось поволноваться. Задолго до начала общей атаки Ноги в тылу наступающих частей создал сводный отряд добровольцев. Три тысячи штыков под командой генерала Накимуры ожидали команды «вперед!» для развития успеха в случае прорыва. Отряд этот бездействовал весь день. Только затемно, когда японцам стало ясно, что атака восточного участка окончательно провалилась, Ноги приказал отряду штурмовать Курганную батарею. Вновь заговорила артиллерия. И почти сразу за огненным валом

Накимура повел своих добровольцев в атаку. Прожектор с Кладбищенской импани обнаружил противника, и артиллерия крепости открыла огонь. Но на батарее оставшиеся в живых защитники не успели занять места по боевому расписанию. Японцы ворвались на бруствер, затем и на внутренний дворик. Завязалась рукопашная. Кондратенко и здесь успел с резервами. Три роты моряков, около 500 человек, вышли с Третьего укрепления в тыл противника и с ходу ударили в штыки. В темноте атака была особенно успешна. Японцы думали, что на них обрушился по меньшей мере целый полк. Крики «ура!», казалось, неслись со всех сторон, и так же со всех сторон настигали их острые, безжалостные русские штыки. Отборный отряд Накимуры был частью истреблен. Остатки его обратились в паническое бегство. Самого генерала Накимуру, тяжело раненного, на руках вынесли с батареи.

Утром прискакавший с Курганной Ерофеев докладывал генералу Кондратенко, что похоронные команды насчитали вокруг батареи более 700 убитых японцев. 200 человек сгорело на проволочных заграждениях, через которые один из помощников генерала, минный офицер с броненосца «Пересвет» лейтенант Коротков, пропустил ток высокого напряжения. Эту идею Роман Исидорович приветствовал на испытаниях электрической изгороди. И вот теперь — результат этой работы.

Потеряв за сутки бесплодных атак до 10 процентов живой силы и так и не выполнив даже ближайшей задачи, Ноги приказал прекратить штурм Восточного фронта. Впервые за долгие месяцы осады он принимает единственно правильное, тактически обоснованное решение — бросить все силы на захват Высокой горы. Наконец-то командующий осадной армией понял, что с захватом Высокой он получит возможность вести прицельный огонь по всем точкам порт-артурской гавани, и решит главную задачу — уничтожение эскадры.

Атаковать район западных гор Ноги поручил частям 1-й и 7-й дивизий и приданной им резервной бригаде. Штурмуя одновременно Высокую, Дивизионную и Плоскую горы, японский генерал рассчитывал с взятием последних обеспечить полное окружение находящихся на Высокой частей с последующим захватом всех укреплений горы.

После октябрьских боев на Высокой была проделана большая работа. Углублены и снабжены дополнительными траверсами от продольного огня окопы вокруг вершин. На одной из вершин оборудовали специальный редут, на другой — батарею морских 6-дюймовых орудий. На блиндажи для личного состава уложили новые перекрытия из рельсов и камня. Все подступы к укреплениям перекрывались сплошной линией проволочных

заграждений и волчьих ям. Войсками, оборонявшими горы, командовал начальник 1-го отдела Западного фронта, командир 5-го стрелкового полка полковник Третьяков. Под его началом было около 4-х тысяч человек, из которых 500 находилось в общем резерве. Уже беглый взгляд показывает, что японцы имели почти пятикратное преимущество в личном составе, не говоря уж об артиллерии. Параллели противника находились от русских позиций всего в 100–150 шагах. Положение оборонявшихся усугублялось тем, что вокруг Высокой было много мертвых пространств, в которых атакующие могли спокойно накапливать резервы, с главных же укреплений обороны подступы к горе просматривались плохо.

Утром 15 ноября началась усиленная бомбардировка. Вели огонь осадная артиллерия, полевые гаубицы, артиллерия 1-й и 7-й дивизий. Укреплениям были нанесены серьезные повреждения. Однако начавшаяся в пять часов вечера атака проходила настолько робко, что через два часа окончательно захлебнулась.

Кондратенко, получив первые сообщения о бомбардировке Высокой, особенно не волновался, ибо в это, же время шел усиленный обстрел фортов № 2 и № 3, а около деревни Шуйшин группировались вражеские резервы. Вялая и неудачная атака японцев как бы доказывала, что японцы совершают отвлекающий маневр. Все же в глубине души Роман Исидорович боялся переориентации направления главного удара. Вечером, докладывая Стесселю положение дел на фронтах, он пытался высказать свои опасения, но начальник укрепрайона, так же как и его противник барон Ноги, недооценивал врага и считал, что в столь короткий срок японцы не успеют перегруппировать силы, тем более не откажутся прорваться в крепость кратчайшим путем. Следующий день подтвердил худшие предположения Кондратенко. С раннего утра град снарядов обрушился на укрепления Высокой. К восьми часам почти все блиндажи и укрепления на горе были разрушены. В атаку пошла пехота.

Ночью Роман Исидорович все-таки отправил к Третьякову адъютанта с приказанием подтянуть на гору резервные роты, подвезти боеприпасы и продовольствие. Адъютант вернулся в два часа дня с сообщением, что японцы непрерывно атакуют. Замечено также передвижение неприятельских войск в районе Голубиной бухты. Кондратенко не стал даже дослушивать доклад. Было ясно, где развернутся дальнейшие события.

Вечером Кондратенко прибыл на Западный фронт. В штабе 5-го полка, располагавшегося недалеко от позиций у подножия Высокой, царило оживление. Третьяков, увидав генерала, обрадовался и начал

обстоятельный доклад. Положение было серьезное. К пяти часам вечера бесперывные атаки японцев окончательно обескровили защитников горы. Вернувшийся на Высокую капитан Стемпневский просил у Третьякова подкреплений, но резервов у того не было. Полковник заметно волновался.

— Ваше превосходительство, час назад снял роту с Дивизионной и направил ее Стемпневскому, но опоздал. Японцы заняли окопы слева и справа от главного редута. Контратаки успеха не приносят. В связи с вашим прибытием прошу разрешить мне лично отправиться на гору и возглавить контратаки.

— Хорошо, голубчик, — прервал его генерал, — я на вас надеюсь, а сам пока подумаю о резервах...

Поздно вечером Роман Исидорович доносил в штаб крепости:

«Правый верхний и соответствующая часть нижнего редута на Высокой горе заняты японцами, а остальная часть редута в наших руках.

Проведенная нами два часа назад атака не удалась... Теперь полковник Третьяков делает распоряжения для новой атаки, лично находится на Высокой горе. Всего на Высокую к бывшему там гарнизону было послано четыре нестроевые роты, одна сводная рота и три роты запасного батальона, но все они очень слабого состава и без достаточной сплоченности, вследствие чего с наступлением темноты численность их чрезвычайно уменьшилась, и я принужден был послать на Высокую гору десантную роту и пятую роту 5-го полка, причем весьма вероятно, что понадобится дальнейшее усилие гарнизона Высокой... Редуты и блиндажи вследствие усиленной бомбардировки 11-дюймовыми бомбами почти совершенно разрушены.

Артиллерийский огонь теперь стих, но продолжают ружейный огонь и перебрасывание бомбочками. Раненых через перевязочный пункт прошло до 400 человек».

Едва Роман Исидорович успел отправить донесение, как с Высокой доложили, что Третьяков успешно атаковал и выбил японцев из занятых окопов.

Следующие два дня прошли в непрерывных боях. Позиции переходили из рук в руки. Обе стороны несли большие потери. Артиллерия сметала все, что появлялось на поверхности горы. Только за 17 ноября на вершине Высокой разорвалось более тысячи 17-дюймовых снарядов. Наблюдателям из Артура гора казалась сплошным вулканом.

За два дня боев 1-я дивизия понесла такие потери, что Ноги был вынужден заменить ее частями свежей, хорошо вооруженной дивизии. Русских сменить на горе было некому. Кондратенко бросил в дело четыре

роты резервистов, укомплектованные еще не оправившимися от болезней и ран стрелками и две десантные роты моряков. Заботясь о резервах, Роман Исидорович не забывал и самого солдата.

«Убить лошадь, сварить ее, порезать на порции и в таком виде отправить на Высокую гору, чтобы там каждый боец мог взять кусок мяса и хлеба и, вернувшись в окоп, съесть, когда ему будет удобнее», — писал он в одном из своих приказаний.

18 ноября в шесть часов утра японцы вновь поднялись в атаку. Ноги бросал в бой все большие массы пехоты. К девяти часам противник занял один из редутов. Создалась угроза для всей обороны. Правда, через час Третьяков вернул позиции, но в мертвом пространстве у подножия горы группировались новые колонны атакующих, а у Кондратенко больше резервов не было. В этих условиях Роман Исидорович приказал начальнику Северного фронта полковнику Семенову снять часть сил со своего участка и направить на Высокую. Враг снова был остановлен.

Днем в Голубиную бухту вошли японские канонерки. Одна из них, «Сайен», сразу подорвалась на mine и затонула. Это еще больше разозлило японцев. Артиллерийский огонь усилился. Скоро поднялась пехота. Кондратенко снимал роты со всех неатакованных участков, бросал их в бой. Теперь рота охотников с 4-го укрепления спасла позиции из почти безнадежного положения. К полуночи атаки прекратились. Измученные защитники принялись восстанавливать то, что хоть как-нибудь поддавалось восстановлению, строить новые укрытия. На Высокой, где каждые пять минут рвался 11-дюймовый снаряд, не говоря уж об остальных калибрах, восстанавливать было уже нечего. Из 45 блиндажей уцелело только два, батареи давно перестали существовать. Раненый полковник Третьяков продолжал оставаться на укреплениях и руководить инженерными работами, и только после второго, тяжелого ранения 19 ноября его сменил подполковник Сейфулин.

Ноги, невзирая на большие потери, продолжал активные действия. В дело вступили саперы, которые под огнем рыли сапы и параллели. Вечером 19 ноября бои вспыхнули с прежним ожесточением. Английский военный корреспондент при японской армии Эллис Ашмед Бартлетт писал: «...В течение трех дней — 19, 20, 21 ноября — артиллерия не прекращала бомбардировки, осыпая снарядами гребень Высокой горы и все на ней разбивая в щепы. Как русские могли держаться — необъяснимо: храбрость их, как обороняющейся пехоты, никогда не подвергалась более суровому испытанию, и никогда они не отвечали на вызов врага более доблестно и самоотверженно...»

22 ноября на Высокой сменилось несколько комендантов. Погибли Стемпневский, подполковник Бутусов, капитан Иващенко, за ним — подполковник Покровский. Последним комендантом был флотский инженер-механик Лосев. После полудня на горе выбыли из строя почти все офицеры, погибла большая часть гарнизона, ощущалась острая нехватка гранат, патронов. Кондратенко предпринимал отчаянные усилия для спасения укреплений. Он приказал Горбатовскому срочно направить с Восточного фронта две роты и доставить 100 тысяч патронов, Семенову снять с Северного еще две роты, просил у коменданта крепости моряков, но не успел с подмогой.

В 5 часов 30 минут вечера Высокая пала. Роман Исидорович плакал, не стыдясь слез.

— Это начало конца... — бросил он удивленно глядевшим на него офицерам штаба и вышел из блиндажа.

Генерал отсутствовал минут пятнадцать, а когда возвратился, все снова увидели деятельного и бодрого, такого привычного Кондратенко. Роман Исидорович приступил к организации контратаки. К штабу 5-го полка срочным порядком были стянуты охотничья команда с 4-го укрепления, рота моряков с «Баяна», остатки отступивших с горы солдат. Командование отрядом, насчитывающим не более тысячи человек, Кондратенко поручил человеку беззаветной отваги — полковнику Ирману. В восемь часов вечера разбитый на две колонны отряд поднялся в атаку, но силы были слишком неравными. К этому времени командир 7-й дивизии генерал Осака расположил на горе более четырех батальонов пехоты. В десять часов Роман Исидорович отдал приказ полковнику Ириану прекратить бой и отвести отряд за линию фортов № 4 и № 5. Одновременно всем частям, оборонявшим район гор, было приказано отойти за главную линию обороны.

Бартлетт позднее напишет: «...нельзя выразить удивления по поводу отступления русских с вершин Высокой горы, вследствие непрерывной бомбардировки было совершенно невозможно держаться: даже мышь не могла найти себе здесь безопасного укрытия».

В боях за Высокую потери русских составили 4 тысячи человек, японская армия потеряла до 12 тысяч.

Глава 8

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

23 ноября вечером, когда на Высокой был оборудован постоянный корректировочный пост, японцы открыли методический прицельный огонь по русской эскадре. Участь кораблей была предрешена. Правда, в создавшейся обстановке адмирал Вирен мог вывести эскадру в море и попытаться прорваться в нейтральные порты или в открытом бою нанести японскому флоту существенный урон. Но вновь испеченный адмирал преступно бездействовал, отдавая корабли на расстрел осадных батарей противника. Первой затонула «Полтава», после того как 11-дюймовый снаряд попал в артиллерийский погреб и вызвал взрыв боеприпасов. В «Ретвизан» попало более 20 снарядов, и броненосец в четыре часа дня затонул. Через два дня его судьбу разделили броненосцы «Пересвет» и «Победа». В тот же день погиб крейсер «Паллада» и был сильно поврежден крейсер «Баян».

27 ноября адмирал Вирен после совещания адмиралов и флагманов отдал приказ, первый пункт которого гласил:

«1) Судам вверенного мне отряда, за исключением броненосца «Севастополь» и крейсера «Баян», окончить кампанию и спустить флаги». Адмирал несколько запоздал с приказом, ибо последний из крейсеров «Баян» был поражен десятью 11-дюймовыми снарядами и затонул.

И только один «Севастополь» решил «погибнуть в бою». Еще 24 ноября его командир капитан 1-го ранга Эссен попросил у Вирена разрешения на выход броненосца и получил отказ. 27 ноября он все-таки вышел на рейд, бросил якорь в бухте Белый Волк и несколько суток вел отчаянную борьбу с японскими миноносцами, нанося им значительный урон. Получив серьезные повреждения, броненосец был затоплен своим командиром на 20-саженной глубине.

Артурская эскадра, всего год назад мало чем уступавшая Объединенному японскому флоту, прекратила свое существование. Моряки плакали, покидая свои суда. Чувство глубокой боли и ненависти они обратили на врага, штурмующего крепость, но надолго осталась в памяти простых моряков обида на тех, кто преступно, без боя позволил уничтожить корабли. Расплата настигнет адмирала Вирена через тринадцать лет, когда он в должности начальника Кронштадтского порта будет расстрелян революционными моряками Балтийского флота.

Роман Исидорович Кондратенко тяжело переживал потерю Высокой, но вида не подавал. В последнее время он стал замечать, что быстро устает, причем не физически, а морально. Болезни, преследовавшие его с ранней юности, перестали о себе напоминать. Зато часто наступала апатия. Или, наоборот, он быстро возбуждался, грубил без причины, даже подчиненным, чего ранее за ним не замечалось. Конечно, нервное напряжение от непрерывных боев, постоянное ожидание смерти могли вывести из себя кого угодно, но сам Роман Исидорович нынешнее свое настроение связывал с общими неудачами на фронте. В последнее время все вокруг уже не говорило, а кричало об этом: бездействие Маньчжурской армии, черепаший темп продвижения 2-й Тихоокеанской эскадры и гибель 1-й. Боль утрат, обида за армию, родину, которые стояли на грани поражения, делали жизнь невыносимой, и только большое внутреннее самообладание, нравственная чистота и высоко развитое чувство долга заставляли его трудиться с не меньшей энергией.

С падением Высокой и расстрелом судов эскадры на фронте наступило относительное затишье. Кондратенко начал опять обживать свой домик. Впервые за последние недели он приказал провести генеральную уборку, вновь появились чистые простыни, горячая вода. Только не стало привычных всем поздних обедов или ужинов, на которых не только весело проводили время, но решали многие важные вопросы, связанные с обороной Артура. Из постоянных друзей и соратников одни погибли, другие лежали в госпиталях, да и поздно было выдумывать новое. Борьба подошла к той точке, когда перед оборонявшимися встал один вопрос: как можно дороже отдать свою жизнь? Вечерами, если не выезжал в войска, генерал много читал, размышлял, пытался со всех сторон осмыслить создавшееся положение. Защитникам крепости выбирать не приходилось. У них оставалось одно — сражаться до конца, оттягивая на себя как можно больше сил, и, если придется, погибнуть с честью. Сделано ими было немало. Более 200 дней боролся Артур в тисках блокады, приковывая к себе одну треть находившихся в Маньчжурии японских войск. От сознания этого на душе становилось немного легче. Роман Исидорович садился за письма к жене, но странное дело: любивший раньше писать, он теперь с первыми строками впадал в меланхолию и бросал все бумаги. Только дело, давно ставшее привычным, любимым, необходимым, отвлекало от мрачных дум. И Кондратенко окунался в привычные заботы. Поймав себя раз на невольной грубости, он стал еще внимательнее относиться к подчиненным, особенно нижним чинам. Не считаясь с усталостью, выезжал он в любое время на укрепления. Особое внимание уделял контролю за

приготовлением горячей пищи, не забывал бывать в госпиталях.

После того как генерал Ноги начал саперные работы вокруг укреплений полевого типа, можно было предположить, что японцы окончательно отказались штурмовать крепость. Действительно, японский командующий решил брать крепость на измор, по частям. Защитникам от этого легче не стало. Японские саперы сосредоточили усилия против фортов № 2 и № 3 и не прекращали работ ни на час. С русских укреплений бросали гранаты, скатывали шаровые мины, артиллеристы били шрапнелью, но японцы продолжали работы.

2 декабря днем генерал Кондратенко получил донесение, что на 2-м форту японцы применяют удушающий газ. Он немедленно отправился на передовую. По дороге заехал в штаб и пригласил с собой начальника 2-го отдела Восточного фронта подполковника Науменко, там же к ним присоединился капитан Зангенидзе. Все это были старые соратники генерала, давно проверенные и надежные люди. Дорога прошла быстро, в оживленной беседе. Все единодушно пришли к выводу, что японцы вряд ли применили отравляющие вещества, а просто зажгли какую-то гадость. Большую часть времени друзья говорили о контрминной войне.

На форт их встретили комендант подпоручик Фролов и руководивший минными работами подполковник Рашевский. Действительно, ни о каких отравляющих веществах не могло быть и речи. Просто японцы зажгли в занятой ими части контрэскарпной галереи пропитанный чем-то войлок и вынудили защитников форта оставить галерею. Выслушав доклады, Кондратенко предложил всем осмотреть укрепление.

Обстрел начался неожиданно, когда генерал и сопровождающие его офицеры выходили из каземата. Пришлось вернуться назад. Роман Исидорович сел за карту, одновременно слушая Рашевского, который объяснял причины последних неудач, в контрминной борьбе. Обстановка была привычной. От близких разрывов дрожала земля, на мигающий язычок керосиновой лампы с потолка сыпались песок и земля. Офицеры тихо переговаривались. И только при приближении гула 11-дюймового снаряда умолкали... Было девять часов вечера, когда раздался оглушительный взрыв...

11-дюймовый гаубичный снаряд, пробив перекрытие, разорвался внутри каземата. От взрыва погибли генерал Кондратенко, подполковники Науменко и Рашевский, капитан Зангенидзе, еще пять офицеров и несколько солдат. Погибли разом те, о которых участник обороны Ф. И. Булгаков позднее напишет: «Для него и его достойных сотрудников:

Науменко, Рашевского... и других не существовало понятий: «не время», «поздно», «не наше дело» и т. п., что создавались формализмом и рутинной канцелярией. * Все они готовы были делать самое маленькое дело, не считаясь ни очередью, ни служебным положением».

Смерть Кондратенко потрясла защитников крепости. После гибели адмирала Макарова это была главная потеря для Артура, но в начале обороны смерть адмирала воспринялась не так остро. Сейчас, в самые тяжелые, критические дни осады, потеря Кондратенко была поистине невосполнима. 3 декабря в приказе по гарнизону было объявлено: «День 2 декабря есть день печали для нас, защитников крепости. В 9 часов вечера на форте № 2 убит бомбой наш герой, наша гордость — командующий 7-й Восточно-Сибирской дивизией генерал-майор Кондратенко...» 4 декабря после панихиды, на которую, несмотря на непрекращающуюся бомбардировку, собралось огромное количество народа, состоялись скромные похороны. Моряки и пехотинцы, артиллеристы и саперы — все двигались в скорбной процессии. В толпе было много раненых и гражданских лиц. На лафете, запряженном в пару лошадей, стояли гробы с телами Кондратенко и Науменко. Не было траурного оркестра и торжественного песнопения. Хоронили героев под звуки артиллерийской канонады и затихающей вдали ружейно-пулеметной перестрелки. В последнее время эта музыка была для погибших более близкой и знакомой. На кладбище у батареи Плоского мыса появились две новые могилы. Под большими белыми крестами лежали два друга-соратника. Рядом шли они по жизни, рядом и обрели вечный покой...

Уже после капитуляции в артурской газете «Новый край» было напечатано стихотворение Бельянинова:

*Нет, мы его оплакивать не станем —
Оплачут его там, где время есть для слез.
Он с нами вместе здесь осады бремя нес,
Он был всегда, везде, повсюду между нами.
То как простой солдат шел с цепью впереди,
То ночи напролет сидел за чертежами...
Никто не знал, когда он спит... С делами
Он жил, скорей горел... и на каком огне!
И сердце детское он сохранил в груди,
Смеялся он, как дети, простодушно...
Пусть кругом его бушует целый ад,
Его спокоен лик, его спокоен взгляд.*

*Умел глядеть в лицо он смерти равнодушно.
Где он — кругом его спокойствие царит —
Таким он был всегда — таким и в гробе спит.
И места нет слезам у тела его, нет!
Он сам сиял звездой; спокойный ровный свет
Ее погаснет ли в мгновенье ока?
Пускай звезда исчезла уж давно,
Но луч ее по-прежнему блестит.
Пройдут века, а ряду поколений
Все кажется, звезда еще горит...
И сколько слез, святых и чистых вдохновений
Она собой, погаснувши, внушит!..
И правнук правнукам расскажет про него,
Расскажет, как в годину испытаний
Родной страны здесь бился он, герой,
Как начертал искусною рукой
Преграды для врага на Угловой,
На Длинной и на той горе,
Что поднялась, как жертвенник, высоко!
Расскажет, как мечтал враг залететь далеко.
И как же падал он глубоко.
И форт второй, где зимние квартиры
Себе устроил враг во рву и там сидел,
Крича, что фортом он уж овладел.
А сам не смог взглянуть на русские мундиры!
Расскажет, как сюда, на форт второй,
Бесстрашный приезжал герой,
Как вид его внушал и мужество и силу,
И как нашел он там безвременно могилу,
С Нахимовым, с Корниловым сравним...*

Еще позже, по окончании войны, имя Кондратенко будет присвоено 25-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, одному из новых минных крейсеров, пяти городским начальным училищам. В Николаевской инженерной академии будет введена премия имени генерал-лейтенанта Кондратенко за лучший проект по фортификации. Памятники герою поставят в Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры, куда перевезут останки героя, в Георгиевском зале Николаевского инженерного

училища.

Это все будет память благодарного народа, а в те декабрьские дни гибель Кондратенко, несомненно, отразилась на судьбе крепости. С его смертью, по существу, кончилась оборона Порт-Артура. События стали разворачиваться с поразительной быстротой. Начальником сухопутной обороны вместо погибшего Кондратенко был назначен генерал Фок, и уже 5 декабря наши войска оставили форт № 2. Накануне ночью, когда японцы закончили саперные работы и всем стало ясно, что утром начнется штурм, Фок не только не усилил, а, наоборот, ослабил и без того малочисленный гарнизон, сняв с укрепления 140 человек. «Гарнизон форта № 2 в составе 275 человек я признаю при настоящих обстоятельствах чрезмерным», — писал он Горбатовскому.

В час дня японцы произвели взрыв форта и сквозь разрушенный бруствер бросились в атаку. Рукопашный бой с переменным успехом шел до полуночи, после чего лишенные подкреплений защитники форта оставили его.

Еще через десять дней японцы решили провести такую же операцию против форта № 3, заложив под его бруствер более шести тонн динамита. Форт № 3 нужно было держать во что бы то ни стало, ибо он являлся ключевым пунктом всей позиции, но маховик предательства закрутился с новой силой. Произведя взрыв, японцы пошли на штурм. После одиннадцатичасового боя русские, оборонявшие, по сути дела, одни развалины, не получив в подкрепление ни одного солдата, отошли, сжигая все, что может гореть. В плен японцы взяли только трех раненых солдат, а потеряли больше тысячи.

С оставлением форта № 3 Стессель наконец решил открыто заговорить о капитуляции. Положение было угрожающим, так как японцы на этом участке могли ворваться в город, но не безнадежным. В руках Стесселя оставались почти все укрепления, большое количество артиллерии и личного состава. Люди горели желанием сражаться и при умелой организации и четком руководстве творили чудеса. Но Стессель искал любого предлога к сдаче крепости. 16 декабря он собирает военный совет из старших начальников крепости: генералов, адмиралов, командиров полков, начальников штабов дивизий. Выступать, как было заведено, начали младшие. Начальник штаба 7-й дивизии капитан Головань высказался за продолжение борьбы. Примерно в таком же духе говорили и все остальные участники совещания, вне зависимости от чина и занимаемого положения. Генерал Белый заявил, что снарядов хватит по меньшей мере еще на два штурма. Генерал-майор Горбатовский сказал:

«Мы очень слабы, резервов нет, но держаться необходимо, и притом держаться на передовой линии». Такой же принципиальной позиции придерживались другие генералы: Смирнов, Надеин, Никитин. Настойчиво требовали продолжать оборону такие боевые офицеры, как Ирман, Семенов, Мехмандаров. За капитуляцию выступили только Фок да начальник штаба Стесселя полковник Рейс. Сам Стессель не ожидал такого поворота событий и, явно обескураженный, поспешил закрыть совет. Выразив свою благодарность участникам совещания за мужество и готовность продолжать борьбу, он в то же время направляет царю телеграмму: «Крепость продержится лишь несколько дней, у нас снарядов почти нет. Приму меры, чтобы не допустить резни на улицах». Царь исподволь подготавливался Стесселем к мысли о неизбежности капитуляции крепости, а сам Стессель, отправив через Чифу телеграмму, считал себя обезопасенным со всех сторон и ждал повода действовать. Такой повод вскоре появился.

Через день после совета японцы взорвали бруствер укрепления № 3. От детонации в потерне взорвался запас боеприпасов и окончательно разрушил каземат. Укрепление пришлось оставить. Для японцев это был большой успех, так как русские оставили первую линию обороны, но далеко не решающий. Однако Стессель немедленно отправил к Ноги парламентаря с письмом, в котором писал: «Принимая во внимание положение дел на театре военных действий, я нахожу дальнейшее сопротивление Порт-Артура бесполезным, и во избежание бесполезных потерь я желал бы вступить в переговоры о сдаче». Он отправил парламентаря, не предупредив об этом ни коменданта крепости, ни командующего эскадрой. По выражению все того же Бартлетта: «Падение укрепления 3-го дало Стесселю повод для капитуляции, за который он ухватился с неприличной торопливостью».

После проявленной Стесселем неприличной торопливости Фок распоясался окончательно и отдал приказ очистить Куропаткинский люнет, батарею литера Б и Малое Орлиное гнездо.

А на переднем крае продолжались упорные бои. Генерал Горбатовский, офицеры и солдаты и не думали сдаваться. Ожесточенные схватки происходили в районе Орлиных гнезд. Большое Орлиное гнездо отбивало атаку за атакой. Враг нес огромные потери и, не считаясь с этим, продолжал атаковать волнами. На русских позициях не переставали рваться 11-дюймовые снаряды. Горбатовский вел войну на два фронта — с японцами и приказами Фока. Когда он отправил на Большое Орлиное гнездо последний резерв — роту моряков, пришло донесение от

коменданта укрепления капитана Галицинского: «...надеюсь на богата на русского солдата». После этого стрелки и моряки отбили еще несколько атак. Нужны были резервы, и враг бы встал окончательно... Но погиб генерал Кондратенко, и больше никто не решался снять войска с неатакованных участков. И это несмотря на то, что войска Северного и Западного фронтов стояли на позициях, удерживаемых ими со времени боев за Высокую. Семь тысяч человек находилось в полнейшем бездействии.

Фок продолжал очищать укрепление за укреплением. Когда ему доложили, что по приказу Горбатовского войска продолжают сражаться, рассвирепел. «...Предписываю немедленно отдать распоряжение об очищении литера Б, — писал он во гневе. — Не заставьте меня принять побудительные к тому меры...»

Побудительные меры против героев обороны, против солдат и моряков, которые, не обращая внимания на его предательские приказы, продолжали борьбу, покрывая русские знамена неувядаемой славой!

Один из последних защитников Орлиных гнезд, подпоручик Гриневич, выступая впоследствии как свидетель на Порт-Артурском процессе, рассказывал, что солдаты, подходившие все время к нему группами по 5–6 человек с бомбочками, говорили: «Пришли умирать на Орлиное...» — и умирали как герои.

Ночью 19 декабря русские оставили первую линию обороны, но только первую. А представитель Стесселя полковник Рейс уже 20 декабря подписал в деревне Шуйшунь капитуляцию.

В ночь на 21 декабря Порт-Артур и его окрестности были охвачены пожаром. Матросы, солдаты, офицеры, не желая увеличивать трофеи японцев и не считаясь с приказами Стесселя, Фока, Вирена, уничтожали корабли, судовой док, артиллерийские склады, орудия и батареи.

В эту ночь для спасения полковых знамен, секретных документов и архивов в море ушел миноносец «Статный». Несмотря на то, что японцы усилили патрульную службу, он прорвался и благополучно достиг китайского порта Чифу. Так же, без особого труда, прорвались через блокаду миноносцы «Сердитый», «Смелый», «Властный», «Бойкий». Это лишнее доказало, что только трусость Вирена и Стесселя явилась причиной трагической и бесславной гибели Артурской эскадры.

Крепость капитулировала на 329-й день войны, после славной многомесячной обороны. Капитулировала преждевременно из-за прямого предательства Стесселя и его окружения. Из 60 укрепленных узлов было потеряно только 20. К моменту капитуляции прочно держали оборону

почти 25 тысяч штыков при почти 600 орудиях. В крепости оставалось более 200 тысяч снарядов, 4,5 миллиона патронов. Продовольствия бы хватило еще на два месяца обороны. Сотысячная армия Ноги была перемолота под Порт-Артуром, японский флот почти в полном составе был прикован к крепости.

Никто не ожидал столь быстрого конца, в том числе и сами японцы. Один из английских корреспондентов при армии Ноги, Норригард, писал, что в тот самый день, когда последовала сдача Порт-Артура, офицеры в штабе Ноги говорили ему, что падение крепости ожидается не раньше 1,5–2 месяцев. Поэтому «предложение русских о сдаче явилось неожиданным, хотя и приятным сюрпризом для японцев».

И все-таки слава русского оружия под Порт-Артуром была приумножена. На протяжении почти шестимесячной тесной осады, располагая почти пятикратным превосходством в живой силе, мощной осадной артиллерией, непрерывно снабжаемые боеприпасами и ощущая постоянную поддержку флота, японцы так и не смогли в открытом бою победить русского солдата. Эллис Бартлетт не мудрствуя лукаво писал: «История осады Порт-Артура — это от начала до конца трагедия японского оружия; только история осады, составленная по официальным документам главной квартиры, может раскрыть все тактические ошибки японцев, но подобная история едва ли появится в свет, пока настоящее поколение не сошло со сцены».

Действительно, японцы не спешили разбирать свои ошибки. Однако, справедливости ради, надо отметить, что сразу по окончании осады главный ее герой — барон Ноги писал генералу Тераучи: «...Единственное чувство, которое я в настоящее время испытываю, — это стыд и страдание, что мне пришлось потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие...» Если командующий осадной армией стыдился своей победы, то японские солдаты прочувствовали ее на собственной шкуре.

Тысячи русских солдат и матросов пошли в плен несломленными. Каждый из них, покидая в скорбном молчании легендарную артурскую землю, мысленно прощался с павшими товарищами. И вряд ли нашелся в то время хотя бы один артурец, который не вспомнил бы генерала Романа Исидоровича Кондратенко.

Потеря Порт-Артура и Артурской эскадры несомненно ускорила общее поражение России в войне. Пока в артурской гавани находилась боеспособная русская эскадра, пока крепость отвлекала на себя сотни тысяч солдат экспедиционного корпуса, ни в Маньчжурской армии, ни в

Токио не были уверены в успешном исходе войны. Основания к тому имелись. Хотя и медленно, но все же продвигалась вперед Балтийская эскадра Рожественского. Достаточно ей было появиться в Желтом море и соединиться с Артурской эскадрой, как обстановка на море резко менялась в пользу русских. Более того. Вся Маньчжурская армия маршала Ойямы могла быть отрезана от метрополии, лишиться баз снабжения, пополнения личным составом, вооружением, и даже бездарный Куропаткин, пожалуй, отважился бы на более решительные действия.

Именно поэтому в Токио делали все, чтобы ускорить падение Порт-Артура. Главная ставка не жалела резервов. Под Порт-Артур направлялись лучшие, наиболее подготовленные в военно-специальном, моральном отношении формирования. Несмотря на значительные потери флота, в том числе и в броненосцах, адмирал Того не уходил от Квантунского полуострова. Япония не жалела людей и средств, чтобы уничтожить Порт-Артурскую эскадру, взять крепость, надеясь в будущем с лихвой окупить потерянное. Для нее в Порт-Артуре лежал ключ к общей победе.

В этой связи просто удивительными кажутся все стратегические ошибки, нерешительность, бездарность, а порой и предательство некоторых генералов и адмиралов русской армии.

Весь период обороны Порт-Артура сопровождался поразительной беспечностью, отсутствием элементарной организованности и хоть какой-то бдительности со стороны главного командования. Стессель, Фок, Рейс встали на путь прямого предательства, но и Алексеев, Смирнов, Витгефт, Вирен своими безответственными действиями или, наоборот, бездействием недалеко ушли от коллег. Предупрежденный по различным каналам, вплоть до самых высочайших, зная о разрыве дипломатических отношений с Японией, Алексеев продолжал твердить, что японцы не посмеют на нас напасть и главное не поддаваться на провокации...

Совершенно секретный приказ Витгефта о выходе эскадры в море в тот же день становится известен врагу. Да и немудрено, ведь его публикуют в артурской газете «Новый край».

Наличие дальнобойной осадной артиллерии у японцев требовало вынесения рубежей обороны от крепости и упорной обороны их всеми родами войск. Генерал Фок же предательски отводит войска с передовых позиций, а Смирнов даже не протестует против этого.

Японцы, особенно после войны, будут старательно создавать легенду о блистательной работе своих разведчиков в Порт-Артуре. Но даже приблизительный анализ обороны может доказать безосновательность их выводов. Наоборот, следует удивляться, как это, работая в таких щадящих,

даже комфортных условиях, японская агентура проглядела установку минных полей в море, отсутствие у русских реальных сил в районе высадки, перегруппировки сухопутных сил и артиллерии во время всех четырех штурмов.

Примеров беспечности, а то и предательства некоторых русских военачальников во время обороны можно привести множество, но не только их черные дела в конечном итоге определили исход борьбы.

Судьба Порт-Артура была предрешена еще до начала войны. Как можно говорить о стойкой обороне, если заранее негодной оказалась организация как сухопутных, так и морских сил, если взаимодействие между ними даже не предусматривалось. Из-за взаимной неприязни высшего руководства армии и флота царя полнейшая неразбериха.

Высшее командование имело различные взгляды не только на военное искусство, но и на планы ведения предстоящей войны. Будучи в феврале 1903 года военным министром, Куропаткин в своем дневнике писал: «Много говорил с государем о флоте нашем, о необходимости не ослаблять наши сухопутные силы, ассигнуя много на флот. Говорил, что самое важное иметь сильный флот на Балтийском море, что Тихоокеанская эскадра тоже может находиться, за исключением части судов, укрытых в устроенной Порт-Артурской бухте, в Балтийском море, что мы от Японии отстоимся и сухопутными силами, и чем дальше на материк по Маньчжурии заберется к нам Япония, тем поражение ее будет решительнее. Что Порт-Артур уже в сем году будет приведен в такое оборонительное состояние, что будет в силах выдержать осаду 1,5 года. Что пока собирается наша сухопутная рать, может прибыть на Дальний Восток и наш флот из Балтийского моря».

Правда, в начале войны он будет считать сильный флот лучшим ограждением русских интересов на Дальнем Востоке, но, когда японцы высадятся в Маньчжурии, вновь вернется к своему первоначальному мнению.

Адмирал же Алексеев, занимавшийся в довоенное время в ущерб боевой подготовке превращением боевых кораблей в образцовый Квантунский экипаж, хоть и отводил флоту первостепенное значение в будущей войне, игнорировал любое проявление новаторской мысли, направленное на укрепление флота. Маньчжурскую армию наместник вообще считал вспомогательной воинской силой.

Были Макаров и Кондратенко. Но они, правильно оценивая события, не обладали той полнотой власти, которая могла бы существенно повлиять на дальнейший ход событий. А их безвременная гибель только ускорила падение Порт-Артура, поражение русской армии и флота.

С первой же атаки японских миноносцев на Артурскую эскадру началась цепь тяжелейших ошибок, происходивших в основном из-за отсутствия взаимодействия между армией и флотом.

Преждевременное отступление русских войск от границ Кореи на Ляоян и пассивность Артурской эскадры позволили японцам беспрепятственно высадить в районе Бицзыво целую армию, которая отрезала Порт-Артур от войск Куропаткина.

Преступное оставление генералом Фоком без упорной борьбы и при той же пассивности флота Цзинчжоуских позиций и дальнейший отвод войск в крепость позволили японцам занять порт Дальний. Через него они до конца войны будут снабжать не только осадную армию Ноги, но и войска в Маньчжурии.

Неподготовленная операция по деблокаде Порт-Артура, проведенная корпусом Штакельберга под Вафангоу, как и дальнейшая, по сути дела, выигранная, но закончившаяся неожиданным отходом Ляоянская битва, только ухудшили положение крепости.

Порт-Артур уже не мог обеспечить безопасность флоту, а тот из-за бездарности флотоводцев, несогласованности действий с сухопутным командованием не сумел прорвать блокаду и выйти на коммуникации, чтобы защитить свою базу и армию.

Таков был результат грубейших ошибок высшего военного руководства. Остается только удивляться, как в таких условиях работали Кондратенко, Макаров, Белый, Эссен, как могли они не просто спасти положение, но добиваться блестящих побед, которые могли вырасти в общий успех. Как могли в противовес предательству высшего командного состава тысячи русских солдат, матросов, офицеров упорно и самоотверженно драться, выполняя свой высший воинский долг перед Родиной. Это был тот самый народ, который на протяжении последних предвоенных лет обвинялся в неполноценности, забитости, сводился на уровень полускота. Некоторые газеты просто упивались описанием «грязных тифозных солдат», отмечали «отсутствие чувства собственного достоинства у русских», «холуйскую смесь злобы и зависти», «рабскую душу и животную покорность» русского мужика.

Военный корреспондент артурской газеты «Новый край» Е. Ножин на Порт-Артурском процессе расскажет: «Знаете, — неожиданно сказал мне Стессель, — с русским солдатом, этой сволочью, нужно уметь обходиться. Он ничего не понимает, кроме кулака и водки. С кулаком и водкой с ним можно чудеса делать. Все эти гуманности, школы, которые завели у нас в армии, только портят его. Нет ничего хуже грамотного солдата — пьяница

и непоправимый негодяй».

Его ярый противник, тоже оказавшийся на процессе в роли обвиняемого, генерал Смирнов называл солдатне иначе, как смердами, бегунцами, скотами.

Особым зверством отличался их сосед по скамье подсудимых генерал Фок. Для него все без исключения нижние чины были отъявленными мерзавцами, мошенниками, трусами и ворами. Даже в последние дни обороны, когда измученные боями защитники крепости сотнями умирали в лазаретах от ран, цинги и других болезней, Фок, проходя мимо несчастных, кричал: «Обросли жиром, сволочи!»

Но, к счастью, не только эти люди стояли во главе армии и флота, и не с ними русские солдаты и матросы шли в последний и решительный бой.

После войны будет сделано все, чтобы увести виновников национального позора от ответа. И все же через два года после окончания войны петербургские газеты объявили, что 27 ноября 1907 года в одиннадцать часов в помещении офицерского собрания, на углу Литейного проспекта и Кирочкой, Верховным военно-уголовным судом начнется слушание дела о преждевременной сдаче крепости ПортАртур.

Ровно в одиннадцать часов раздался звонок. Зал стих, и в тишине отчетливо прозвучала команда:

— Встать! Суд идет!

Справа из судейской комнаты вышло девять полных генералов и два генерал-лейтенанта. Они прошли на эстраду и разместились за длинным столом, на котором привычно возвышалось треугольное зеркало с петровскими уставами на гранях. Председатель предложил публике сесть, вставил орла на зеркало, и суд начался.

Обвинительное заключение гласило: «По указу его императорского величества Верховный военно-уголовный суд предъявляет подсудимому, бывшему генерал-лейтенанту Стесселю Анатолию Михайловичу, пятидесяти восьми лет от роду, генерал-лейтенанту Фоку Александру Викторовичу, шестидесяти четырех лет, генерал-майору Рейсу Виктору Александровичу, сорока шести лет, генерал-лейтенанту Смирнову Владимиру Николаевичу, пятидесяти двух лет от роду, следующие обвинения: бывшему генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту в отставке Стесселю: 1) в преждевременной сдаче крепости ПортАртур, не вызванной обстоятельствами обороны; 2) в неверных донесениях его величеству о положении дел в крепости ПортАртур, умышленно изображавших положение как совершенно безнадежное; 3) в допущении к распространению записок генерала Фока, подрывающих авторитет

некоторых начальников и командиров; 4) в самовольном оставлении в крепости Порт-Артур, вопреки прямому приказу о выезде в Маньчжурскую армию; 5) в самовольном отъезде в Россию, бросив на произвол судьбы подчиненный ему гарнизон, отправляющийся в плен в Японию...» Обвинительное заключение зачитывалось несколько часов, а суд длился несколько месяцев. По законам Российской империи только Стесселю за преждевременную сдачу крепости полагался расстрел. Его и требовал прокурор. Но уже одно то, что в качестве свидетелей обвинения было вызвано всего двадцать девять человек, а свидетелей защиты — девяносто шесть, говорило о том, что решение будет другим.

Так и произошло. 7 февраля 1908 года Верховный военно-уголовный суд вынес приговор, который гласил: «Суд постановил признать отставного генерал-лейтенанта Стесселя Анатолия Михайловича, пятидесяти девяти лет от роду, виновным в преждевременной сдаче крепости Порт-Артур, им не были использованы все возможности для продолжения ее обороны, что предусмотрено статьями свода военных постановлений, и приговорил его к смертной казни через расстреляние...»

Принимая во внимание, что под руководством Стесселя Порт-Артурская крепость выдержала невиданную в военной истории одиннадцатимесячную осаду и удивила весь мир героизмом его защитников, суд постановил ходатайствовать перед его величеством о замене смертной казни осужденному Стесселю десятью годами заключения в крепости...»

Царь помиловал Стесселя, и он целых (!) полгода просидел в Петропавловской крепости, откуда был выпущен по «высочайшему повелению в связи с ухудшением здоровья».

Фока, Смирнова и Рейса суд оправдал за отсутствием состава преступления. Все они благополучно выйдут в отставку с полным содержанием.

Осада и оборона Порт-Артура внесли много нового в военное искусство, существенно изменили характер боевых действий на суше и на море. Русско-японская война была первой войной нового машинного периода, и эта новизна особенно проявилась в артурских боях.

Место и роль Порт-Артура в войне подтвердило важнейшее стратегическое значение приморских крепостей, но опыт борьбы показал и их сравнительную уязвимость. Трагедия Порт-Артура заключалась не в том, что он был Стесселем и кучкой предателей сдан вообще, а в том, что сдан преждевременно, не до конца использовав все возможности сопротивления. Эта преждевременность дорого стоила России.

Оборона Порт-Артура наглядно продемонстрировала технические возможности вооружения будущих войн. Несравненно увеличилась дальность и разрушительная сила осадной артиллерии, но и оборонительные сооружения стали совсем другими. Севастопольские бастионы, состоявшие из мешков с песком и земляных фашин, сменили мощные железобетонные форты с бронированными полевыми сооружениями, электричеством и механизмами подачи боеприпасов, управления огнем.

Впервые при обороне Порт-Артура было применено новое грозное оружие — пулеметы, минометы, ручные гранаты, которые показали высокую эффективность как в оборонительном, так и в наступательном бою.

Оборона Порт-Артура внесла много нового в тактику и стратегию, в сам характер ведения боевых действий. Применение японцами дальноточной и скорострельной артиллерии, пулеметов должно было заставить их сосредоточивать всю огневую мощь на узком участке прорыва обороны. Другое дело, что они не сумели сделать из этого правильных выводов.

Оборона Порт-Артура показала необходимость глубокого расположения основных оборонительных объектов на местности, построения глубокоэшелонированной обороны.

Артиллерия получила совершенно необходимый опыт ведения огня с закрытых позиций, централизованного управления стрельбой с вынесением корректировочных пунктов и узлов управления с огневых позиций.

Пехота, неся огромные потери от пулеметного, шрапнельного и гранатного огня, окончательно перешла к рассыпному строю и переделалась в малозаметную на местности форму одежды типа «хаки».

Падение Порт-Артура стало ключевым моментом всей русско-японской войны. Прежде всего это сразу сказалось на положении Маньчжурской армии Куропаткина. Сто тысяч лучших солдат с мощной осадной артиллерией в середине февраля 1905 года присоединились к войскам маршала Ойямы. Правда, и Куропаткин к тому времени располагал трехсоттысячной армией, но поспешил отступить к Мукдену, претворяя в жизнь свой еще довоенный план. Пока он поджидал подкрепления из России, маршал Ойяма, усилив свои войска четырьмя дивизиями и двумя отдельными бригадами армии Ноги, перешел в наступление. Японцы спешили, напрягали последние силы. В конце февраля — начале марта произошло знаменитое Мукденское сражение. Его исход, по сути дела,

решил фланговый удар армии Ноги. И опять русские сами отдали победу врагу, благодаря ставшей уже неприличной бездарности Куропаткина и его помощников. Русские войска, понеся тяжелые потери, отошли на новые рубежи и закрепились на них. По стране прошло такое разочарование, что царь больше не мог спасти своего любимца. Куропаткин был смещен с поста главнокомандующего, но заменил его не менее бездарный, только уж совсем престарелый генерал Линевиц.

Через три месяца, 27–28 мая в Цусимском проливе была разгромлена Балтийская, или 2-я Тихоокеанская эскадра Рожественского, и сразу весь мир заговорил о поражении России в войне. Заговорили столь поспешно и безапелляционно, что в некоторой степени удивили и предполагаемого победителя.

Только Порт-Артур стоил японцам колоссальных жертв. Японская осадная армия начиная с высадки под Бицзыво и до конца осады потеряла убитыми, ранеными, умершими от болезней свыше 10 тысяч человек, в том числе более 10 тысяч офицеров. Если учесть, что в последний день осады армия Ноги насчитывала 97 тысяч солдат и офицеров, то следует сказать, что под Порт-Артуром русские войска последовательно сражались не менее чем с двухсоттысячной армией неприятеля. По официальному отчету главного хирурга 3-го армейского Восточно-Сибирского корпуса Б. Гюббенета, общее число погибших портартурцев составило 12 657 человек.

Небезынтересно отметить, что еще в то время многие военные авторитеты считали потери японцев значительно заниженными. Сами японцы признавали, что не учитывали легкораненых.

Потери японцев на море только во время осады составили более 5 тысяч матросов и офицеров. Из них 2 тысячи убито или утонуло. На «Иосино» — 319 человек, «Хацусе» — 492 человека. «Такасиго» — 274 человека. И это не считая судов, участвовавших во вспомогательных операциях. Значительные потери были и в кораблях.

Об уровне военного искусства японской армии и флота говорилось выше. Однако уместно еще раз напомнить, что сначала японцы упорно штурмовали крепость как простую полевую позицию. Потом также долго и безуспешно атаковали ее после проведения инженерных работ. Даже минные галереи и подрыв основания фортов не принес им успеха. Неумение правильно использовать артиллерию, психические атаки в ротных колоннах на пулеметы вызывали по меньшей мере недоумение у иностранных наблюдателей при японской армии. Если учесть, что самые подготовленные и боеспособные войска были под Порт-Артуром, уровень боевого мастерства остальной армии был и того ниже.

Вот что к лету 1905 года представляли из себя вооруженные силы победителя. Газеты Европы и Америки взахлеб славил японского дракона, сокрушившего одряхлевшего двуглавого орла, а в Токио все еще не решались поверить в случившееся. Япония просто не могла дальше продолжать войну. Император мобилизовал в армию до трех миллионов человек, но потери были настолько огромны, что в строй ставили шестидесятилетних стариков и четырнадцатилетних юнцов. На островах не осталось лошадей, деревни буквально вымерли, города опустели. «Японские запасы военных материалов приходили к концу. Финансы были в тяжелом состоянии. Даже руководители армии в Маньчжурии боялись, что если она слишком увлечется, то может быть разгромлена и потеряет все преимущества», — писал японский дипломат Исии Кикудзиро.

В роли миротворца, спасителя России и Японии выступил американский президент Теодор Рузвельт. Это была не личная инициатива, а воли могущественной финансовой олигархии, опутавшей весь мир. Банкиры Парижа и Лондона, Берлина и Нью-Йорка добились главного: колоссальной наживы за счет военных поставок воюющим странам, политического и экономического ослабления России и Японии, что, в свою очередь, гарантировало им новые займы, усиления своего и без того огромного влияния на мировую политику. В качестве победителя по известным причинам была выбрана менее опасная маленькая Япония.

ЭПИЛОГ

Сорок долгих лет хозяйничали японцы в Порт-Артуре, пока 22 августа 1945 года на его аэродроме не приземлились десять транспортных самолетов с советскими десантникам. Двести автоматчиков с майором И. К. Белодедом должны были обеспечить капитуляцию и разоружение японских сухопутных и морских сил порт-артурского гарнизона.

К этому времени Красная Армия окончательно сломила хребет более чем миллионной группировке японцев в Маньчжурии. Квантунская армия, самая боеспособная и хорошо вооруженная, почти пятнадцать лет угрожала Советской России. Не раз самураи пытались силой оружия проверить крепость нашего строя, но неизменно получали достойный отпор. Так было в 1938 году на озере Хасан и в 1939 году у реки Халхин-Гол. И вот в августе сорок пятого наступил час окончательной расплаты. Верные союзническому долгу, сразу после тяжелейшей войны с фашизмом, Советские Вооруженные Силы обрушили свою мощь на Квантунскую армию, чтобы окончательно разгромить очаг милитаризма на Дальнем Востоке, и в месячный срок выполнили свою историческую миссию. К концу августа в скорой капитуляции Японии уже никто не сомневался.

Десантники летели на операцию в приподнятом настроении. Не каждому выпадает честь первым вступить на землю, которую мужественно защищали в 1904–1905 годах их деды. Для ведения переговоров вместе с десантниками летел представитель Военного совета Забайкальского фронта, заместитель командующего генерал-лейтенант В. Д. Иванов. Основные силы наших войск находились еще на значительном расстоянии от крепости, в районе Таонаня, но это не остановило отважных десантников. Дерзкий рейд в тыл врага продолжался около двух часов. И вот в 17 часов 22 августа под крыльями самолетов показался Порт-Артур. Было видно в иллюминаторы, как из казарм выбегали японские солдаты и занимали оборону по краю летного поля. Раздались первые залпы по нашим самолетам, но истребители прикрытия, пройдя на бреющем полете, быстро рассеяли японских солдат.

В 17 часов 30 минут самолеты благополучно приземлились на летное поле, и десантники рассыпались по нему. В считанные минуты они разоружили гарнизон, взяв в плен более 200 японских солдат и морских пехотинцев. Захватив грузовики, гвардейцы бросились в город. За несколько часов они заняли телеграф, телефонную станцию, вокзал и порт,

на внутреннем рейде которого стояли японские корабли. Сторожевая охрана порта сдалась без боя и тут же была разоружена.

Пока отряды десантников пробивались к рейду, мимо знаменитого маяка, показывавшего в свое время путь адмиралу Макарову, майор Белодед доставил к генералу Иванову начальника гарнизона, командующего японским флотом в Порт-Артуре вице-адмирала Кабаяси.

Кабаяси, прибывший в сопровождении офицеров своего штаба, официально заявил советскому представителю о капитуляции гарнизона крепости, хотя она была уже занята советскими десантниками. Генерал Иванов принял из рук смущенного Кабаяси самурайский меч и возвратил его владельцу. Такую же процедуру проделали и офицеры штаба адмирала. Японцы не скрывали своей радости, получив назад холодное оружие.

К концу дня, когда большая часть гарнизона была разоружена и пленена, к советскому представителю прибыл начальник сухопутного гарнизона, который, в свою очередь, доложил о готовности сдаться в плен вместе с подчинёнными ему частями.

Ночь на 23 августа и весь следующий день продолжалось, разоружение гарнизона. Десантникам было не до сна. И все-таки каждый из них стремился увидеть редуты и форты, прославленные навек их отцами и дедами, посетить могилы предков, отдать им воинскую честь. Незабываемую картину представляли собою эти люди, берущие на память щепотку земли с места легендарных боев начала века.

В этот день в ПортАртур прибыла танковая бригада 6-й гвардейской танковой армии. 24 августа высадился воздушный десант моряков Тихоокеанского флота. А 25 августа на горе Перепелиная, где японцы поставили памятник в честь захвата ими русской крепости в 1904 году, взвился красный флаг. На землю, обильно политую кровью предков, твердо ступила нога советского воина. 328 дней длилась оборона крепости в 1904 году. Всего несколько часов потребовалось группе десантников, чтобы через сорок лет вынудить захватчика капитулировать.

6 сентября 1945 года в ПортАртур прибыл Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский, командующий 1-м Дальневосточным фронтом. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, командующий Забайкальским фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, Главный маршал авиации С. А. Худяков, маршал артиллерии М. Н. Чистяков и другие генералы и офицеры. Прибывшие осмотрели исторические места крепости, связанные с героической обороной Порт-Артура, посетили русское военное кладбище у подножия Саперной горы.

Там, где когда-то похоронили генерала Кондратенко, в братской могиле покоились останки четырнадцати тысяч русских воинов. У подножия монумента— восьмиметрового креста, вырубленного из белого искристого мрамора, лежал огромный венок, на красной ленте которого было начертано: «Вечная слава борцам, павшим в 1904 году за русскую крепость ПортАртур. От бойцов и офицеров Красной Армии, занявших город и крепость 22 августа 1945 г.».

Нет, не забыли потомки имен славных героев Артура, по достоинству оценили их мужество и героизм.

В Музее русско-японской войны, расположенном в здании бывшего унтер-офицерского собрания, на стендах располагалось множество фотографий, обязанных прославлять в веках мощь японской армии и флота. Но среди них была одна, на которую сразу обратил внимание маршал Василевский.

— Вот подлинный герой, душа обороны Порт-Артура! — с уважением сказал он, подходя к портрету генерала Романа Исидоровича Кондратенко.

Рядом с главным командным пунктом русской обороны, где многие часы проводил Роман Исидорович, стоит старая пушка, на стволе которой в августе 1945 года появились надписи:

«От Сталинграда до Порт-Артура — через Бухарест, Будапешт, Вену и Прагу. Гвардии капитан Глинский. 22 августа 1945 года».

«Водрузили знамя Евдокимов И. Ф., Харченко Г. С., Бацул С. М. 4.09.45 г. Танкисты».

«ПортАртур наш!»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Р. И. КОНДРАТЕНКО (1857–1904)

1857, 30 сентября — Родился в Тифлисе.

1867, октябрь — Переехал вместе с семьей брата Елисея Исидоровича в Петербург.

1868, август — Поступил в Полоцкую военную гимназию.

1874, июнь — Окончил в числе первых военную гимназию.

1874, август — Поступил в Николаевское инженерное училище.

1877, июнь — Окончил в числе первых училище. Произведен в подпоручики и направлен для прохождения службы в 1-й Кавказский саперный батальон.

1877–1879 — Служил на Кавказе в качестве командира саперного взвода. Произведен в поручики.

1879, август — Поступил в Николаевскую инженерную академию.

1881, июнь — Окончил академию и направлен на должность военного инженера в Чорохскую инженерную дистанцию, в Батум. Произведен в штабс-капитаны.

1881–1883 — Работал над проектом Михайловской крепости. Защита проекта в Петербурге.

1885, июль — Зачислен в старший класс академии Генерального штаба.

1886, июнь — Окончил академию. Произведен в капитаны и назначен в распоряжение штаба Виленского военного округа.

1886–1887 — Служил на должности старшего адъютанта 26-й пехотной дивизии.

1887, 3 марта — Назначен командиром 7-й роты 119-го пехотного Коломенского полка в местечко Заславль.

1887, июль — Участвовал в полевой выезде офицеров Генерального штаба. Начал работать над новым дальномером.

1887, 7 сентября — Закончил командовать ротой.

1888, февраль — Назначен на должность штаб-офицера при управлении местной бригады в городе Минске.

1888–1891 — Служил в управлении. Закончил работу над дальномером. Произведен в подполковники.

1891, март — Назначен для отбытия ценза командиром батальона Коломенского полка.

1891, 18 сентября — Женился на Надежде Дмитриевне Потапчиной. Назначен в штаб Виленского военного округа.

1892 — За отличие в службе произведен в полковники.

1895 — Назначен командиром 20-го пехотного Сувалакского полка.

1897, январь — Последняя поездка к родным в Тифлис.

1900, январь — Назначен в комиссию по образованию войск в Петербург. Пишет настольную книгу офицера.

1900, апрель — ноябрь — Участвовал с полком в походе на Дальний Восток для подавления боксерского восстания в Китае.

1901 — Произведен в генерал-майоры с назначением дежурным генералом штаба Приамурского военного округа.

1903, декабрь — Назначен командиром 7-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады в Порт-Артур. Развертывание бригады в дивизию.

1904, 26 января — Нападение японского флота на Порт-Артурскую эскадру. Начало войны. Назначен ответственным за совершенствование сухопутного участка обороны крепости.

24 февраля — Прибыл в Порт-Артур вице-адмирал С. О. Макаров.

31 марта — Активные действия флота. Работа по созданию сухопутной обороны.

31 марта — Погиб на броненосце «Петропавловск» С. О. Макаров.

2 апреля — Высадка японцев в бухте Кинчан. Первые бои на сухопутном фронте.

12 мая — Цзинчжоуское сражение. Отступление с перешейка. Кондратенко добился вывода войск на передовые позиции.

20–22 июня — Бои на передовых позициях. Боевое крещение Кондратенко.

13–17 июля — Последние бои на перевалах и Волчьих горах. Отход в крепость. Назначен начальником сухопутной обороны Порт-Артура.

25–28 июля — Бои за Дагушань и Сяогушань. Последний бой Порт-Артурской эскадры.

6–11 августа — Первый штурм крепости и первое крупное поражение в войне японской армии.

6–9 сентября — Второй штурм крепости. Начало японцами осадных работ.

17 сентября — Первая бомбардировка крепости 11-дюймовыми

снарядами. Начало минной войны.

13–18 октября — Третий штурм крепости. Слава Порт-Артура.

13 ноября — Начало четвертого штурма крепости.

22–23 ноября — Падение Высокой горы. Начало расстрела кораблей эскадры.

2 декабря — Гибель Р. И. Кондратенко на форте № 2.

22 декабря — Капитуляция Порт-Артура.

1905, 12–25 сентября — Неделя памяти Р. И. Кондратенко. Похороны останков героя на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

1945, 22 августа — Освобождение Порт-Артура советскими десантниками.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

P. Kondratenko

Мария Филипповна Кондратенко — мать Р. И. Кондратенко.

Исидор Денисович Кондратенко — отец Р. И. Кондратенко.

Роман Кондратенко.

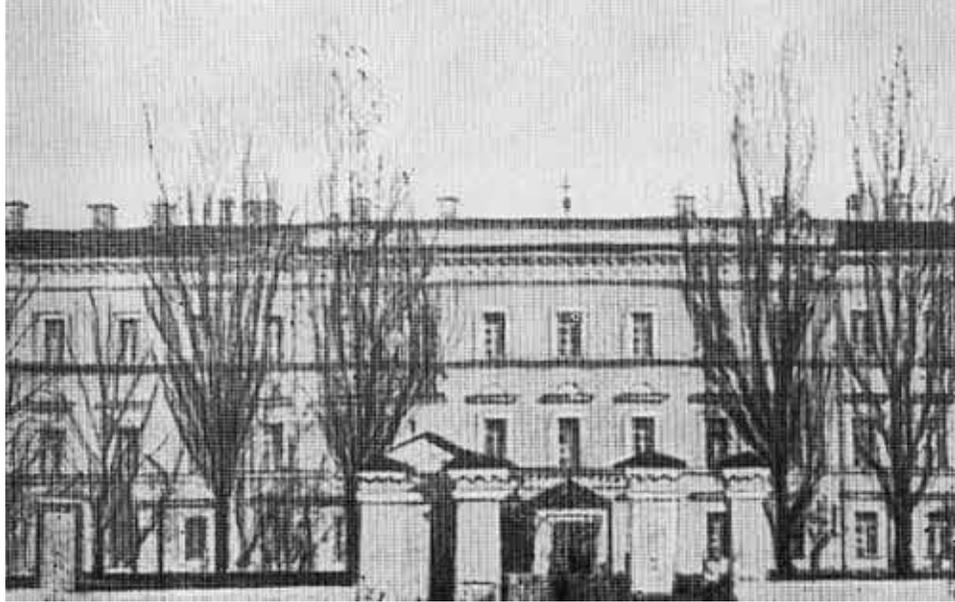
Р. Кондратенко.

Вид Петербурга.

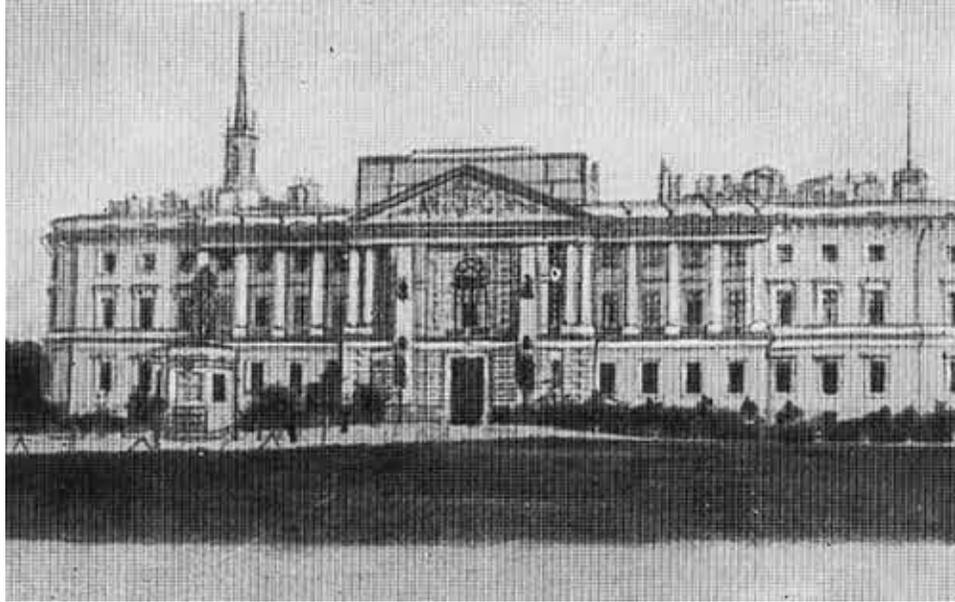
Р. Кондратенко — воспитанник Полоцкой военной гимназии.

Полоцкий кадетский корпус.

Р. Кондратенко — юнкер Николаевского инженерного училища.

Инженерный замок.

Штабс-капитан Р. И. Кондратенко. 1881 г.

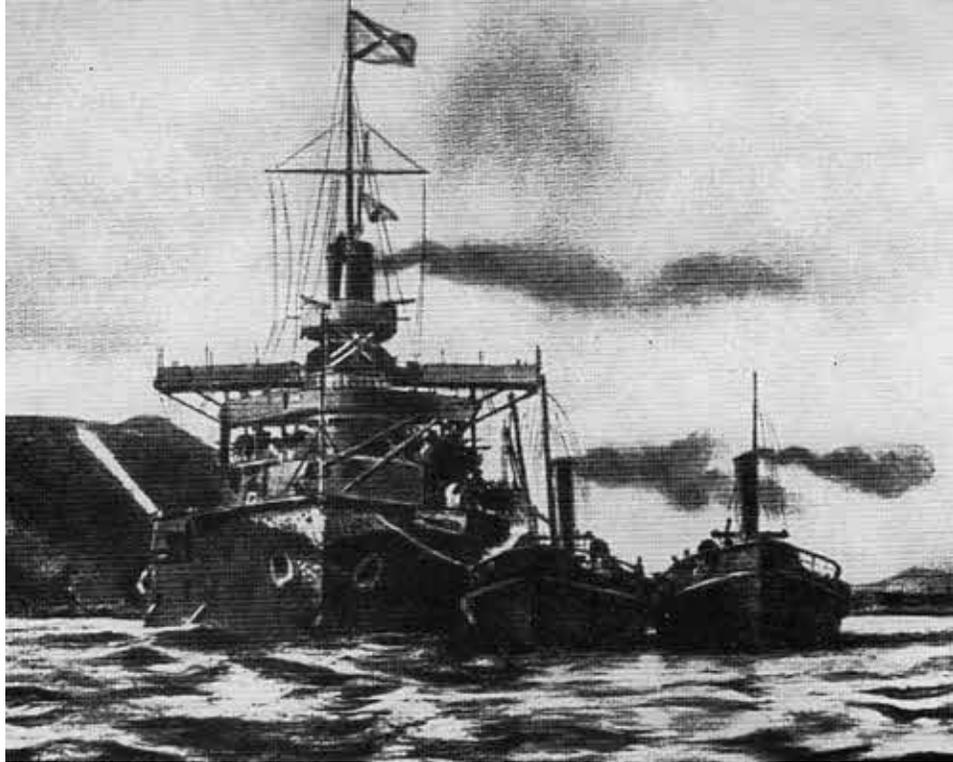
Капитан Р. И. Кондратенко. 1884 г.

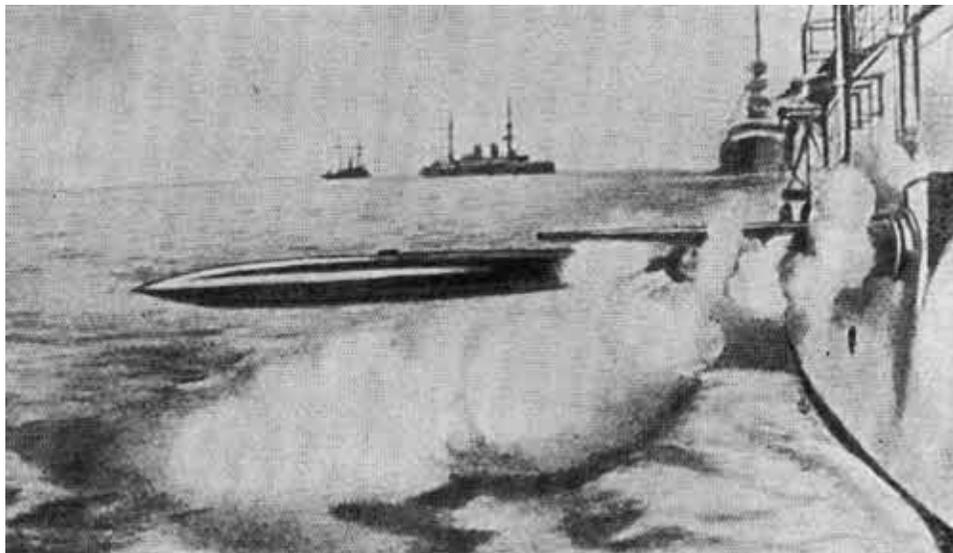
Р. И. Кондратенко — Генерального штаба подполковник. 1888 г.

Елисей Исидорович Кондратенко.

Поврежденный броненосец «Ретвизан».

Выстрел торпеды с миноносца.

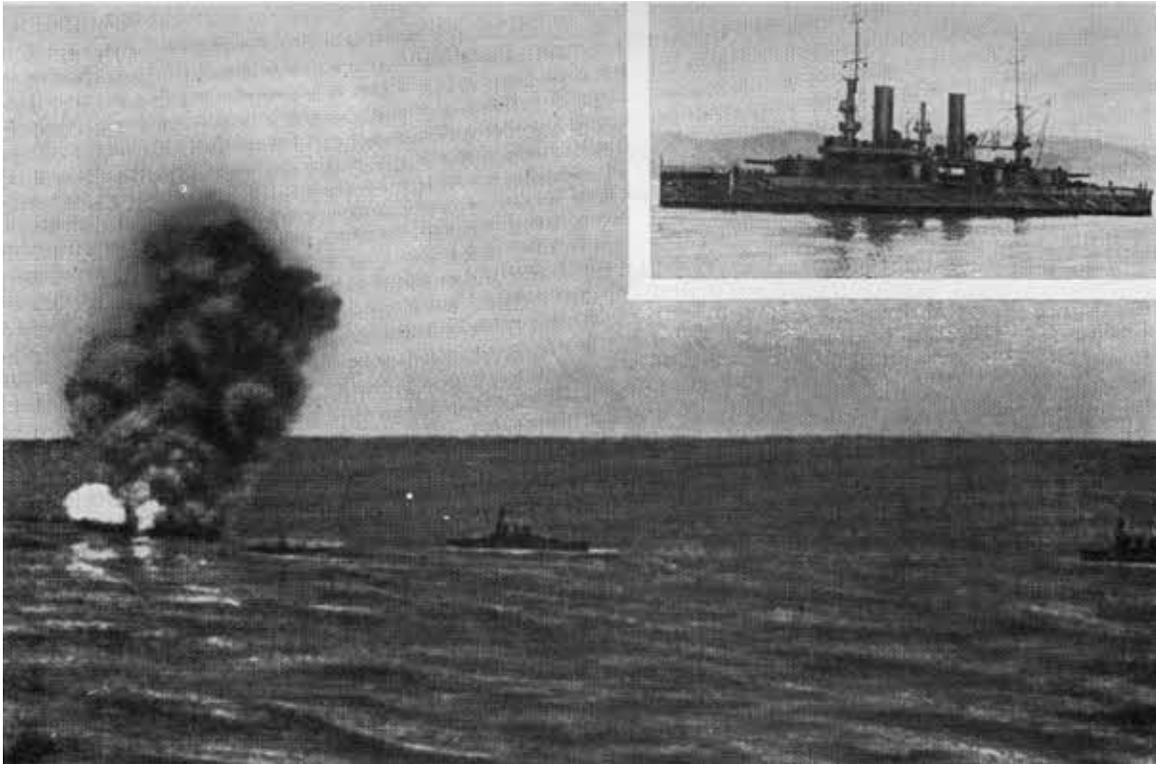
Вход в гавань Порт-Артура.

С. О. Макаров.

Общая панорама Порт-Артура.

Корабль «Петропавловск».

Гибель «Петропавловска».

Схема боя на Кинчжоуской позиции 26 мая 1904 г.

Улица в Порт-Артуре.

Работы на укреплениях в Порт-Артуре.

Японские солдаты в передовых окопах перед Порт-Артуром.

Рядовые охотники портартурцы.

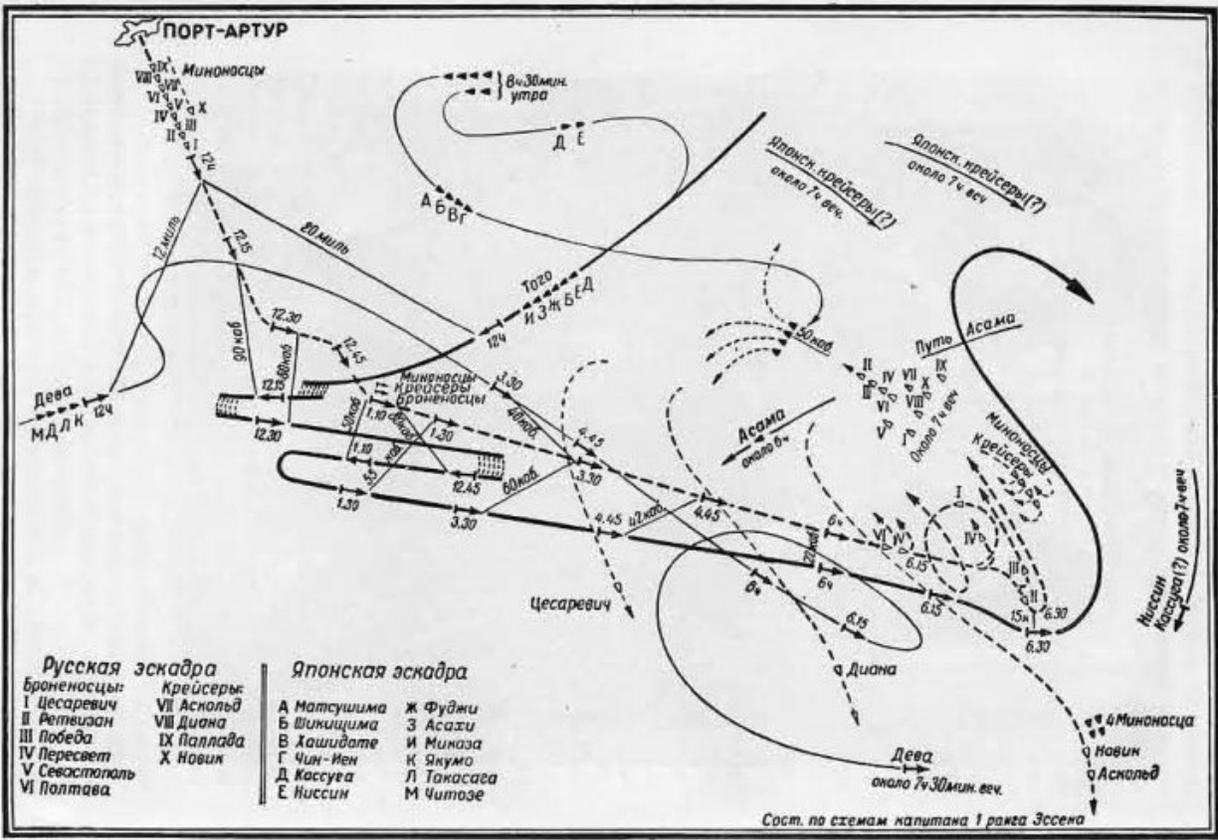
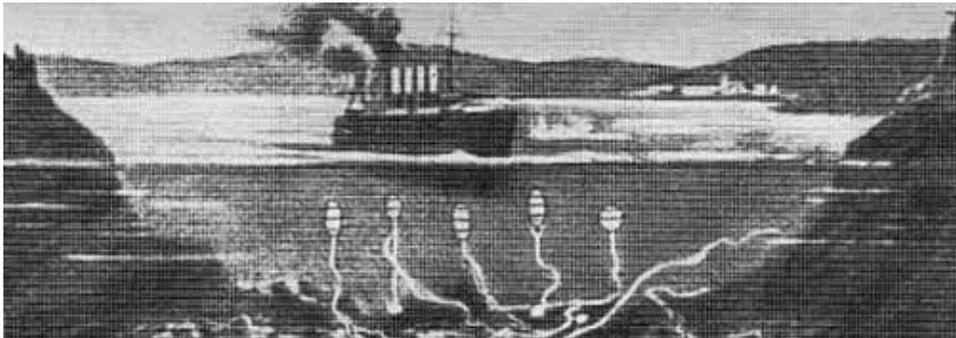
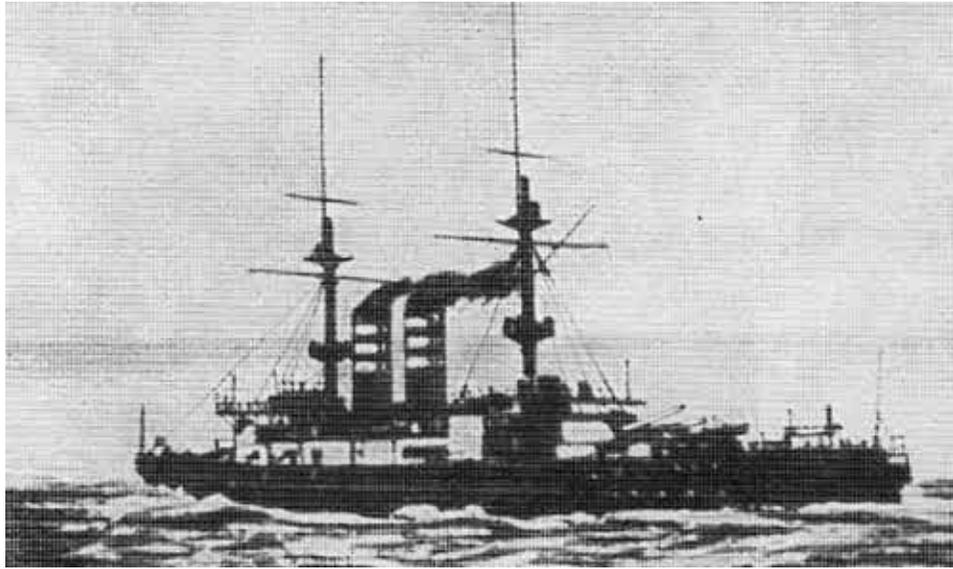

Схема морского боя.

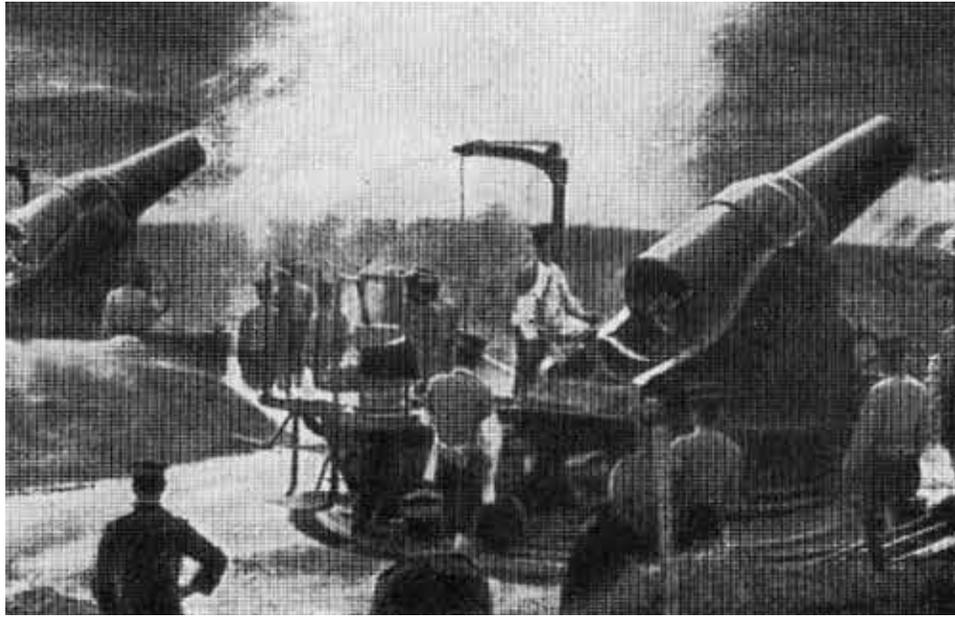
Вид подводных минных заграждений.

«Микаса» — японский броненосец во главе эскадры, производящей нападение на ПортАртур.

Мортирная батарея перед боем.

Японская осадная батарея.

Р. И. Кондратенко.

Схема расположения осадной армии.

Последняя атака японцев на высоту 203 м.

Рота моряков-десантников в Порт-Артуре.

На форту № 2.

Группа защитников Порт-Артура. В центре Р. И. Кондратенко.

Минный аппарат для стрельбы на суше.

ПортАртур.

Атака Высокой горы.

Похороны генерала Р. И. Кондратенко в Порт-Артуре.

(Вверху)

Подземный бой в скалах под фортами Порт-Артура.

Жена Р. И. Кондратенко с сыном Н. Р. Кондратенко.

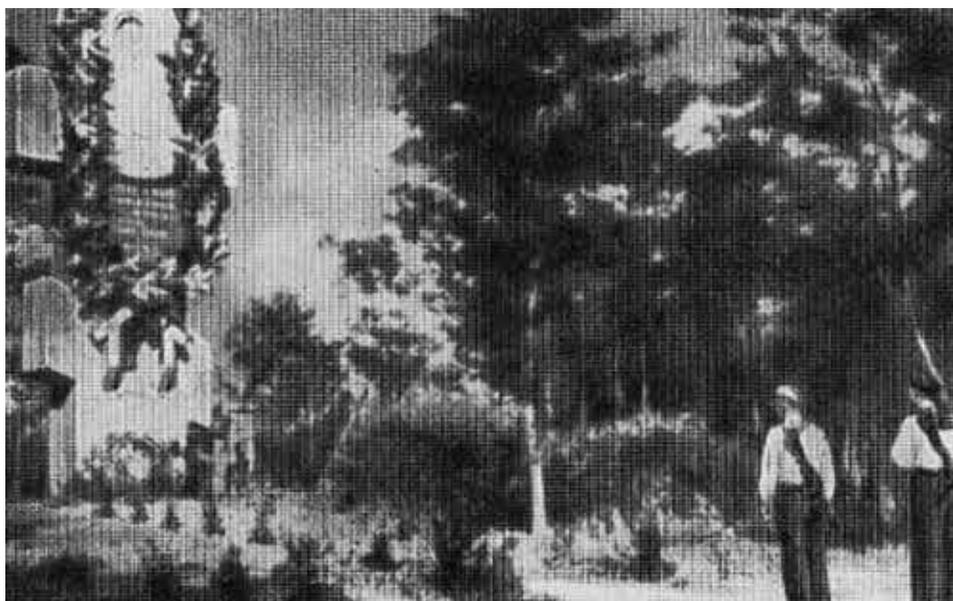
Похороны Р. И. Кондратенко.

Памятник Р. И. Кондратенко.

«Земля на память».

Памятник русским героям в Порт-Артуре.

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ленин В. И. Собр. соч., изд. 4-е, тт. 4, 6, 7, 8, 22, 23.

Апушкин В. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Изд. 2-е. «Образование». 1911.

Бартлетт Э. А. Осада и капитуляция Порт-Артура. Перев. с англ. Ген. штаба полк. Романовского. Спб., изд. Березовского, 1907.

Баумгартен О. А. В осажденном Порт-Артуре (Дневник сестры милосердия). 1906.

Беломор А. Порт-артурская эскадра накануне гибели. Спб., 1908.

Булгаков Ф. И. Порт-Артур. Японская осада и русская его оборона с моря и с суши, тт. 1–2, Спб., 1905.

Веревкин Н. (артурский обыватель). Странички из дневника. 1905.

Виноградский А. Н. История русско-японской войны 1904–1905 гг. Вып. 1 и 2. Спб., 1908–1912.

Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера. Спб., 1906.

Галицинский А. На позициях Порт-Артура. Из дневника ротного и батальонного командира, 1907.

Гюббенет Б. В осажденном Порт-Артуре. Спб., 1910.

Джемс Д. Осада Порт-Артура (перев. с англ.). Спб., 1907.

Дело о сдаче Порт-Артура. Отчет, изд. Березовского. Спб., 1908.

Добротворский Л. Ф. Уроки морской войны. Кронштадт, 1907.

Егорьев Е. Операция владивостокских крейсеров. Военмор-пздат, 1939.

История русской армии и флота, т. 6, 8, 15. Изд. «Образование», 1913.

История русско-японской войны. Ред. — издатели М. Е. Бархатов и В. В. Функе, тт. 1–6. Спб., 1907–1909.

Колчигин Б. и Разин Е. Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., Воениздат, 1939.

Костенко М. И. Осада и сдача крепости Порт-Артур (мои впечатления). Киев, 1906.

Костюшко. Ноябрьские бои на Высокой горе под Порт-Артуром. 1906.

К Порт-артурскому судебному процессу. Обвинительный акт. Спб., 1908. (прилож. в № 1 «Военного сборника» за 1908 г.).

Куропаткин А. Н. Отчет ген. — ад. Куропаткина, т. 4. Спб., Варшава,

1906–1907.

Ларенко П. Страдные дни Порт-Артура. Хроника военных действий и жизни в осажденной крепости с 26 января 1904 г. по 9 января 1905 г. По дневнику мирного жителя и рассказам защитников крепости. Чч. 1 и 2. Спб., 1906.

Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., Воениздат, 1943.

Летопись войны с Японией. Вып. 1—34, изд. Дубенского.

Макаров С. О. Рассуждения по вопросам морской тактики. Военмориздат, 1943.

Миткевич В. и Дубенский Д. Роман Исидорович Кондратенко. Спб., 1908.

Журнал «Морской сборник» за 1904–1913 годы.

Норригард Б. Великая осада. Порт-Артур и его падение. Перев. с англ) Спб., изд. Березовского, 1906.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию войны, т. 8. Оборона Квантуна и Порт-Артура. Ч. 1, 2. Спб., 1910.

Описание военных действий на море в 1937 и 1938 гг. Мейдзи (в 1904–1905). Составлено морским генеральным штабом в Токио. Перев. с японского, тт. 1–4. Спб., Морской генеральный штаб, 1909–1910.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. Гиз, 1923.

Письма Романа Исидоровича Кондратенко. Сообщ. А. Г. Авчинников. — Журнал «Братская помощь», 1907, № 3—10.

Романовский Ю. и Шварц А. Оборона Порт-Артура. Ч. 1 и 2. Спб., 1908 и 1910.

Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. Ч. 1 и 2. Спб., 1906–1907.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. Кн. 1—12, 1910–1917.

Сеппинг Райт. С адмиралом Того. Описание 7-месячной действительной службы под его командованием (Порт-Артур). Перев. с англ. Спб., изд. Березовского.

Тадеучи Сакурай. Живые ядра. Очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром. Перев. с англ. Спб., изд. Березовского, 1909.

Тетмай. Куропаткин и его помощники. — «Русская быль». Вып. 30. Спб., 1913.

Шишко. Одиннадцатимесячное сидение в Порт-Артуре (рассказ

участника обороны Порт-Артура), Изд. Сытина, 1905.

INFO

К 90

Куличкин С. П.

Кондратенко. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 286[2] с., ил. —
(Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 702).

ISBN 5-235-01008-6

ББК 63.3(2)51

К 4702016201—181/078(02)—89 КБ-055-055-88

ISBN 5-235-01008-6

Куличкин Сергей Павлович

КОНДРАТЕНКО

Заведующий редакцией *С. Лыкошин*

Редактор *В. Левченко*

Младший редактор *А. Никитин*

Художественный редактор *А. Степанова*

Технический редактор *Г. Варыханова*

Корректоры *М. Пензякова, Т. Пескова, Н. Хасаия*

Сдано в набор 23.11.88. Подписано в печать 03.04.89.
А00865. Формат 84X108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л.
15,12+1,68 вкл. Усл. кр. — отг. 18, 79. Учетно-изд. л. 18,4. Тираж
100 000 экз. Цена 1 р. 40 к. Заказ 2674.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Адрес НПО: 103030, Москва, Суццевская, 21.